Д. И. Никифоровъ.

Старая Москва

Описаніе жизни въ Москвѣ со временъ Царей до двадцатаго вѣка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Съ 45 иллюстраціями и портретами прежнихъ дѣятелей.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1903.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Желая прослѣдить историческую часть Москвы, слѣдуетъ раздѣлить ее на періоды ея существованія въ Россійскомъ Государствѣ.

1. Періодъ первый—существованіе Москвы во время домонгольскаго періода, то-есть до 1240 года. Этотъ періодъ можно назвать сказочнымъ, такъ какъ о немъ мы кромѣ гадательныхъ, устныхъ преданій не имѣемъ почти никакихъ документальныхъ данныхъ.

2. Періодъ второй—монгольскій (1240—1480 года), оставившій намъ старинные акты, синодики, жалобы, прошенія и проч.

3. Періодъ третій—XVI вѣкъ. Періодъ царей и свободной уже Россіи. Къ нему можно причислить великихъ князей Ивана III, Василія III (1505—1533 года) и время царя Ивана IV (1533—1584 года), также царя Θеодора (1584—1598 года) и время царя Бориса Годунова.

4. Періодъ четвертый—начало XVII вѣка. Смуты и разореніе земли Русской.

5. Періодъ пятый—время Царя Михаила (1613—1645 г.), начало оздоровленія Россіи и успокоеніе расшатанныхъ умовъ.

6. Періодъ шестой—время Царя Алексѣя (1645—1676 г.). Начало знакомства Русскихъ съ зарубежными странами и большой наплывъ къ намъ иностранцевъ съ Запада.

7. Періодъ седьмой—время Царя Θеодора (1676—1682 г.). Совмѣстное правленіе Царей Ивана и Петра (1682—1689 г.).

Временный застой, борьба стараго и новаго вѣяній и всеобщая смута, подогрѣтая царевной Софіей.

8. Періодъ восьмой—время Императора Петра I (1689—1725 года). Время великихъ и крупныхъ реформъ.

9. Періодъ девятый—времена Императора Петра II, Императрицы Анны (1730—1740 г.), Императора Ивана VI).

10. Періодъ десятый—Императрица Елисавета (1741—1761 г.), также шестимѣсячное царствованіе Петра III. Все это было—плаваніе русскаго корабля безъ твердо направленной цѣли, по волѣ временщиковъ. Время подкупа людей большой власти и значенія.

11. Періодъ одиннадцатый—время Императрицы Екатерины II (1762—1796 г.). Великія реформы, увѣнчаніе славы и могущества Россіи. Округленіе ея границъ.

12. Періодъ двѣнадцатый—царствованіе Императора Павла I (1796—1801 года).

13. Періодъ тринадцатый—XIX вѣкъ. Императоръ Александръ I (1801—1825 года). Нашествіе полчищъ Наполеона, сожженіе Москвы и полное измѣненіе ея положенія въ Европѣ.

14. Періодъ четырнадцатый—время Императора Николая I (1825—1855 г.). Дворянская Москва.

15. Періодъ пятнадцатый—время Императора Александра II (1855—1881 г.). Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Превращеніе Москвы изъ дворянской въ купеческую.

На основаніи вышесказанныхъ пятнадцати пунктовъ мы будемъ придерживаться въ нашемъ разсказѣ.

ГЛАВА I.

Лаврентьевская лѣтопись.— Начало Московскаго Княжества.—Причина живучести Москвы.—Кремль.

Самою древнею лѣтописью въ Суздальской землѣ считаютъ Лаврентьевскую. Наименованіе Лаврентьевской она получила отъ монаха Лаврентія, который ее переписывалъ въ 1377 году. Эта первоначальная лѣтопись составлена еще изъ болѣе древнихъ, не дошедшихъ до насъ, лѣтописей. Лаврентьевская лѣтопись считается сѣверною, такъ какъ заключаетъ въ себѣ извѣстія и событія на сѣверѣ, по преимуществу въ Суздальской землѣ.

* Нашъ знаменитый ученый сказатель исторіи города Москвы въ послѣднемъ трудѣ своемъ, выпущенномъ въ 1902 году, говоритъ въ предисловіи:

„Приди ко мнѣ, брате, въ Москву...
„Буди, брате, ко мнѣ на Москву".

Таково первое и самое достопамятное слово о Москвѣ. Съ тѣмъ же словомъ первый устроитель древне-Суздальской земли, Суздальскій князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій посылалъ звать къ себѣ на честный пиръ дорогого своего гостя и союзника, Сѣверскаго князя Святослава Ольговича, того самаго Святослава, сынъ котораго, Игорь, прославился въ послѣдующее время несчастнымъ походомъ на половцевъ (въ 1185 г.) и воспѣтъ въ знаменитой пѣснѣ о полку Игоревѣ.

---

*) Исторія г. Москвы И. Забѣлина, 1 страница.

Достопамятный зовъ на честный пиръ въ Москву, случайно записанный лѣтописцами въ повѣствованіи о событіяхъ 1147 года, служитъ въ своихъ выраженіяхъ какъ бы провозвѣстникомъ послѣдующей исторіи.

И далѣе... „Приди ко мнѣ въ Москву. Буди ко мнѣ на Москву". Въ этихъ немногихъ словахъ какъ бы пророчески обозначалась вся исторія Москвы.

Москва тѣмъ и стала сильною и опередила другихъ, что постоянно и неуклонно звала къ себѣ разрозненныя русскія земли на честный пиръ народнаго единства и крѣпкаго государственнаго союза.

Прибытіе Святослава съ малолѣтнимъ сыномъ его Олегомъ; послѣдній былъ посланъ впередъ и, явившись къ Юрію Долгорукому, на радостяхъ получилъ въ подарокъ пардусъ.

Это было по сказаніямъ лѣтописца 4 апрѣля 1147 года. На утро Юрій повелѣлъ устроить обѣдъ силенъ. Тутъ дитя Олегъ былъ сосватанъ отцомъ на дочери Юрія и былъ обвѣнчанъ съ нею въ 1150 году.

Сильный обѣдъ свидѣтельствовалъ, что въ то время Москва была поселеніе, которое могло доставить всѣ удобства для княжескаго пированія.

Въ дѣйствительности московская мѣстность представляла много сельскихъ удобствъ для широкаго сельскаго хозяйства. Великій лугъ Замоскворѣчья, лежащій противъ Кремлевской горы, доставлялъ обширное пастбище для скота и княжескихъ конскихъ табуновъ. Луга, поля и рѣчки служили славными угодьями для огородничества и садоводства. Кучково поле было покрыто пашнями.

Княжеская исторія Москвы начинается въ 1147 году, но Московскій кремлевскій поселокъ существовалъ ранѣе появленія въ этихъ мѣстахъ Рюрикова племени, чему могутъ служить доказательствомъ найденные при раскопкѣ Кремля памятники языческаго времени. Также при постройкѣ храма Христа Спасителя найдены два серебряныхъ арабскихъ дир-

гема, одинъ 862 года, битый въ городѣ Мервѣ, другой 866 года.

Такъ рисуетъ намъ нашъ знаменитый историкъ, Иванъ Забѣлинъ, начало основанія Москвы.

Городъ Москва, несмотря на многія свои разоренія и разграбленія, постоянно возникалъ изъ пепла. Конечно, это возникновеніе невозможно приписать основанію его Юріемъ Долгорукимъ, а просто его этнографическому и географическому положенію. Близъ него былъ весьма удобный переломъ теченій рѣкъ, по которымъ въ старину происходило торговое движеніе съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ. Здѣсь рѣка Клязьма весьма близко подходила къ Москвѣ-рѣкѣ, близъ урочища Всходня, и также былъ невдалекѣ Ламскій Волокъ. Все это дѣлало Москву переходнымъ пунктомъ всемірной торговли въ древнее время. Сама Москва, по сказанію лѣтописцевъ, стоитъ на семи холмахъ, но, если сосчитать вѣрно, то ихъ окажется гораздо большее количество.

Центромъ древней Москвы можно считать Боровицкій мысъ; здѣсь было древнѣйшее ея городище, гдѣ, на мѣстѣ нынѣшней Оружейной палаты, противъ разобранной церкви Рождества Іоанна Предтечи на Бору, первой построенной въ Москвѣ, были найдены курганныя серебряныя вещи.

Всю мѣстность Москвы можно считать возвышенной поляной, изрѣзанной мелкими рѣчками и ручьями, которые и образуютъ возвышенности и логи. Мѣстность Замоскворѣчье можно считать за обширную площадь луговой земли. Вотъ все, что мы знаемъ негадательнаго про древнюю Москву.

ГЛАВА II.

Нашествіе Татаръ.—Москва, какъ пригородъ Владиміра.—Вражда съ Тверью.—Торговыя сношенія съ Кафою.—Дмитрій Донской.

Второй періодъ московской жизни начинается съ 1238 года, когда городъ былъ взятъ и сожженъ во время нашествія Батыя.

Въ лѣтописи указывается, что погорѣли всѣ монастыри и пригородное населеніе Москвы, что дозволяетъ предполагать, что населеніе Москвы достигло значительной степени.

Москва въ то время была пригородомъ стольнаго города Владиміра и во время татарщины состояла во владѣніи великаго князя.

Москва, переходя послѣдовательно отъ Ярослава Всеволодовича къ сыну его Михаилу Хоробину, затѣмъ къ брату его Александру Невскому, завѣщавшему Москву двухлѣтнему сыну своему Даніилу, находившемуся подъ опекой дяди своего Ярослава Тверского,—только послѣ смерти его въ 1271 году сдѣлалась вполнѣ самостоятельнымъ московскимъ княжествомъ при десятилѣтнемъ Даніилѣ Александровичѣ въ 1272 году.

Время это можно назвать началомъ непрерывнаго княжества Московскаго.

Первое время Московскіе князья постоянно враждовали съ Тверскими своими сородичами.

Когда Московскій князь Юрій Даниловичъ успѣлъ утвердить за Москвою великокняжескій столъ въ Ордѣ и получилъ ярлыкъ, то былъ убитъ Тверскимъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ. Съ тѣхъ поръ въ Москвѣ утвердилось пребываніе митрополита всея Руси (1325 г.). Первымъ митрополитомъ былъ святитель Петръ. Второй храмъ, построенный

въ Москвѣ, былъ Успенскій соборъ съ придѣломъ Дмитрія Солунскаго, гдѣ былъ похороненъ Великій князь Юрій Даниловичъ. Третій храмъ былъ заложенъ въ 1329 году, во имя Іоанна Лѣствичника, гдѣ теперь стоитъ построенная Борисомъ Годуновымъ Ивановская колокольня. Въ этомъ же 1329 году у Великаго Князя Ивана Даниловича возникла мысль построить четвертый храмъ, во имя Спаса Преображенія, вмѣсто обветшавшей церкви Спаса на Бору, гдѣ временно пребывали мощи Тверского Великаго Князя Михаила, убіеннаго въ Ордѣ.

Въ старину стѣны Московскаго Кремля или Кремлика, какъ его называли, были дубовыя, что можно было видѣть при постройкахъ въ Кремлѣ въ XIX столѣтіи, когда на глубинѣ нѣсколькихъ саженъ находили дубовыя бревна, толщиною около аршина въ діаметрѣ.

Великій князь Иванъ Калита, въ теченіе своего княженія, успѣлъ устроить городъ Москву, такъ что наслѣдникамъ его оставалось только продолжать начатое имъ дѣло.

При сынѣ его, Симеонѣ Гордомъ, женатомъ на литовкѣ Августѣ, въ православіи Анастасіи, началось украшеніе московскихъ храмовъ стѣнною живописью, гдѣ греки основали иконописную школу, по вызову митрополита Феогноста, преемника св. Петра.

Въ 1356 году, по случаю торговыхъ сношеній съ крымскимъ Сурожемъ и Генуезскою Кафою, появились въ Москвѣ италіанскіе художники; съ ними вмѣстѣ появилась колонія итальянскихъ торговцевъ, которые подъ именемъ Сурожанъ вмѣстѣ съ русскими заняли очень видное положеніе во внутреннихъ дѣлахъ великокняжеской столицы, и своимъ вліяніемъ способствовали бракосочетанію Іоанна III съ Софьею Палеологъ. Въ воспоминаніе торговли съ г. Сурожемъ осталось до сихъ поръ названіе сурожной торговли между нашими коммерсантами, и слово это вошло въ русскій языкъ.

Обиліе лѣсовъ, дешевизна лѣсного матеріала невольно заставляли всѣ постройки дѣлать деревянными, что много способствовало постояннымъ и опустошительнымъ пожарамъ церквей и домовъ. Только въ 1367 году начали воздвигать каменныя стѣны кругомъ Кремля, увеличивая его пространство, такъ что дубовый Кремликъ остался внутри новыхъ стѣнъ.

Первый отпоръ татарской силѣ, въ лицѣ Мамаевыхъ полчищъ, далъ Дмитрій Донской на Куликовскомъ полѣ, но Москва была еще не твердо соединена съ союзными князьями и потому по необходимости должна была временно покориться полчищамъ Тохтамыша. Но все-таки стѣны Москвы были столь внушительны, что Тохтамышъ побаивался ихъ, и хотя, взявъ городъ обманомъ, опустошилъ его, но удалился въ Орду, разграбивъ по дорогѣ Рязанское княжество, несмотря на то, что Олегъ Рязанскій показалъ ему дорогу на Москву. Въ 1395 году Москва ждала снова нашествія татарскихъ полчищъ подъ предводительствомъ Тамерлана, и Великій князь вышелъ со своею ратью къ Коломнѣ, но Тамерланъ, простоявъ близъ города Ельца, бѣжалъ восвояси.

Спустя 13 лѣтъ, въ 1408 году, Москва была снова осаждена татарами подъ главенствомъ Эдигея, который, простоявъ въ селѣ Коломенскомъ три недѣли, не могъ взять каменныхъ стѣнъ Кремля и ушелъ обратно въ Орду, гдѣ начались безпорядки.

Въ 1439 году приходилъ подъ Москву ордынскій царь Махметъ, но не могъ взять каменныхъ стѣнъ Кремля и удалился домой.

Тотъ же Махметъ, бывъ уже царемъ Казанскимъ, въ 1445 году, побуждаемый Дмитріемъ Шемякою, сталъ воевать Московское княжество изъ Нижняго къ Мурому. Великій князь вышелъ противъ него съ малымъ количествомъ и, потерпѣвъ 7 іюля пораженіе у Гориньева монастыря, былъ взятъ въ плѣнъ. Только 17 ноября великій князь вер-

нулся изъ плѣна въ Москву. Въ 1451 году внезапно появился передъ Москвою ордынскій царевичъ Мазовша, пожогъ посады, и на другой же день ушелъ домой.

Послѣ того татары еще нѣсколько разъ порывались воевать съ Москвою, но всякій разъ постыдно бѣжали отъ русскаго войска, не достигнувъ Москвы.

Ордынскія нашествія окончились въ 1480 году.

Прошло сто лѣтъ отъ Мамаева побоища по послѣднее бѣгство татаръ.

Послѣ каждаго погрома и пожара Москва быстро возстановляла разрушенное и сожженное, замѣняя дерево камнемъ.

ГЛАВА III.

Иванъ III.—Г. Новгородъ Великій.—Пермь.—Софья Палеологъ.—Строительное дѣло Ивана III.—Иванъ IV.—Ѳеодоръ.—Годуновъ.

Въ концѣ XV столѣтія миновали годы московскихъ бѣдствій, длившихся цѣлое столѣтіе.

Время Государя Ивана III было различно отъ времени Ивана Даниловича Калиты.

Великій князь Иванъ III (Васильевичъ) стремился къ единодержавію на Руси. Борьба Москвы съ Тверью была окончена въ пользу первой, но на сѣверѣ былъ Новгородъ Великій, мѣшавшій соединенію русской земли въ единое царство, и потворствующій раздробленію земли Русской, желавшій лучше уйти къ Литвѣ, чѣмъ подчиниться московскому княжеству. Не желая дозволить Новгороду Великому отдѣлиться къ княжеству Литовскому, Иванъ III пошелъ ратнымъ походомъ противъ Новгородцевъ въ лѣтнюю пору 1471 года и на р. Шелонѣ разбилъ новгородскую рать.

Въ 1472 году покорена была Пермь Великая, и 16 января 1472 года посланы были послы въ Римъ за царевною Софьею Палеологъ.

Весной 1472 года въ апрѣлѣ начали, по благословенію митрополита Филиппа, постройку Успенскаго собора, разобравъ старый, пришедшій за ветхостью въ разрушеніе.

12 ноября прибыла изъ Рима царевна Софія, 13 было обрученіе, а 14 свадьба ея съ Іоанномъ III. Свадьбою торопились по случаю начала филипповскаго поста (16 ноября).

Начатая постройка Успенскаго собора, 20 мая, въ часъ солнечнаго заката, внезапно разрушилась по причинѣ плохого искусства мастеровъ.

Призваны были новые каменщики изъ Пскова для исправленія и довершенія постройки, но они отъ работы отказались.

Тогда посланъ былъ въ Венецію посолъ Семенъ Талбузенъ, который подрядилъ и привезъ въ Москву мастера Аристотеля, который въ теченіе четырехъ лѣтъ и соорудилъ настоящій Успенскій соборъ. 12 августа 1479 года соборъ былъ торжественно освященъ митрополитомъ Геронтіемъ. Почти въ то же время, 20 января 1478 года, послѣ долгой осады былъ присоединенъ къ Московскому государству Новгородъ Великій. Вѣче уничтожено, и 5 марта прибылъ въ Москву Великій князь, привезя съ собою и вѣчевой колоколъ, который повѣсили съ прочими на звонницу.

Постройки Іоанна III были такъ обширны, что Аристотель съ сыномъ, занятые кромѣ архитектуры пушечнымъ и военнымъ дѣломъ, не могли поспѣвать всюду; поэтому были вызваны мастера изъ Италіи, съ помощью которыхъ вновь возведены стѣны Кремля и построены въ немъ многочисленные храмы.

Незадолго до кончины, Великій князь приказалъ 21 мая 1505 года разобрать ветхую соборную церковь Архангела Михаила, построенную Иваномъ Калитою, и заложилъ въ октябрѣ новую, болѣе обширную. Когда Великій князь скончался, то былъ погребенъ въ новозаложенномъ неоконченномъ храмѣ. Неутомимое строительство Ивана III измѣнило видъ Москвы; многіе храмы изъ деревянныхъ перестроены въ каменные.

Василій Ивановичъ получилъ въ наслѣдство отъ отца устроенный Кремль и почти оконченный каменный дворецъ, строителемъ котораго былъ Мовизъ Фразинъ изъ города Медіолана; постройка дворца продолжалась 12 лѣтъ и была окончена въ 1508 году. Преемникъ Ивана III, Василій Ивановичъ, рожденный отъ Софьи Палеологъ, прямо сталъ именовать себя Царемъ въ грамотахъ, посылаемыхъ имъ къ иностраннымъ правителямъ, титулъ, принятый для себя его отцомъ послѣ вѣнчанія, и обнаружилъ тѣмъ могущество и силу государственной идеи. Внукъ Ивана III Царевичъ Дмитрій, еще при жизни дѣда вѣнчанный дѣдомъ Иваномъ III, получилъ наименованіе Царевича, то-есть при воцареніи титулъ Царя, но вскорѣ скончался.

Въ городскомъ хозяйствѣ онъ держался направленія своего отца, замѣняя деревянные храмы каменными.

Пользуясь пребываніемъ въ Москвѣ итальянскихъ мастеровъ и славнаго Алевиза Фрязина, Государь повелѣлъ 1514 года заложить каменныя церкви не только въ Кремлѣ, но и на посадѣ. Въ 1508 году Великій князь велѣлъ Алевизу Фрязину вокругъ Кремля обложить берега прудовъ камнемъ, а въ 1516 году на Неглинкѣ на этихъ прудахъ заложить третью плотину, гдѣ теперь Троицкій мостъ и башня Кутафья.

Царь Василій Ивановичъ скончался 3 декабря 1533 года, оставивъ трехлѣтнему сыну своему, Ивану IV, Кремль въ полномъ устройствѣ. Во время правленія вдовы Василья, Великой Княгини Елены (Глинской) Торгъ, теперешній Китай-городъ, былъ обнесенъ каменною стѣною; строителемъ стѣны былъ новокрещенный фрязинъ Петръ-Малый.

Онъ же строилъ храмъ Воскресенья, замѣчательный по своей фундаментальной постройкѣ. Стѣны нижняго этажа имѣютъ толщины 4 аршина. Рядомъ Борисомъ Годуновымъ выстроена колокольня Ивана Великаго, стѣны которой имѣютъ 3 аршина толщины. Съ другой стороны, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и при патріархѣ Филаретѣ была сдѣ-

лана пристройка патріаршая, названная Филаретовской, которая въ 1812 году Наполеономъ I взорвана. При взрывѣ верхняя половина зданія фрязина тоже была разрушена. Видно было, что церковь Воскресенья была выстроена для помѣщенія колоколовъ, до благовѣста которыхъ такъ охочи русскіе.

Великокняжеская монета.

Въ 1581 году Іоаннъ IV чрезъ гонца Шоврыгина отправилъ письмо къ австрійскому императору Рудольфу, къ папѣ римскому Григорію XIII, также къ королю Датскому и курфюрсту Саксонскому, подъ видомъ заключенія союза къ изгнанію Турокъ изъ Европы. Объявленная цѣль посольства прикрывала другое. Іоаннъ IV стремился заключить миръ съ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, который во время второго похода своего въ Россію, кромѣ прежде взятыхъ городовъ, взялъ и сжегъ укрѣпленный городъ Великія Луки, и тѣмъ открылъ себѣ путь во внутреннія провинціи Россіи, а также завладѣлъ только что завоеванною Іоанномъ IV Ливоніею, которою такъ дорожилъ царь, какъ единственнымъ путемъ сообщенія съ западною Европой.

Шоврыгинъ побывалъ въ Вѣнѣ и Римѣ и даже самовольно пробрался въ Венецію. Плодомъ его поѣздки была присылка посольства отъ Григорія XIII, во главѣ котораго стоялъ іезуитъ Пасевинъ, такъ много писавшій о Іоаннѣ IV и о порядкахъ правленія Грознаго царя. Много его бумагъ, еще не опубликованныхъ, хранятся въ Венеціанскомъ древлехранилищѣ.

Во время Ивана IV былъ выстроенъ Покровскій соборъ (церковь Василія Блаженнаго); постройка производилась русскими мастерами: Барма и Постникъ Яковлевы. Архитектура храма можетъ считаться началомъ построекъ Русскаго стиля. Грозный почти въ одно время ставилъ Казанскую крѣпость и строилъ въ Москвѣ памятникъ взятія Казани. Пожары, опустошавшіе Кремль и Москву въ началѣ царствованія Ивана IV, понемногу дѣлались менѣе опустошительными, вслѣдствіе замѣны деревянныхъ построекъ каменными.

По кончинѣ Грознаго царя и вступленіи на престолъ сына его Ѳеодора, судьбами Москвы началъ распоряжаться братъ царицы Борисъ Годуновъ; при немъ былъ послѣдній набѣгъ крымскихъ ордъ на Москву. Въ народѣ говорили, что крымцы призваны на Москву Годуновымъ, чтобы отвлечь вниманіе народа отъ убійства царевича Дмитрія, совершеннаго въ Угличѣ. Крымцы, простоявъ недолго подъ Москвой, бѣжали въ свои предѣлы.

Чтобы отвлечь вниманіе народа отъ угнетающихъ событій, Годуновъ началъ постройку деревянной стѣны вокругъ посадовъ Москвы на протяженіи 14 верстъ. (Теперь Садовая улица), что было исполнено въ одинъ годъ и дало населенію хорошій заработокъ. При избраніи Годунова на царство, большинство голосовъ за него были посадскіе и торговые люди.

Во время пожара 1595 года, при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, когда выгорѣлъ весь Китай-городъ, Борисъ Годуновъ въ утѣшеніе торговому миру тотчасъ же заложилъ новые каменные

ряды. Ряды были выстроены въ теченіе года, въ 1596 году.

Во всѣхъ трудныхъ минутахъ народной жизни Борисъ спѣшилъ на помощь народу, желая тѣмъ привлечь его на свою сторону во время избранія на царство. Въ то же время онъ всячески старался тѣснить боярскія и дворянскія семьи, а также богатыя купеческія.

Въ 1591 году, когда совершилось убіеніе царевича Дмитрія, 15 мая, большинство вліятельныхъ людей указывали на участіе въ убійствѣ Бориса; по наущенію Годунова, который хотѣлъ наказать распространителей такихъ слуховъ, 6 іюня начались пожары въ Занеглименьѣ, гдѣ находились боярскіе и дворянскіе дома, и на Покровкѣ, гдѣ проживали богатые торговые люди. Вообще Годуновъ, какъ въ царствованіе царя Өеодора, такъ и по избраніи его на царство, построилъ много храмовъ, палатъ, колокольню Ивана Великаго и украсилъ стѣнною живописью храмы и дворцы, въ томъ числѣ Грановитую Палату. Имъ былъ выстроенъ первый каменный мостъ на рѣкѣ Москвѣ.

ГЛАВА IV.

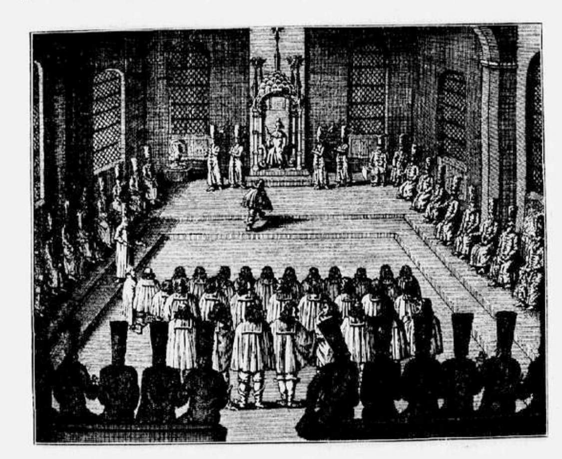
Смута.

Смутное время было тяжелою годиною какъ для Москвы, такъ и для всего царства. Все, что созидалось вѣками царями, уничтожалось самозванцами, поляками и русскими смутьянами, крамольниками. Построенный Дмитріемъ Самозванцемъ деревянный дворецъ сгорѣлъ. Храмы подверглись запустѣнію, кровли уничтоженію, и надо благодарить еще Создателя, что не все, созданное руками царей, было уничтожено крамолою.

ГЛАВА V.

Избраніе Михаила.—Возобновленіе стараго дворца.—Сказанія иностранцевъ.—Олеарій.—Стѣна вокругъ посадовъ.—Книжное дѣло.

Когда Михаилъ Өеодоровичъ былъ избранъ всей землей Русской на царство, то по прибытіи его въ Московскій Кремль, онъ нашелъ зданіе дворца въ полномъ разрушеніи, такъ что ему едва могли приспособить нѣсколько покоевъ для жительства.

Изъ путешествія Олеарія. Аудіенція посланниковъ у Московскаго Царя.

Хотя возобновленіе стараго дворца начато было немедленно, но, за множествомъ другихъ сооруженій, шло весьма медленно. Четырнадцативерстная стѣна кругомъ московскихъ посадовъ,

построенная Годуновымъ и сгорѣвшая въ 1611 году, замѣнена землянымъ валомъ; вмѣсто годового срока, употребленнаго Годуновымъ, постройка длилась 7 лѣтъ (1633—1640).

Царь Михаилъ Θеодоровичъ, кромѣ возобновленія храмовъ, повелѣлъ соорудить палаты на душеполезное книжное дѣло, въ 1640 году. Въ 1643 году сдѣлана съ сѣверной стороны старой колокольни Филаретовская постройка, взорванная въ 1812 году по приказу Наполеона I. Кремлевскія стѣны оставались въ полуразрушенномъ состояніи. Кремль, застроенный боярскими и общественными домами, со своими узкими закоулками, возобновлялся безъ всякихъ плановъ. По приказу Михаила Θеодоровича, на Спасской башнѣ поставлены новые часы съ боемъ, болѣе сложнаго механизма, чѣмъ прежніе.

Олеарій. Выдуманное сказаніе чужеземныхъ писателей.

Во время царя Михаила Θеодоровича голландецъ Олеарій посѣтилъ Россію, былъ въ Москвѣ и, спустившись по Волгѣ до Астрахани, проѣхалъ Кавказомъ въ Персію. Описывая свое путешествіе по Московіи, онъ много пишетъ про бытъ русскихъ царей и про пріемы иностранныхъ пословъ. Конечно, многое неточно и преувеличено, какъ, напримѣръ, изобра-

женная имъ картина, гдѣ медвѣди уносятъ людей въ свои берлоги, какъ малыхъ ребятъ, но есть характерныя изображенія жизни того времени. 1) Пріемъ пословъ въ присутствіи боярской думы. 2) Очистительная присяга, такъ долго практиковавшаяся, почти до конца XVIII вѣка. 3) Рисунокъ монетъ, употребляемыхъ въ то время. Конечно, имѣются изданія гораздо древнѣйшаго времени, но и Олеарій, описывая бытъ Московскаго государства въ четвертомъ десяткѣ XVII вѣка (1636 г.), много характеризуетъ намъ бытъ нашихъ

Очистительная присяга. Изъ путешествія Олеарія.

предковъ. Тѣмъ болѣе, что высадившись въ Архангельскѣ, проживъ нѣкоторое время въ Москвѣ, онъ спустился на самый югъ русскихъ владѣній и кромѣ столицы видѣлъ воочію внутреннюю жизнь нашего отечества.

ГЛАВА VI.

Постройка кирпичныхъ заводовъ.—А. Н. Трубецкой.—Сватовство Ирины Михайловны.—Иностранцы о Россіи.—Мейрбергъ и Пальмквистъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ черезъ два года по воцареніи приказалъ исправить обветшавшія кремлевскія стѣны, для чего близъ Даниловскаго монастыря былъ устроенъ кирпичный заводъ, но работы возобновленія стѣнъ начались только спустя 10 лѣтъ. Стѣны Кремля столько разъ подвергались реставрированію съ кремлевской стороны, а также городской, что отъ прежней стройки Ивана III осталась только серединная часть.

Тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ, бывши другомъ и большимъ почитателемъ патріарха Никона, былъ такъ оскорбленъ необузданнымъ характеромъ Никона, что считалъ долгомъ прибѣгнуть къ суду духовныхъ владыкъ; 12 декабря 1666 года въ Чудовомъ монастырѣ совершился судъ надъ Никономъ. Въ церкви Благовѣщенія Вселенскіе патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій сняли съ него патріаршій санъ, клобукъ и панагіи, при чемъ было прочтено ему и чтеніе о немъ, т.-е. изложеніе его виновности.

Въ томъ же Чудовомъ монастырѣ у раки мощей Св. Алексѣя крещенъ Петръ I и сестра его Наталья. Строительныя работы царя Алексѣя Михайловича послѣ его отца не выдаются чѣмъ-либо особеннымъ. Выстроенъ имъ въ 1664 году Гостинный дворъ, близъ прежняго отцовскаго. Когда зданіе приказовъ въ Кремлѣ пришло въ разрушеніе, то Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ возобновить его. Постройка была окончена уже при сынѣ его Θеодорѣ Ивановичѣ.

Тотчасъ по воцареніи, Алексѣй Михайловичъ приблизилъ къ себѣ и возвелъ въ санъ ближняго боярина, двоюроднаго брата своего, князя Алексѣя Никитича Трубецкого, который

Изъ альбома Пальмквиста. Пытка водой.

кромѣ думскихъ обязанностей былъ нѣсколько разъ военачальникомъ русскихъ ратныхъ силъ. Алексѣй Никитичъ командовалъ русскою ратью въ Черкасскихъ городахъ, въ 1659 году противъ Крымскаго хана и Запорожскаго измѣнника Ивана Выговскаго.

Войско Запорожское и Юрій Хмѣльницкій въ Переяславлѣ передъ А. Н. Трубецкимъ били челомъ и принесли присягу на подданство Царю. Алексѣй Никитичъ умеръ 16 декабря 1663 года, не оставивъ потомства.

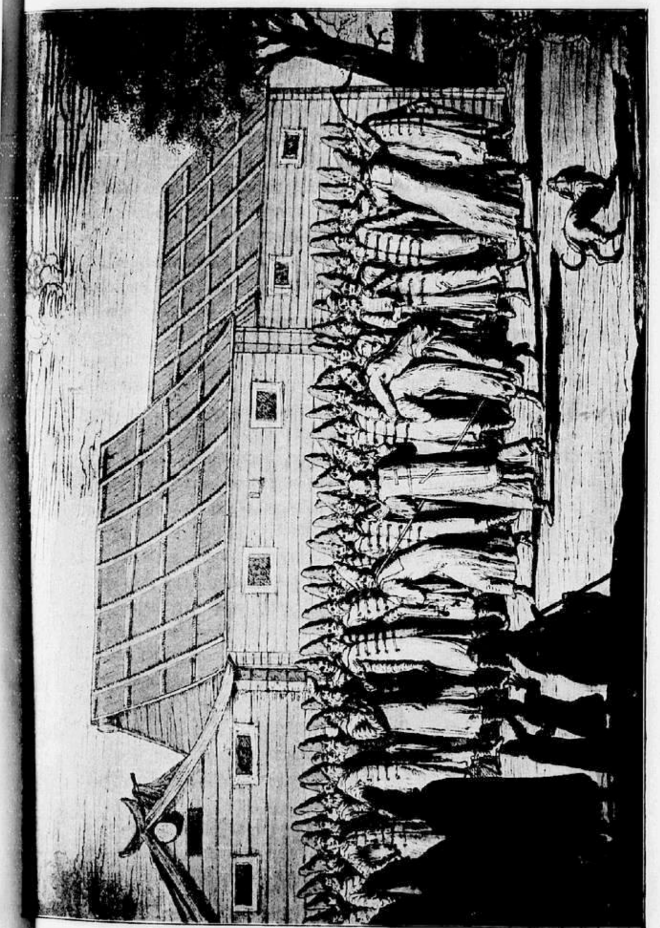
Существующіе въ настоящее время князья Трубецкіе происходятъ отъ его внучатнаго племянника Юрія Петровича, внука его брата, Юрія Никитича, уѣхавшаго въ смутное время въ 1611 году въ Польшу, гдѣ онъ съ двумя сыновьями Петромъ и Александромъ принялъ католичество.

Сынъ Петра, Юрій, возвратился на родину, принялъ православіе въ 1672 году, получилъ санъ боярина, женился на сестрѣ князя Василія Васильевича Голицына Иринѣ Васильевнѣ, отъ которыхъ и происходятъ настоящіе потомки Трубецкихъ. Дворъ Трубецкихъ занималъ почти весь уголъ, гдѣ построено зданіе судебныхъ мѣстъ.

Всѣ площади Кремля были застроены въ царствованіе Алексѣя Михайловича боярскими домами, и только съ воцареніемъ Петра I кремлевская мѣстность начала очищаться отъ частныхъ построекъ, по случаю безпрестанныхъ пожаровъ деревянныхъ палатъ, конецъ существованія которыхъ былъ въ царствованіе Николая I при устройствѣ новаго дворца.

Въ 1644 году началось неудавшееся сватовство царевны Ирины Михайловны за Вольдемара, принца Датскаго графа Шлезвигъ-Голштинскаго, для чего принцъ прибылъ въ Москву. Переговоры начаты были еще въ 1642 году, длились 1643 годъ и наконецъ принцъ прибылъ въ Москву 1644 года и помѣщенъ былъ во дворцѣ царя Бориса 21 января.

Принцъ, принятый съ большимъ почетомъ, щедро одаренный различными подарками, былъ обласканъ Царемъ. Но переговоры сразу оказали рознь воззрѣній. Царь желалъ, чтобы принцъ Вольдемаръ принялъ православіе, на что послѣдній не соглашался и просилъ отпуска домой; Михаилъ Ѳеодоровичъ задерживалъ его подъ различными предлогами, и только по кончинѣ царя Михаила молодой Государь Алек-

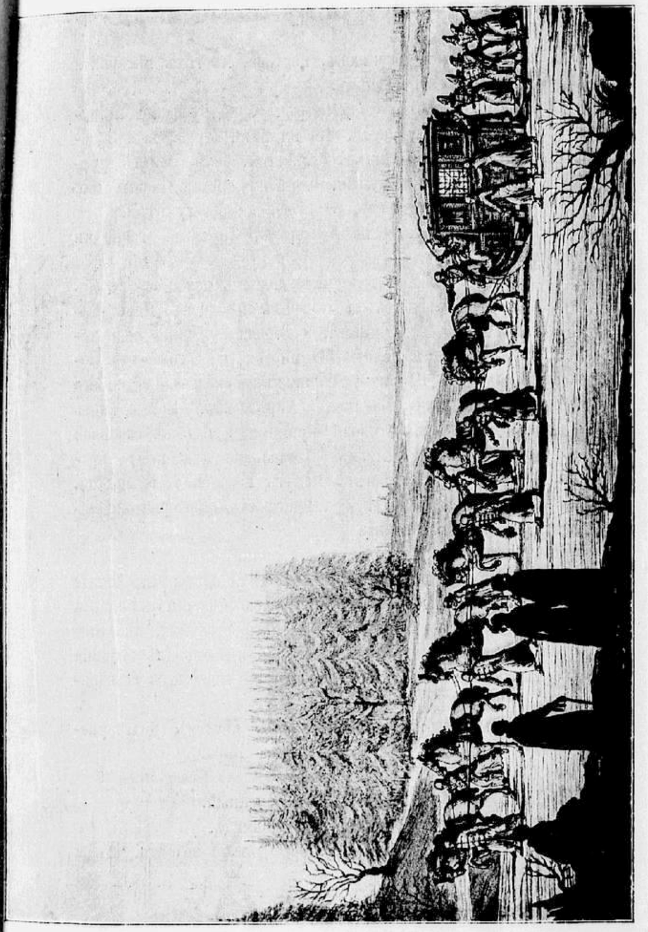
Торговая казнь. Изъ альбома Пальмквиста.

сѣй Михайловичъ съ почетомъ отпустилъ принца Вольдемара домой, и королевичъ выѣхалъ изъ Москвы.

Наплывъ иностранцевъ во время царствованія Царя Алексѣя Михайловича былъ большой. Кромѣ различныхъ художниковъ, архитекторовъ и мастеровъ къ Тишайшему царю являлись цѣлыя посольства. Члены посольствъ оставили въ иностранной литературѣ записки своихъ путешествій, снабдивъ ихъ пояснительными рисунками.

При Римскомъ императорскомъ посольствѣ состоялъ Мейрбергъ, оставившій послѣ себя иллюстрированное описаніе Москвы, ея нравовъ и обычаевъ. Въ его описаніи приложены портреты какъ царя, такъ и его первой супруги Маріи Ильиничны, отъ которой у царя родились четыре сына и четыре дочери. Два сына скончались въ младенчествѣ и погребены въ Архангельскомъ соборѣ. За два года до кончины Тишайшаго царя, въ 1674 году, въ Москву прибыло Шведское посольство для заключенія мира. При посольствѣ находился капитанъ шведской службы Пальмквистъ. Офицеръ этотъ, какъ любознательный человѣкъ, велъ дневникъ своего пребыванія въ Россіи. Владѣя художественнымъ талантомъ, онъ, кромѣ описанія всего видѣннаго имъ въ Москвѣ, снабдилъ свой дневникъ рисунками видовъ и быта тогдашняго общества. Альбомъ, какъ замѣчательная рѣдкость, хранится въ Стокгольмскомъ государственномъ архивѣ. Три года тому назадъ съ альбома издана, фотографическимъ способомъ, копія въ количествѣ пятидесяти экземпляровъ. Копіи видовъ и портретовъ отпечатаны въ настоящемъ изданіи.

Прибывшее въ 1674 году Шведское посольство состояло изъ государственнаго совѣтника графа Густава Оксенштерна, маршала Германа фонъ-Ферзена, земскаго думнаго боярина Іоганна фонъ-Будберга, думнаго въ торговлѣ фонъ-Лименгофа, Генриха фонъ-Тизенгаузена, капитана Эриха Пальмквиста, доктора Даніеля Далгеміуса, секретаря Петра Торенроса; кромѣ

Поѣздъ царицы. Изъ альбома Пальмквиста.

того, изъ двухъ переводчиковъ, пастора, многихъ писарей и прислуги, всего 40 человѣкъ.

Шведское посольство было встрѣчено на русскомъ пограничномъ посту у Муравенѣ, что на рѣкѣ Лугѣ. Мостъ, соединяющій границы обоихъ государствъ, былъ занятъ русскими и шведскими войсками, конвоирующими посольство. Границу обозначало дерево, растущее на берегу рѣки.

Посольство слѣдовало на Новгородъ, Торжокъ, Тверь въ Москву.

По прибытіи въ Москву, послѣ долгихъ переговоровъ объ этикетѣ, продолжавшихся около трехъ мѣсяцевъ, Царь разрѣшилъ имъ бить ему челомъ, и первая аудіенція происходила въ Грановитой палатѣ 30 марта 1674 года, гдѣ Пословъ являлъ Его Царскому Величеству скольничій бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Апрѣля 2-го Послы вновь являлись къ Царю, который принималъ ихъ въ столовой избѣ; торжественный отпускъ (прощальная аудіенція) происходилъ опять въ Грановитой Палатѣ 19 іюня того же года. Пріемъ Шведскаго Посла Графа Густава Оксенштерна царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ.

На тронѣ Царь Алексѣй Михайловичъ.

а) Четыре стольника, или камергера, одѣты въ бѣлые серебряные вязаные кафтаны, подбитые бѣлыми лисицами, равно какъ и бѣлыхъ шапкахъ изъ лисьяго мѣха, въ которомъ встрѣчаются черныя пятна, они имѣютъ двѣ большія золотыя цѣпи крестообразно вокругъ таліи и держатъ серебряные топоры.

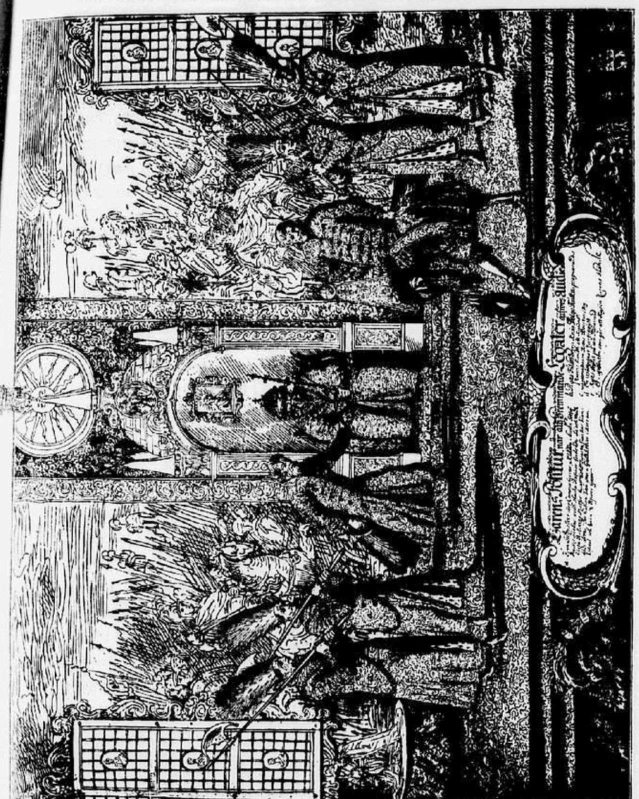
в) Государственнымъ полководцемъ княземъ Долгоруковымъ для цѣлованія указывается рука Царя.

с) Казначей князь Воротынскій.

д) Тазъ для воды, роскошно позолоченный.

е) Государственная держава на пирамидѣ.

ж) Одно изъ лицъ свиты, которое должно подойти, чтобы поцѣловать руку Царя.

Изъ альбома Пальмквиста. Пріемъ Шведскаго посольства въ 1674 году Царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ.

Цѣль посольства обозначена въ заголовіи Статейнаго Списка № 93, по сношеніямъ Россіи съ Швеціей, находящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Книга, содержащая записки, разговоры, записи и письменныя сношенія бывшихъ въ Москвѣ Шведскихъ пословъ, графа Оксенштерна съ товарищами, касательно снимания на аудіенціи шапокъ и предложенія о союзѣ противъ Турокъ, о полковникахъ, о торговлѣ, о домахъ, о раздѣлѣ рубежей. Объ этомъ посольствѣ упоминается еще въ слѣдующихъ изданіяхъ:

Памятники дипломатическихъ сношеній т. IV (1661—1674 г.) СПБ. 1856-го м. 8° стр. 1129-я и т. V (1661—1674 г.) СПБ. 1858-го м. 8° стр. 56, 105, 188, 261, 426, 881.

С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи т. XII, Моск. 1862 года, м. 8° стр. 231—234.

A. Rambaud, Histoire de la Russie, Paris, 1878, стр. 253. Ny. Illustrated Tionig—1881 г. №№ 2 и 3 статья г. Вестрина о Шведской рукописи капитана Пальмквиста, описавшаго это посольство. Рукопись эта находится въ Шведскомъ Королевскомъ Архивѣ. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1881 г. 26 августа № 236 статья Академика Я. К. Грота.

Въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1881 г. октябрь стр. 68—75 и 1882, сентябрь стр. 18, Пальмквистъ, во время слѣдованія посольства отъ границы черезъ Новгородъ, Псковъ, Торжокъ, Тверь въ Москву, набрасывалъ въ своемъ Альбомѣ виды мѣстностей, событій, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, парадныхъ пріемовъ, также казни, вооруженія войскъ, устройство крѣпостей и вообще всей жизни народонаселенія Россіи. Въ его запискахъ высказанъ взглядъ его на характеръ народонаселенія, его дурныя и хорошія качества. Устройство дорогъ въ Россіи, гдѣ онъ предполагаетъ нарочную порчу ихъ, и желаніе тѣмъ затруднить переѣздъ иностранцевъ въ глубь Россіи.

Разсматривая вооруженіе Русскихъ, Пальмквистъ пишетъ, что при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, Русскіе имѣли пушки заряжающіяся съ казенной части, и хвалитъ эти орудія. Мы только къ концу XIX столѣтія вернулись къ выдумкѣ нашихъ предковъ.

Изъ альбома Пальмквиста. Драбантъ временъ царя Алексѣя Михайловича.

Солдаты раздѣлялись 1) на драбантовъ, вооруженныхъ пиками и 2) на мушкатеровъ, вооруженныхъ самопалами. Са-

мопалъ по его описанію былъ 4 лотовый, предназначался для метанія зажигательныхъ стрѣлъ, отъ которыхъ легко воспламеняются деревянныя постройки. Замо́къ самопала на-

Изъ альбома Пальмквиста. Мушкатеръ временъ Царя Алексѣя Михайловича.

ходится почти по серединѣ ствола, имѣющаго на той же сторонѣ затравку и длинную полку съ крышкой. Полка простирается до дульнаго отверстія, что способствуетъ непосредственному воспламененію стрѣлы, съ торчащимъ впереди

дульнаго отверстія фитильнымъ приводомъ. Что касается до самой стрѣлы, то она на половину желѣзная и снабжена для устойчивости полета особымъ привѣскомъ. По полету эти стрѣлы не уступаютъ пулямъ. Стрѣляютъ ими навѣсно съ лѣвой руки.

Изъ альбома Пальмквиста. Казакъ временъ Царя Алексѣя Михайловича.

Хотя капитанъ Пальмквистъ и пишетъ въ своихъ записькахъ о скрытности Русскихъ, но въ описаніи его можно

почерпнуть много подробностей, особенно о военной организаціи въ Россіи. Такъ имъ представленъ большой и подробный списокъ всѣхъ иностранцевъ, находящихся начальниками въ войскахъ, также содержаніе, ими получаемое.

Состояніе крѣпостей, вооруженіе войскъ, имъ же измѣрено разстояніе городовъ отъ Москвы. Вообще видна какъ наблюдательность Пальмквиста, такъ и свобода, съ которою онъ могъ входить во всѣ тайны тогдашняго правительства. Характеръ населенія онъ считаетъ не откровеннымъ. Хваля физическія достоинства Русскихъ, считаетъ ихъ народомъ лѣнивымъ, принимавшимся за трудъ только по принужденію, или когда заставляла его къ тому нужда. Вообще онъ считаетъ Русскихъ любителями мелкой торговли или вѣрнѣе маклачества.

Послѣдующіе описатели древней Россіи, кромѣ личныхъ своихъ впечатлѣній, много заимствовали у своихъ предшественниковъ. Такъ сдѣлалъ Де-Бруинъ, потомъ Корбъ, членъ Австрійскаго посольства, бывшаго въ Москвѣ во время царствованія Петра I. Корбъ былъ свидѣтелемъ казни стрѣльцовъ на Дѣвичьемъ полѣ; вернувшись въ отечество, онъ, какъ очевидецъ казни, описалъ всю жестокость, сдѣланную озлобленнымъ Петромъ. Картина вышла потрясающая. Изданная имъ книга, по жалобѣ Петра Австрійскому правительству, была изъята изъ продажи и сожжена, потому и считается теперь рѣдкостью.

Въ настоящее время книга вышла новымъ выпускомъ на французскомъ и русскомъ языкѣ. Время Императрицы Екатерины описывалъ Англичанинъ Кларкъ, но многое изъ древностей Россіи имъ заимствовано изъ Олеарія, Мейрберга и другихъ.

Вообще, не всѣмъ сказаніямъ иностранцевъ о Россіи можно вѣрить безусловно.

Забота Царя Алексѣя подвинуть наше духовное образованіе видна въ учрежденіи славяно-греко-латинскаго училища,

подвинувшее отчасти образованіе нашего духовенства. Необразованность приходскихъ священниковъ ярко рисуетъ разсказъ, сохранившійся въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ хранящемся тамъ портфелѣ тайнаго совѣтника Малиновскаго, бывшаго директора архива, въ статьяхъ „О Китай-городѣ“, глава VII, листъ № 13, находится старинный разсказъ неизвѣстнаго Нѣмчина.

Въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, при патріархѣ Никонѣ, на улицѣ Варваркѣ, стояла, да и теперь находится, церковь Максима Исповѣдника. Близъ означеннаго храма помѣщался домъ Англійскаго посольства. Англійскіе купцы только-что получили особыя привиллегіи по торговлѣ англійскими товарами въ Московскомъ Государствѣ. Въ числѣ служащихъ при посольствѣ лицъ находился Нѣмчинъ, у котораго жила ручная обезьяна. Обезьяна была до того ручна и понятлива, что ее весьма часто отпускали на базаръ, давъ ей денегъ, гдѣ она дѣлала покупки лакомствъ. Торговцы ее любили и нерѣдко угощали орѣхами, пряниками и другими сластями. Какъ-то, во время ея прогулокъ, обезьяна, воспользовавшись открытымъ окномъ въ храмѣ Максима Исповѣдника, забралась въ церковь, перерыла что было по ея силамъ, переставила иконы и бросила нѣкоторыя вещи на полъ. Происшествіе это смутило мѣстнаго священника, онъ не зналъ, кого заподозрить въ произведенномъ безпорядкѣ въ храмѣ. Спустя нѣкоторое время, въ бытность священника въ храмѣ, онъ засталъ въ немъ хозяйничавшую обезьяну. Обезьяна переставляла иконы, обрывала цѣпи лампадъ, бросила на полъ образъ Св. Николая. Священникъ принялъ ее за дьявола. Вооружившись крестомъ, онъ началъ изгонять ее изъ храма, но обезьяна, исцарапавъ ему руки, продолжала свое разрушительное хозяйничанье. Тогда священникъ взялъ кропило и началъ кропить ее свя-

тою водой, что̀ было не по нраву обезьянѣ, и она покинула храмъ.

Священникъ тотчасъ же донесъ о происшествіи патріарху, указывая на появленіе нечистаго изъ Англійскаго посольства. Патріархъ распорядился послать приставовъ въ Англійское посольство, въ сопровожденіи священника, который обязанъ былъ указать виновнаго въ святотатствѣ. Всѣ служащіе, а также и прислуга, были показаны священнику,—но онъ не призналъ между ними виновнаго въ безпорядкѣ. Такъ какъ священникъ увѣрилъ, что нарушитель былъ малъ ростомъ, то позвали дѣтей, жившихъ въ посольскомъ домѣ. Вмѣстѣ съ дѣтьми выскочила и обезьяна, тотчасъ узнанная священникомъ. „Ловите! Ловите его! воскликнулъ священникъ: вотъ оборотень“. Священникъ былъ строго наказанъ за причиненное безпокойство и лишенъ мѣста за свое невѣжество.

ГЛАВА VII.

Царь Θеодоръ Алексѣевичъ.—Царевна Софія.—Матвѣевъ.

Шестилѣтнее царствованіе царя Θеодора Алексѣевича не внесло въ русскую жизнь ничего новаго. При немъ началась борьба двухъ партій, осложнившаяся съ его кончиной. Одною руководила царевна Софія, поддерживаемая своею родней Милославскими, а другою руководилъ бояринъ Матвѣевъ, сторонникъ вдовствующей царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной. Кончина Θеодора, слабоуміе Ивана и малолѣтство Петра дали полный просторъ честолюбію Софіи. Руководителемъ русской политики явился просвѣщенный ея другъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, но затѣянные имъ крымскіе походы не имѣли успѣха.

Царевна Софія во время малолѣтства своихъ братьевъ и правленія ихъ именемъ царствомъ не возвела никакихъ за-

мѣчательныхъ построекъ въ Москвѣ, хотя кн. Василій Васильевичъ былъ большой поклонникъ художества и считался однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени.

Изъ альбома Пальмквиста. Офицеръ временъ Царя Алексѣя Михайловича.

ГЛАВА VIII.

Первые шаги Петра.—Запрещеніе деревянныхъ построекъ въ Кремлѣ.—Цейхгаузъ.—Переводъ столицы.—Праздества въ Москвѣ.—Театральныя представленія въ Москвѣ.—Уничтоженіе патріаршаго сана.

Императоръ Петръ I по кончинѣ брата своего Ивана и заключеніи сестры своей Софіи въ Новодѣвичій монастырь, взявъ твердою рукою правленіе, началъ рѣзкимъ переломомъ передѣлывать русскую жизнь на европейскій ладъ.

Застройка деревянными зданіями Кремля, гдѣ узкость улицъ, доходившая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 3 саженей ширины, не нравилась преобразователю Россіи. Когда 19 іюня 1701 года старый Кремль, во время пребыванія въ Москвѣ Петра, былъ очищенъ пожаромъ отъ старозавѣтныхъ скученныхъ деревянныхъ построекъ, то онъ приказалъ составить новый планъ кремлевскихъ построекъ. Самая обширная площадь оказалась, что теперь называется Сенатскою. Царь намѣтилъ на мѣстности отъ Никольскихъ воротъ до Троицкихъ построить цейгхаузъ или оружейный домъ.

Осенью было приступлено къ разборкѣ находившихся здѣсь зданій, въ числѣ которыхъ были и боярскіе дворы; вдовы боярина князя Якова Никитича Одоевскаго, боярыни Анны Михайловны, дворъ, бывшій Шереметева, дворъ кравчаго Василія Федоровича Салтыкова, бывшій Лыкова. Строителемъ Оружейной Палаты былъ назначенъ иностранецъ Хр. Хр. Конратъ, приказомъ же Палаты завѣдывалъ дьякъ Алексѣй Александровъ Курбатовъ, выдумавшій въ 1699 году 19 января гербовую бумагу, за что былъ пожалованъ въ дьяки.

Курбатовъ былъ въ то время великою силою и поссорившись съ Хр. Хр. Конратъ, сильно вредилъ ему. Строеніе воздвигалось весьма медленно съ 1702 года по 1706 годъ, затѣмъ по случаю Шведской войны было пріостановлено, и

постройка возобновилась только въ 1731 году и окончена въ 1736 году въ царствованіе Анны Іоанновны.

Еще повелѣніемъ Петра велѣно было доставить въ цейхгаузъ всѣ чѣмъ нибудь замѣчательныя оружія, которыя помѣщены теперь у Кремлевскихъ казармъ со включеніемъ Царь-пушки, названной такъ по вылитому на ней изображенію царя Федора Ивановича въ воинскомъ уборѣ и шишакѣ.

Переводъ столицы изъ Москвы въ новосозданный Петербургъ надолго остановилъ улучшеніе жизни въ Москвѣ. Но Петръ не забывалъ древней столицы и всѣ торжества, устраиваемыя имъ по случаю одерживаемыхъ имъ викторій, праздновалъ въ Москвѣ. Государь всякую государственную радость старался обращать въ радость народа, для чего устраивалъ всенародныя торжества и различныя потѣхи.

2 января 1702 года Борисъ Петровичъ Шереметевъ въ Лифляндіи разбилъ на голову шведскаго генерала Шлипенбаха у деревни Ерестфера; побѣда была настолько замѣчательна, что въ солдатскомъ жаргонѣ получила полное гражданство; до сихъ поръ говорятъ при блестящей расправѣ выраженіе „взъерестферить“ (простонародное „взъеренить“).

10 января было во всѣхъ церквахъ торжественное молебствіе при троекратномъ залпѣ 110 пушекъ. На Красной площади, вблизи Никольскихъ воротъ, въ 25 саженяхъ отъ нихъ, были выстроены тріумфальныя свѣтлицы и сѣни-галлереи, въ которыхъ государь далъ банкетъ-пиръ всему чиновному военному сословію. Пиръ продолжался всю ночь.

Въ то же время готовилась другая потѣха. Въ Москву прибыла нѣмецкая труппа комедіантовъ, собранная въ Данцигѣ Силавскимъ. Мѣста для исполненія комедій не было. Думали устроить представленіе въ палатахъ Кремлевскаго дворца, но всѣ онѣ оказались малы. Въ Кремлевскомъ дворцѣ они избрали было палаты такъ-называемыя Разстриген-

скія у Боровицкихъ воротъ, но мѣстность оказалась мало удобной и удаленной. Хотѣли было строить комедіальный домъ въ Кремлѣ, на мѣстѣ взятомъ у Трубецкихъ, но мѣсто было завалено матеріаломъ, приготовленнымъ для постройки цейхгауза. Тогда повелѣно строить на Красной площади у Никольскихъ воротъ. Переписка о томъ длилась нѣсколько лѣтъ. Театръ былъ готовъ только въ 1704 году и 15 мая открытъ для охотныхъ смотрѣльщиковъ, съ которыхъ въ первый день было собрано 16 руб. 20 алтынъ 4 деньги.

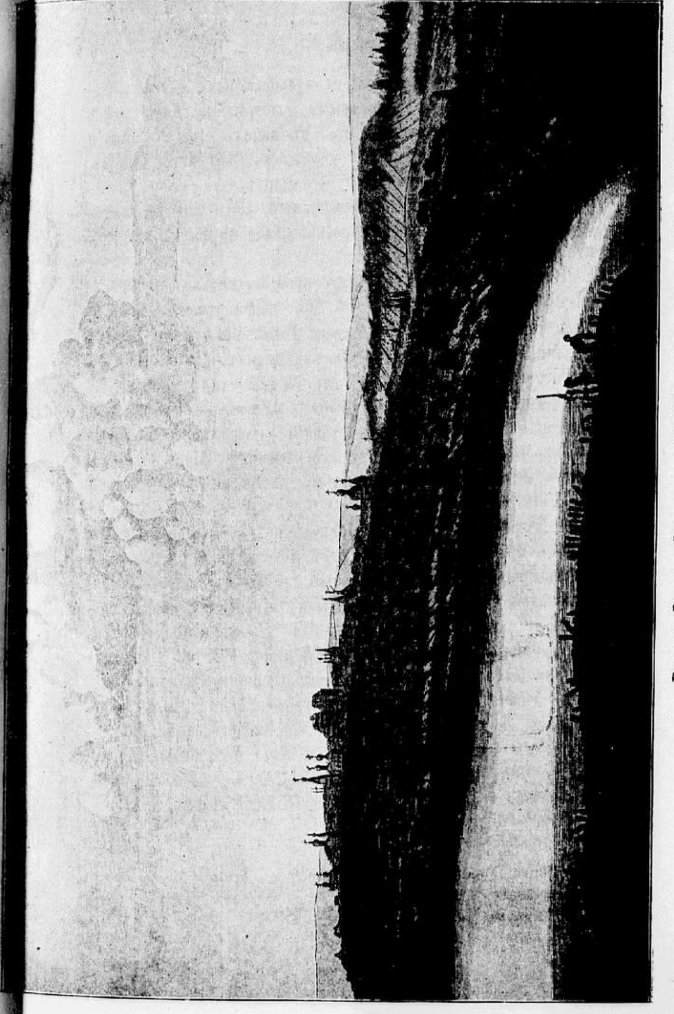
Къ иноземнымъ актерамъ прикомандировали русскихъ комедіантовъ, которыхъ обучалъ Ягинъ Куништъ. Комедіантскій домъ у Никольскихъ воротъ существовалъ еще въ 1733 году, затѣмъ повелѣно было домъ этотъ болѣе не строить.

Патріаршій санъ, упраздненный Петромъ, подвергъ запустѣнію патріаршій дворъ, тому же способствовали пожары 1701 и 1703 годовъ. Самыя кельи патріарха оставались пустыми, такъ какъ блюститель упраздненнаго престола, Стефанъ, пребывалъ на своемъ Рязанскомъ подворьѣ, близъ Лубянской площади въ началѣ Мясницкой улицы, гдѣ и скончался 27 ноября 1722 года. При немъ, до учрежденія Синода, не произошло почти никакихъ перемѣнъ въ устройствѣ двора.

Въ 1721 году заключенъ былъ славный Нейштадскій миръ съ Шведами, закончившій великую двадцатилѣтнюю Сѣверную войну и подавшій поводъ сенату и Синоду поднести Великому Труженику особую почесть въ наименованіи его особы Отцомъ Отечества, Великимъ и Императоромъ Всероссійскимъ. Это происходило въ Петрополѣ.

Послѣ празднествъ въ новой столицѣ Петръ не забылъ и старой.

Прибывъ въ подмосковное село Всѣхсвятское, онъ только 18-го могъ въѣхать въ Москву, потому что ко въѣзду его не были готовы пятеро тріумфальныхъ воротъ, выстроенныхъ нарочно въ разныхъ мѣстахъ столицы. Вездѣ встрѣчали го-

Видъ изъ Замоскворѣчья въ началѣ XVIII столѣтія.

сударя съ громомъ трубныхъ и музыкальныхъ гласовъ, барабаннымъ боемъ и пушечными выстрѣлами. Годъ этотъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ началѣ его 25 января вмѣсто патріаршества былъ учрежденъ Святѣйшій Синодъ, получившій особый духовный регламентъ.

Нынѣ существующій Синодальный домъ представляетъ совокупность связанныхъ въ одно цѣлое прежнихъ старыхъ построекъ съ новыми.

Путешествія Петра I въ чужіе края заставляли знакомиться Русскихъ со многимъ, до того неизвѣстнымъ намъ *. Такъ Петромъ I былъ посланъ въ Голландію купецъ Семенъ Маленкій для привоза въ Россію индѣйскихъ орѣховъ (какао). Въ первый разъ было привезено четыре таи, счетомъ въ каждомъ мѣшкѣ по 1000 орѣховъ. Затѣмъ въ Россію привозилось до двухъ тысячъ пудовъ. Употребленіе шеколада въ Европѣ началось съ открытія Америки. При французскомъ дворѣ шеколадъ введенъ въ употребленіе въ половинѣ XVII столѣтія.

** Петромъ же дозволенъ привозъ изъ-за границы табаку. Табакъ привезенъ въ Европу въ половинѣ XVI столѣтія и употреблялся сперва курительный, а потомъ вскорѣ разработывался въ нюхательный. Во всѣхъ европейскихъ странахъ судили уголовнымъ судомъ за употребленіе этой травы и наказывали жестоко. Папа Урбанъ VIII въ 1684 году и папа Иннокентій въ 1620 торжественно прокляли его.

Въ Россіи по силѣ 25 главы уложенія за нюханье рѣзали носы, но сила народной воли была непреодолима. Петръ I дозволилъ Англичанамъ ввозить табакъ въ Россію. Пошлины съ него приносили казнѣ до 50.000 рублей. Привозъ его изъ-за границы достигалъ до 75.000 пудовъ.

* Папка Малиновскаго хранящаяся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

** Тамъ же.

ГЛАВА IX.

Воцареніе Екатерины I.—Петра II.—Анны.—Царь-Колоколъ.—Анненгофскій дворецъ.

Съ кончиною Великаго Императора и краткимъ царствованіемъ Императрицы Екатерины I, наступило тоже кратковременное царствованіе его внука, Императора Петра II.

Переѣздъ новаго Императора въ Москву 4 февраля 1728 года и попытки старобоярской партіи возобновить традиціи прежняго времени не имѣли успѣха, за скорою кончиною молодого Государя. Петръ II, свергнувъ съ себя иго князя Меньщикова, по прибытіи въ Москву для коронаціи увлекся забавами молодости, простудился на крещенскомъ водосвятіи и вскорѣ скончался. Сговоренныя съ нимъ двѣ невѣсты, сначала кн. Меньщикова, а потомъ кн. Долгорукова печально закончили свое существованіе. Выбранная верховниками на царство Курляндская герцогиня Анна Ивановна по прибытіи въ столицу, узнавъ, что актъ, умаляющій ея самодержавную власть, былъ дѣломъ восьми лицъ верховниковъ, уничтожила подписанный ею въ Митавѣ актъ, разорвавъ его публично, и подвергла суду, а потомъ и ссылкѣ лицъ, ограничившихъ ея самодержавіе.

Провозглашенная Императрицей Всероссійской, Анна Іоанновна 10 февраля пріѣхала въ село Всѣхсвятское подъ Москвою, и тотчасъ же приказала на другой же день похоронить Петра II въ Архангельскомъ соборѣ.

15 февраля состоялся ея торжественный въѣздъ въ Москву. Когда всѣ препирательства партій и недоразумѣнія акта верховниковъ были окончены его уничтоженіемъ, Императрица манифестомъ своимъ отъ 24 апрѣля 1730 года назначила день своего коронованія 28 апрѣля *. Громъ орудій, начатый въ

*) Описаніе Коронаціи, печатанное въ Москвѣ при Сенатѣ 31 октября 1730 года, хранится въ Чертковской библіотекѣ.

6 часовъ утра 28 апрѣля, возвѣстилъ древней столицѣ начало торжества. Лица, назначенныя къ участію въ церемоніи, тотчасъ начали собираться въ столовой палатѣ Кремлевскаго дворца. Когда все было готово въ Успенскомъ соборѣ къ началу священнодѣйствія, Государыня прослѣдовала въ соборъ по устланному краснымъ сукномъ помосту, подъ золотымъ парчевымъ балдахиномъ.

Чинъ коронаціи совершалъ Феофанъ архіепископъ Новгородскій. На слѣдующій день былъ пріемъ пословъ, а въ послѣдующіе дни и другихъ особъ.

Празднество закончилось большимъ фейерверкомъ. Воцареніе Анны дало большой толчокъ въ роскоши при русскомъ дворѣ, роскоши, поощряемой самой императрицей. Какъ памятникъ безумной траты денегъ отъ ея времени, остался намъ знаменитый Царь-Колоколъ, который превосходитъ своею величиной всѣ извѣстные колокола земного шара.

Колоколъ первоначально былъ отлитъ съ прибавкою мѣди отъ разбившагося Годуновскаго колокола и имѣлъ 8.000 пудовъ. Въ царствованіе Анны, по ея личному желанію, разбитый пожаромъ колоколъ былъ вновь перелитъ русскимъ мастеромъ. Въ настоящее время онъ содержитъ въ себѣ вѣсу 12.327 пуд. 19 фунтовъ. Вышина его 19 футовъ 9 дюймовъ, стѣны имѣютъ толщины 2 фута. Царь-Колоколъ отлитъ въ 1735 году, но находился въ ямѣ, гдѣ его отливали. Надъ ямой былъ сдѣланъ деревянный шатеръ. Во время большого пожара Кремля въ 1737 году на крышу шатра упало горѣвшее бревно, отчего загорѣлся и шатеръ. Балки, на которыхъ былъ подвѣшенъ колоколъ, не выдержали и колоколъ, разгоряченный огнемъ, упалъ на дно ямы. Присутствовавшій народъ, желая спасти его отъ поврежденія, поливалъ разгоряченную мѣдь, которая отъ поливки холодной водой дала трещину, и большой кусокъ колокола отдѣлился отъ него. Отливкою колокола руководилъ мастеръ Иванъ Федоровъ Маторинъ.

За Яузою противъ Нѣмецкой слободы Императоромъ Петромъ I былъ выстроенъ дворецъ. При немъ голландецъ Тимофей Брантгофъ развелъ садъ.

Императрица Анна Іоанновна очень любила этотъ садъ и приказала назвать его своимъ именемъ „Анненгофъ“. Когда Государыня жила здѣсь, то передъ дворцомъ простирался большой лугъ, на которомъ не было ни одного куста.

Императрица, гуляя со своими приближенными сказала: „Было бы весьма пріятно гулять здѣсь, если бы вмѣсто луга тутъ была роща, въ ея тѣни можно было бы укрываться отъ зноя“. Спустя нѣсколько дней во дворцѣ было назначено особое празднество въ ознаменованіе какой-то побѣды. Императрица, вставъ рано утромъ, по обыкновенію подошла къ окну, желая узнать состояніе погоды, и съ удивленіемъ увидѣла большую перемѣну мѣстности: передъ ея глазами стояла обширная роща старыхъ деревьевъ.

Изумленная Императрица потребовала объясненія этого чуда. Ей доложили, что ея придворные, которымъ она нѣсколько дней тому назадъ, гуляя по лугу, выразила свое желаніе имѣть здѣсь рощу, воспользовались мыслью государыни и тогда же вечеромъ разбили лугъ на участки и каждый, кому какой достался по жребію участокъ, со своими рабочими въ одну ночь засадилъ его отборными деревьями. Мѣсто подъ садъ взято у Лефорта.

Въ Анненгофскій садъ выписывали деревья изъ Персіи. Ежегодно на содержаніе сада и его устройство отпускалось 30.000 рублей. Завѣдывалъ имъ Оберъ-Гофмейстеръ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ.

Въ саду было девять прудовъ съ рыбою. Садъ былъ украшенъ бесѣдками и каменными статуями. Садъ былъ обширенъ. Для одной перевозки навоза изъ Остоженскихъ конюшенъ въ 1741 году были наряжены дворцовою канцеляріею крестьяне изъ селъ Троицкаго, Голенищева, Измайлова, Коломенскаго, Софина и Братовщина. На устроенныя оранжереи отпускалось ежемѣсячно 45 саженъ дровъ.

Вскорѣ послѣ кончины Анны Іоанновны деревянный дворецъ сгорѣлъ. Императрица Елизавета Петровна приказала невдалекѣ отъ стараго дворца построить новый тоже деревянный дворецъ. Дворецъ этотъ въ народѣ называли „Головинскимъ“, такъ какъ строитель дворца и подрядчикъ оба носили фамилію Головиныхъ.

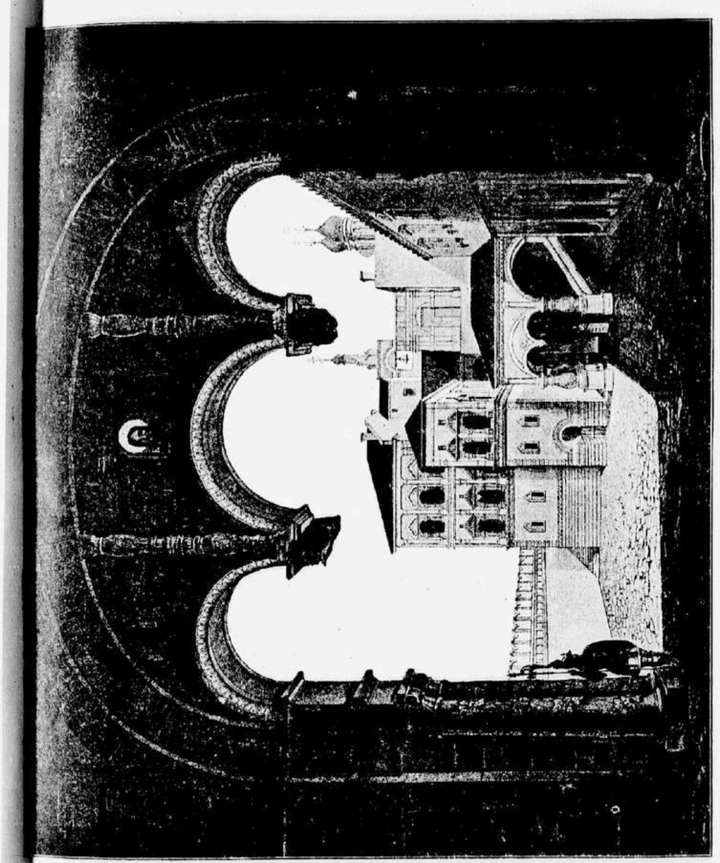
Во время чумы въ Москвѣ въ этомъ дворцѣ поселился князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, присланный изъ Петербурга. На третій день его пріѣзда Головинскій дворецъ сгорѣлъ.

Императрица Екатерина II на мѣсто прежняго деревяннаго дворца приказала выстроить каменный. Дворецъ строился знаменитымъ зодчимъ В. И. Божановымъ. Планъ и всѣ эмблематическія украшенія разсматривались и утверждались Екатериною II.

Императоръ Павелъ I превратилъ дворецъ въ казармы. Въ 1812 году Головинскій дворецъ былъ почти разрушенъ французами и только въ 1823 году перестроенъ для смоленскаго кадетскаго корпуса, переведеннаго въ Москву.

Послѣ Петра I при Екатеринѣ I и Петрѣ II въ Москвѣ публичныхъ представленій не было. Со вступленіемъ на престолъ Анны Іоанновны простота прежнихъ временъ смѣнилась великолѣпіемъ и пышностью. Никогда еще коронованіе русскихъ государей не совершалось съ такимъ блескомъ, какъ коронація Анны Іоанновны. Къ этому торжественному дню польскій король Августъ II отправилъ въ Москву отборнѣйшіе таланты своей дрезденской оперы. Это были италіянцы, между которыми находились европейскія знаменитости, превосходные пѣвцы, танцовщики и музыканты. Изъ числа ихъ особенно отличались актрисы Казанова, мать извѣстнаго авантюриста Жана Казанова и комикъ пѣвецъ Педрилло, впослѣдствіи шутъ Государыни.

По кончинѣ Императрицы Анны Іоанновны, Императоромъ былъ провозглашенъ внукъ ея сестры, Иванъ Антоновичъ.

Потѣшный дворецъ по древнему чертежу.

Быстрая смѣна правителей, первоначально герцога Бирона, потомъ правительницы Анны Леопольдовны, не оставила никакихъ слѣдовъ въ Москвѣ ихъ кратковременнаго правленія.

Затѣмъ дворцовая революція возвела на тронъ дщерь Петра Елисавету Петровну.

Царствованіе Анны омрачилось двумя грустными распоряженіями: жестокою и несправедливою казнью кабинетъ-министра Волынскаго и второе—ввѣреніе власти надъ Русскимъ Государствомъ своему любимцу Бирону, злому и мстительному человѣку.

Въ ночь съ 24 на 25 ноября по арестованіи Анны Леопольдовны съ семьею и Императора Іоанна, дочь Петра Великаго, Елисавета, провозглашена была Императрицей Всероссійской. Прибывъ въ концѣ февраля въ подмосковное село Всѣхсвятское, она имѣла торжественный въѣздъ въ Москву 28 февраля 1742 года.

*При въѣздѣ Императрицы въ Москву устроено было четверо тріуфальныхъ воротъ, изъ которыхъ одни, на Мясницкой, существуютъ до настоящаго времени.

Первыя ворота были воздвигнуты отъ Московской губерніи у Земляного города. Вторыя—у Китай-города близъ рядовъ и Казанскаго собора, сооруженныя Святѣйшимъ Синодомъ. Третьи—у Мясницкихъ воротъ, построены Магистратомъ и купечествомъ и четвертыя, при рѣкѣ Яузѣ близъ дома Государыни, построены орденомъ Кампозита.

Коронація состоялась 25 апрѣля 1742 года. Послѣ совершенія церковнаго таинства начались обычныя празднества, которыя длились до 7 іюня, когда по всей Москвѣ была устроена и сожжена иллюминація.

*) Изданія С.-Петербургской Академіи Наукъ 1744 года. Хранится въ Чертковской библіотекѣ.

Императрица Елисавета. Изъ Коронаціоннаго альбома Академіи Наукъ изданнаго въ 1744 году.

ГЛАВА X.

Воцареніе Елисаветы.—Празднества.—Пріѣзды въ Москву и ея упорядоченіе.

Императрица Елисавета любила Москву въ юности и въ молодости неоднократно проживала въ ней, а также въ ея окрестностяхъ, гдѣ въ селахъ устраивала деревенскія народныя гульбища, въ которыхъ своимъ личнымъ участіемъ придавала имъ особенный блескъ и душевное общеніе съ народомъ.

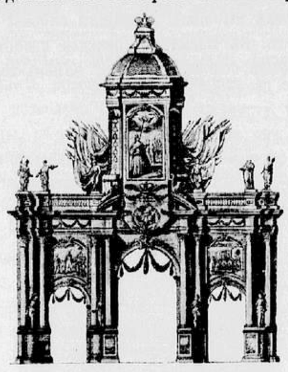
При воцареніи Императрицы Елисаветы Петровны началась новая блистательная эпоха процвѣтанія драматическаго искусства въ Россіи и въ ея же царствованіе положено начало отечественному театру. Ко дню коронованія Императрицы въ Москвѣ нарочно былъ построенъ новый театръ на берегу Яузы. Театръ былъ обширенъ и прекрасно убранъ. Въ день коронаціи былъ данъ первый великолѣпный спектакль на италіанскомъ языкѣ: Титово милосердіе (Clemenzo di Titto) и опечаленная и вновь утѣшенная Россія (La Russia offletta et riconsolato). Послѣ слѣдовалъ балетъ, который былъ превосходенъ.

Въ слѣдующіе дни былъ другой балетъ: „Золотое яблоко на пирѣ боговъ, или судъ Париса“.

Второй пріѣздъ въ Москву Императрицы Елисаветы былъ въ 1744 году, когда она знакомила Москву съ невѣстой наслѣдника престола, Герцогинею Софіей, впослѣдствіи Императрицей Екатериной II.

Въ то время шла борьба партій, результатъ которой былъ печальнымъ исходомъ для французскаго посла Маркиза Петарди, интриговавшаго противъ политики Фридриха Великаго. Во время поѣздки Императрицы въ Троицкую Лавру явился къ Маркизу генералъ Ушаковъ и предъявилъ ему приказъ Императрицы выѣхать изъ Москвы въ 24 часа.

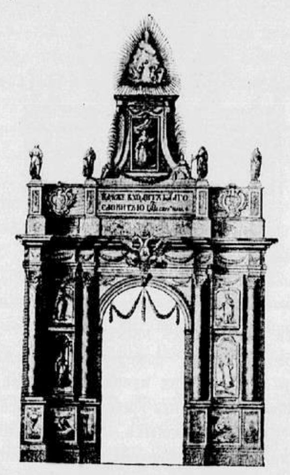
Слѣдующій пріѣздъ Императрицы былъ въ 1749 году. Пребываніе Елисаветы было полезно для древней столицы, сильно пострадавшей отъ пожаровъ. Москва страдала тѣсно-

Тріумфальныя ворота на Тверской у Земляного города.

тою въ самыхъ населенныхъ частяхъ своихъ, что вело къ частымъ истребительнымъ пожарамъ и заражало воздухъ. Послѣ смутнаго времени при новой династіи видно стремленіе царей высвободиться хотя временно изъ кремлевской тѣсноты на просторъ подгородныхъ мѣстъ. При царѣ Михаилѣ такимъ царскимъ мѣстопребываніемъ было село Покровское, при царѣ Алексѣѣ—Измайлово, потомъ Преображенское, которое при Петрѣ тѣсно соединилось съ Нѣмецкою слободою. Вслѣдствіе этого XVII и XVIII вѣка видятъ новую Москву, Москву Яузскую въ противоположность старой, обмываемой Москвою-рѣкою и Неглинною. Между тѣмъ въ старой Москвѣ становится просторнѣе, какъ вслѣдствіе отъѣзда двора и выселенія знати на новыя пріяузскія мѣста, такъ и вслѣдствіе пожаровъ. Въ Кремлѣ становится возможнымъ жить людямъ, привыкшимъ къ петербургскому простору, которые въ на-

чалѣ вѣка не могли выносить кремлевской тѣсноты и зловонія. Кромѣ того старая Москва брала верхъ своими святыми и славными древностями и съ половины XVIII вѣка начинаютъ думать, какъ бы опять перенести царское мѣстопребываніе въ Кремль. Въ Кремлѣ становится просторнѣе, но въ Китай-городѣ была большая тѣснота. Камеръ-коллегіи, глав-

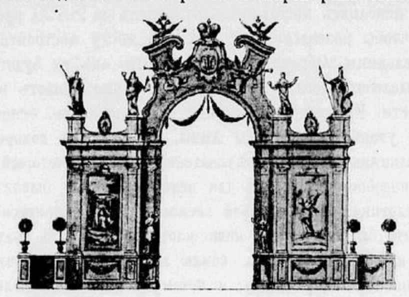
Тріумфальныя ворота въ Китай-городѣ у Казанскаго собора.

ному Магистрату, московской губернской и полиціймейстерской канцеляріямъ, съ присоединеніемъ комиссіи изъ купечества, поручено было составить планъ для очищенія Китай-города, и планъ былъ составленъ въ маѣ мѣсяцѣ 1749 года: Скамьи, каменныя приступки и другіе загромождающія пространство постройки предположено сломать, препятствующіе проѣзду погреба засыпать. Сенатъ велѣлъ привести это

въ исполненіе. Сенату было представлено, что на Всѣхсвятскомъ мосту, единственномъ каменномъ въ Москвѣ, находятся лавки и палатки, въ которыхъ живутъ люди и которыя стоятъ не покрыты, отчего этимъ лавкамъ и палаткамъ, да и самому мосту можетъ быть поврежденіе. Сенатъ распорядился ихъ покрыть. Мостъ требовалъ починки, которую взялся исполнить крестьянинъ Кузнецовъ за 8.120 руб., съ тѣмъ, чтобы позволено было ему при мосту построить разныя мельницы. Оброка съ нихъ платить онъ не будетъ, но въ продолженіе десяти лѣтъ будетъ содержать мостъ въ исправности. На послѣдній пунктъ не согласились, основываясь на указѣ Императрицы Анны, въ которомъ говорилось, что мельницы вредятъ Всѣхсвятскому мосту, который ежегодно надобно чинить, что для мельницъ между быковъ сдѣлана плотина, близъ которой весною будетъ спираться ледъ и ломать быки. Выше и ниже плотины годъ отъ году все болѣе и болѣе вырываетъ землю и насыпало островъ, что небезопасно всему мосту, и потому велѣно всѣ мельницы сломать. Кузнецова уговорили взять починку моста безусловно, но уже за 8.770 руб.

Петербургскихъ гостей въ Москвѣ поразило явленіе, которое прежде оставалось незамѣченнымъ. Несмотря на указъ Петра Великаго 1722 года, запрещавшій отпускать колодниковъ на связяхъ просить милостыню, сенатъ усмотрѣлъ, что многіе колодники, пытанные, въ рубищахъ до такой степени ветхихъ, что тѣло едва прикрыто лоскутьями, стоя скованными на Красной площади и по другимъ большимъ улицамъ, просятъ милостыню необыкновенно нараспѣвъ съ крикомъ; также ходятъ по рядамъ и по всей Москвѣ по улицамъ. Сенатъ приказалъ: колодниковъ, которые сами себя прокормить не могутъ, отсылать на казенныя работы и давать заработной платы по двѣ копѣйки въ день на человѣка, а которые содержатся въ искахъ, тѣхъ кормить истцамъ.

Лѣтомъ донесено было Сенату, что въ Москвѣ всякій хлѣбъ продаютъ очень высокими цѣнами, отъ чего народу большая тягость, а московскій магистратъ не только не старается объ уменьшеніи чрезвычайныхъ цѣнъ, но и не присылаетъ въ главную полицію вѣдомостей о цѣнахъ: за мартъ прислана вѣдомость въ апрѣлѣ. Въ мартѣ рожь была 7 гри-

Тріумфальныя ворота близъ дворца Государыни при рѣкѣ Яузѣ.

венъ, а въ іюнѣ полтора рубля, мука 180 копѣекъ и потомъ дороже двухъ рублей. Императрица посѣщала московскія окрестности село Софьино, Перово, въ которомъ оставалась нѣсколько дней. Свои имянины 5 сентября провела въ Воскресенскомъ монастырѣ. 22 декабря вернулась въ Петербургъ. Въ маѣ 1750 года упала часть каменной стѣны Бѣлаго города и задавила нѣсколько человѣкъ. Ветхость кремлевскихъ стѣнъ и башенъ взялись исправить подрядчики за 12.950 рублей, а по Китаю и Бѣлому городу, гдѣ башни грозятъ паденіемъ, велѣно чинить, не упуская лѣтняго времени. При починкахъ нашли кладъ особаго рода въ погребѣ у Тайницкихъ воротъ: соль бузунъ въ ветхихъ куляхъ, о которой соляная канцелярія никакихъ извѣстій не имѣла.

Лѣтомъ 1753 года Елисавета посѣтила вновь Москву, такъ какъ въ Кремлѣ были назначены передѣлки и постройки.

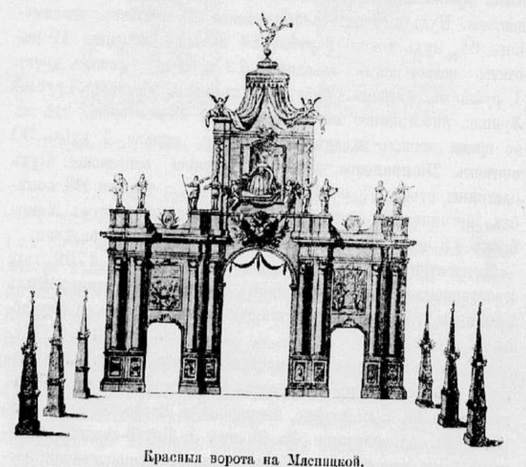
Прежде всего нужно было очистить Кремль, гдѣ между Успенскимъ и Благовѣщенскимъ соборами и Грановитою палатою и Краснымъ крыльцомъ были навалены груды кирпича и другихъ припасовъ, щебня, разбитыхъ колоколовъ и всякаго сора. Сенатъ приказалъ: исполнить самимъ дѣломъ, а не перепиской, „иначе контора будетъ отвѣчать“. Несмотря на свой печальный видъ, Москва, по центральности своего положенія, выгоднаго въ промышленномъ и торговомъ отношеніи, привлекала къ себѣ много людей, которымъ нужно было запастись предметами роскоши, хорошими съѣстными припасами, купить книжекъ и полѣчиться у хорошаго доктора. Пудъ печенаго хлѣба стоилъ 26 копѣекъ, пшеничнаго 64, пудъ масла 2 рубля 14 копѣекъ, постнаго 19 копѣекъ ведро; пудъ говядины 12 копѣекъ, сажень дровъ 1 рубль 60 копѣекъ. Работница получала въ годъ 3 рубля. Лучшее иностранное вино въ погребѣ Маменторфа, гдѣ въ то время начало входить шампанское, стоило 1 рубль 30 копѣекъ. Шампанское замѣняло прежнее венгерское. Пудъ осетрины стоилъ 1 рубль 20 копѣекъ, а бѣлуги 80 копѣекъ, ветчина 50 копѣекъ пудъ. Извѣстный докторъ Монси бралъ 15 червонцевъ за лѣченіе всей серьезной болѣзни.

Императрица пріѣхала въ Москву 19 декабря 1752 года и остановилась въ Головинскомъ дворцѣ, наслѣдникъ былъ помѣщенъ во флигелѣ, состоящемъ изъ 12 весьма неудобныхъ комнатъ.

Съ возстановленіемъ кремлевскаго дворца было много хлопотъ, многія строенія за золотою рѣшеткою по мнѣнію архитектора кн. Ухтомскаго, Евлашова и Растрелли слѣдовало разобрать до основанія. Въ Кремлѣ и Китай-городѣ запрещено было строить деревянныя зданія, а существующія сломать. Такъ какъ кромѣ кремлевскихъ построекъ предположено было строить и другія казенныя зданія, то архитек-

торъ кн. Ухтомскій просилъ дозволенія взять кирпичъ отъ разобранныхъ стѣнъ Бѣлаго города. Сенатъ дозволилъ.

Чтобы пообчистить столицу, велѣно было сломать на Никольской пустыя каменныя лавки, наполненныя очищеннымъ съ улицы навозомъ. Около Ивановской колокольни приказано было грязь очистить и впредь не заводить. Синодальныя тріумфальныя ворота на Никольской разобрать. Кабакъ у Никольскихъ воротъ снять, площадь у Ивана Великаго выслать лещедью, красныя тріумфальныя ворота, обгорѣвшія въ 1748 году, возобновить въ прежнемъ видѣ, для чего отпустить 16.000 рублей. Противъ Иконнаго ряда къ Спасскому монастырю каменныя лавки и ступени велѣно сломать.

Красныя ворота на Мясницкой.

Велѣно засыпать колодези на улицахъ и вырыть ихъ на дворахъ, сломать лубье и не крыть дома соломою.

Въ то время, когда старались очистить и украсить Москву, 1 ноября огонь истребилъ обширный Головинскій дворецъ. Императрица переѣхала въ Покровскій дворецъ, а Великій Князь и Великая Княгиня были помѣщены въ Нѣмецкой слободѣ въ весьма неудобномъ, холодномъ и сыромъ домѣ.

Немедленно приступили къ постройкѣ новаго дворца на мѣстѣ сгорѣвшаго, что было поручено Генералъ-Прокурору Трубецкому и сенатору Петру Ивановичу Шувалову.

Въ 1759 году въ Москву по Высочайшему повелѣнію были отправлены актеры Ф. Г. Волковъ и Яковъ Шумскій для основанія публичнаго театра. Театръ былъ построенъ еще въ 1757 году близъ Краснаго пруда, большинство актеровъ состояло изъ студентовъ Университета, но такъ какъ оканчивая курсъ и получая должности, они или уѣзжали изъ Москвы или получая должности не могли участвовать по своему положенію въ спектакляхъ, то театръ сиротѣлъ и оскудѣвалъ, а въ 1761 году окончательно закрылся.

Доброта Елисаветы при ея отзывчивомъ сердцѣ немного омрачалась ея снисходительностью къ любимцамъ своимъ, которые, зная ея отвращеніе къ занятіямъ государственными дѣлами, часто пользовались этимъ и изъ корысти наносили большой вредъ странѣ. Елисавета Петровна любила Коломенскій дворецъ и заботилась о поддержаніи и сохраненіи дворца своего дѣда, гдѣ въ то время хранилась колыбель ея Великаго родителя. Императрица, живя въ Москвѣ, любила пріѣзжать въ Коломенское и угощать тамъ лицъ своего двора по старинному царскому положенію. Дворецъ былъ обширенъ, въ немъ было 270 комнатъ и 3.000 оконъ. Дворецъ былъ впослѣдствіи сломанъ княземъ Н. В. Юсуповымъ.

Императрица выразила свою заботливость къ народному просвѣщенію учрежденіемъ Московскаго Университета; первымъ кураторомъ котораго былъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

Царствованіе Императора Петра III было непродолжительно. Собственно для Москвы оно не имѣло никакого существеннаго значенія. Императоръ, какъ приверженецъ Фридриха

Великаго и его системы, не любилъ Россіи и особенно русскаго духовенства, не любилъ также русскаго войска и оказывалъ полное невниманіе своему сыну Павлу. Отказъ его отъ правленія и послѣдовавшая вскорѣ внезапная кончина не отразились въ московской жизни никакимъ выдающимся фактомъ.

ГЛАВА XI.

Провозглашеніе Екатерины II.—Пріѣздъ ея въ Москву.—Коронація.—Открытіе Воспитательнаго Дома.—Постройка Павловской больницы.—Чума.—Еропкинъ-Орловъ.—Московскіе вельможи.—Празднества 1773 года.—Обмѣнъ ассигнацій.—Пугачевъ.—Открытіе губернскихъ учрежденій.—Царицыно.—Любимцы Государыни.

Послѣ провозглашенія Всероссійской Императрицей супруги Петра, Екатерины Алексѣевны, Москва, принявъ присягу на вѣрноподданство, разукрасилась по возможности и начала готовиться къ пріему новой Государыни, Екатерины II, коронація которой была назначена въ слѣдующемъ году.

Первый разъ по восшествіи на престолъ, прибывъ въ подмосковное село Покровское 9 сентября, Императрица торжественно въѣхала въ Москву 13 сентября 1762 года. Во время тридцати трехлѣтняго своего царствованія Екатерина неоднократно посѣщала Москву и нерѣдко проживала въ ней продолжительное время.

Всѣ торжественныя празднества, совершаемыя по поводу заключенія мирныхъ трактатовъ, земельныхъ пріобрѣтеній для округленія русскихъ границъ, совершались въ Москвѣ.

Много веселыхъ и тяжелыхъ дней видѣла Москва въ царствованіе Екатерины II.

Мы опишемъ только тѣ улучшенія, которыхъ коснулась московская жизнь въ царствованіе этой Государыни.

Москва до воцаренія Екатерины представляла собою собраніе нѣскольскихъ городовъ и деревень, связанныхъ собою только общностью привычекъ и разноколиберныхъ обычаевъ, привившихся къ нравамъ ея обитателей.

Внѣшнее устройство мало улучшилось даже эпохою преобразованій Петра.

Императрица Екатерина II. Съ гравюры Каролины Ватсонъ, сдѣланной съ портрета Роселена.

Центромъ московской жизни былъ Кремль со своими историческими каменными стѣнами, каменными же стѣнами Китай-города и деревянно-земляными Бѣлаго города.

Плана города не существовало, а все строилось по прихоти домохозяина.

Цѣлыя пустоши отдѣляли одну часть города отъ другой, а вмѣстѣ съ тѣмъ неправильныя улицы были мѣстами дотого узки, что всякое движеніе по нимъ было затруднительно. Дома представляли собою смѣсь барства и нищенства. Богатыя усадьбы дворянства и богатаго купечества были окружены садами, прудами и обширными дворами, тогда какъ невдалекѣ отъ нихъ въ городѣ, густо скучившись, селились въ простыхъ крестьянскихъ избахъ, крытыхъ лубкомъ и соломою, остальные обитатели Москвы. Каменной мостовой почти не существовало; ее начали дѣлать, и то въ небольшомъ размѣрѣ, только въ 1692 году. Улицы мостились фашинникомъ и круглыми бревнами, и то не всѣ. Большинство улицъ утопало въ непролазной грязи.

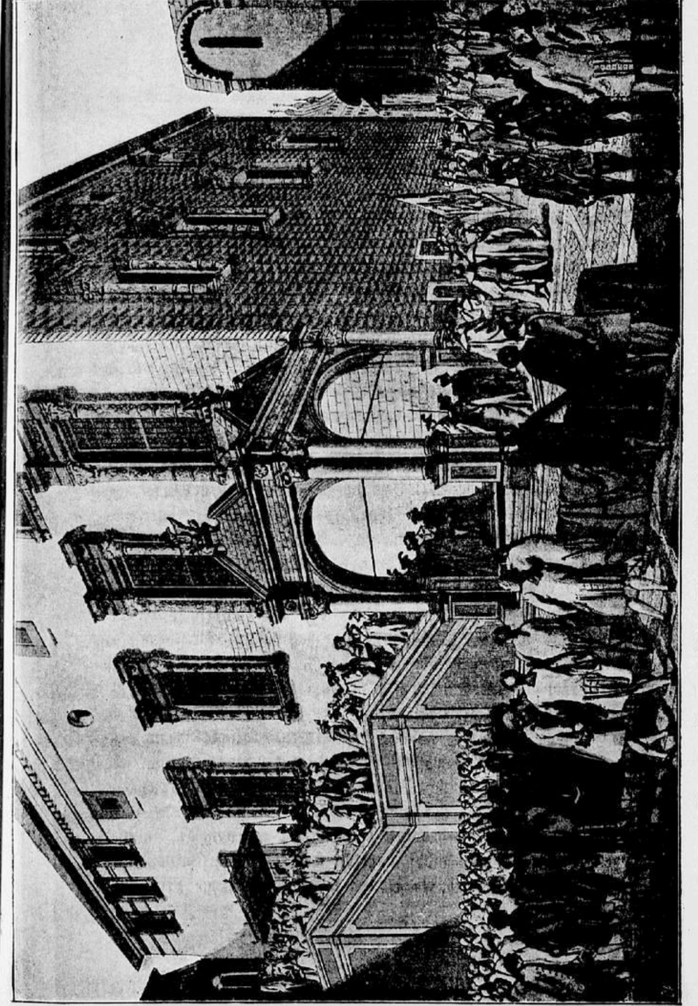
На ночь, во избѣжаніе грабежа и воровства, улицы запирались рогатками. Освѣщенія почти не существовало. Къ началу царствованія Императрицы всѣхъ фонарей въ Москвѣ было 600, да и тѣ освѣщались только до двѣнадцати часовъ ночи.

Вотъ въ какомъ видѣ была Москва при воцареніи Екатерины II. Во время перваго въѣзда Государыни улицы Москвы были убраны шпалерами изъ подрѣзанныхъ елокъ, а на площадяхъ стояли арки.

Дома жителей украшены были разноцвѣтными матеріями. На Тверской улицѣ, въ Земляномъ городѣ, въ Бѣломъ городѣ, въ Китай-городѣ Воскресенскія и Николаевскія были украшены тріумфальными воротами. Московскій митрополитъ Тимофей съ духовенствомъ встрѣтилъ Государыню у Никольскихъ воротъ. Императрица ѣхала въ золотой каретѣ.

Коронація совершилась въ воскресенье.

Вечеромъ Кремль и вся Москва были иллюминованы, а за Москвой-рѣкой, гдѣ въ то время простирался Царицынъ лугъ, былъ сожженъ фейерверкъ.

Коронація Екатерины II въ 1762 году. Видъ Краснаго крыльца со старинной гравюры.

Народный праздникъ на Красной площади и Лобномъ мѣстѣ былъ на шестой день коронаціи.

По окончаніи всѣхъ коронаціонныхъ празднествъ Екатерина отправилась въ Троицкую лавру.

Императрица пробыла всю послѣдующую зиму въ Москвѣ. Увеселенія шли съ большою роскошью всю зиму. Маскарады доходили до сказочнаго волшебства. Маскарадъ на масляницѣ длился по всѣмъ улицамъ столицы до трехъ дней.

Во время перваго пребыванія въ Москвѣ Екатерины былъ изданъ указъ о крытіи гонтомъ казенныхъ и частныхъ зданій. Въ томъ же 1763 году былъ изданъ указъ объ открытіи Воспитательнаго дома въ Китай-городѣ, а затѣмъ въ Бѣломъ городѣ.

Въ память выздоровленія наслѣдника престола, была устроена въ 1763 году Павловская больница. Мысль устроить Воспитательный домъ въ Москвѣ была предложена Иваномъ Ивановичемъ Бецкимъ. Онъ предложилъ отдать мѣсто подъ него, такъ-называемый „Гранатный Дворъ“, съ Васильевскимъ садомъ, посаженнымъ отцомъ Іоанна Грознаго. Въ видѣ матеріала онъ предложилъ употребить каменную городскую стѣну, бывшую въ полуразрушенномъ видѣ.

Стѣна существовала отъ Бѣлаго города по берегу Москвырѣки къ стѣнѣ Китай-города. На постройку этого зданія открылась добровольная подписка по церквамъ всей Россіи. Государыня была первая вкладчица.

Апрѣля 21 1764 года въ день рожденія Государыни состоялась закладка зданія. При закладкѣ зданія были положены двѣ мѣдныя доски, на которыхъ было вырѣзано слѣдующее: „Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссійская для сохраненія жизни и воспитанія въ пользу общества въ бѣдности рожденныхъ младенцевъ, а притомъ и въ прибѣжище сирыхъ и неимущихъ родильницъ, повелѣла соорудить сіе зданіе, которое заложено 1764 года апрѣля 21 дня“.

Въ 1771 году при Воспитательномъ домѣ былъ учрежденъ „Родильный институтъ“. Извѣстный своими причудами Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ прислалъ Бецкому на это учрежденіе двѣсти тысячъ рублей. Демидовъ, состоя членомъ строительной коммиссіи Воспитательнаго дома, неоднократно жертвовалъ большія деньги и дома на благоденствіе заведенія.

Въ томъ же 1771 году Москву посѣтило ужасное бѣдствіе: открылась моровая язва, занесенная войсками изъ Турціи.

Жители впали въ уныніе, тѣмъ болѣе что главнокомандующій графъ Салтыковъ бѣжалъ въ свою деревню. За нимъ выѣхали губернаторъ Бахметьевъ и оберъ-полиціймейстеръ Ив. Ив. Юшковъ. Москва, оставшись безъ надзора, сдѣлалась ареной грабежа и разбоя.

Салтыковъ былъ уволенъ и на его мѣсто вступилъ генералъ-поручикъ Еропкинъ.

Бунтовавшій народъ не слушалъ никакихъ увѣщаній Еропкина и бросалъ въ него каменьями, ранивъ его въ ногу. Тогда Еропкинъ вынужденъ былъ усмирить толпу картечью изъ пушекъ, поставленныхъ у Спасскихъ воротъ.

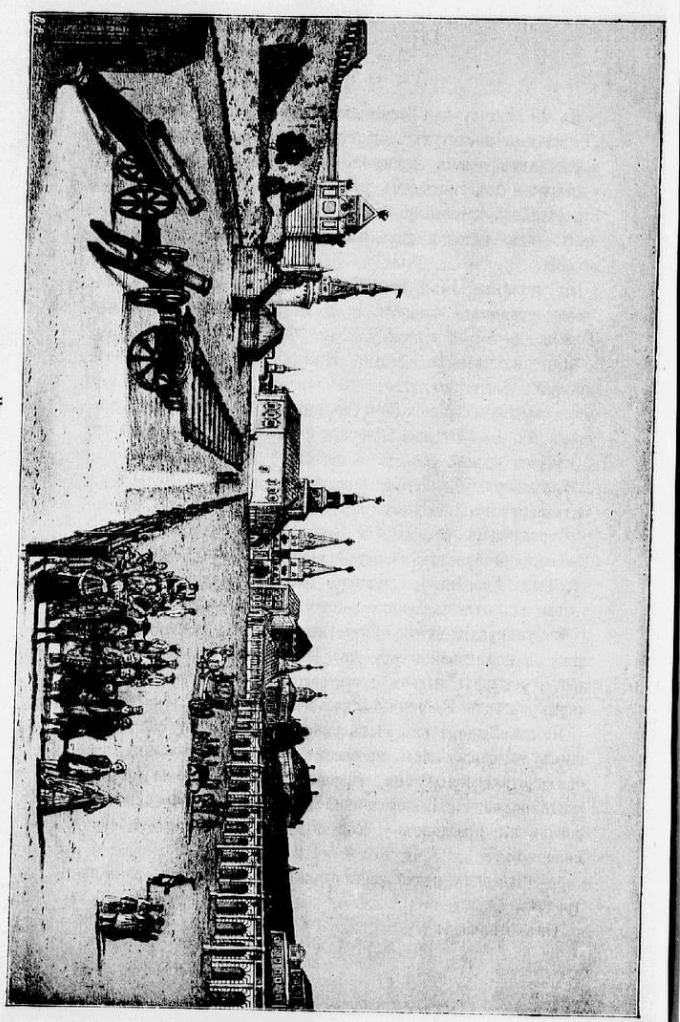
По усмиреніи бунта Екатерина прислала приказъ Еропкину о пожалованіи ему Андреевской ленты, 20.000 рублей и четырехъ тысячъ душъ крестьянъ, но отъ послѣднихъ двухъ наградъ Еропкинъ отказался.

Позднѣе, когда онъ былъ московскимъ главнокомандующимъ, то остался жить въ своемъ домѣ, на Остоженкѣ, и не бралъ отпускаемыхъ ему казною денегъ для пріема гостей.

Въ посѣщеніе Императрицей Екатериной II Москвы онъ давалъ ей праздникъ у себя въ домѣ, и когда она спросила его:

— Что могу я для васъ сдѣлать? Я желала бы васъ наградить.

Онъ отвѣчалъ:

Красная площадь въ 1787 году.

— Матушка Государыня, доволенъ твоими богатыми милостями, я награжденъ не по заслугамъ. Андреевскій кавалеръ, начальникъ столицы, заслужилъ ли я это?

Императрица сказала:

— Вы ничего не берете на угощеніе Москвы, а между тѣмъ у васъ открытый столъ; не должны ли вы? Я заплачу ваши долги.

— Нѣтъ, Государыня, я по одежкѣ тяну ножки.

Императрица прислала женѣ Еропкина орденъ св. Екатерины.

Для водворенія порядка въ Москвѣ во время чумной эпидеміи былъ присланъ Орловъ. Орловъ остановился въ Головинскомъ дворцѣ; москвичи, недовольные его распоряженіями, на первыхъ же порахъ подожгли Головинскій дворецъ.

Москва при Екатеринѣ видѣла всѣхъ замѣчательныхъ людей своей эпохи. Здѣсь доживали первые вельможи, очутившіеся не у власти, всѣ лица, бывшія у случая, и по миновании его наслаждавшіяся бывшими плодами своего счастія. Орловы, Голицыны, Остерманы, Разумовскіе, Дмитріевы-Мамоновы, Долгорукіе, Дашкова; послѣдняя своею историческою знаменитостью, своенравными обычаями придавала особенный характеръ тогдашнимъ московскимъ гостинымъ.

Кромѣ покинувшихъ службу вельможъ, переселялись въ Москву, достигнувъ извѣстнаго положенія, люди, не желавшіе сами продолжать службу. Такія лица жили по зимамъ въ Москвѣ, пріѣзжая изъ своихъ имѣній, и жили открытыми домами, поражая иностранцевъ своимъ хлѣбосольствомъ. Московское Дворянское Собраніе, Англійскій клубъ собирали въ своихъ стѣнахъ, начиная отъ вельможъ до небогатаго дворянина, все московское общество. Вторники Московскаго Благороднаго Собранія собирали въ своихъ залахъ до 3.000 человѣкъ и нерѣдко служили исходными днями для браковъ и семейнаго счастія.

Пріѣздъ Государыни въ Москву служилъ всегда предло-

гомъ сказочнымъ празднествамъ въ Москвѣ; особенно памятенъ 1773 годъ, когда праздновался миръ съ Турціей, описанный нами въ первой части „Старой Москвы“. Время пребыванія Императрицы въ Москвѣ ознаменовалось народными праздниками, устроенными по мысли Государыни.

По закрытіи торжествъ въ Кремлѣ былъ парадный пріемъ турецкаго посла съ грамотою вѣчнаго мира и подарками.

Присланный турецкимъ султаномъ посолъ имѣлъ церемоніальный въѣздъ по улицамъ Москвы, аудіенція вышла также торжественна. Подарки, поднесенные посломъ, были необыкновенной цѣны, въ нихъ обнаружилась вся роскошь Востока.

Въ бытность главнокомандующимъ въ Москвѣ князя М. Н. Волконскаго учреждается банкъ для вымѣна государственныхъ ассигнацій.

Первая контора ассигнаціоннаго банка была открыта на Мясницкой, въ приходѣ архидіакона Евпла. Здѣсь былъ размѣнъ ассигнацій и мѣдной монеты. Сперва ассигнаціи встрѣтили въ публикѣ недовѣріе, но вскорѣ кредитъ ихъ поднялся, а затѣмъ требованія въ публикѣ сильно возросли.

Первыя ассигнаціи были 25, 50 и 75 рублей.

Но вскорѣ появились фальшивыя ассигнаціи 75-рублеваго достоинства, передѣланныя изъ 25 рублевыхъ, вслѣдствіе чего 75 рублевыя ассигнаціи были изъяты изъ обращенія.

4 ноября 1774 года въ десять часовъ утра подъ эскортомъ двухъ сотенъ донскихъ казаковъ и драгунъ былъ привезенъ въ повозкѣ въ Москву пойманный бунтовщикъ Емельянъ Пугачевъ, выдававшій себя за Петра Ш. Народъ массами встрѣтилъ повозку и проводилъ ее до Монетнаго двора, что въ Охотномъ ряду, гдѣ Пугачевъ, былъ посаженъ въ тюрьму и прикованъ къ стѣнѣ.

Казнь надъ Пугачевымъ совершилась 16 января 1775 года въ Москвѣ на Болотѣ. Пугачевъ былъ обезглавленъ, и тѣло его было четвертовано. Также поступлено было и съ

его наперсникомъ Перфильевымъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ казни Пугачева прибыла въ Москву Екатерина II, гдѣ въ то время праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ.

Весною 1775 года были объявлены новыя губернскія учрежденія—результатъ законодательной коммиссіи. Въ Москвѣ же вышелъ манифестъ „о Высочайшихъ дарованныхъ разнымъ сословіямъ милостяхъ, по случаю заключенія мира съ турками“.

Въ одномъ изъ пунктовъ предписывалось лицамъ торговаго сословія, имѣющимъ капиталъ не болѣе 50 рублей, именоваться мѣщанами, а не купцами. Съ этого дня учредилось у насъ названіе мѣщанина.

Весь 1775 годъ Императрица Екатерина II провела въ Москвѣ. Императрица посѣщала храмовые праздники церквей, ходила пѣшкомъ въ Троице-Сергіевскую лавру и посѣщала подмосковныхъ помѣщиковъ: графа Шереметева, графа Румянцева, Нарышкина и другихъ. Живя въ Коломенскомъ, Императрица дѣлала прогулки пѣшкомъ и въ экипажѣ. Разъ, попавъ въ имѣніе князя Кантемира „Черная Грязь“, Императрица плѣнилась мѣстоположеніемъ и пожелала купить его.

Послали узнать, сколько желаетъ получить за него князь Кантемиръ. 20.000 рублей, былъ отвѣтъ. Императрица приказала выдать ему 25.000 рублей. Кромѣ имѣнія „Черная Грязь“ у того же Кантемира куплены имѣнія: Хохловка, Пладрово и Орѣхово, и у князя Трубецкого село Булатниково и село Коньково у фрейлины Зиновьевой. „Черная Грязь“ указомъ Сенату 14 августа 1775 года переименовано въ село Царицыно.

Черезъ двѣ недѣли по покупкѣ Царицына Государыня переѣхала туда, для чего были возведены легкія деревянныя постройки съ маленькимъ домикомъ въ шесть комнатъ. Впослѣдствіи, въ Царицынѣ былъ воздвигнутъ дворецъ въ готическомъ стилѣ. Планъ дворца вышелъ неудаченъ. Съ кончи-

ною Екатерины дворецъ былъ заброшенъ и въ настоящее время представляетъ историческую руину, только царицынскіе пруды и рощи напоминаютъ бывшую славу Царицына и мысленно переносятъ посѣтителя къ чуднымъ празднествамъ, устраиваемымъ здѣсь въ вѣкъ Великой Екатерины.

Въ вѣкъ Екатерины II наша знать имѣла большую склонность къ роскошнымъ празднествамъ.

Императрица любила блескъ празднествъ, и щедро награждая своихъ любимцевъ, тѣмъ поощряла къ безумнымъ расходамъ приближенныхъ къ ней лицъ. Не говоря уже объ Орловыхъ, смѣлости и отвагѣ которыхъ Императрица была обязана своимъ воцареніемъ, но и послѣдующіе любимцы получали безумныя суммы, поражающія своею колоссальностью. Даже въ послѣдніе годы царствованія Императрицы общая сумма доходовъ государства достигала только 70.657.691 руб., между тѣмъ любимцы ея кромѣ крѣпостныхъ крестьянъ получали милліоны звонкой монетой. Орловы получили 45.000 душъ крестьянъ и 17 милліоновъ деньгами. Зоричъ—имѣніе Шкловъ съ 16.000 душъ крестьянъ и 2 милліона денегъ. Римско-Корсаковъ 2.500.000 рублей денегъ и нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ. Пожалованія Потемкину были баснословны.

Не только любимцы, но и вся свита ихъ приближенныхъ постоянно пользовалась отъ щедротъ Монархини.

Неудивительно, что праздная и разгульная жизнь служащихъ чиновниковъ позапрошлаго вѣка стоила массы денегъ, траты на празднества, вино и карты были невѣроятны. Азартная игра велась при дворѣ открыто, и отъ него распространилась по всѣмъ слоямъ общества. Императрица изрѣдка хотя и преслѣдовала игроковъ, но только за нечистую игру и шулерское обираніе простодушныхъ людей.

Въ Екатерининское время во всѣхъ барскихъ домахъ по ночамъ кипѣлъ банкъ, и за недостаткомъ денежныхъ средствъ пускались въ ходъ драгоцѣнныя вещи и шли въ закладъ дома и имѣнія.

Большимъ почетомъ въ старое время пользовались въ Москвѣ богачи-помѣщики. Дома такихъ господъ кишѣли прислужниками. У помѣщика Головина было около 300 слугъ, у Лунина около этого, у графа Алексѣя Федоровича Орлова-Чесменскаго 500. Головинъ угощалъ своихъ гостей богатыми праздниками, на которыхъ гремѣли его хоры музыки и пѣли и плясали цыгане, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Головинъ умеръ въ 1800 году. Въ Екатерининскую эпоху вельможа безъ богатой дворни и владѣнія нѣсколькими тысячами душъ крѣпостныхъ крестьянъ былъ немыслимъ. Императрица покровительствовала барскимъ привычкамъ, щедро раздавая вельможамъ населенныя имѣнія. Отказъ и непринятіе жалуемыхъ имѣній съ крѣпостнымъ населеніемъ былъ рѣдкостью. Извѣстно только два случая: отказъ П. Д. Еропкина отъ пожалованныхъ ему 4.000 душъ за усмиреніе бунта во время чумы въ Москвѣ и отказъ масона Гамалея отъ пожалованныхъ въ награду ему крѣпостныхъ крестьянъ за службу.

Во все царствованіе Императрицы съ 1762 по 1796 годъ роздано крестьянъ до 800.000 душъ. При Екатеринѣ II разрѣшился давнишній споръ Россіи съ Польшею, и двѣ славянскія державы, хотя частью, слились въ одно...

Въ 1782 году учреждена полицейская часть на новыхъ основаніяхъ.

Впослѣдствіи въ томъ же году учрежденъ орденъ св. Владиміра, который былъ упраздненъ Императоромъ Павломъ, но возстановленъ Александромъ I. Павелъ I хотѣлъ также уничтожить орденъ св. Георгія, только усиленная просьба фрейлины Нелидовой спасла этотъ почетный знакъ хотя отъ временнаго его уничтоженія. Екатерина II подтвердила грамоту дворянства, данную Петромъ III. Не скроемъ, что послѣдніе годы царствованія Государыни были регрессомъ прежнихъ ея начинаній. Такъ за проповѣдываніе новшества былъ сосланъ Радищевъ, Нови-

ковъ и другіе и, наконецъ, 16 мая 1796 года была учреждена цензура.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ все время своей жизни пользовался большимъ почетомъ образованнѣйшій и гуманнѣйшій ея сотрудникъ Бецкій, домъ котораго на Невѣ, близъ Царицына луга (теперь домъ принца Ольденбургскаго) былъ средоточіемъ всего выдающагося въ ученомъ мірѣ. Судьба какъ будто нарочно помѣстила красивѣйшую рѣшетку Лѣтняго сада работы Гваренго недалеко отъ дома бывшаго покровителя искусства.

Екатерина II щедро награждала своихъ приближенныхъ за истинныя заслуги отечеству, а также за исполненіе личныхъ своихъ прихотей, зачто многіе ее осуждали. Но это поверхностное мнѣніе кажется только тѣмъ, кто не всматривается глубоко въ какъ будто бы расточаемое безцѣльно русское богатство. Но оцѣня всѣ пріобрѣтенія и усовершенствованія, сдѣланныя ею въ Россіи, получается результатъ совсѣмъ противоположный.

Во первыхъ масса имѣній, которыми она наградила своихъ близкихъ, находятся въ присоединенныхъ ею провинціяхъ, Россіи прежде непринадлежащихъ, или въ мѣстахъ втунѣ безъ пользы лежащихъ, которыя призваны къ жизни ея дѣятельнымъ умомъ, и введенными ею законоположеніями.

Въ 1774 году учреждена ею шестигласная городская дума для разбора всякаго рода претензій по правамъ городскихъ сословій. Въ томъ же году для обузданія торговцевъ введена такса въ городахъ по продажѣ хлѣба и мяса. Въ 1776 году учреждена ссудная казна и сдѣлано начало уничтоженія привиллегій, данныхъ англичанамъ.

Въ 1782 году учреждены выборы дворянства, которые собрались въ первый разъ въ Грановитой Палатѣ, а потомъ въ дворянскомъ домѣ.

Предполагалось учредить университеты въ г. Черниговѣ, Пензѣ и Екатеринославлѣ, но проектъ остался не исполненнымъ.

ГЛАВА XII.

Вступленіе на престолъ Павла.—Награды любимцамъ.—Московскіе бульвары.—Общее недовольство.

За кончиною Императрицы на престолъ вступилъ сынъ ея Павелъ I.

Избалованная дворская партія была смущена кончиною Государыни, тѣмъ болѣе, что не считала возможнымъ вступле-

Кирасиръ Гатчинскихъ войскъ. Висковатова „Описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ“.

ніе Павла на Россійскій престолъ, и благодаря дворскимъ слухамъ думала видѣть на престолѣ внука Императрицы, впослѣдствіи Императора Александра I.

Ранней весной дворъ переселился въ Москву и въ первый день Пасхи совершилась коронація новаго Императора.

Награды приближеннымъ лицамъ были щедры. Въ день коронаціи 105 лицамъ было пожаловано болѣе 82.000 душъ крестьянъ. Всѣ офицеры Гатчинскихъ войскъ получили отъ 100 до нѣсколькихъ тысячъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ въ вѣчное владѣніе. Это было единственное подражаніе правленію усопшей Императрицы, во всемъ же остальномъ Павелъ дѣйствовалъ наперекоръ желаніямъ покойной своей матери. Императоръ всегда, хотя своеобразно, заботившійся объ улучшеніи положенія военно-служащихъ, обратилъ большое вниманіе на Московскій Военный Госпиталь, который во многомъ обязанъ ему настоящимъ своимъ благосостояніемъ. При немъ сдѣлано начало украшенію окружныхъ бульваровъ въ столицѣ, въ приказѣ отданнымъ имъ лично къ оберъ-полиціймейстеру. Спокойная жизнь московскихъ обывателей нерѣдко нарушалась порывистыми распоряженіями Императора. Никто не могъ быть увѣреннымъ, что ложась вечеромъ въ постель, спокойно встанетъ съ нея на слѣдующее утро. Часто курьеръ подымалъ его среди ночи, и къ восходу солнца курьерская тройка везла его въ невѣдомыя для него страны.

Павелъ прибылъ въ Петровскій дворецъ 15 марта 1797 г. и 28 марта въ Вербную субботу послѣдовалъ по церемоніалу торжественный переѣздъ его изъ Петровскаго въ Слободской дворецъ, бывшій домъ Безбородко. Улицы были покрыты снѣгомъ. Морозъ былъ настолько чувствителенъ, что придворныхъ чиновъ, ѣхавшихъ по церемоніалу верхомъ, приходилось снимать съ лошадей совершенно окоченѣвшими.

Императоръ ѣхалъ одинъ, а въ небольшомъ отъ него разстояніи слѣдовали Великіе Князья Александръ и Константинъ. Государь почти постоянно держалъ въ рукахъ шляпу, привѣтствуя ею толпу. Коронація совершилась 5 апрѣля въ день Свѣтлаго Воскресенья.

Въ день своей коронаціи, при совершеніи помазанія на царство, Императоръ, вошедши въ Царскія двери Успенскаго со-

Гренадеръ и мушкатеръ Гатчинскихъ войскъ. Висковатова „Описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ“.

бора самъ взялъ частицу тѣла Христова и пріобщился самъ. Послѣ коронаціи Павелъ I цѣлую недѣлю ходилъ въ далматикѣ. Въ томъ же далматикѣ 29 апрѣля въ Кремлѣ Павелъ командовалъ военнымъ и церковнымъ парадомъ.

По совершеніи чина коронованія Императоръ, стоя, во всеуслышаніе прочиталъ въ храмѣ фамильный актъ о престолонаслѣдіи по прямой линіи въ мужскомъ колѣнѣ, составленный имъ совмѣстно съ Императрицей въ 1778 году, въ которомъ онъ оффиціально называетъ себя главой церкви.

2 мая 1797 года послѣдовалъ указъ о принятіи Императрицей Маріей Феодоровной главнаго начальства надъ воспитательными домами въ обѣихъ столицахъ. Для благотворительности Маріи Феодоровны открылось обширное поприще, и имя ея навѣки перейдетъ въ потомство. Неудачно было вмѣшательство ея въ политику въ царствованіе Александра I, къ которой по несчастію она чувствовала влеченіе.

Императоръ разстался съ Москвою 3 мая 1797 года.

ГЛАВА XIII

Вступленіе на престолъ.—Пріѣздъ въ Москву.—Коронація.—Уничтоженіе пытокъ. — Александръ I. — Пересмотръ уголовныхъ дѣлъ царствованія Павла I.— Второй пріѣздъ Императора.— Рѣчь на Красномъ крыльцѣ и выходъ въ Успенскій соборъ.

12 марта 1801 года Александръ I вступилъ на престолъ послѣ грознаго метеора, пронесшагося въ царствованіе Павла I. Москва вздохнула облегченно. Въ Москву манифестъ о воцареніи былъ привезенъ 15 марта княземъ Сергѣемъ Николаевичемъ Долгорукимъ. Коронація назначена была въ сентябрѣ мѣсяцѣ, о чемъ возвѣщено особымъ манифестомъ 20 мая 1801 года. Государь выѣхалъ изъ Петербурга 31 августа и прибылъ въ Петровскій дворецъ 5 сентября. На другой день Государь поѣхалъ одинъ прогуляться верхомъ по Тверской, народъ его узналъ, кинулся къ нему и окружилъ его. Только сквозь легкій шопотъ можно было слышать вокругъ него „батюшка", „родимый", „красное солнышко" и все, что въ простонародіи считается нѣжнымъ.

Торжественный въѣздъ Государя былъ 8 сентября. Коронованіе совершилось въ воскресенье 15 сентября. По окончаніи всѣхъ празднествъ Императоръ Александръ I 16 октября выѣхалъ изъ Москвы.

Во время пребыванія въ Москвѣ изданы были указы: Уничтоженіе пытки. Пересмотръ особой комисеей уголовныхъ

Императоръ Александръ I. Съ гравюры Гудиста и Моррисона. Съ портрета писаннаго Крюгеромъ.

дѣлъ прошедшаго царствованія. Присоединеніе Грузіи, уже объявленное прежде Павломъ. Тутъ же въ Москвѣ былъ уволенъ отъ должности Никита Ивановичъ Панинъ, нелюбимый Государемъ, С. В. Воронцовымъ, а главное негласнымъ комитетомъ, учрежденнымъ Императоромъ.

Тотчасъ по воцареніи Императоръ Александръ призвалъ къ себѣ Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, но послѣдній не долго оставался въ числѣ приближенныхъ при немъ особъ.

Николай Николаевичъ Новосильцовъ. Съ портрета, находящагося въ Академіи Наукъ.

Молодые друзья дѣтства Императора Николай Николаевичъ Новосильцевъ, Князь Адамъ Чарторижскій и Графъ Строгановъ предложили Государю въ 1802 году учрежденіе министерствъ; къ нимъ впослѣдствіи присоединился Графъ Кочубей. Тріумвиратъ этотъ одно время былъ всесильнымъ и всѣ нововведенія начала царствованія Александра I обсуждались

этимъ тайнымъ комитетомъ. Постепенно всѣ эти лица теряли вліяніе на Государя и подъ разными предлогами были отдалены отъ личныхъ съ нимъ свиданій.

Первый удалился отъ Императора князь Адамъ Чарторижскій въ 1806 году, обидившись тѣмъ, что Государь не утвердилъ трактата, подписаннаго Урби съ французскимъ пра-

Князь Адамъ Чарторижскій. Съ гравированнаго портрета начала прошедшаго столѣтія.

вительствомъ, когда во время кампаніи и Аустерлицкаго сраженія Чарторижскій находился при Александрѣ въ качествѣ Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Новосильцевъ хотя находился при Александрѣ во время Тильзитскаго мира, но не принималъ въ политикѣ уже никакого участія, Кочубей въ ноябрѣ 1807 года былъ уволенъ отъ должности Министра Внутреннихъ дѣлъ, подъ предлогомъ болѣзни и уѣхалъ за границу. Графъ Строгановъ перешелъ въ военную службу,

былъ переименованъ въ Генералъ-Маіоры и пожалованъ Генералъ-Адъютантомъ. Такъ распался знаменитый тріумвиратъ, который замѣнили впослѣдствіи Аракчеевъ и Сперанскій.

Первые годы своего царствованія Императоръ Александръ не посѣщалъ по окончаніи коронаціонныхъ торжествъ Москвы. Реформы 1803 года — созданіе министровъ; потомъ война съ Наполеономъ въ 1805 и 1807 году; все это заставляло Государя безпрестанно дѣлать поѣздки въ другія края. Тильзитскій миръ нашелъ много противниковъ въ его исполненіи. Во главѣ ихъ была вдовствующая Императрица Марія Феодоровна. Она не стѣсняясь осуждала новую политику Александра, что возмущало кроткую и безгранично преданную Императору Елизавету Алексѣевну.

Вообще Тильзитскій миръ и обязательства, принятыя Александромъ предъ Наполеономъ и его условіями, сильно поколебали обаяніе Александра въ народѣ.

6 декабря 1809 года Государь торжественно въѣхалъ въ Москву, въ которой онъ не былъ со времени коронаціи въ 1801 году. Императоръ пріѣхалъ изъ города Твери, гдѣ онъ посѣщалъ Великую Княгиню Екатерину Павловну. Императоръ слѣдовалъ верхомъ съ принцемъ Ольденбургскимъ. Великая Княгиня ѣхала въ парадной каретѣ. Населеніе встрѣтило Государя съ необычайнымъ единодушнымъ восторгомъ.

Государь пробылъ въ Москвѣ семь дней.

Этимъ годомъ можно закончить первый періодъ царствованія Александра I. Періодъ этотъ есть періодъ преобразованій.

Императоръ Александръ I вступилъ на престолъ въ смутное время тогдашняго броженія въ Европѣ. Разыгравшаяся революція во Франціи отразилась въ нашемъ обществѣ. Разнузданность великосвѣтской жизни послѣднихъ годовъ царствованія Государыни, круто прерванная казарменной политикой Павла I, расшатала общество, и оно, какъ плохо сплоченный корабль, начало разъѣзжаться по швамъ въ раз-

ныя стороны. Молодой Императоръ, вынужденный невольно къ дѣйствіямъ, совсѣмъ ему несимпатичнымъ, по слабости характера и желанію популяризировать свое имя, невольно поддавался внушеніямъ людей, лично ему совсѣмъ несимпатичныхъ.

Москва, въ началѣ царствованія рѣдко видѣвшая его въ своихъ стѣнахъ, впослѣдствіи много обязана ему своимъ возникновеніемъ изъ пепла, нѣсколько разъ увеличивала и уменьшала свои къ нему восторги.

Въ коронацію Александра I былъ примѣненъ впервые принципъ не раздавать вельможамъ въ вѣчное владѣніе крѣпостныхъ крестьянъ. Александръ дарилъ своимъ служащимъ только незаселенную землю. Съ тѣхъ поръ мысль объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости теплилась въ сердцахъ нашихъ Монарховъ и спустя 60 лѣтъ была приведена въ исполненіе Александромъ II.

Жизнь Москвы, не такъ близкая, какъ Петербурга, къ правительственнымъ сферамъ, жила еще тенденціями усопшей Великой Императрицы.

Общество было обрадовано вступленіемъ на престолъ любимаго внука Императрицы, тѣмъ болѣе, что въ изданномъ имъ манифестѣ, онъ обѣщался править царствомъ по примѣру своей бабки.

Съ воцареніемъ Александра I неслужащіе обыватели на склонѣ своихъ дней были болѣе обезпечены въ своей легальной жизни, болѣе гуманнымъ отношеніемъ власти и ограниченіемъ произвола.

Войны съ Наполеономъ I въ 1805 и 1807 году нерѣдко одушевляли москвичей, всегда готовыхъ на посильныя жертвы отечеству, что выражалось ими въ посильныхъ приношеніяхъ.

Наступившій 1812 годъ и особенно рѣчь Императора на Красномъ крыльцѣ воспламенила не только москвичей, но и всю Русскую землю, что и выразилось въ огромномъ количествѣ денежнаго и матеріальнаго пособія.

Императоръ прибылъ изъ арміи 11 іюля 1812 года въ Москву. Появленіе его въ первопрестольной столицѣ произвело всеобщее воспламенѣніе чувствъ и сердецъ, разлившееся по всей Россіи. Государь остановился въ Кремлѣ. Кремль наполнился народомъ, жаждавшимъ видѣть своего царя.

Александръ, выйдя въ 9 часовъ утра на Красное крыльцо, остановился, видимо растроганный представившимся зрѣлищемъ. Государь поклонился народу, и вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ слились привѣтственные крики многотысячной толпы. Слышались возгласы: „Веди насъ куда хочешь. Веди насъ, отецъ нашъ. Умремъ или побѣдимъ". Началось шествіе къ Успенскому собору, замедлявшееся народомъ, который жаждалъ наглядѣться лицезрѣніемъ Государя. На каждой ступени Краснаго крыльца сотни торопливыхъ рукъ со всѣхъ сторонъ хватались за ноги Государя, за полы мундира, ихъ цѣловали и орошали слезами. Быстрый приливъ народа тѣснилъ его все болѣе; окружавшія его лица порывались раздвигать ряды. Императоръ кланялся на всѣ стороны, говорилъ „не троньте, не троньте, я пройду". Мѣщанинъ изъ толпы подошелъ къ Государю и сказалъ: „Не унывай! Видишь сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же во всей Россіи? Всѣ умремъ за тебя". То было изліяніе сердца, продиктованное ему восторженной толпой. Насилу Государь со своей свитой былъ въ состояніи достигнуть до дверей собора.

Въ состоявшемся въ Слободскомъ дворцѣ 15 іюля собраніи дворянства и купечества Москва выразила Императору твердую рѣшимость спасти Россію пожертвованіями денегъ и людей. Денегъ дворяне пожертвовали три милліона, а купечество десять. Кромѣ того дворяне постановили ставить десятаго человѣка изъ своихъ имѣній, обмундировываютъ и вооружаютъ ихъ.

Государь пробылъ въ Москвѣ восемь дней.

Въ Москвѣ Императоръ Александръ окончательно предрѣшилъ цѣль дѣйствій, приказавъ адмиралу Чичагову двинуться

со своей арміей къ Днѣстру на соединеніе съ войсками Тормасова.

Необходимость назначить общаго главнокомандующаго надъ всѣми арміями, послѣ соединенія ихъ въ Смоленскѣ, заставила Государя передать вопросъ этотъ въ чрезвычайный комитетъ. Въ засѣданіи 5 августа всѣ члены комитета единогласно постановили ввѣрить начальство надъ всѣми арміями Кутузову. Императоръ Александръ, хотя неохотно, утвердилъ мнѣніе комитета и, призвавъ къ себѣ Кутузова въ Каменноостровскій дворецъ, объявилъ ему 8 августа о назначеніи его главнокомандующимъ всѣми русскими арміями и ополченіями.

Уполномочивъ Кутузова дѣйствовать по усмотрѣнію, Александръ вмѣстѣ съ тѣмъ строго запретилъ ему вступать въ переговоры съ Наполеономъ.

Александръ не довѣрялъ военнымъ способностямъ Кутузова, и не любилъ личныя свойства фельдмаршала, но ввѣряя ему судьбу Россіи, Государь превозмогъ въ себѣ предубѣжденіе противъ него и сдѣлалъ уступку общественному мнѣнію.

Кутузовъ выѣхалъ изъ Петербурга 11 августа и 17 прибылъ въ Царево Займище, на позицію, избранную Барклаемъ для боя. Но найдя мѣстность невыгодною для боя, приказалъ отступить къ Бородинскому полю. Хотя Бородинская битва и считалась нами выиграннымъ сраженіемъ, такъ какъ мы остались ночевать на нашихъ позиціяхъ, но на утро Кутузовъ началъ свое знаменитое отступленіе къ Москвѣ, а затѣмъ послѣ совѣта на Филяхъ далѣе за Москву.

Наполеонъ вступилъ 2 сентября въ Москву, и съ минуты его вступленія черезъ Дорогомиловскую заставу началась знаменитая эпопея самосожженія Москвы, а потомъ возстановленіе ея изъ пепла.

Москва не устояла, была плѣнена разнокалиберным сбродомъ, впослѣдствіи въ большинствѣ нашедшимъ себѣ въ ней могилу.

Злоба Наполеона къ Россіи и ея могуществу была злоба варвара, не разбирающаго способовъ къ ея ослабленію. Тутъ было пущено въ ходъ все: грабежъ, поджоги, взрывъ частнаго и общественнаго имущества, подлоги, фабрикація фальшивыхъ ассигнацій и пр. и пр. По выгонѣ французовъ изъ предѣловъ Россіи неоднократно попадались фальшивыя ассигнаціи. Министръ полиціи 13 іюня 1813 года № 796 пишетъ о томъ, какимъ образомъ должно открывать фальшивыя ассигнаціи*). Секретно.

Господину Московскому Гражданскому Губернатору. Получая изъ разныхъ мѣстъ задерживаемыя по сомнѣніямъ въ дѣйствительности разнаго достоинства ассигнаціи довольно въ значущемъ количествѣ, я счелъ обязанностью въ предосторожность, чтобы оныя ассигнаціи по невѣдѣнію, какъ различать ихъ отъ настоящихъ, не могли расходиться по рукамъ, увѣдомить Ваше Превосходительство, что таковыя ассигнаціи бываютъ ощутительно шелковаты, подписи почти на всѣхъ гравированныя, а на нѣкоторыхъ двадцати пяти рублевыхъ въ прописи напечатанной есть ошибка и именно вмѣсто ходячею напечатано холячею, равно какъ и на пяти рублевыхъ во внутреннемъ достоинствѣ пять рублей по ошибкѣ въ отливкѣ значится пять рубли; почему вы и не оставите дать знать о семъ по секрету мѣстнымъ полиціямъ, предписавъ имъ въ то же время съ сими ассигнаціями, равно какъ и съ тѣми, у коихъ онѣ откроются, поступать по надлежащимъ изслѣдованіямъ законнымъ порядкомъ, донося мнѣ обо всемъ немедленно и въ должной подробности.

На подлинномъ подписано Главнокомандующій въ С.-Петербургѣ Вязмитиновъ. Затѣмъ 3 октября тотъ же Вязмитиновъ увѣдомлялъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ 50 и 100 рублеваго достоинства.

*) Бумаги Отечественной войны 12 года, изд. П. И. Щукина, томъ I, стр. 70.

Москва все вытерпѣла и своимъ огненнымъ крещеніемъ искупила прошедшія свои прегрѣшенія.

Не только частные люди, но и общественныя учрежденія нашего духовенства приносили посильныя жертвы деньгами, вещами и зачисленіемъ въ военную службу учениковъ духовныхъ училищъ, указомъ Московской Консисторіи.

Вслѣдствіе пораженія арміи Наполеона 6 октября около с. Тарутина, войска Наполеона начали свое отступленіе изъ Москвы.

Бой у Малоярославца, заставившій Наполеона повернуть на Старую Смоленскую дорогу, былъ началомъ остановки завоеванія вселенной, и исчезли плоды двѣнадцатилѣтнихъ побѣдъ Наполеона.

Москва, разоренная, разграбленная, сожженная французами и русскими, очистилась отъ наводнившихъ ее полчищъ. Только по выходѣ непріятеля изъ Москвы начали считать результаты всеобщаго погрома. Всѣ ждали, что армія Корсиканца будетъ погребена подъ снѣжнымъ покровомъ рано начавшейся русской зимы, но благодаря тщеславному первенству между Кутузовымъ и Чичаговымъ, престарѣлый фельдмаршалъ нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ устроить золотой мостъ отступленія для Наполеона, чѣмъ жертвовать (по его словамъ) русскою кровью.

Современники фельдмаршала Кутузова говорили, что пропускъ Наполеона I черезъ Березину, гдѣ фельдмаршалъ устроилъ ему золотой мостъ отступленія, былъ сдѣланъ съ явнымъ расчетомъ отъ того пользы для Россіи.

Когда французская армія оставила предѣлы нашего отечества, то русскія войска временно остановились на нашей границѣ. Предположеніе фельдмаршала было не двигаться далѣе. Хитрый полководецъ, котораго Наполеонъ звалъ старой лисой, увѣрялъ, что мы не должны были двигать свои вой-

ска для освобожденія Германіи. Наполеонъ I, потерявшій свой престижъ непобѣдимаго полководца, ослабленный потерею почти всей своей арміи, непремѣнно долженъ былъ встрѣтить противодѣйствіе и непослушаніе у покоренныхъ имъ народовъ. Случилась бы международная война между нимъ и его вассалами, война, которая должна была длиться продолжительное время. Европа, терзаемая междоусобицей, пришла бы въ полное изнеможеніе. Между тѣмъ мы, исправивъ понесенныя нами потери въ это время, и умудренные опытомъ, легко, почти безъ всякаго кровопролитія, могли освободить славянъ Балканскаго полуострова и занять Босфоръ и Дарданеллы. Конечно, ни ослабленная войной Европа, ни Наполеонъ не стали бы мѣшать намъ въ этомъ. Тѣмъ болѣе, что Наполеонъ предлагалъ намъ Турцію во время сватовства своего за нашу Великую Княжну. Но Императоръ Александръ I отвергъ планъ Кутузова, основываясь на клятвѣ, данной имъ Прусскому королю съ склепѣ, на гробницѣ Фридриха Великаго. Русскія войска перешли границу, и мы не только воевали на пользу другихъ въ царствованіе Александра I, но держались той же системы при Николаѣ I, во время возстанія Венгерцевъ въ 1848 году, въ благодарность за что намъ такъ коварно отплатила Австрія во время Севастопольской компаніи.

Если бы не возстановили Пруссію въ 1815 году во всемъ ея объемѣ и не дружили ей семьдесятъ пять лѣтъ, то наврядъ ли имѣли бы подъ бокомъ у себя такого грознаго и безпокойнаго сосѣда, какъ настоящая Германская имперія.

ГЛАВА XIV.

Кто виновникъ пропуска въ 1812 году Наполеона I черезъ р. Березину.

Неоднократно въ исторической литературѣ возбуждался вопросъ:—кто былъ виновникъ пропуска Наполеона I при переправѣ его арміи чрезъ р. Березину.

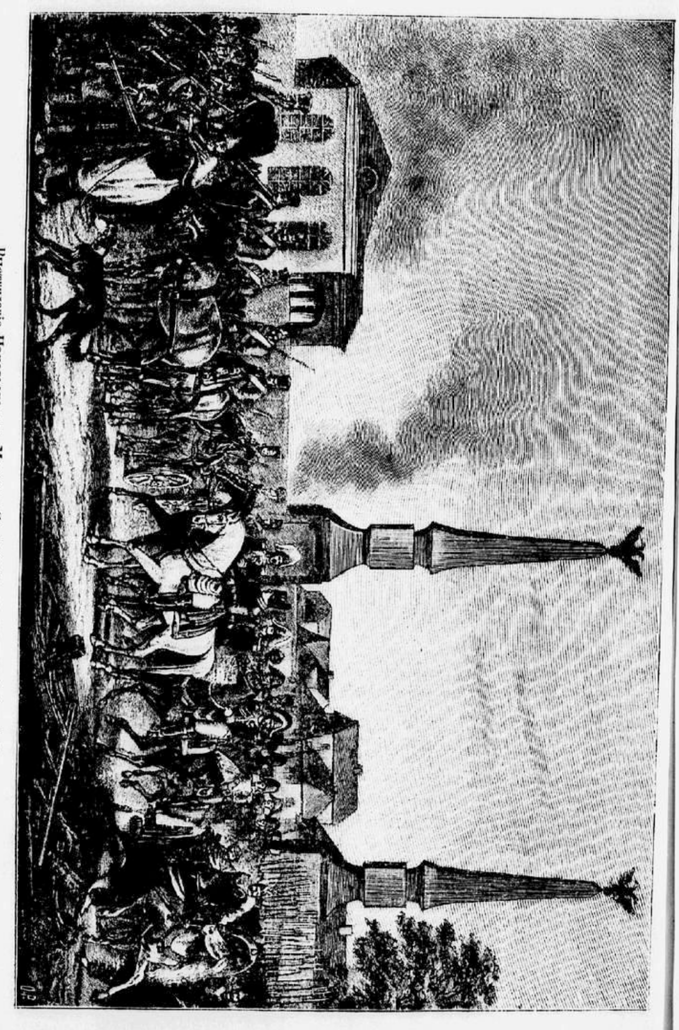
Современники событія предполагали, что Наполеонъ во главѣ со своей, совершенно разстроенной, арміей попался въ разставленную ему ловушку, и вынужденъ сложить оружіе предъ русскими войсками, но судьба еще разъ дала шансъ Наполеону вывернуться изъ критическихъ обстоятельствъ, и еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обливать человѣческою кровью поля Европы и волновать ея обитателей.

Большинство современниковъ винило въ неудачѣ адмирала Чичагова, не успѣвшаго угадать и потому преградить доступъ французамъ къ западному берегу р. Березины, тогда какъ въ его распоряженіи была молдавская армія.

Разсматривая письма Князя Кутузова-Смоленскаго къ адмиралу П. В. Чичагову отъ 10 и 13-го ноября 1812 года, также рапортъ П. В. Чичагова къ Князю Кутузову-Смоленскому отъ 19-го ноября 1812 года, а также читая объяснительную брошюру, изданную адмираломъ Чичаговымъ, можно думать, что большинство было право въ своихъ предположеніяхъ.

Хотя въ рапортѣ есть намекъ на неожиданное откомандированіе отъ отряда Генерала Сакена и неприбытіе къ отряду Генерала Эртеля, указывающій парализирующія дѣйствія на отрядъ Чичагова, но въ немъ не находится ни просьбъ помощи, ни разрѣшенія вопросовъ, ни отказа въ исполненіи предначертаній, что могло бы оправдывать адмирала.

Но основываясь на письмѣ П. В. Чичагова къ Генералу Комнину отъ 10 декабря 1812 года изъ Гесны, а также на изданномъ въ Парижѣ каталогѣ Графа А. Ѳ. Ростопчина,

Выступленіе Наполеона изъ Москвы. Съ рисунка съ натуры Фабръ-Дюфора.

невольно вкрадывается сомнѣніе, что что-то скрыто подъ флеромъ почтительности и невольно подсказывается другой выводъ.

Показанія Графа А. Ѳ. Ростопчина (если имъ вѣрить) даютъ иную окраску дѣйствіямъ П. В. Чичагова. Изъ послѣднихъ документовъ видно, что Чичаговъ принялъ на себя чужой грѣхъ, и офиціально отстранилъ нареканіе на память скончавшагося фельдмаршала, что можно видѣть изъ прилагаемыхъ при семъ писемъ. Копіи съ двухъ писемъ Кн. Кутузова-Смоленскаго П. В. Чичагову 10 и 13 ноября 1812 года.

* Милостивый Государь

Павелъ Васильевичъ!

** Посылаемый при сѣмъ къ вашему Высокопревосходительству, Флигель-Адъютантъ Гвардіи Поручикъ Орловъ, объяснитъ вамъ на словахъ разстроенное положеніе главной непріятельской арміи. Между тѣмъ изъ полученныхъ извѣстій видно, что Наполеонъ сего 8-го числа выступилъ съ Гвардіею своею изъ Орши въ Кохановку, изъ чего заключить можно что и армія его идетъ въ сѣмъ направленіи. Генералъ отъ Кавалеріи Платовъ, подкрѣпленный авангардомъ подъ командою Генералъ-Маіора Розена изъ 14-ти баталіоновъ пѣхоты, двухъ кирасирскихъ полковъ и 4-хъ ротъ артилеріи состоящій, идетъ по пятамъ непріятеля. А главная армія сего 12-го числа переправляется при Копысѣ чрезъ Днѣпръ и пойдетъ чрезъ Старосѣлы, Бѣлыничи и Погостъ.

Главной арміи авангардъ подъ командою Генерала Милорадовича состоящій изъ 2-го и 17-го корпусовъ при двухъ кавалерійскихъ дивизіяхъ и 4-хъ козачьихъ полковъ переправясь 11-го числа, пойдетъ въ направлѣніи чрезъ Старосѣлы на Толочинъ, гдѣ соединятся оба наши авангарды и составятъ значительную массу войскъ въ слѣдъ за непріятелемъ стремящихся.

* Правописаніе оставлено вѣрное съ подлинникомъ.

** Бумаги отечественной войны изд. П. И. Щукина, книга VI стр. 108—112.

Въ слѣдстіе сего, ваше Высокопревосходительство усмотрите, что если Графъ Витгенштеинъ будучи удержанъ Викторомъ и Сенъ-Сиромъ и не былъ бы въ состояніи содѣйствовать вамъ въ пороженіи непріятеля, то вы соединенно съ Генералъ-Лейтенантомъ Эртелемъ и Генералъ-Маіоромъ Лидерсомъ довольно сильны будете разбить бѣгущаго непріятеля, и тѣснившаго отовсюду, который почти безъ Артилеріи и Кавалеріи.

Легко быть можетъ что Наполеонъ, видя невозможность очистить себѣ путь чрезъ Борисовъ къ Минску, повернетъ отъ Толочина или Бобра на Погостъ и Игуменъ, захочетъ пробраться на Волынь, для чего не излишное было, наблюдать его партизанами, дабы заранѣе быть извѣщеннымъ о его движеніи и предупредить его.

съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Высокопревосходительства
всепокорный слуга

№ 485 Князь Г. Кутузовъ.
Ноября 10-го дня
1812 года
С. Ланики.

Милостивый Государь мой Павелъ Васильевичъ!

Послѣ сильнаго пораженія непріятеля при Красномъ главная непріятельская армія направилась на Оршу, и перейдя Днѣпръ при семъ мѣстѣ оставила оный городъ 9-го числа. Генералъ Платовъ съ 15-ью казачьими полками, Генералъ Бороздинъ съ 6-ью слѣдуютъ по бокамъ отступающаго непріятеля, тогда какъ Генералъ Милорадовичъ съ главнымъ авангардомъ арміи состоящемъ изъ 54-хъ баталіоновъ пѣхоты и одного корпуса кавалеріи слѣдуетъ по пятамъ его.

Безсумнѣнія Наполеонъ отступая чрезъ Кохановъ, Толочинъ къ Бобру, присоединитъ къ себѣ Сенъ Сира и Виктора, въ слѣдствіе чего предписано отъ меня Графу Витгенштейну соединенно съ Генералъ-Адъютантомъ Голенищевымъ-Кутузовымъ неупуская изъ виду непріятеля слѣдовать быстро за нимъ. Ваше Высокопревосходительство усмотрѣть можете что по мѣрѣ соединенія силъ непріятельскихъ въ направленіи къ Борисову, сближатся и силы наши до нанесенія сильнаго и можетъ быть и послѣдняго удара непріятелю.

Естьли Борисовъ занятъ непріятелемъ, то вѣроятно что оный переправясь чрезъ Березину пойдетъ прямѣйшимъ путемъ къ Вильнѣ, идущимъ чрезъ Зембонъ, Плещеницы и Вилейку. Для предупрежденія сего необходимо, чтобы Ваше Высокопревосходительство заняли бы отрядомъ дефилею при Зембинѣ въ коей удобно удержать можно гораздо превосходнѣйшаго непріятеля. Главная наша армія отъ Копыся пойдетъ чрезъ Старосѣлье, Цифжинъ къ мѣстечку Березинѣ, во первыхъ для того чтобы найти лутшія для сѣбя продовольствіе, во вторыхъ чтобы упредить онаго, есть ли бы пошелъ онъ отъ Бобра чрезъ Березино на Игуменъ чему многія извѣстія даютъ поводъ къ заключеніямъ.

Ниже города Борисова въ 8 верстахъ при деревнѣ Уходы весьма удобный бродъ для прохода кавалеріи.

Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью
Вашего Высокопревосходительства
Покорный слуга
Подлинно подписалъ Князь Голеницевъ Кутузовъ
Смоленскій.

№ 502
Ноября 13-го дня
1812 года
Главная квартира
Городъ Копысь.

Копія рапорта Адмирала Чичагова Кн. Кутузову-Смоленскому 19 Ноября 1812 года № 1191 изъ Зембина.

На повелѣніе вашей Свѣтлости съ Графомъ Потоцкимъ ко мнѣ доставленное, честь имѣю донесть, что отправясь съ

Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ. Съ гравюры Вендрамини съ портрета Сенъ-Обенъ.

Арміею моею еще отъ Минска, посланъ былъ Генералъ-Маіоръ Чаплицъ съ сильнымъ отрядомъ на Зембинъ для наблюденія сей дороги и истребленія переправъ, съ главными же Корпусами шелъ я на Борисовъ, отправивъ также отрядъ чрезъ Игуменъ на Березинъ. По разбитіи Генерала Домбровскаго, взявъ центральную позицію мою въ тетъ-де-понѣ, что у Борисова, имѣлъ я такимъ образомъ подъ своимъ надзоромъ все пространство рѣки Березины отъ Зембина до м. Березина. Мосты и переправы по сему пространству были истреблены и уничтожены; непріятель съ 11 числа и до

15-го былъ предъ нами и покушался дѣлать переправу при С. Ухолоды, въ то же время получилъ я отъ вашей Свѣтлости и отъ Генерала Лейтенанта Графа Витгенштейна увѣдомленіе, изъ коихъ вѣроятно казалось, что непріятель можетъ взять направленіе свое къ Березину и Свислочамъ; между тѣмъ не было мнѣ извѣстно, вся ли французская Армія находилась противъ меня, или только часть оной, которою старается непріятель удерживать меня въ семъ мѣстѣ, тогда когда съ главными силами могъ онъ взять направленіе вълѣво; движеніе его тѣмъ было свободнѣе, что съ 11-го до 15-го числа вечера о приближеніи съ зади идущихъ войскъ нашихъ мы ничего не слышали. По расчисленію времени маршрута непріятельскаго казалось такъ же что онъ гораздо преждѣ долженъ достигнуть Борисова, что такъ же не мало способствовало къ заключенію о перемѣнѣ направленія его въ лѣво; будучи въ сей неизвѣстности, раздѣлилъ я главныя силы въ Тет-де-понѣ находившіяся, и съ частію оныхъ перешелъ въ С. Забишевичи, но въ одно почти время извѣстился я чрезъ разставленныхъ по рѣкѣ для наблюденія постовъ, что непріятель дѣлаетъ переправы по обоимъ сторонамъ Борисова, одну при С. Ухолодѣ, а другую противъ Д. Брилево въ 5-ти верстахъ отъ д. Стахово, вскорѣ потомъ донесено, что въ Ухолодѣ переправу непріятель оставилъ, и къ Брилеву Генералъ-Маіоръ Чаплицъ со всѣмъ своимъ отрядомъ, приближившимся было къ Борисову, вскорѣ поспѣлъ для сопротивленія; тогда же весь почти корпусъ состоявшій въ Тетъ-де-понѣ туда же былъ присоединенъ, и бой продолжался до 11-го часу ночи; но выгодныя позиціи непріятельскія сильныхъ батарей защищавшихъ переправу, по ту сторону рѣки Березины и удобность каковую онъ имѣлъ по ускости рѣки переправить, подъ своими выстрелами, пѣхоту въ большомъ количествѣ, совершеннаго воспрещенія поставить было невозможно, весьма превосходному непріятелю, рѣшившемуся удержать сей пунктъ во что бы то не стало.

Я долженъ здѣсь упомянуть, какъ то и вашей Свѣтлости не безъизвѣстно, что по отдѣленію Генералъ-Лейтенанта Сакена и по неприбытію Генералъ Лейтенанта Эртеля къ моей Арміи, сила ея весьма уменьшилась, особливо пѣхотою, которой употребленіе въ семъ случаѣ всего было нужнѣе, ибо по лѣсистому мѣстоположенію, кавалерія и артилерія вовсе не могли дѣйствовать, непріятель же вмѣсто того подходя, сюда съ гвардіею своею и прочими войсками, усилился корпусами Виктора и Удино и остатками корпуса Домбровскаго такъ, что по самому умѣренному расчисленію изнесенному изъ показаній самыхъ недоброжелательствующихъ ему плѣнныхъ, онъ долженъ былъ имѣть отъ 60 тысячь до 70 т. Не смотря однакоже на всѣ сіи невыгоды, чтобы судить о послѣдствіяхъ предоставленныхъ ему отъ насъ препятствій двухъ дневнымъ сраженіемъ, сверхъ тѣхъ выгодъ, кои ознаменованы завладѣніемъ корпусовъ оставшихся и отрезанныхъ, по ту сторону рѣки, Графомъ Витгенштейномъ, довольно только взглянуть на мѣста, гдѣ оное происходило и на переправѣ, отъ самой линіи нами занимаемой, по всей дорогѣ и до рѣки, всѣ покрыто трупами, раскиданными пушками, снарядными ящиками, рѣка, можно сказать, загружена мертвыми тѣлами, лошадьми и разными сокровищами, весьма знатная часть обоза досталась добычею. Что же касается до лѣсныхъ дифилей, по дорогамъ гдѣ непріятель проходить долженъ, я сначала имѣлъ большую на нихъ надежду, пока не увидѣлъ сколь лѣса сіи рѣдки, мелки и малозначущіе, болотистый же грунтъ укрѣпленъ будучи морозами сдѣлался къ переходу вездѣ удобнымъ, рѣка столько замерзла, что кавалерія во многихъ мѣстахъ, переходить можетъ, и столь узка, что безъ затрудненій въ самой скорости мосты могутъ быть сдѣланы, что испыталъ я на самомъ дѣлѣ, а потому существенныхъ ему въ сихъ мѣстахъ препонъ постановлять было не можно. Теперь я его преслѣдую по дорогѣ отъ Зембина на Камень къ Плещеницамъ, отряды отъ меня посланы въ

передъ, еще прежде выступленія моего, для истребленія мостовъ и постановленія ему препятствій, безпокоить въ то же время его фланга; авангардъ мой ежедневно имѣетъ съ ними сраженіе, вчерась взялъ 7-мь а сегодня 2 пушки, плѣнныхъ не успѣваемъ собирать и не знаемъ куда съ ними дѣваться, они умираютъ съ голоду и холоду, помочь же оказать имъ не могу, ибо въ продовольствіи чувствую недостатокъ.

При окончаніи сего донесенія моего имѣлъ я честь получить отношеніе вашей Свѣтлости изъ Михаевой отъ 18 сего мѣсяца, на которое честь имѣю здѣсь присовокупить, что по причинѣ истребленій по рѣкѣ Березинѣ всѣхъ переправъ, непріятель принужденъ былъ дѣлать оную въ такомъ мѣстѣ, гдѣ даже дороги нѣтъ, и гдѣ ежели морозы ему не благопріятствовали, онъ долженъ бы былъ увязнуть и погибнуть со всею Арміею. Я уже имѣлъ честь донести о направленіи, которое я предпринимаю и Графъ Витгенштейнъ намѣренъ былъ итти правѣе отъ меня. Извѣстно мнѣ такъ же, что Генералъ Графъ Платовъ идетъ впередъ, стараясь обходить непріятеля гдѣ возможно, отнимая ему всѣ способы къ продовольствію и истребляя предъ нимъ мосты.

Донесенія мои я почти ежедневно отправляю къ вашей Свѣтлости, удивляюсь что они медленно доходятъ, нынѣ же дабы сообразоваться съ волею вашею буду продолжать посылать оныя всякой день.

Копія съ рапорта Графа Витгенштейна П. В. Чичагову полученъ 13 Ноября 1812 г.

11 Ноября 1812 года за № 490 изъ М. Черею.

Сего числа вступилъ я въ Черею и преслѣдую корпусъ Маршала Виктора, который беретъ направленіе къ Бобру, я намѣренъ наступать на его аріергардъ какъ можно сильнѣе. До сихъ поръ въ ономъ препятствовалъ недостатокъ въ кавалеріи, но теперь ко мнѣ присоединился корпусъ Генералъ-

Адъютанта Кутузова, который почти весь состоитъ изъ легкихъ войскъ.

Не могу достовѣрно донести вашему высокопревосходительству, о намѣреніи большой непріятельской арміи; хотя и говорятъ, что она слѣдуетъ къ Борисову, но мнѣ кажется, что она поворотила къ Бобруйску, ибо въ такомъ случаѣ Маршалъ Викторъ не применулъ бы держатся въ Цереѣ, дабы прикрыть маршъ войска.

Генералъ отъ Кавалеріи Платовъ слѣдуетъ по большой дорогѣ за французами и теперь прошелъ уже Оршу. Почитаю нужнымъ донести объ ономъ вашему высокопревосходительству, дабы заблаговременно могли взять свои мѣры, я же съ ввѣренными мнѣ корпусами, въ случаѣ нападенія непріятеля на вашу армію, стану дѣйствовать ему въ тылъ и на флангъ. Обо всѣхъ движеніяхъ какъ французской, такъ и моей арміи, буду безъ замедленія имѣть честь увѣдомить Вашего Высокопревосходительства.

Письмо адмирала П. В. Чичагова генералъ-маіору Камнино 10 Декабря 1812 года. Переводъ съ французскаго.

Милостивый Государь!

Взглядъ выраженный Вами на обстоятельства и общественное мнѣніе въ Польшѣ, дошли до моего свѣдѣнія. Я не нахожу болѣе нужнымъ дѣлать Вамъ указаній, по этому предмету. Это въ вѣдѣніи Маршала Князя Кутузова, къ которому Вы можете относиться каждый разъ, когда Вы найдете нужнымъ испрашивать необходимыя указанія, отъ обстоятельства дѣлъ происходящихъ въ странѣ; гдѣ военная часть, касающаяся веденію Вашему, еще удерживаетъ Васъ въ странѣ. Мнѣ было бы пріятно доставить Вамъ болѣе продолжительной политической работы въ Польшѣ, и дать Вамъ случай оказать тѣмъ неоцѣненныя услуги Государю-Импе-

ратору, не менѣе существенныя для меня, а также полезныя Вамъ.

Честь имѣю остаться съ истиннымъ уваженіемъ

Милостивый Государь Вашъ покорный слуга

П. Чичаговъ.

№ 243
Гесна
10 Декабря
1812 г.

Господину Генералу Комнино.

Павелъ Васильевичъ Чичаговъ. Съ гравированнаго портрета Гейнце.

Сынъ бывшаго Московскаго Генералъ-Губернатора Графъ А. Ѳ. Ростопчинъ издалъ въ Парижѣ свои воспоминанія въ видѣ каталога. На страницѣ 172-й означеннаго каталога онъ повѣствуетъ объ Адмиралѣ Чичаговѣ слѣдующую замѣтку:

Адмиралъ Чичаговъ, въ своей брошюрѣ, не выразилъ всего того, что онъ могъ бы сказать въ опроверженіе упрека дѣлаемаго ему его современниками виновности въ пропускѣ въ 1812 году при переправѣ Наполеона чрезъ Березину. Я хорошо помню, когда онъ показывалъ моему отцу письмо Князя Кутузова, въ которомъ послѣдній предлагаетъ ему, самымъ повелительнымъ приказомъ двинуться, съ большинствомъ своихъ войскъ, за шестьдесятъ верстъ отъ мѣста, гдѣ переходили французскія войска Березину. Благодаря чему Наполеонъ долженъ благодарить за свое спасеніе эгоизму и ревности стараго фельдмаршала, который не желалъ, чтобы кто нибудь имѣлъ славу, которую онъ лично не могъ заслужить, опоздавъ на мѣсто переправы.

Адмиралъ Чичаговъ былъ характера заносчиваго и питалъ одинаковую ненависть, какъ къ Князю Кутузову, такъ и къ Наполеону I. Въ бытность свою въ Парижѣ въ 1818—1823 годахъ, онъ, почти ежедневно, посѣщалъ, по утрамъ, моего отца, гдѣ встрѣчался съ Дюкомъ Кастелчикала, Неаполитанскимъ посланникомъ, человѣкомъ весьма умнымъ, любившимъ посмѣяться; ненавидѣвшимъ также Наполеона. Сложеніе Дюка изображало противоположность Адмиралу Чичагову. Послѣдній былъ худобы замѣчательной. Какъ только Кастелчикала увидалъ его входящимъ, то кидался къ нему и сжимая его въ своихъ объятіяхъ почти до удушенія, говорилъ ему: „Позвольте, дорогой адмиралъ, выразить Вамъ мою благодарность!?—За что? возражалъ Чичаговъ.— За то, что Вы пропустили Наполеона переправиться черезъ Березину! Если бы Вы его плѣнили, я не имѣлъ бы счастія видѣть его околѣвающимъ отъ злобы, на островѣ Св. Елены! Тогда Чичаговъ приходилъ въ ярость, поносилъ Кн. Кутузова, и возбуждался еще болѣе возраженіями Кастельчикала. Неоднократно мой отецъ употреблялъ весь свой умъ, чтобы помѣшать дуэли между ними.

Часто истина долго скрывается отъ людскихъ взоровъ,

изъ нежеланія повредить памяти великихъ людей. Но рано или поздно, исторія должна произвесть оцѣнку историческимъ дѣйствіямъ, и востановить въ памяти народовъ, оцѣнку дѣйствіямъ людей, принявшимъ на себя промахи другого.

На солнцѣ есть пятна; тѣмъ естественнѣе, что и великіе люди имѣютъ свои недостатки. Скрывать ихъ отъ исторіи— нѣтъ основанія, но бытописателямъ слѣдуетъ дать имъ справедливую оцѣнку, какъ астрономы стараются дать точное опредѣленіе пятнамъ на солнцѣ.

ГЛАВА XV.

Состояніе Москвы и ея жителей во время занятія ея французами. Георгіевскій монастырь на Большой Дмитровкѣ.—Сожженіе Москвы. — Плѣнные французы.

Давнишній споръ, кто сжегъ Москву, французы или русскіе, можно назвать безконечною сказкою про бѣлаго бычка. Вотъ какъ характеризуетъ очевидецъ діаконъ тогдашнее состояніе древней столицы.

* Задолго до вступленія въ Москву французовъ носилась глухая молва, что непріятель идетъ на Москву; послѣ Бородинской битвы французы, сломивъ послѣдній оплотъ, бурнымъ потокомъ ринулись на Бѣлокаменную. Здѣсь всѣ заволновались. Предусмотрительные люди покинули городъ, недостаточные принуждены были остаться въ Москвѣ или бѣжать куда глаза глядятъ. Отецъ мой принадлежалъ къ числу послѣднихъ.

1 сентября ночью поспѣшно прошли черезъ Москву на Калужскую дорогу русскія войска. Ростопчинъ скрытно выѣхалъ изъ Москвы, велѣвъ выпустить изъ тюремъ всѣхъ

* Изданіе П. И. Щукина. Бумаги отечественной войны книга IV, стр. 331—350.

заключенныхъ, а полиціи удалиться во Владиміръ. 2 Сентября французы вступили въ Москву. Отецъ съ семействомъ въ невообразимомъ ужасѣ бѣжалъ къ Серпуховской заставѣ; мы перебрались на Владимирскую дорогу и достигли Лосинаго завода въ 12 верстахъ отъ Москвы. Дома въ придорожныхъ селеніяхъ были пусты, жители бѣжали въ лѣса. Въ одной изъ пустыхъ избъ мы должны были провести ночь. Къ нашей радости, осматривая избу, мы нашли въ

Русскія войска при Александрѣ I. Штабъ и оберъ-офицеръ карабинерныхъ полковъ.

печи нѣсколько караваевъ свѣже испеченнаго хлѣба, что намъ было весьма подручно, такъ какъ мы не имѣли съ собой никакой провизіи. Изъ Москвы доносился гулъ пу-

шечныхъ выстрѣловъ и взрывы пороховыхъ складовъ, и небо освѣщалось багровымъ заревомъ пожаровъ. Москва горѣла. На утро мы поплелись далѣе. Стоявшія на пути селенія, мимо которыхъ мы проходили, были пусты, обитатели ихъ укрылись въ лѣсахъ. По дорогѣ встрѣчались казаки, рыскавшіе вокругъ Москвы. Такъ добрели мы на третій день въ село Гжень въ 45 верстахъ отъ Москвы, гдѣ церковникъ села былъ родственникомъ отцу, гдѣ и остались до выхода непріятеля изъ Москвы.

Легко представить себѣ, какова была жизнь всего семейства безъ средствъ существованія и въ тревогѣ отъ вторженія непріятеля.

Жители учредили караулы и имѣли все имущество на возахъ, чтобы при малѣйшей опасности бѣжать въ лѣса.

Спустя недѣлю отецъ съ другими москвичами отправились посмотрѣть свое пепелище въ Москвѣ. Предъ вступленіемъ въ Москву путники разъединились и всякій пошелъ отдѣльно. Отецъ, добравшись до Шаболовки, былъ пораженъ потрясающей картиной разореннаго своего гнѣзда; осталась цѣла только церковь, ограбленная и разоренная, и домъ дьяка Ефима Иванова, не выѣзжавшаго изъ Москвы и повидимому преспокойно устроившагося среди непріятеля, и другой домъ церковнаго старосты*, къ которому и пошелъ отецъ. Староста церкви былъ Матвѣй Петровичъ Пономаревъ, собственникъ вольной типографіи. Домъ Пономарева былъ обширный, хотя деревянный, но на каменномъ фундаментѣ; по сторонамъ дома были два флигеля, одинъ былъ занятъ дворовыми людьми, а въ другомъ была типографія. Пономаревъ изъ Москвы не выѣзжалъ и жилъ все время пребыванія французовъ съ семействомъ. Въ домѣ его помѣстились французскіе

---

* Домъ старосты былъ за три дома не доходя церкви, на этомъ мѣстѣ въ настоящее время находится пивоваренный заводъ Горшанова.

офицеры; хозяева и жильцы жили между собою въ полномъ согласіи. Всѣхъ французовъ въ домѣ было болѣе 10 человѣкъ. Пономаревъ разспросивъ отца накормилъ и успокоилъ его. Когда отецъ отдохнулъ съ дороги, хозяинъ представилъ его своимъ квартирантамъ, отрекомендовавъ его, какъ одного изъ церковно-служителей приходской церкви, притомъ ученаго и знающаго французскій языкъ, могшаго съ ними объясняться. Діаконъ былъ воспитанникъ Славяно-греко-латинской академіи, студенты которой отличались знаніемъ языковъ. Веселые французы, у которыхъ происходила пирушка, охотно приняли гостя въ свою компанію, ласково называя его „попи, попи“. Діаконъ очутился въ компаніи между страшными собесѣдниками, сначала держался конфузливо и опасливо, но усердно потчуемый новыми знакомыми пріободрился. Въ самомъ мирномъ настроеніи и пріятныхъ разговорахъ, когда дѣло доходило до изліянія дружескихъ чувствъ, Пономаревъ, будучи „подъ шафе“ шепнулъ діакону на ухо: „спроси сколько у нихъ здѣсь всего войска и долго ли они пробудутъ въ Москвѣ“. Не обдумавъ, какъ слѣдовало, опасное предложеніе, діаконъ исполнилъ желаніе Пономарева. Невозможно вообразить, что вдругъ произошло. Вся пьяная ватага, вскочивъ со своихъ мѣстъ, съ неистовымъ ревомъ набросилась на бѣднаго „попи“, изступленно крича „казакъ, шпіонъ“, и потрясая обнаженными саблями, готовы были въ куски изрубить дерзкаго. М. И. Пономареву стоило неимовѣрнаго труда хоть сколько нибудь ихъ успокоить и улучивъ минуту крикнуть оцѣпенѣвшему діакону скрыться на чердакѣ дома. На другой день, рано утромъ Пономаревъ выпроводилъ изъ своего дома гостя.

Немного утѣшительнаго принесъ своей семьѣ возвратившійся въ Гжень діаконъ.

Спустя двѣ недѣли діаконъ въ изорванномъ крестьянскомъ кафтанѣ снова отправился на пепелище Москвы.

Не лучше предстала предъ нимъ родная мѣстность. Пожаровъ не было, потому что горѣть было нечему. По обгорѣлымъ строеніямъ и улицамъ между кучами пепла и мусора валялись трупы животныхъ и мертвыя тѣла людей, русскихъ и французовъ, въ воздухѣ стоялъ тлетворный запахъ разлагавшихся труповъ.

Навстрѣчу ему то и дѣло попадались голодные французы, начавшіе нуждаться въ продовольствіи и рыскавшіе по обгорѣлымъ погребамъ и сараямъ, а другіе стрѣляли воронъ, галокъ, воробьевъ и голубей.

Взглянувъ на мѣсто сгорѣвшаго дома, онъ пошелъ навѣстить церковнаго старосту, гдѣ переночевавъ пошелъ обратно на прежнее мѣсто.

12 октября французы выступили изъ Москвы, и всѣ бѣжавшіе потянулись обратно на свои пепелища.

Были лица, укрывавшіяся въ огородахъ, гдѣ теперь больницы городская и Голицынская, по этимъ поросшимъ кустарникамъ. Здѣсь они все время жили подъ открытымъ небомъ и питались картофелемъ, который вырывали тутъ же въ огородахъ за неимѣніемъ лопатъ своими руками. Жизнь укрывавшихся въ огородахъ протекала въ постоянномъ страхѣ въ ожиданіи наѣзда непріятеля. Томимые голодомъ болѣе смѣлые изъ мужчинъ и даже изъ женщинъ днемъ выходили изъ своего логовища искать какихъ либо обгорѣлыхъ припасовъ и возвратившись къ своимъ товарищамъ по несчастію, радушно съ ними дѣлились принесеннымъ; другіе же совсѣмъ не возвращались и пропадали безвѣстно. Здѣсь кстати замѣтить о характеристикѣ французовъ. Между современниками ходила всеобщая и единогласная молва, что изъ всѣхъ нахлынувшихъ въ Москву съ французами народовъ, собственно французы, какъ офицеры, такъ и солдаты, были человѣчнѣе и жалостливѣе къ побѣжденнымъ, между тѣмъ какъ другія племена, въ особенности поляки и саксонцы, отличались грубостью нравовъ, судя по разсказамъ, и жестокимъ обращеніемъ съ жителями Москвы.

На Большой Дмитровкѣ въ Георгіевскомъ женскомъ монастырѣ кромѣ постриженныхъ инокинь жило много дѣвицъ и женщинъ, которыя, выстроивъ себѣ кельи, жили здѣсь въ уединеніи. При вторженіи французовъ въ Москву большая часть ихъ разъѣхалась, а другія остались въ стѣнахъ монастыря, разсчитывая быть здѣсь болѣе безопасными. Сюда же перебрались монастырскіе священнослужители, жившіе въ своихъ домахъ внѣ монастыря черезъ переулокъ, гдѣ теперь находится зданіе дворянскаго пансіона при собраніи, и укрылись въ главной монастырской церкви Св. Георгія *. Заботясь о сохраненіи церковнаго имущества, священникъ всю церковную утварь, всѣ драгоцѣнности, въ числѣ которыхъ было много жалованныхъ прежними царями, велѣлъ вырыть подъ амвономъ яму, сложилъ туда и тщательно задѣлалъ отверстіе. Французы, ворвавшись въ монастырь, прежде всего бросились въ большую церковь Св. Георгія и не найдя ничего приступили къ священнику и діакону съ требованіемъ указать, гдѣ спрятаны церковныя вещи, и когда послѣдніе отозвались, что у нихъ въ храмѣ никакого церковнаго имущества не имѣется, злодѣи ни мало не медля схватили обоихъ, растянули тутъ же на амвонѣ и начали наносить жестокіе удары обнаженными палашами, вынытывая у нихъ, гдѣ скрыли церковныя вещи. Особенную ярость обратили они на священника, подвергая его нѣсколько разъ пыткѣ, но ни тотъ, ни другой не указали мѣста спрятанныхъ вещей. Священникъ, человѣкъ не молодыхъ лѣтъ, вскорѣ послѣ этого умеръ, а діаконъ, молодой человѣкъ, оправился и жилъ при этой же церкви діакономъ. Грабителямъ удалось отыскать спрятанное церковное имущество, которое все было ими разграблено, вѣроятно по указанію кого либо изъ русскихъ грабителей.

* Въ монастырѣ было 3 церкви: Св. Муч. Георгія, Б. М. Казанской и Пр. Елисаветы.

Между тѣмъ, пока одни французы грабили церкви, другая толпа ихъ разсѣялась по монастырскимъ кельямъ, все и всѣхъ грабя и разоряя. Монастырскія обитательницы, въ испугѣ попрятавшіяся по монастырскимъ трущобамъ, вездѣ были захвачены; только нѣкоторымъ удалось вырваться изъ монастыря и скрыться.

По изгнаніи французовъ Георгіевскій монастырь былъ до такой степени разоренъ, что правительство опредѣлило вмѣсто монастыря быть при Георгіевской церкви приходу.

Русскія войска при Александрѣ I. Гренадеры.

Георгіевскій монастырь построенъ предками царя Михаила Феодоровича и считался Романовскою родовою усадьбою.

Ростопчинъ, въ изданной имъ брошюрѣ въ 1823 году въ Парижѣ, оправдывается во взводимомъ на него Наполеономъ I обвиненіи, что Москва сожжена по его приказанію, разосланными имъ агентами и выпущенными имъ изъ тюрьмы преступниками. Въ свое оправданіе онъ пишетъ, что масса преступниковъ выпущена была изъ городовъ, занятыхъ французскими войсками, по дорогѣ отъ русской границы до Москвы. Большинство же жителей московскихъ тюремъ были отправлены имъ въ Нижній Новгородъ, подъ командою мѣстнаго гарнизоннаго баталіона. Пожаръ же началъ оставшійся въ числѣ 20 тысячъ народъ безъ всякаго приказа, въ силу разрушительныхъ инстинктовъ необузданной толпы, не видѣвшей надъ собой никакой власти за выходомъ изъ города полиціи.

Приведя нѣсколько доводовъ въ свое оправданіе, онъ сваливаетъ всю вину на окончательное разореніе Москвы на приказы Наполеона I при оставленіи имъ Москвы.

Обвиняя меня, (пишетъ Ростопчинъ) въ варварскомъ истребленіи имущества жителей, ничѣмъ не доказанномъ, Наполеонъ въ то же время взрываетъ общественныя зданія, церкви, больницы, почти живьемъ сжигаетъ раненыхъ воиновъ, помѣщенныхъ въ устроенныхъ временно лазаретахъ. Кто же болѣе варваръ я или Наполеонъ.

Не всѣ доводы Ростопчина можно признать неоспоримыми фактами—есть правда, но есть цитируемыя имъ событія, не выдержавшія никакой серьезной критики.

* По выходѣ французовъ изъ русскихъ предѣловъ, число оставшихся плѣнныхъ было такъ велико, что ложилось большою тяжестью на разстроенные тогда войною финансы Россіи. Министръ финансовъ въ декабрѣ 1812 года обратился въ комитетъ министровъ со слѣдующимъ предложеніемъ.

* Изд. П. И. Щукина. Книга V стр. 67. Матеріалы Отечественной войны.

Въ числѣ чрезвычайныхъ расходовъ текущаго года, обременяющихъ Государственное Казначейство, заключается и содержаніе плѣнныхъ, которыхъ число если бы и не простиралось болѣе ста тысячъ человѣкъ потребуетъ по самому умѣренному положенію до 4 милліоновъ рублей въ годъ.

Чтобы облегчить сію тягость въ настоящемъ положеніи доходовъ столь чувствительную, Министръ финансовъ считаетъ долгомъ представить мнѣніе свое къ уменьшенію сего необходимаго впрочемъ расхода и къ доставленію самимъ плѣннымъ болѣе удобной жизни.

Въ числѣ плѣнныхъ находится безъ сомнѣнія не малая часть поляковъ, которые всѣ могли бы нынѣ же быть обращены къ укомплектованію полковъ на Кавказѣ, въ Грузіи и даже на Сибирской линіи находящихся, чѣмъ не только уменьшится число плѣнныхъ на содержаніи казны остающихся, но сохранятся еще собственные рекруты къ усиленію армій, противу Франціи дѣйствующихъ.

За исключеніемъ поляковъ прочіе, какъ подданные французскіе, такъ и союзныхъ съ нею земель по образцу набора, коими наполняются войска, вездѣ, гдѣ учреждена конскрипція, состоятъ какъ извѣстно изъ людей всѣхъ состояній и промысловъ. Въ числѣ ихъ безъ сомнѣнія найдется великое множество художниковъ, мастеровыхъ и работниковъ, которые съ пользою могутъ быть употреблены на фабрикахъ и заводахъ нашихъ. Сдѣлавъ выборъ всѣмъ таковымъ и предложивъ имъ обыкновенную плату или содержаніе, которые получаютъ работники и мастеровые тѣхъ ремеслъ, къ которымъ они употреблены быть могутъ, должно полагать, что съ охотою предпочтутъ они выгоднѣйшую для себя жизнь той неволѣ и недостаткамъ, которые претерпѣваютъ оставаясь военноплѣнными.

На семъ основаніи можно бы всѣхъ ихъ раздать какъ на казенныя фабрики и заводы, такъ и частнымъ содержателямъ, которые принять ихъ пожелаютъ.

Прочимъ, взятымъ изъ класса земледѣльцевъ можно бы казалось также предложить поселеніе между колонистами Саратовской и Екатеринославской губерній, гдѣ на первый случай зарабатывали бы себѣ содержаніе въ домахъ поселенцевъ, которые принять ихъ согласятся, а со временемъ

Русскія войска при Александрѣ I. Артиллеристы.

могли бы и сами получить участки земли для заселенія безъ всякой однако отъ казны денежной ссуды.

Остальные затѣмъ, которые по привычкѣ ли къ солдатской жизни или неспособности къ трудамъ другого рода, оставаться будутъ въ числѣ военноплѣнныхъ, могли бы быть обращены для облегченія ихъ содержанія къ различнымъ

простымъ работамъ въ Москвѣ и другихъ городахъ, при исправленіи и перестройкахъ разрушенныхъ зданій и домовъ.

Сими или сему подобными распоряженіями не только сократятся издержки казны на содержаніе безполезныхъ людей, и сами они пріобрѣтутъ себѣ выгоднѣйшую жизнь, но замѣнится нѣсколько и убыль работниковъ, ополченіемъ и наборами отнятыхъ отъ нужныхъ обществу трудовъ.

Министръ Финансовъ Д. Гурьевъ.

ГЛАВА XVI.

Пріѣздъ Государя Императора въ Москву.—Рѣчь его Дворянству.

* Въ 1816 году къ Московскому главнокомандующему Тормасову послано было заблаговременно графомъ Аракчеевымъ секретное повелѣніе, что такъ какъ Государь намѣренъ прибыть въ столицу съ 14-го на 15-ое августа, чтобы онъ разгласилъ слухъ, что его Величество пріѣдетъ въ Москву къ обѣднѣ 15 августа; это распоряженіе было сдѣлано для того, чтобы народъ не вышелъ на встрѣчу къ Государю, такъ какъ „безъ изъятія" никакія встрѣчи не угодны его Величеству.

Первое послѣ 1812 года посѣщеніе Императоромъ Александромъ I первопрестольной столицы, тогда еще возрождавшейся изъ пепла и развалинъ, было истиннымъ народнымъ торжествомъ. Александра встрѣтили съ восторгомъ; мысль о немъ казалась единственнымъ занятіемъ каждаго. 15-го августа Императоръ, въ сопровожденіи Великаго Князя Николая Павловича, шествовалъ въ Успенскій соборъ; архіепископъ Августинъ привѣтствовалъ его краткою рѣчью и заключилъ свое слово торжественнымъ восклицаніемъ: „Тебѣ

* Шильдеръ. Александръ I. Книга VI, стр. 48.

Побѣдителю нечестія и неправды вопіемъ: Осанна въ Вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!

Когда государю представлялось московское дворянство 16 августа, Александръ подъ вдохновеніемъ минуты произнесъ слѣдующую краткую рѣчь:

„Радуюсь, господа, что мы опять въ Москвѣ свидѣлись послѣ тяжкихъ временъ и великихъ трудовъ нашихъ. Мнѣ пріятно теперь изъявить мое сердечное чувство какъ Московскому такъ и вообще россійскому дворянству, которое оказало столь много храбрости и характера. Конечно, мы прославились предъ всѣми народами. Съ Россіею вмѣстѣ мы спасли и Европу. Впрочемъ, мы не должны это присвоивать себѣ. Все совершилось отъ Бога. Одинъ Богъ силенъ былъ сдѣлать, что мы превзошли всѣхъ славою. Нашему примѣру послѣдовала Европа, но не могла сравняться съ тѣмъ духомъ и съ тою твердостью, которую я видѣлъ въ васъ. Воздаю вамъ за все то моею признательностію. Однакожъ, должно замѣтить для васъ, что мы не можемъ утвердиться на семъ возвышеніи безъ исполненія закона Божія. Мы имѣемъ Его приказанія намъ въ Новомъ Завѣтѣ. Я много обозрѣвалъ государствъ и разныхъ народовъ—и самъ очевидный вамъ свидѣтель, что такое народъ, исполненный вѣры, и каковъ тотъ, который безъ закона. Вы знаете, какія... тамъ... слѣдствія отъ того произошли. Я увѣренъ, что и вы также объ этомъ думаете. Пріятно мнѣ еще повторить дворянству чувствительную мою признательность... Господь да продолжитъ на многія лѣта благоденствіе ввѣреннаго мнѣ россійскаго народа.“ *

Современникъ пишетъ по поводу этого появленія Александра въ Москвѣ: Государь Императоръ принятъ былъ съ восхищеніемъ не одною какою-либо частію жителей, но цѣлымъ народомъ Московскимъ. Сто тысячъ встрѣтили и сопровождали повсюду Государя. Московская полиція не имѣетъ обычая протягивать веревокъ и бить по головамъ жаждущихъ видѣть своего монарха, и потому онъ былъ среди народа, какъ отецъ въ обожающемъ его семействѣ. Появленіе Государя произвело всеобщій и необычайный восторгъ. Разоренные забыли всѣ свои потери и радость ихъ была неописанная. Императоръ, съ своей стороны, обхожденіемъ, полнымъ кротости и привѣтливости, и ласковыми привѣтствіями старался вознаградить дворянство и прочія состоянія народа. Оказаны многія милости. На бѣдныхъ пожаловано 500.000 р., а на отстройку дома благороднаго собранія 150.000 р. Слухъ.

* Рѣчь эта была записана Малиновскимъ для императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Императрица Елизавета Алексѣевна. Съ гравюры Турнера, сдѣланнаго съ портрета Монье.

и довольно вѣрный, носится, что Государь обѣщалъ на будущій годъ прожить въ Москвѣ шесть мѣсяцевъ, со всѣмъ дворомъ, и перевести въ сію столицу часть гвардіи*.

* Изъ письма Сипягина къ Цесаревичу Константину Павловичу.

Данилевскій пишетъ: Ежедневно всѣ лѣстницы, ведущія ко дворцу, были переполнены народомъ, подававшимъ просьбы по случаю разоренія отъ непріятеля. Вообще, бѣдность въ Москвѣ, происшедшая отъ нашествія непріятеля, неописанна, всѣ жалуются на дѣйствія коммиссіи, завѣдывающей раздачею погорѣвшимъ шестнадцати милліоновъ.

Достойно примѣчанія, что Государь не любилъ вспоминать объ отечественной войнѣ и даже говорить о ней, хотя она составляетъ прекрасную страницу въ его царствованіи. Между тѣмъ изъ Вѣны ѣздилъ смотрѣть на Ваграмскія и Асперскія поля и изъ Брюсселя на Ватерлоо. Слѣдующій пріѣздъ Государя былъ въ октябрѣ 1817 года, когда онъ прибылъ для закладки храма на Воробьевыхъ горахъ; съ нимъ прибыли обѣ императрицы Елисавета Алексѣевна и вдовствующая Марія Θеодоровна, а также Великій Князь Николай Павловичъ съ супругой Александрой Θеодоровной и принцъ Прусскій Вильгельмъ.

20 февраля 1818 года былъ торжественно открытъ на Красной площади памятникъ гражданину Минину и Князю Пожарскому, а также освященіе возобновленныхъ торговыхъ рядовъ на Красной площади.

Послѣдній разъ Александръ I былъ въ Москвѣ въ концѣ августа 1823 года, гдѣ смотрѣлъ на Ходынскомъ полѣ 5-й армейскій корпусъ. 31 августа Государь отбылъ черезъ Серпуховъ въ Тулу, Орелъ и далѣе.

ГЛАВА XVII.

Кузнецкій мостъ.—Убытки торговцевъ.—И. А. Воронцовъ.

Гуляя по асфальтовымъ тротуарамъ Кузнецкаго моста и любуясь, сквозь зеркальныя стекла магазиновъ, на выставленный въ витринахъ заморскій товаръ, невольно вспоминаешь, сколько перемѣны, вслѣдствіе неожиданныхъ катастрофъ, пережило это историческое мѣсто.

Въ старину это былъ захолустный загородный поселокъ. На берегу рѣчки Неглинки ютились кузнецы; близъ нихъ стояли убогія избы кузнецовъ съ ихъ задворками. Къ верху горы прилегалъ убогій Варсонофьевскій домъ, съ опальнымъ кладбищемъ. На кладбищѣ хоронили воровъ, разбойниковъ, казненныхъ, замученныхъ въ застѣнкахъ и умершихъ въ опалѣ.

На этомъ кладбищѣ, при воцареніи Лже-Димитрія, временно были зарыты, безъ церковнаго обряда, останки Царя Бориса Годунова и членовъ его семьи, выброшенныхъ, по приказу самозванца, чрезъ особый проломъ стѣны Архангельскаго собора, изъ своихъ усыпальницъ.

На верху же горы стояла, теперь не существующая, церковь „Флора и Лавра“, близъ которой высился пушечный дворъ со своими башнями.

Затѣмъ картина мѣстности рѣзко измѣнилась. Своимъ процвѣтаніемъ Кузнецкій мостъ обязанъ Графу Ивану Ларіоновичу Воронцову, который выстроилъ на кузнечной горѣ, въ Екатерининское время, шесть каменныхъ домовъ, окруживъ ихъ французскими и англійскими садами. Примѣру его послѣдовали и другіе вельможи, и тѣмъ измѣнили характеръ Кузнецкаго Моста.

Для ихъ удобства, близъ боярскихъ хоромъ, открылись нѣсколько нѣмецкихъ и французскихъ лавокъ, умножившихся во время французской революціи, когда толпа маркизовъ, дюковъ и богатыхъ коммерсантовъ, спасая свою жизнь, бѣжала въ Россію.

Количество иностранцевъ въ Россіи въ 1812 году было настолько велико, что при нашествіи полчищъ Наполеона на Россію, Московскій Генералъ Губернаторъ Графъ Ростопчинъ вынужденъ былъ массами высылать ихъ изъ Москвы во внутреннія провинціи Россіи.

Въ историческихъ документахъ находится переписка Ростопчина съ Нижегородскимъ Губернаторомъ Руновскимъ, изъ

которой видно, что въ Нижній было выслано 40 французовъ подъ присмотромъ квартальнаго надзирателя Иванова. Ростопчинъ приказалъ отправить ихъ подъ карауломъ въ какой нибудь городъ Нижегородской губерніи *.

Иностранцы были поселены въ больницѣ города Макарьева. Въ маѣ 1813 года Губернаторъ А. Крюковъ, замѣнившій умершаго Руновскаго, проситъ разрѣшенія перевесть французовъ куда нибудь въ другое мѣсто, въ виду предстоящей ярмарки, собиравшейся въ то время въ Макарьевѣ**.

Кромѣ Нижняго-Новгорода, французовъ ссылали въ Ярославль, Саратовъ и другіе города, что видно изъ переписки Тверского, Новгородскаго и Ярославскаго Генералъ Губернатора принца Георгія-Голштейнъ-Ольденбургскаго, отъ 15 октября, 3 декабря, 10 декабря, 27 декабря 1812 г., 28 февраля 1813 г. и вообще въ теченіи всего 1813 г. ***

Много лицъ было выслано за распространеніе ложныхъ слуховъ въ народѣ; но были лица, высланныя по подозрѣнію административныхъ чиновъ. По изгнаніи французовъ изъ предѣловъ отечества, родственники сосланныхъ иностранцевъ ходатайствовали о возвращеніи удаленныхъ лицъ въ прежнее мѣсто своего жительства, въ Москву; что можно видѣть изъ переписки Главнокомандующаго въ Петербургѣ Генерала отъ Инфантеріи Вязмитинова съ Графомъ Ростопчинымъ. Но не всѣ ходатайства были уважены. Были лица, сильно скомпрометтированныя, а другихъ, несмотря на тщательные поиски администраціи, не могли найти.

Уже въ 1814 году многимъ изъ сосланныхъ было дозволено выѣхать на родину, а другимъ поселиться, по ихъ выбору, въ другихъ городахъ Россіи, за исключеніемъ столицъ.

---

* Бумаги отечественной войны. Изданіе П. И. Щукина. Книга I, страница 148-я.

** Тамъ же, стр. 149 и 150.

*** Бумаги отечественной войны. Изд. П. И. Щукина. Книга I, стр. 150—162.

Въ 1812 году Кузнецкій мостъ процвѣталъ; тамъ велась мелочная торговля всевозможнаго моднаго и расхожаго товара, но оптовая торговля состедоточивалась въ Китай-городѣ, гдѣ въ старинныхъ амбарахъ, палаткахъ и лабазахъ хранился у оптовиковъ всевозможный товаръ, для массовой продажи его Московскимъ и иногороднимъ торговцамъ.

Пожаръ 1812 года все истребилъ.

Архивныя дѣла упраздненной Управы Благочинія, того времени, показываютъ, какіе милліоны потеряли Москвичи, благодаря пожару лавокъ и амбаровъ Китай-города.

Когда Москва освободилась отъ полчищъ Наполеона, и жители вернулись на свои пепелища, то нашли свои хранилища разбитыми, товаръ разграбленнымъ или сожженнымъ. Начались заявленія и просьбы къ правительству: какъ къ отысканію разграбленнаго, такъ и вознагражденія за погибшее имущество.

Въ дѣлахъ Управы Благочинія находится такая масса заявленій, что ими можно было бы наполнить цѣлые фоліанты. Укажемъ только нѣкоторыя, болѣе крупныя и рельефныя, какъ относящіяся къ дворянству, такъ и къ купечеству.

Московскій первой гильдіи купецъ Андрей Андреевичъ Ценкеръ потерялъ отъ сожженнаго и разграбленнаго въ его амбарахъ и лабазахъ товара (кромѣ ввѣреннаго ему какъ куратору) на 787,057 р. 50 к.; товаръ въ большинствѣ колоніальный и москательный. Московскій 1-й гильдіи купецъ Андрей Сидоровъ Корзинкинъ вмѣстѣ съ лавками и домами потерпѣлъ убытковъ на 388,542 р. 37 к.; Товаръ заключался въ чаѣ, сахарѣ, кофеѣ, перцѣ и гвоздикѣ. Московскій 1-й гильдіи купецъ Иванъ Прокофьевъ Лобковъ на 343,280 р. Чай, сахаръ и осетровый клей. Московскій 1-й гильдіи купецъ Петръ Ивановъ Кожевниковъ на 1,524,800 руб. Чай, сахаръ и лавки. Московскій 1-й гильдіи купецъ Макай Абдуловъ на 373,580 р. Чай, сахаръ, Бухарскіе и Средне-Азіатскіе товары.

Нарвскій 1-й гильдіи купецъ Иванъ Богдановъ Гиппіусъ потерялъ на ввѣренномъ ему комиссіонномъ товарѣ отъ фирмы Карлъ Кибель и К° на 376,925 р. Прядильная бумага Рижской фабрики. Московскіе 2-й гильдіи купцы Дмитрій и Петръ Кононовы Боткины потеряли на 402,600 руб. Чай и китайка. Московскій 2-й гильдіи купецъ Иванъ Григорьевъ Лобковъ на 352,255 руб. 50 к. Чай, сахаръ, кофей, гвоздика, перецъ и москательный товаръ.

Московскіе купцы Викула и Андрей Петровы Шестовы на 770,338 р. 84 к. Чай, сахаръ и дома. Московскій купецъ Егоръ Матвѣевъ Матвѣевъ на 230,228 р. 35 к. Шерсть и сукна.

Нѣжинскій Грекъ Анастасій Юрьевъ Скинда на 213.250 р. Иностранныя вина.

Нѣжинскіе Греки братья Пачимадо и Прихо на 266,772 р. Вина, прованское масло, сахаръ, сандалъ и москательный товаръ.

У извѣстнаго книгопродавца Рисса сгорѣло книгъ и другого типографскаго имущества на 99,368 р. 50 к.

Московскій 2-й гильдіи купецъ Алексѣй Ильинъ Девятовъ потерялъ на 93,649 р. мѣхового товара.

Фабрикантъ Василій Григорьевъ Назаровъ потерялъ на своей фабрикѣ въ Москвѣ 90 тыс. руб.

Изъ дворянскихъ семей много потеряли Графъ Толстой на 200,900. Графъ Головкинъ на сумму болѣе 650,000. Коллежскій ассессоръ Виноградовъ на сумму 164,885 руб.

Княжна Засѣкина въ домѣ своемъ въ Чернышевскомъ переулкѣ потеряла отъ разграбленія ея имущества на сто тысячъ. Вообще въ дворянскихъ домахъ погибло много художественныхъ произведеній, бронзы, скульптуры, фарфора и другихъ рѣдкостей. Потеря незамѣнимая для искусства.

Хотя 6 декабря 1812 года Государь Императоръ Александръ I въ Рескриптѣ, данномъ имъ Московскому Генералъ-Губернатору Графу Ростопчину, и поручаетъ ему, по возможности,

поспѣшно собрать свѣдѣнія о пострадавшихъ лицахъ отъ нашествія непріятеля, а также по возможности выдать имъ пособіе. Что и было исполнено; но количество пострадавшихъ лицъ было тамъ многочисленно, сумма убытковъ была такъ велика, что разстроенное русское казначейство того времени не было въ состояніи удовлетворить всѣмъ нуждамъ населенія. Улучшеніе благостоянія Москвы и ея обывателей въ теченіи долгаго времени постепенно входило въ свою обычную колею.

Еще въ 1819 году была составлена вѣдомость обгорѣлымъ домамъ, къ исправленію которыхъ обыватели еще не приступали, и такихъ домовъ оказалось болѣе 300.*

Даже въ 1826 году, во время Генералъ-Губернатора Князя Дмитрія Владиміровича Голицына, по случаю коронаціи Императора Николая I, велась переписка съ коммиссіей о постройкахъ въ Москвѣ, о приведеніи сгорѣвшихъ домовъ въ благообразный видъ.

Собственно массовое улучшеніе Московскихъ строеній началось въ шестидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Москвичамъ еще памятны руины сгорѣвшихъ домовъ: на Пречистенкѣ Всеволожскихъ (теперь дома Военнаго Вѣдомства) на Воздвиженкѣ большой пустырь Князей Долгорукихъ (теперь Морозовскія усадьбы) въ Армянскомъ переулкѣ (теперь домъ Константинова) и другія. Хотя медленно, но понемногу все пришло въ улучшенный порядокъ.

Ряды на Красной площади, во время занятія французами Москвы, сгорѣли, съ нихъ начался пожаръ Москвы, тогда какъ французскія лавки, Кузнецкаго моста, остались почти цѣлы.

Ряды, по новому плану, дозволено было возобновить прежнимъ лавковладѣльцамъ, на свой счетъ, что и было ими исполнено въ 1818 году.

Разнохарактерныя постройки лавковладѣльцевъ, отдѣланныя по собственной фантазіи, были не раціональны и не прочны.

* Собраніе бумагъ отечественной войны. Изд. П. И. Щукина. Книга V, стр. 98—118.

Спустя 50 лѣтъ лавки имѣли разрушенный видъ и представляли собою полный анахронизмъ. Во время Генералъ-Губернаторства Князя Долгорукова, руина была сломана и на акціонерныхъ началахъ воздвигнутъ настоящій торговый палаццо.

Зданіе составляетъ украшеніе площади, имъ любуются проѣзжіе иностранцы.

Такого обширнаго и красиваго торжища нѣтъ нигдѣ въ Европѣ.

Въ настоящее время въ средѣ Московскаго купечества существуютъ, при хорошихъ условіяхъ жизни, потомки купеческихъ семей, такъ много пострадавшихъ въ тяжелую годину 1812 года.

Во время поданная помощь принесла свои плоды. Московское разореніе изгладилось. Только великолѣпный Храмъ Христа Спасителя, видимый со всѣхъ концовъ Москвы, и сотни орудій, оставленныхъ намъ на память, отъ всѣхъ народовъ Европы, смирно лежащихъ на площадяхъ Кремля, напоминаютъ намъ про трудную годину, пережитую нашимъ отечествомъ.

Тамъ, гдѣ народъ преданъ своему Царю и вѣритъ въ крѣпость духа и правду своей отчизны, временное шатаніе проходитъ безъ большихъ слѣдовъ, подобно бурѣ, не оставляя неизгладимыхъ ущербовъ, и только небольшой буреломъ указываетъ что здѣсь прошла гроза.

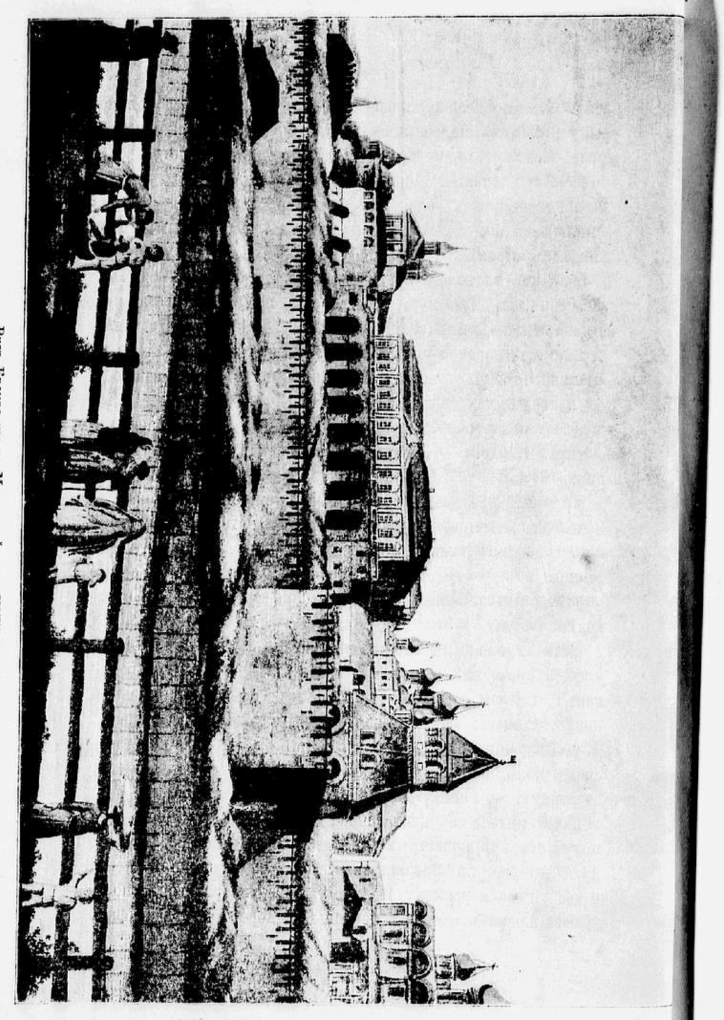
Присоединеніе къ Россіи сосѣднихъ съ нею областей сопровождалось всегда дарованіемъ имъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, недоступныхъ жителямъ центральной Россіи. Подобныя льготы временно привлекали верхній слой присоединеннаго населенія, нисколько не касаясь народной массы. Уступки эти невольно дозволяли интеллигентамъ мечтать о увеличеніи, въ послѣдствіи, этихъ льготъ. Что обособляло жителей новопріобрѣтенныхъ областей. Благодаря побѣдамъ Петра I, Екатерины II и Александра I, сплоченіе Русской

земли въ одно цѣлое самостоятельное Государство, должно было поглотить присоединенныя на окраинахъ области всецѣло. Между тѣмъ замѣтно стремленіе ихъ жить отдѣльной самобытной жизнію. Дарованіе нѣкоторыхъ правъ отдѣльнымъ окраиннымъ областямъ, безъ распространенія ихъ на остальныхъ обитателей страны, является ненормальнымъ явленіемъ въ странѣ.

Во время владычества древняго Рима всѣ жители странъ, завоеванныхъ Имперіей, имѣвшіе какой-нибудь достатокъ, стремились получить званіе римскаго гражданина. Это было весьма естественно! Человѣкъ, получая званіе римскаго гражданина, вмѣстѣ съ тѣмъ получалъ привилегію, равнявшуюся съ правами коренныхъ уроженцевъ Имперіи, которыми не пользовались вообще присоединенные обитатели завоеванныхъ окраинъ Имперіи, до полученія ими званія римскаго гражданина.

Не тотъ порядокъ установился въ нашемъ государствѣ. Жители завоеванныхъ нами окраинъ пользуются привилегіями, недоступными Русскимъ, тогда какъ, при переѣздѣ новаго подданнаго изъ своего округа въ центральныя мѣстности Россіи, онъ пользуется всѣми правами, данными коренному населенію.

Если Русскій поселится на окраинѣ, въ завоеванномъ Россіей краѣ, или если онъ имѣетъ тамъ временное пребываніе, то онъ считается тамъ иностранцемъ и никакихъ правъ, данныхъ завоеваннымъ жителямъ края, не имѣетъ. Даже дворянинъ, при покупкѣ имѣнія въ Финляндіи и Остзейскомъ краѣ, не считается тамъ равноправнымъ съ мѣстными дворянами. А между тѣмъ Финляндецъ или „Остзеецъ“, купивъ имѣніе въ центральной части Россіи, немедленно получаетъ всѣ права, мѣстному дворянству принадлежащія. Даже Армяне въ Закавказскомъ краѣ имѣютъ привилегіи, недоступныя коренному Русскому. Азіатскіе кочевники пользуются правами, не пожалованными коренному населенію.

Видъ Кремля изъ-за Москвы рѣки въ XVIII столѣтіи.

Все это невольно заставляетъ центральнаго жителя Россіи сожалѣть, что онъ хозяинъ страны.

Малоправность русскаго населенія сравнительно съ народами, завоеванными храбростью и кровью нашихъ предковъ,— бросается въ глаза.

Русскій настолько добросердеченъ, что не желаетъ никакихъ исключительныхъ правъ, не пожалованныхъ завоеваннымъ имъ народамъ, но только желалъ бы полной равноправности.

Если Финляндецъ или Остзеецъ пользуются въ русскихъ губерніяхъ правами наравнѣ съ ихъ кореннымъ населеніемъ, то желательно было бы, чтобъ и Русскіе, поселившись въ Финляндіи, Балтикѣ и другихъ окраинахъ, пользовались правами, предоставленными мѣстному населенію. При настоящихъ порядкахъ выходитъ, что завоеватель, покорившій страну, не владѣетъ ею, а дѣлается слугой покореннаго имъ народа. Является полный абсурдъ!

Всякое пріобрѣтеніе какой-нибудь собственности должно приносить доходъ, покрывающій капиталъ, затраченный при его пріобрѣтеніи; у насъ выходитъ совершенно обратное. Мы, пріобрѣтая окраины нашего отечества храбростью нашихъ войскъ, тратя на военныя дѣйствія массу денегъ, дѣлая громадные долги, проценты съ которыхъ поглощаютъ чуть не треть нашего бюджета, не только не получаемъ отъ завоеванныхъ окраинъ какого-нибудь дохода, но, напротивъ, тратимъ на улучшеніе окраинъ деньги изъ налоговъ, собираемыхъ съ центра Россіи, и, кромѣ того, являемся въ облагодѣтельствованныхъ нами окраинахъ иностранцами, которыхъ туземцы эксплуатируютъ какъ въ моральномъ, такъ и въ финансовомъ отношеніяхъ.

Не можемъ же мы, Русскіе, считаться подчиненными завоеванныхъ нами народовъ? Мы должны считаться хозяевами страны; а между тѣмъ, такъ-называемые хозяева третируются во многихъ окраинахъ, какъ илоты.

Если хозяинъ частнаго дома, по слабости характера или ограниченности умственныхъ способностей, находится подъ властію своихъ подчиненныхъ, то онъ не только не пользуется общественнымъ уваженіемъ, но берется въ опеку, какъ малоспособный къ активной дѣятельности. Такъ неужели же и мы, если не можемъ ходить безъ помочей нашихъ окраинныхъ обывателей, должны тоже подвергнуться какой-либо опекѣ?

Неужели мы настолько малоспособны и малоумны, что, изъ тщеславной похвальбы своихъ и заграничныхъ болтуновъ, сами запряжемъ себя въ ярмо и, покорно склоня выю, должны работать въ пользу лицъ, не оказавшихъ нашему отечеству никакой выгоды, а только нахальнымъ крикомъ желающихъ сдѣлаться нашими непрошенными учителями?

Примѣровъ нашего добродушія масса. Мы не только надѣляемъ привилегіями завоеванныя нами страны, въ ущербъ коренному населенію края, но, приглашая пришельцевъ селиться на свободныхъ земляхъ, даемъ имъ преимущества противъ Русскихъ. А за это, въ видѣ благодарности, мы получаемъ отказъ въ исполненіи ими гражданскихъ обязанностей страны, переходящій въ смуту и неповиновеніе закону.

Пора намъ стать на національную почву и провозгласить принципъ—„Россія для Русскихъ"; пора намъ твердо держаться правила, что никакими привилегіями не могутъ пользоваться на нашихъ окраинахъ завоеванные нами народы, пока этихъ привилегій не имѣетъ коренной Русскій народъ.

Господинъ въ странѣ долженъ быть Православный Русскій Царь и дружина Его—Русскій народъ со всѣми его раздѣленіями. Покоренные Русскою державой народы, по милости Царя, могутъ пользоваться правами равными съ большинствомъ населенія, но никакъ не должны имѣть привилегій, недоступныхъ коренному населенію. Тогда всякій подданный Россіи не будетъ величаться: Шведомъ, Финляндцемъ,

Остзейцемъ, Армяниномъ, пришельцемъ Нѣмцемъ и пр. и пр., а будетъ стараться сдѣлаться истымъ Русскимъ и гордиться своимъ названіемъ.

Желаніе наше выказать себя рыцарями по духу, относительно присоединенныхъ къ Россійской окраинѣ областей, дарованіемъ ихъ жителямъ разныхъ привилегій, надѣлало массу вреда Россіи и только возбудило въ ихъ экзальтированныхъ головахъ надежды на дальнѣйшее наше малодушіе и на полное отдѣленіе ихъ отъ Россіи.

Твердость правительственныхъ распоряженій, принципъ главенства Русской народности въ своемъ отечествѣ, обузданіе стремленій къ обособленности разныхъ провинцій, на окраинахъ нашего отечества, слитіе всего народонаселенія Имперіи въ одну компактную массу, признаніе общности русскаго языка во всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, уничтоженіе привилегій на окраинахъ, а также уравненіе правъ иностранныхъ поселенцевъ до нормы пользованія коренныхъ Русскихъ,—вотъ тѣ мѣры, которыя поставятъ страну нашу на незыблемую почву и сплотятъ ее въ одно цѣлое. Тогда русскій не будетъ считать себя гостемъ, посѣщая или живя въ окраинной области, да и покоренный, видя въ немъ дѣйствительнаго хозяина страны, не помыслитъ предъявлять ему незаконныя требованія.

Только подъ твердою, неограниченною властью Самодержавнаго Царя, разноплеменная Россія можетъ пользоваться благоденствіемъ и спокойствіемъ своихъ обитателей. Но для этого нужно поставить Русскаго въ переднюю линію, а не оставлять его въ подчиненіи покоренныхъ имъ народовъ.

Принципъ „Россія для Русскихъ" долженъ быть девизомъ нашего отечества. Не должно обращать вниманія на то чтó скажетъ либеральствующая заграничная печать, а должно ставить себѣ мѣриломъ сознаніе собственной правоты.

ГЛАВА XVIII.

Москва во время царствованія Императора Александра I.—Результаты пребыванія его въ древней Столицѣ.

Пребываніе Императора Александра I въ Москвѣ, за исключеніемъ времени его священнаго коронованія, было каждый разъ непродолжительно.

Послѣ большихъ и блестящихъ праздниковъ, устраиваемыхъ его Великою бабкою Екатериною II, когда Императрица проживала мѣсяцами въ Москвѣ, присматриваясь къ русской общественной жизни, только коронаціонныя торжества напоминали Москвѣ блескъ Петербургскаго двора. Первое время своего царствованія Государь, занятый преобразованіемъ высшихъ учрежденій Имперіи, потомъ войнами 1805 и 1807 годовъ, совсѣмъ не бывалъ въ Москвѣ.

Москва жила старыми традиціями Великой Государыни.

Московское дворянское общество, имѣя въ своей главѣ старыхъ слугъ престола, позапрошлаго царствованія, держалась прежнихъ своихъ устоевъ. Новшества туго прививались къ Московскому обществу. Давно ожидаемая война съ Наполеономъ была объявлена. Государь прибылъ въ Москву. Встрѣченный съ восторгомъ всѣмъ народонаселеніемъ, былъ крайне тронутъ всеобщимъ къ нему сочувствіемъ.

Конечно въ то время было не до празднествъ! Погромъ и сожженіе Москвы въ 1812 году измѣнило не только ея наружный видъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и контингентъ ея обывателей.

Много дворцовъ, принадлежащихъ вельможамъ, были уничтожены и сожжены, обстановка домовъ разграблена. Владѣльцы потеряли большую часть своего состоянія и не могли уже поддерживать прежній строй своей жизни. Съ тѣхъ поръ

Москва потеряла свой прежній отпечатокъ и размѣняла свои празднества на мелкую монету.

Потуги нѣкоторыхъ лицъ возобновить старое не принесли никакой пользы Московской общественной жизни, а только еще болѣе разорили предпринимателей.

Пріѣздъ на болѣе продолжительное пребываніе царской семьи въ Москву постоянно откладывался по различнымъ обстоятельствамъ, и Москва начала жить большимъ провинціальнымъ городомъ, безъ престижа порфирородной вдовы. Только въ 1818 году Царская семья прогостила въ Москвѣ болѣе продолжительное время, по случаю закладки, на Воробьевыхъ горахъ, храма Христа Спасителя и освященія памятника Минину и Пожарскому. Хотя во время послѣднихъ годовъ царствованія Императора Александра I и послѣ 12 года, Москва попрежнему, особенно въ зимнее время, наполнялась провинціальнымъ дворянствомъ, но жизнь Москвы потеряла весь блескъ прошедшаго столѣтія. Не было въ числѣ жителей Москвы достаточно выдающихся вельможныхъ лицъ.

Пребываніе большинства дворянъ въ заграничныхъ походахъ русскихъ войскъ въ 13, 14 и 15 годахъ дало новое направленіе ихъ привычкамъ. Жизнь ихъ складывалась иначе.

Французскій типъ гувернеровъ остался попрежнему доминирующимъ, но общественное воспитаніе начало принимать болѣе европейскій характеръ; только довольно странное явленіе водворилось въ нашихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ! Многіе предметы преподавались на иностранныхъ языкахъ— французскомъ и нѣмецкомъ.

Не говоря уже объ учебныхъ заведеніяхъ на нашихъ окраинахъ, такой порядокъ практиковался въ заведеніяхъ Петербурга и Москвы. Напримѣръ, въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія всѣ лекціи читались на французскомъ діалектѣ. Вообще, несмотря на отечественную войну, гдѣ русскіе высказали такъ много патріотизма, льгота въ преимуществахъ иностранцамъ практиковалась попрежнему.

Русскіе не могли отрѣшиться отъ стараго кошмара „что скажутъ въ чужихъ краяхъ"... Кошмара, надѣлавшаго Россіи массу вреда. Мы и въ настоящее время, не совсѣмъ еще освободились отъ этой галлюцинаціи.

Примѣръ въ глазахъ; завоеванныя нами окраины позволяютъ себѣ дѣйствія, о которыхъ русскій и во снѣ не смѣетъ да и не хочетъ мечтать.

Императоръ Александръ I, уѣзжая неоднократно въ чужіе края, гдѣ всевозможными конгрессами старался умиротворить Европу, не имѣлъ времени посѣщать Москвы.

Москва жила своеобразною жизнью помѣщичьяго круга, руководителемъ котораго старался быть Московскій Главнокомандующій Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, тогда еще не старый человѣкъ. Примѣряясь къ обществу того времени, онъ въ свободные вечера посѣщалъ дворянскія собранія и Англійскій клубъ, центръ высшаго Московскаго общества того времени, гдѣ старался держать себя не какъ начальникъ а какъ равный сочленъ клуба. Заведенный имъ режимъ ставилъ его не только въ курсѣ общественной жизни, но дѣлалъ его ея руководителемъ.

Дворянскія собранія не отличались особой роскошью обстановки, благодаря стѣсненнымъ обстоятельствамъ, не оправившагося еще послѣ погрома, дворянства, разореннаго войной 12 года; но зато этикетъ въ собраніяхъ былъ строгъ.

Въ Москвѣ, въ концѣ царствованія зародилось много литературныхъ и идеалистическихъ кружковъ, стремящихся, повидимому, къ упорядоченію жизни, развитію общества и смягченію нравовъ; но большинство ихъ не имѣло прочнаго фундамента, было построено на песочномъ основаніи, и потому при первой бурѣ рухнуло, искалѣчивъ подъ своими обломками своихъ основателей.

Вотъ въ какомъ видѣ очутилась Москва ко дню восшествія на престолъ Императора Николая I.

ГЛАВА XIX.

Воцареніе Императора Николая.—Московскіе толки.—Письма Императора Николая и Цесаревича Константина.—Коронація.—Пріѣздъ Государя въ 1830 году.—Холера въ Москвѣ.—Московскіе карантины.—Открытіе памятника на Бородинскомъ полѣ.—Два князя Голицыны.—Закладка Храма Христа Спасителя.—Театры въ Москвѣ.—Князь Щербатовъ.—Графъ Закревскій.—Освященіе дворца.—Открытіе Николаевской желѣзной дороги.—Празднества въ Москвѣ.—Московскія войска.—Генералъ Чеодаевъ.

Согласно учрежденнаго акта престонаслѣдія, объявленнаго Императоромъ Павломъ въ день его коронованія въ Успенскомъ соборѣ, на Россійскій престолъ долженъ былъ вступить Цесаревичъ Константинъ Павловичъ; но вслѣдствіе отказа его отъ принятія короны Россіи, подтвержденнаго актомъ его отреченія, хранившимся въ напрестольномъ ковчегѣ Успенскаго собора, прародительскій престолъ переходилъ къ Великому Князю Николаю Павловичу.

Храненіе акта отреченія Цесаревича Константина, въ Успенскомъ соборѣ, за исключеніемъ Митрополита Филарета, никому не было извѣстно. Того не зналъ даже Московскій Генералъ-Губернаторъ Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, обязанный распоряженіемъ покойнаго Государя вскрыть конвертъ, по кончинѣ Императора Александра I.

Такъ какъ пакетъ, положенный въ ковчегѣ Успенскаго собора, вскрытъ не былъ. Москва присягнула Цесаревичу Константину.

Въ Москвѣ послѣ присяги Императору Константину ждали извѣстій о чрезвычайныхъ событіяхъ въ Петербургѣ. Возбужденіе въ нѣкоторыхъ слояхъ общества было чрезвычайное, и толкамъ не было конца. Всѣ ждали, что для Россіи наступаетъ 1789 годъ.

Наконецъ изъ Петербурга прибылъ курьеръ съ приказомъ присягать Императору Николаю I, а слѣдующій курьеръ сообщилъ о событіяхъ 14 декабря 1825 года на Сенатской площади.

Императоръ Николай I.

Хотя по наружности какъ въ Москвѣ, такъ и въ Россіи все было тихо и спокойно, но толки продолжались. Извѣстія шли отовсюду странныя и одно другому противорѣчащія. Говорили, что въ Петербургѣ все спокойно и дѣла идутъ обыкновеннымъ порядкомъ; другіе передавали, что вторая армія не присягаетъ, а идетъ на Москву и тамъ намѣревается провозгласить конституцію. Такъ же былъ пущенъ слухъ, что Ермоловъ не присягнулъ и идетъ со своими

войсками на Москву. Москва ожидала всякій день съ юга новыхъ Мининыхъ и Пожарскихъ.

Взглядъ Цесаревича Константина Павловича на петербургскія событія, приведшія къ 14 декабря, ясно выразился въ письмѣ его изъ Варшавы отъ 24 января 1826 года къ князю Волконскому*.

Воля покойнаго Государя Императора какъ при жизни его, такъ и по кончинѣ, была и будетъ всегда для меня священна: я слѣдовалъ и слѣдую оной такъ точно, какъ бы благодѣтель нашъ еще теперь здравствовалъ,—неизгладимая память о немъ останется въ сердцѣ моемъ до конца моихъ дней. Послѣ кончины его нѣкоторая поспѣшность была можетъ быть поводомъ случившимся несчастнымъ происшествіямъ, въ которыхъ, къ прискорбію моему, имя мое выставлялось на видъ, чего иначе вѣроятно не могло случиться, и посему я нахожусь въ такомъ положеніи, что до времени не могу еще явиться въ С.-Петербургъ. Здѣсь, благодаря Бога, все тихо и спокойно: около же насъ порядочныя были завирушки. По симъ обстоятельствамъ, правду сказать, мой теперь здѣсь постъ жутковатъ, но воли Божія, надѣюсь на Всевышній Его Промыселъ.

Событія 14 декабря застали графа Ростопчина уже страдающимъ отъ болѣзни, сведшей его вскорѣ въ могилу. Услышавъ разсказъ событія, графъ, отличавшійся неистощимымъ острословіемъ и злословіемъ, высказалъ свою лебединую пѣснь:

„Обыкновенно сапожники устраиваютъ революцію, чтобы сдѣлаться господами, а у насъ господа захотѣли сдѣлаться сапожниками“.

Николай I, отправляясь 14 декабря на площадь, сказалъ: „Если буду Императоромъ хоть одинъ часъ, то покажу, что былъ того достоинъ“, и въ этотъ день торжественно оправдалъ свое державное слово.

* Царствованіе Александра I. Шильдера.

Въ письмѣ своемъ къ Цесаревичу Константину писалъ онъ съ бивуака близъ Зимняго дворца: „Дорогой, дорогой Константинъ. Ваша воля исполнена: я—Императоръ, но какою цѣною, Боже мой. Цѣною крови моихъ подданныхъ“.

Во время коронаціонныхъ торжествъ 1826 года Императоръ Николай I былъ чрезвычайно мраченъ, будущее являлось ему болѣе чѣмъ грустнымъ и тревожнымъ.

Коронація Императора Николая, совершенная 22 августа 1826 года, застала Москву немного обстроенною послѣ пожара 12-го года. Но много еще пустырей, огороженныхъ заборами, лежали въ неубранномъ видѣ. Молодыя посадки деревьевъ въ Кремлевскомъ саду, на разныхъ бульварахъ и Петровскомъ паркѣ только еще начинали раскидывать свою богатую растительность.

Императоръ Николай I вмѣстѣ съ двумя Императрицами—съ супругою и со вдовствующею матерью, Императрицею Маріею Ѳеодоровною, прибылъ 21 іюля въ Москву и остановился въ Петровскомъ дворцѣ, 25 іюля былъ торжественный въѣздъ. При вступленіи въ Успенскій соборъ произведено было 85 выстрѣловъ. Коронація совершилась 22 августа С.-Петербургскимъ митрополитомъ Серафимомъ и Кіевскимъ Евгеніемъ. Рѣчь Государю сказалъ, по назначенію Государя, Московскій Митрополитъ Филаретъ.

При возложеніи Императоромъ короны па Императрицу Государь поцѣловалъ свою вѣнченную супругу. Императрица мать, по окончаніи коронованія, подошла къ своему сыну, обняла и поцѣловала его, Императоръ Николай I, при своемъ коронованіи, читалъ извѣстную умилительную молитву не по книгѣ, гдѣ напечатанъ весь чинъ коронованія, а для него молитва предварительно была напечатана крупнѣйшимъ шрифтомъ на толстомъ листѣ бумагѣ, который потомъ переплетенъ былъ въ видѣ книжки и обложенъ въ свѣтлозеленый бархатъ. Экземпляръ этотъ, какъ единственный, хранится въ Петербургѣ, въ Императорской публичной библіотекѣ.

Коронаціонный альбомъ изданъ въ Парижѣ, на французскомъ языкѣ. Экземпляръ его хранится въ Московскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, на двухъ гравюрахъ изображенъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, на 1-й поздравляющій Императора Николая въ Успенскомъ соборѣ, а на другой шествующій рядомъ съ Государемъ изъ собора. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ шли по обѣимъ сторонамъ Государя его ассистентами.

Изъ Успенскаго собора, послѣ своего коронованія, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ Государь прослѣдовалъ въ Благовѣщенскій соборъ, а отсюда къ Красному крыльцу. Взойдя на верхнюю ступень крыльца, Государь троекратнымъ наклоненіемъ головы привѣтствовалъ своихъ вѣрноподданныхъ. Восторгъ народа былъ необычайный.

Вечеромъ въ день коронованія вся Москва была иллюминована. Иллюминація повторилась и въ слѣдующіе два дня.

Вечеромъ 27 августа данъ былъ балъ въ Грановитой палатѣ. 1 сентября въ Большомъ театрѣ былъ устроенъ придворный маскарадъ, 3 сентября Московское купечество давало балъ Государю. Наконецъ 16 сентября былъ народный праздникъ на Дѣвичьемъ полѣ.

Устройство народнаго праздника возложено было на сенатора князя Циціанова.

Императоръ самъ открылъ народный праздникъ, прибывъ на Дѣвичье поле въ первомъ часу. Какъ только Государь съ Императрицею вошелъ въ павильонъ, взвился бѣлый флагъ и праздникъ начался.

Народъ хлынулъ къ столамъ, на которыхъ въ одно мгновеніе не осталось ничего изъ поставленныхъ па нихъ явствъ. Также были уничтожены фонтаны бѣлаго и краснаго вина.

Рядъ баловъ, данныхъ въ Москвѣ, закончился баломъ, устроеннымъ графинею А. А. Орловой-Чесменской, затмившимъ своимъ великолѣпіемъ всѣ остальные. 23 сентября всѣ

празднества коронаціи заключились великолѣпнымъ фейерверкомъ.

По случаю своего восшествія на престолъ, Императоръ Николай I издалъ 1 января 1826 года манифестъ, которымъ давались разныя льготы.

Манифестомъ 22 августа Императоръ объявилъ милости, простирающіяся на весь русскій народъ.

Въ день своего коронованія Императоръ Николай I издалъ манифестъ о порядкѣ наслѣдія всероссійскаго престола, на случай своей кончины до законнаго совершеннолѣтія наслѣдника. Тогда же Императоръ учредилъ особое министерство двора, первымъ министромъ котораго сдѣланъ былъ князь Волконскій.

Административное устройство Москвы требовало многихъ улучшеній. Императоръ началъ съ полицейскаго переустройства столицы.

* Москва въ прошедшемъ столѣтіи дѣлилась на 20 частей. Указомъ Императора Николая I, даннымъ на имя Московскаго Генералъ-Губернатора 12 октября 1829 года, предписано.

Изъ существующихъ 20 частей города Москвы три части упразднить вовсе. 1) Таганскую часть, помѣщающуюся въ наемномъ домѣ, перевесть въ Рогожскій частный домъ, переименовавъ ее въ Рогожскую, присоединивъ къ ней 3 квартала прежней Рогожской части, 4 кварталъ, отдѣливъ отъ нея, присоединить къ Басманной. 2) Изъ трехъ кварталовъ Покровской части, раздѣливъ ихъ пополамъ, присоединить одну половину къ Басманной, другую въ Лефортовской части. 3) Новинскую часть упразднить, присоединивъ ея кварталы къ Прѣсненской и Хамовнической. 4) Полицейскіе дома перестроить, на что отпустить 644,445 рублей. 5) Въ нововыстроенныхъ домахъ частей Мясницкой, Срѣтенской и пожарномъ депо помѣстить полицеймейстеровъ. 6) Одинъ домъ отдѣлать подъ квартиру Оберъ-Полицеймейстера. 7) Два дома продать. Продано земли 6,200 квадратныхъ саженъ.

* Папка Малиновскаго тетрадь 11, хранящіяся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

Чины полиціи формировались изъ неспособныхъ къ фронтовой службѣ солдатъ; изъ нихъ была сформирована и пожарная команда города. Несмотря на такой печальный подборъ, все шло относительно гладко, чему способствовала двадцатипятилѣтняя служба солдатъ, привыкавшихъ въ такой долгій служебный срокъ къ исполненію своихъ обязанностей.

Императоръ Николай I, подобно Петру Великому, былъ неустаннымъ работникомъ ввѣреннаго ему Богомъ престола, не чуждаясь мелочной, кропотливой и даже черной работы, входя постоянно въ самыя детали въ подносимыхъ къ его резолюціи докладахъ. Всѣ журналы Комитета Министровъ носятъ его подробныя и характерныя резолюціи. Весьма часто онъ въ своей резолюціи соглашался съ меньшинствомъ или, находя какую-нибудь неясность, приказывалъ вторично разсмотрѣть кажущееся ему неправильное или не соотвѣтствующее съ законами рѣшеніе.

Въ 1830 году надъ Москвой разразилась непредвидѣнная гроза холерной эпидеміи. Государь тотчасъ же посѣтилъ Москву, узнавъ что жители, объятые невольнымъ страхомъ, пришли въ ужасъ.

Московскій Генералъ-Губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, въ сентябрѣ 1830 года, поручилъ бывшему въ то время Московскому Оберъ-Полицеймейстеру Сергѣю Николаевичу Муханову устроить для медицинскихъ дѣйствій, противъ холерной эпидеміи, баню при небольшой больницѣ, бывшей у Крымскаго моста, и Анатомическій театръ, за Калужской заставой, за Мухаммеданскимъ кладбищемъ.

Постройка была поручена Архитектору Ѳ. М. Шестакову, но за болѣзнею его передана имъ его помощнику Бокареву, словами котораго мы и будемъ продолжать разсказъ.

Получивъ порученіе Шестакова, Бокаревъ поѣхалъ къ Оберъ-Полицеймейстеру. Шестаковъ жилъ на Земляномъ валу, за Москвой рѣкой, а Оберъ-Полицеймейстеръ на Большой Дмитровкѣ, что составляетъ разстояніе между обѣими мѣстностями болѣе четырехъ верстъ.

* Пріѣхавъ къ Г. Оберъ-Полицеймейстеру, я нашелъ весь дворъ его, и даже часть улицы, — уставленными дрожками, а всѣ пріемныя комнаты наполненными полицейскими чиновниками.

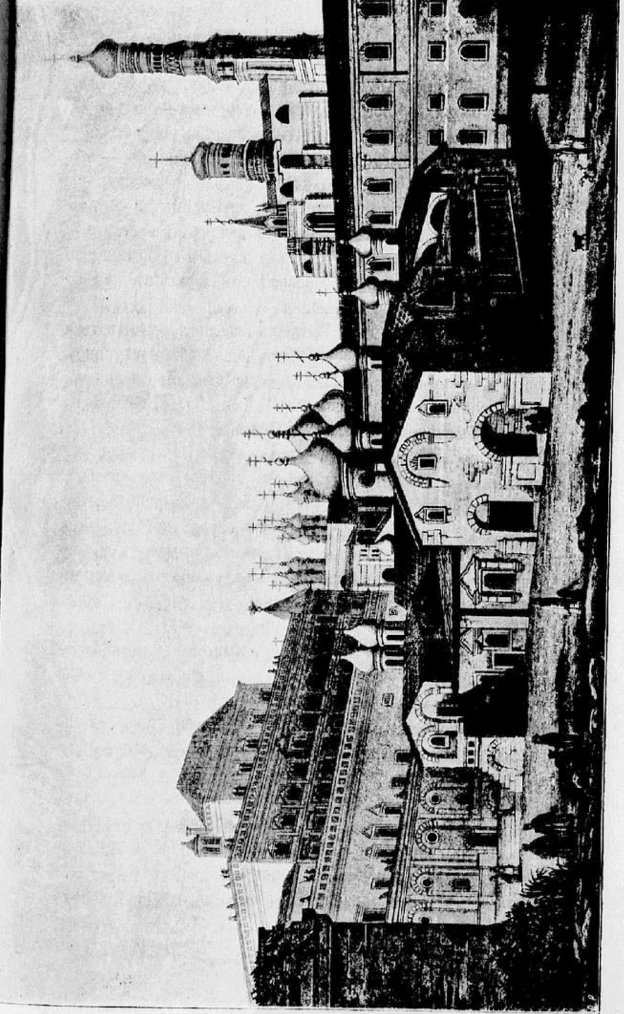
Г. Оберъ-Полицеймейстеръ, заботясь о поспѣшнѣйшемъ изготовленіи помянутыхъ построекъ, тотчасъ же уполномочилъ меня приступить къ нимъ; но за всѣмъ тѣмъ мнѣ предстояла надобность снестись объ одномъ предметѣ съ Шестаковымъ, о которомъ я долженъ былъ въ это же утро объяснить Г. Оберъ-Полицеймейстеру, почему и отправился я обратно за Москву рѣку и, пробывъ у г. Шестакова не болѣе получаса времени, возвратился почти вскачь къ Г. Оберъ-Полицеймейстеру. Каково же было мое удивленіе, когда ни на дворѣ, ни на улицѣ не было ни однихъ дрожекъ, (о которомъ я выше сказалъ).

Между тѣмъ я зналъ, что время пріема не могло быть окончено; но удивленіе мое еще болѣе возросло, когда мнѣ сказали, что Г. Оберъ-Полицеймейстеръ въ одну минуту собрался и поскакалъ встрѣчать Государя, прибывшаго въ Москву неожиданно, и особенно когда въ ней холера не щадила никого, и что Его Императорское Величество изволитъ уже находиться у князя Димитрія Владиміровича Голицына, котораго осчастливилъ своимъ Высочайшимъ посѣщеніемъ прежде нежели въѣхалъ въ Кремль.

Что мнѣ оставалось дѣлать? ждать—кого? и гдѣ?—думалъ, думалъ, и отправился распорядиться въ пріисканіи мастеровыхъ и матеріаловъ для начатія помянутыхъ построекъ.

---

* Сборникъ старинныхъ бумагъ изд. П. И. Щукина, томъ X, страницъ 121, и послѣдующія.

Видъ церкви Спаса на Бору и теремовъ.

Я тогда квартировалъ на Полянкѣ, то ѣдучи къ себѣ домой, и подъѣзжая къ Воскресенскимъ воротамъ—смотрю къ часовнѣ Иверской Божіей Матери сбѣгается народъ, а у крыльца часовни стоитъ стрѣлкой частный приставъ — всѣ они ждали Государя; едва только я успѣлъ соскочить съ дрожекъ, какъ изъ отдаленности Тверской улицы, и потомъ все ближе и ближе, неслось знакомое для сердца русскаго—ура!!! Въ открытой коляскѣ изволилъ ѣхать Его Величество Государь Императоръ въ сопровожденіи покойнаго графа Петра Александровича Толстого.

Что я чувствовалъ, когда Государь изволилъ остановиться предъ часовней, и взойти въ нее для поклоненія Заступницѣ нашей! — этого не могу вполнѣ передать. Но вотъ что было записано мною вечеромъ 30 сентября 1830 года. О семъ необычайномъ событіи:

Все это происходило въ 11-мъ часу утра.

Чтобы лучше насмотрѣться на Государя, я сталъ черезъ дорогу на лѣвой сторонѣ часовни, близъ угла принадлежащаго ей строенія, гдѣ еще никого изъ народа не было, когда я, такимъ образомъ, избралъ себѣ мѣсто, и думалъ только о томъ, какъ бы удержаться на немъ... тутъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ старецъ... громогласное ура прервало нашъ разговоръ.

Почтенный старецъ снялъ шляпу, благоговѣйно перекрестился, вздохнулъ, взглянулъ на небо и началъ внутренно молиться, о чемъ?—отгадать было не трудно.

Открытая коляска, запряженная въ шесть лошадей по ямски, достигла часовни. Ура не переставало и все болѣе и болѣе сгущалось. Государь изволилъ сидѣть въ коляскѣ съ знаменитымъ старцемъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Толстымъ. Государь былъ печаленъ, но отеческая улыбка оживляла пламенныя сердца дѣтей—всѣ они были внѣ себя.

Когда коляска остановилась первый въ ней всталъ Государь, за нимъ графъ, снявши фуражку. Государь и графъ

были одѣты въ мундирныхъ сюртукахъ и въ фуражкахъ. Пока Государь изволилъ выходить изъ коляски и идти до дверей часовни, народъ такъ окружилъ его, что онъ шагъ за шагомъ подвигался впередъ, кланяясь на обѣ стороны, слившіяся въ неподвижныя стѣны. Многіе глядѣли Ему въ лице почти касаясь онаго (я помню, что такъ смотрѣлъ внѣ себя отъ радости покойный Василій Ѳедоровичъ Луженовскій).

Лице Государя было мрачное, загорѣлое, и грусть явно видна была на немъ, но Онъ безпринужденно улыбался къ народу—къ дѣтямъ своимъ. Тамъ въ часовнѣ, преклонивъ колѣни предъ образомъ Заступницы своей и нашей, Онъ молился и молился со всѣмъ истиннымъ упованіемъ на Бога и въ предстательство Пресвятой Богородицы и Присно Дѣвы Маріи.

Тамъ онъ молился о насъ, а вокругъ часовни благоговѣйно мы молились о Немъ. Когда Государь изволилъ показаться изъ часовни и обратно идти къ экипажу, ура снова загремѣло. Многіе кричали Ему: батюшка ты нашъ! дай Богъ тебѣ здоровья. Другіе отъ радости плакали. Во все это время у часовни народа было едва нѣсколько сотъ, всѣ они собрались случайно, зато всѣ они были внѣ себя отъ изумленія и радости—всѣ они сохранятъ навсегда и передадутъ потомкамъ своимъ о семъ достопамятномъ днѣ, въ которомъ удостоились зрѣть Помазанника Божія, пріѣхавшаго въ Москву, изъ любви своей къ *ней*.

Вошедши въ коляску, Государь поклонился на всѣ стороны народу, который со всѣхъ сторонъ бѣжалъ къ Нему,—изволилъ продолжать путь свой въ древній Кремль, а слѣдъ Его летѣли благословенія. Боже храни Царя. Почти всѣ бросились бѣжать за коляскою и я слышалъ какъ кричали: слава тебѣ Господи! слава! удостоились видѣть батюшку царя! Господи! сохрани его на многія лѣта.

Высокія чувства до такой степени растрогали меня, что я забылся и непримѣтно очутился на крыльцѣ Чудова монастыря.

Вся площадь предъ малымъ дворцомъ и почти весь Кремль наполненъ былъ народомъ хранившимъ глубокое молчаніе: извѣстно было что Его Величество изволилъ пріѣхать изъ С.-Петербурга въ Москву въ 44 часа и потому нѣсколько отдыхалъ. О семъ необычайномъ прибытіи Государя въ Москву, князь Шаликовъ прекрасно сказалъ: не утерпѣло отеческое сердце, предстало среди Москвы, въ ту самую минуту, когда она наиболѣе страдала отъ ужаса и смерти.

Когда изъ воротъ малаго дворца выѣхала открытая коляска, запряженная парою лошадей, то пронесшееся ура разбудило всѣхъ. Государь въ сопровожденіи князя Дмитрія Владиміровича Голицына, изволилъ ѣхать къ Успенскому собору почти шагомъ среди тѣснившагося вокругъ коляски народа; впереди экипажа шелъ одинъ только оберъ-полиціймейстеръ, упрашивавшій народъ дать дорогу.

Предъ южными дверями встрѣтилъ Государя преосвященный Филаретъ со святымъ крестомъ и водою и со всѣмъ Московскимъ духовенствомъ. Митрополитъ привѣтствовалъ его слѣдующею рѣчью:

Благочестивый Государь!

Цари обыкновенные любятъ являться царями славы, чтобы окружать себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься нынѣ среди насъ какъ царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ твоимъ раздѣлять, чтобы трудности препобѣждать. Такое царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели христіанской. Царь Небесный приводитъ сію жертву сердца твоего, и милосердно хранитъ тебя и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ крестомъ встрѣчаемъ тебя, Государь, да идетъ съ тобою воскресеніе и жизнь.

Въ соборѣ, принесъ Государь теплыя молитвы Царю Царей и Господь услышалъ Его! Государь вышелъ изъ святилища веселъ и величавъ. И не могло быть иначе, человѣкъ

вседа счастливъ послѣ молитвы! Казалось все миновалось, все приняло другой видъ. Одинъ взглядъ любимаго Царя одушевилъ все и всѣхъ. Я никогда не забуду этой минуты —она неоцѣненна. Государь устроилъ все ко благу нашему и прощаясь съ Москвою еще разъ молился о насъ Богу въ Чудовѣ монастырѣ, помолимся же и мы о немъ, да не узримъ Его болѣе сокрушающагося о насъ.

Пріѣздъ Государя въ Москву заставилъ властей болѣе озаботиться о санитарномъ состояніи Москвы. Уже 21 Октября 1830 года мы видимъ устроенную карантинную коммиссію подъ предсѣдательствомъ бывшаго Орловскаго Губернатора Николая Ивановича Шрейдера *. Предписано было устроить три карантина внѣ Москвы: 1-ый въ Петровскомъ дворцѣ, 2-ый на Воробьевыхъ горахъ и 3-ій за Покровскою заставой. Всѣ эти постройки поручены были Архитектору Шастакову, но онъ какъ и прежде передалъ устройство ихъ своему помощнику Бокареву, уже покончившему стройку перваго назначенія.

Бокаревъ явился къ Шрейдеру. Тотъ сначала былъ недоволенъ появленіемъ новаго лица, такъ какъ наканунѣ порѣшилъ всѣ вопросы съ Шестаковымъ, о чемъ уже доложилъ князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну а теперь долженъ начинать переговоры съ новымъ лицомъ.

Когда Бокаревъ доложилъ, что всѣ переговоры съ Шестаковымъ извѣстны ему, и что онъ тотчасъ же можетъ приступить къ работамъ, то Шрейдеръ приказалъ подать карету, и пригласилъ съ собой Бокарева, велѣлъ парнымъ дрожкамъ нанятымъ для Шестакова слѣдовать за нимъ, и пользованіе ими передалъ Бокареву, для объѣзда трехъ карантинныхъ участковъ. Я васъ оставлю во дворцѣ распоряжаться—такъ вы на нихъ возвратитесь въ Москву. Вотъ

* Собраніе старинныхъ бумагъ изданія П. И. Щукина томъ X, страница 127 и послѣдующія.

вамъ и бланкъ за подписью К. Д. В. Голицына на свободный проѣздъ и выѣздъ во всѣ заставы Москвы.

У Тверской заставы былъ поставленъ карантинный кордонъ изъ гусаръ и жандармовъ, который остановилъ карету, но удостовѣрившись, что ѣдетъ предсѣдатель карантинной комисіи, ихъ пропустили.

Шрейдеръ выдавъ 1200 рублей денегъ Бокареву уѣхалъ въ Москву, оставивъ послѣдняго распоряжаться во дворцѣ. На возвратномъ пути Бокарева опять задержали, но благодаря бланку полученному отъ Д. В. Г. пропустили. Такъ продолжалось до 6 Декабря.

Возвращаясь однажды поздно изъ Петровскаго дворца я былъ задержанъ на карантинѣ по случаю пьянства дежурнаго и когда вышелъ съ караулки, то была уже ночь и моросилъ осенній дождь. Я начиналъ колебаться, ѣхать ли мнѣ теперь въ лѣсной Міускій рядъ или отложить это до утра. Оставить до утра значитъ рискнуть, можно ли увѣриться, что я утромъ успѣю купить лѣсъ и отправить его такъ рано во дворецъ, къ приходу плотниковъ на работу, ѣхать немедленно, могъ никого не найти, кромѣ того отъ отъ дождей дорога сдѣлалась и днемъ невыносимою, дрожки могутъ завязнуть въ грязи и изломаться.

Я долженъ былъ въ этотъ же вечеръ непремѣнно ѣхать къ Шрейдеру и сказать ему, какъ я распорядился,—то какъ ему покажется, что я покупку лѣсныхъ матеріаловъ оставилъ до завтрашняго дня. Вскочивъ на дрожки и нахлобучивъ свою шапо-ба, я крикнулъ извощику ѣхать на Міускую лѣсную площадь. Да мы здѣсь сударь не проѣдемъ!—Какой вздоръ! ступай!—Долго мы ѣхали. Слабый свѣтъ фонарей едва мерцалъ, внизу у насъ была пятая стихія т. е. грязь по ступицу, а сверху обдавалъ насъ дождь. Мы ѣхали по безбрежному морю грязи. Наконецъ лошади остановились выбившись изъ силъ. Почти противъ насъ мелькнулъ огонекъ. Куда я послалъ ямщика. Въ ожиданіи его прихода я заснулъ. Голосъ извозщика разбудилъ меня. Извольте слѣзать и идти ко мнѣ тутъ есть тропинка. Дѣлать нечего я рѣшился идти по колѣна въ грязи.

Въ избѣ жилъ лѣсникъ Никита Андреевъ Коротковъ, у котораго я обогрѣлся и купилъ нужнаго мнѣ лѣса, съ обязательствомъ поставить его рано утромъ въ Петровскій дворецъ. Кое какъ съ помощью Короткова выѣхали мы на Тверскую.* На Тверской я заѣхалъ въ трактиръ, гдѣ вытеръ ноги ромомъ, и выпилъ стаканъ чая.

Потомъ поѣхалъ къ Шрейдеру, гдѣ засталъ правителя дѣлъ Трофимовича и полковника Степана Васильевича Перфильева, бывшаго впослѣдствіи почетнымъ опекуномъ въ Москвѣ. Карантины на Воробьевыхъ горахъ отданы были Гамбурцеву, а за Покровскою заставою Клюквину, у меня остался только одинъ карантинъ въ Петровскомъ дворцѣ.

Когда во дворцѣ карантинъ былъ готовъ, то Шрейдеръ пригласилъ священника изъ села Всесвятскаго для его освященія. Члены комиссіи, купцы, почетные граждане, Фалѣевъ (бывшій городской голова) и старикъ Аллалуевъ—привезли съ собою закусокъ и шампанскаго, которое мы и роспили.

Медицинскою частью карантина завѣдывалъ докторъ стат. совѣт. Васил. Андр. Кородулинъ.

Близъ Петровскаго дворца была ресторація, которую содержалъ Крестьянъ Карловичъ Нейманъ. Мы вмѣстѣ со смотрителемъ дворца Штабъ-ротмистромъ Алексѣемъ Михаиловичемъ Мещериновымъ и докторомъ Кородулинымъ по его приглашенію обѣдали у него. Онъ напоилъ и накормилъ насъ такъ какъ будто бы холеры никогда въ Москвѣ и не бывало.

---

* Грязь на Міуской обширной площади существовала даже въ 1856. Въ коронацію Александра II я ѣхалъ съ теперешней Долгоруковской улицы въ павильонъ Ходынскаго лагеря пересекая Міускую площадь и экипажъ мой застрялъ въ трясинѣ Міуской площади, такъ что созванные ночью рабочіе вытаскивали его рычагами.

6 Декабря было въ воскресенье. Наканунѣ за день выпалъ снѣгъ, а въ Николинъ день стала зимняя дорога. Я полетѣлъ за заставу и во все пространство до дворца не было никакихъ уже оцѣплений, въ Москву тянулись обозы и путешественники.

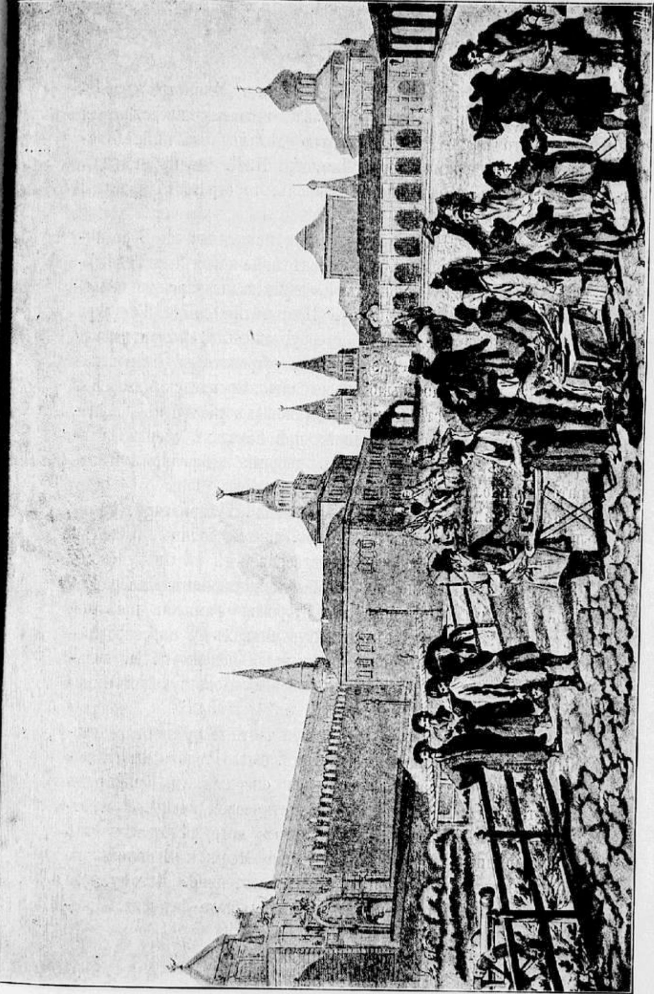
Всѣ вздохнули свободно и было отъ чего!

Все что было сказано о дѣйствіи холеры въ Москвѣ есть слабая тѣнь того, что жители ея претерпѣли отъ этой ужасной болѣзни, уничтожавшей въ нѣсколько часовъ цѣлыя семейства, цѣлыя поколѣнія людей, лишавшей дѣтей родителей, родителей—дѣтей. Холера 1830 года останется навсегда глубокою язвою для Москвы, и особенно для бѣднаго класса людей, которые не знали, чѣмъ и какъ пользоваться, къ тому не имѣли средства, а холера безпощадно вырывала изъ среды ихъ жертвы своей злобы.

* Въ слѣдующемъ 1831 году царская фамилія посѣтила Москву. Ив. Мих. Снѣгиревъ въ письмѣ своемъ отъ 7 ноября 1831 года къ Ю. Н. Бартеневу пишетъ. Императоръ посѣтилъ 1 и 2 Гимназію, остался обѣими доволенъ; сыновей Директора 1-ой принялъ въ пажи. Князь С. М. Голицынъ всегда почти съ Государемъ вмѣстѣ и 12 числа даетъ балъ, на которомъ будутъ приглашены по волѣ Его Величества Унив. студенты. Ожидаютъ его въ Университетъ. Для Унив. своекоштныхъ студентовъ, не имѣющихъ родителей въ Москвѣ нанятъ домъ Апраксина, гдѣ подъ надзоромъ особаго директора помѣстится болѣе 100 человѣкъ съ платою 300 рублей за каждаго. Для Г. Попечителя назначается особый помощникъ, который будетъ предсѣдательствовать въ Правленіи Унив. съ заслуженными Профессорами, а ректоръ станетъ завѣдывать ученою частью и предсѣдательствовать въ Совѣтѣ.

Московскій цензурный комитетъ считался снисходительнѣе

* Сборникъ старинныхъ бумагъ издан. П. И. Щукина. Томъ X, стр. 306.

Красная площадь въ 1762 году. Со старинной гравюры.

Петербургскаго своего совѣта. Товарищъ Министра народнаго просвѣщенія Уваровъ по званію своему предсѣдателя цензурнаго Комитета неоднократно дѣлалъ замѣчанія Московскимъ цензорамъ; когда Министръ Н. П. Ливенъ оставилъ свой постъ и его замѣнилъ Уваровъ, то строгость цензуры достигла своего апогея.

Только въ 1839 г. въ годъ открытія памятника на Бородинскомъ полѣ, и закладка Храма Спасителя на новомъ мѣстѣ, бывшаго Алексѣевскаго монастыря, привлекла царскую семью на долгое время въ Москву. Присутствіе тогда Государя обратило вниманіе высшихъ петербургскихъ сферъ на упорядоченіе Москвы. Тогда же занялись устройствомъ Петровскаго парка и рѣшено было передѣлать Кремлевскій дворецъ, оставивъ только старину внутри новыхъ построекъ дворцовыхъ зданій. Царская фамилія при наѣздахъ своихъ останавливалась въ Николаевскомъ дворцѣ, подаренномъ Императору Николаю I его покойнымъ братомъ.

Въ Москвѣ главенствовалъ Генералъ Губернаторъ, князь Дмитрій Владиміровичъ Галицынъ, другой Голицынъ Сергѣй Михайловичъ былъ первоприсутствовавшимъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Оба пользовались особымъ вниманіемъ Императорской фамиліи. Нерѣдко Императорская фамилія, пріѣзжая въ Москву, гащивала въ селѣ Кузьминкахъ у царскаго любимца Сергѣя Михайловича Голицына. Особенно С. М. пользовался покровительствомъ и любовью вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Во времена Императора Николая частные публичные театры не были разрѣшены въ Москвѣ. Было только два Императорскихъ театра: Большой для оперныхъ и балетныхъ представленій, и Малый для драматической сцены. Существовалъ еще циркъ Новосельцева, который стоялъ, гдѣ теперь руины сгорѣвшаго магазина Мюръ и Мерилизъ, но циркъ этотъ не функціонировалъ постоянно. Потому мода на домашніе, непубличные спектакли была большая. Представленія давались въ частныхъ домахъ любителями, а у нѣкоторыхъ крѣпостными труппами.

Въ 1844 году послѣ скончавшагося князя Д. В. Голицына московскимъ Генералъ-Губернаторомъ былъ назначенъ князь Щербатовъ, весьма добрый человѣкъ. Щербатовъ не пользовался въ московскомъ обществѣ и въ народѣ никакимъ авторитетомъ; про него ходила въ городѣ масса анекдотовъ.

Императоръ Николай I въ 1848 году, въ виду начавшихся волненій въ Европѣ, удалилъ Щербатова, назначивъ на его мѣсто графа Арсенія Андреевича Закревскаго. Назначая Закревскаго, бывшаго въ то время въ отставкѣ, Государь сказалъ ему: „Надѣюсь, что ты подтянешь Москву, которую Щербатовъ по легкомыслію совсѣмъ распустилъ“. Закревскаго ждали въ Москву съ трепетомъ, тѣмъ болѣе, что шелъ слухъ, что графу даны бланки за подписью Государя, по которымъ онъ могъ всякаго выслать изъ Москвы. Недовольныхъ было много, но все обошлось мирно и особыхъ рѣзкихъ высылокъ слышно не было. Напротивъ, когда графъ Закревскій былъ удаленъ Императоромъ Александромъ II съ своей должности, то большинство москвичей искренно жалѣло графа. Закревскій остался жить въ Москвѣ, гдѣ у него былъ домъ въ Леонтьевскомъ переулкѣ.

Когда князь Щербатовъ былъ уволенъ отъ должности Московскаго Генералъ-Губернатора, то супруга его княгиня Софья Степановна, рожденная Апраксина, бывшая предсѣдательницей, по званію жены Генералъ-Губернатора, Совѣта Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ, осталась не у дѣлъ. Умная, живая, отзывчивая, энергичная женщина, несмотря на большую семью, чувствовала пустоту въ своей жизненной дѣятельности.

Желая чѣмъ-нибудь наполнить свободное время, и вмѣстѣ съ тѣмъ принести пользу Московскому обществу, княгиня, совмѣстно съ нѣкоторыми дамами общества, задумала учредить Благотворительное общество подъ названіемъ „Дамское попечительство о бѣдныхъ въ Москвѣ“.

Княгиню любили въ Москвѣ. Уроженка первопрестольной, гдѣ отецъ ея, знаменитый богачъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ, владѣлецъ знаменитаго дворца на Арбатской площади, гдѣ теперь Александровское Военное Училище, владѣлецъ знаменитаго Арбатскаго театра, услаждавшаго въ XVIII вѣкѣ москвичей, окруженная большою роднею, тотчасъ нашла себѣ массу помощниковъ. Уставъ общества былъ составленъ и утвержденъ, съ присоединеніемъ новаго общества къ Вѣдомству Императрицы Маріи.

Маленькое начинаніе нѣсколькихъ дамъ разрослась въ большое учрежденіе и затмило собою не только дѣтскіе пріюты, но и всѣ благотворительныя учрежденія столицы, которыя въ своей дѣятельности не смѣли равняться съ новоучрежденнымъ обществомъ. Софья Степановна доказала, что можетъ сдѣлать энергичная предсѣдательница.

Предсѣдательница—это тотъ же главнокомандующій, отъ энергичной и благоразумной дѣятельности котораго зависитъ выигрышъ дѣла. Ко времени празднованія двадцатипятилѣтія основанія общества, оно насчитывало массу разнородныхъ учрежденій: Институтовъ, школъ, богадѣленъ и другихъ учрежденій при слишкомъ милліонномъ капиталѣ, и нѣсколькихъ десятковъ собственныхъ домовъ. Преклонныя лѣта учредительницы заставили ее искать покоя. Софья Степановна отказалась отъ предсѣдательства и осталась только попечительницей отдѣленія. При выборѣ новой предсѣдательницы вышелъ расколъ въ обществѣ, и дѣла его замялись. Но при жизни Софьи Степановны, все-таки общество имѣло первенствующую роль между благотворительными учрежденіями. Съ кончиною же ея дѣла пошли насклонъ. Одно изъ главныхъ учрежденій отдѣлилось отъ общества, да и процвѣтаніе другихъ стало незамѣтно. Съ кончиною же сына ея, князя Александра Алексѣевича Щербатова, что то ничего неслышно про благотворную дѣятельность общества, и его далеко оставили за флагомъ другія благотворительныя учрежденія. Вотъ

что значитъ умѣлое и энергичное руководительство дѣломъ, когда главенствующій смотритъ на дѣло умно и руководится сердечнымъ отношеніемъ ко ввѣренному ему судьбою бѣдному люду, а не къ родственнымъ фантазіямъ своихъ пріятельницъ.

Во время пріѣзда въ Москву въ 1849 году Императорскаго семейства былъ торжественно открытъ новый Кремлевскій дворецъ, начатый постройкой 1838 года, въ присутствіи всей царской фамиліи. Генералъ-Губернаторъ устроилъ костюмированный балъ и живыя картины подъ названіемъ Русскій праздникъ, которымъ Государь остался доволенъ. Всѣхъ дѣтей, участвовавшихъ въ группахъ, сдѣлали пажами.

Вотъ что повѣствуетъ о немъ С. Петр. Шевыревъ.

* Русскій праздникъ, данный въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ 9 и 11 апрѣля 1849 года.

Въ субботу Свѣтлой недѣли 9 апрѣля, въ домѣ Московскаго градоначальника, въ присутствіи Ихъ Величествъ и Всего Августѣйшаго семейства, совершился вполнѣ Русскій праздникъ. Ровно два мѣсяца тому назадъ, 9 февраля, Московское общество видѣло одинъ прекрасный эскизъ той картины, которая теперь вполнѣ доконченная, во всемъ блескѣ и великолѣпіи, предстала наконецъ взорамъ державныхъ гостей Москвы, и праздникъ достигъ своей цѣли.

Англичане XVI столѣтія, пышный дворъ Елисаветы и сама королева съ своими приближенными, открыли шествіе. Англіи уступила шагъ смиренная Россія, сознавая, что на пути всемірнаго образованія Англія шла впереди.

За нею развернулось, какъ великолѣпный безконечный свитокъ, Русское царство. Мы поклонились красотѣ златоверхняго Кіева и славнаго города Владиміра. Въ скромномъ величіи прошла передъ нами сѣдовласая Москва, и уже степенный Петербургъ. Многіе города, громкіе памятью исторіи, прислали своихъ представителей на праздникъ: Бѣлозерскъ, Черниговъ, Ростовъ, Угличъ, древнія княженія, Вязьма, из-

---

* Московскія Вѣдомости 21 апрѣля 1849 года. № 48 статья С. Петр. Шевыревъ.

вѣстная битвой, сокрушившей силу непріятеля, Галичъ, блиставшій вѣрнымъ, жемчужнымъ нарядомъ женъ своихъ, Вологда, Пермь, Екатеринодаръ, Петрозаводскъ. Уфа дала живописнаго башкирца съ мѣткими стрѣлами.

Подолія—прекрасную малороссіянку. Вильно — такую же литвинку, стройную и русокудрую, съ задумчивыми очами сѣвера. Грузія — новую грузинку, неуступившую первой. Гостья Невы изъ Петербурга перелетѣла въ горный Дагестанъ и вышла своенравной Черкешенкой. Екатеринославъ прислалъ юную чету переселенцевъ сербовъ. Бѣлостокъ красовался видной парою. Черноокая Бессарабія напоминала нѣгу Азіи, и при ней великолѣпенъ былъ молдованинъ, въ чалмѣ и парчахъ востока. Снова кланялись мы и прежнимъ знакомымъ, и плѣнительному Воронежу, и пышной Калужанкѣ, которую велъ царскій сокольничій, Рязани и Тамбову, которые остались вѣрны мѣстнымъ народнымъ одеждамъ, и восточнымъ глазамъ Дербента. Историческія лица по временамъ перерывали шествіе. Среди этой пышности, въ величавой простотѣ явился русскій мужикъ села Домнина Иванъ Сусанинъ, въ смуромъ кафтанѣ, въ черныхъ рукавицахъ, съ дубиною въ рукѣ, весь занесенный снѣгомъ. Тутъ подъ Нижнимъ-Новгородомъ шелъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, въ ратной одеждѣ древняго воеводы съ своимъ вѣрнымъ Кузьмою. За Архангельскомъ бѣжалъ въ Москву учиться рыбацкій сынъ съ Холмогоръ, 16 лѣтъ, въ нагольномъ тулупѣ, накинутомъ на плечо, съ сѣтью въ одной рукѣ, съ ариѳметикой Магницкаго въ другой. Добрыня, открывавшій шествіе, ливонскій рыцарь посрединѣ, Ермакъ въ заключеніи, еще умножившій свои сибирскія племена, были попрежнему величавы.

Передъ каждымъ городомъ или областью боярскій отрокъ несъ гербъ. Дѣти—лучшій цвѣтъ Московскаго дворянства—миловидной прелестью возраста и русской одежды, украшали это шествіе и придавали его степенной важности, что то милое, кроткое и веселое.

Пятьдесятъ шесть паръ стали въ ряды. По обычаю Русскаго народа, какъ бы одна рука сняла шляпу съ мужчинъ и однимъ поклономъ привѣтствовали всѣхъ державныхъ посѣтителей праздника.

И вотъ раздались русскія пѣсни. И подъ ихъ родныя напѣвы начали свиваться и развиваться хороводы, и скромныя жены и дѣвы клали руку на плечо величавымъ боярамъ и добрымъ молодцамъ.

При видѣ этого зрѣлища, при звукахъ родныхъ пѣсенъ, не одно плечо подъ тяжкимъ генеральскимъ эполетамъ подымалось отъ знакомаго русскаго чувства, и конечно, не одно сердце билось русскимъ трепетомъ.

Когда разступился хороводъ на двѣ стороны, дѣти прошли строемъ съ своими значками и преклонили ихъ передъ Императорскими Величествами.

Строгія и многодумныя очи нашего Государя обвеселились на этомъ Русскомъ праздникѣ, и свѣтлая улыбка выражала радость его русскаго сердца.

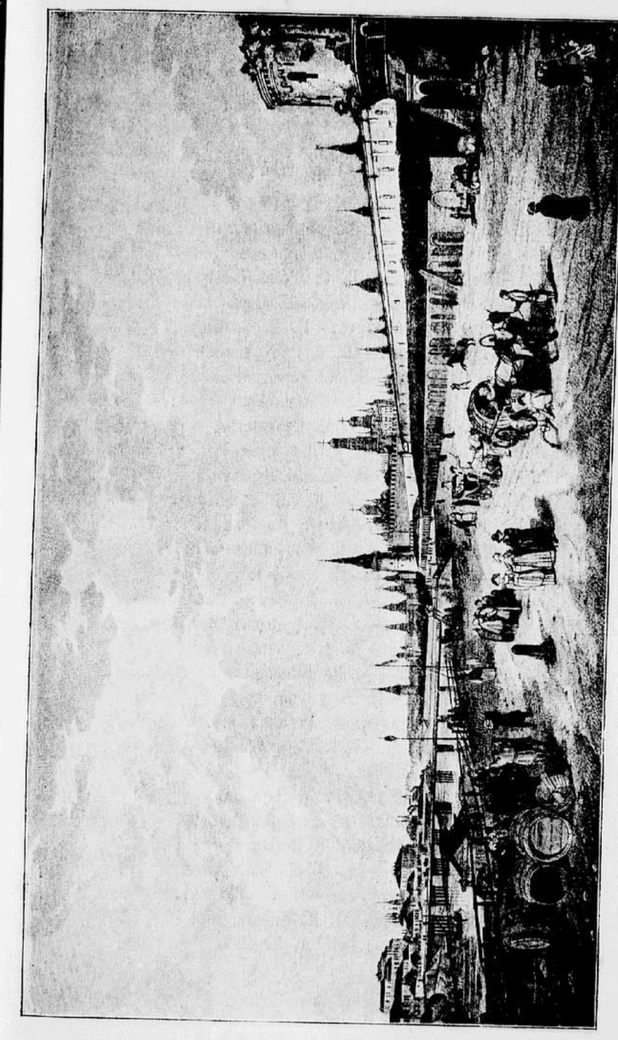
И шествіе, и хороводъ повторялись по желанію Ихъ Величествъ. Государь Императоръ и Государыня Императрица благоволили дарить ласковое слово всѣмъ участвовавшимъ въ этомъ праздникѣ. Дѣти были осыпаны ласками Ихъ и Всего Августѣйшаго семейства.

По желанію Ихъ Величествъ, праздникъ повторился 11 апрѣля въ залѣ россійскаго благороднаго собранія. Державные гости праздника, для которыхъ онъ былъ учрежденъ, пожелали раздѣлить свое удовольствіе и съ тѣмъ Московскимъ обществомъ, которое въ первый разъ не могло его видѣть. Зало собранія, растворенное настежъ его старшинами для всѣхъ желавшихъ, едва могло вмѣщать посѣтителей. И здѣсь было тѣсно развернуться всему русскому царству во всемъ его великолѣпіи, но прекрасны были два круга полнаго хоровода, женскій и мужской, первый во второмъ, для которыхъ зало несмотря на множество, дало пространство.

Между тѣмъ какъ шумѣлъ, тѣснился и толпился балъ собранія—въ комнатахъ, приготовленныхъ для Государыни Императрицы, произошло событіе, котораго не забудутъ конечно ни дѣти наши, принявшія въ немъ участіе, ни дѣти дѣтей нашихъ.

Ихъ угощала царская ласка и милость. Какъ цвѣты, разсыпались они по коврамъ, и какъ мотыльки рѣзвились на нихъ около Государыни Императрицы и великихъ княгинь. Державный властелинъ милліоновъ и нѣжный отецъ благословеннаго семейства, который, какъ всѣмъ еще памятно, любилъ, отдыхать отъ заботъ государственныхъ, играть съ съ своими дѣтьми, игралъ также и съ нашими. Не одно живое и искренное слово вылетало изъ устъ невинныхъ малютокъ, не привыкшихъ сковывать чувство и языкъ осторожностью и свѣтскимъ приличіемъ. Открытый младенческій лепетъ находилъ прямой доступъ къ чадолюбивому сердцу Государя и Государыни. И вотъ ихъ царственной милостью, съ дѣтскаго пира, вышли отроки пажами Двора Ихъ Императорскихъ Величествъ. И счастливая вѣсть изъ дѣтскихъ устъ понеслась по залѣ собранія, а потомъ и по всей Москвѣ, и дѣти передавали родителямъ свою сердечную радость о томъ, какъ Государыня ихъ ласкала и угощала, какъ Государь игралъ съ ними, и какъ вышли они пажами съ царскаго угощенія.

Не забудется, конечно, никогда въ Москвѣ этотъ праздникъ, котораго мысль принадлежитъ супругѣ Московскаго градоначальника, а успѣхъ исполненія единодушному желанію московскихъ дворянъ представить взорамъ державныхъ гостей внѣшній видъ богатства и разнообразіе одеждъ древней и новой Россіи. Конецъ же праздника, счастливой для столь многихъ семействъ есть движеніе сердечной радости ихъ величествъ при взглядѣ на внѣшнюю красоту нашего отечества и на стремленіе всѣхъ насъ къ мысли о немъ соединиться съ ними. С. П. Шевыревъ.

Видъ Кремля и стѣны Китай-города близъ Москворѣцкаго моста. Со старинной гравюры Жерара де ла Барта.

Порядокъ въ которомъ слѣдовали лица представляющія дворъ королевы Елисаветы:

Дворъ Королевы.

1. Княгиня Л. И. Волконская.—Князь А. Д. Абамеликъ.
2. Л. Н. Ховрина.—Д. Н. Батюшковъ.
3. Е. Д. Хрущева.—Н. А. Денисьевъ.
4. А. П. Мартынова.—Н. С. Римскій-Корсаковъ.
5. М. А. Ребиндеръ.—Кн. М. Б. Черкаскій.
6. Кн. Ек. Н. Абамеликъ.—Н. Н. Волковъ.
7. С. А. Олсуфьева.—В. А. Олсуфьевъ.
8. Н. Н. Пушкина.—Б. М. Маркевичъ.
9. Ек. А. Хлопова.—П. А. Хлоповъ.
10. Бар. А. П. Боде.— Ѳ. М. Сухотинъ.
11. Н. И. Писарева.—Н. Д. Масловъ.
12. Н. Н. Васильчикова.—А. Л. Верещагинъ.
13. Кн. А. В. Голицына.—Н. А. Бахметьевъ.
14. Гр. В. П. Толстая.—П. А. Коробьинъ.
15. А. Я. Теплова.—А. Д. Столыпинъ.
16. П. С. Хитрова.—Ѳ. Н. Хитровъ.
17. С. В. Ладомірская.—В. Ѳ. Самаринъ.
18. К. П. Ермолова.—М. П. Демидовъ.
19. Н. А. Ивинская.—А. А. Дурновъ.
20. М. А. Хлопова.—А. Н. Тиньковъ.
21. Т. Г. Орфано.—П. А. Скуратовъ.
22. П. А. Козлова.—А. А. Турчаниновъ.
23. А. И. Аникѣева.—П. А. Жихаревъ.
24. В. А. Богдановская.—В. В. Зубковъ.
25. Кн. М. А. Львова.—Г. А. Чертковъ.
26. Ек. А. Акинѳова.—Н. Н. Баборыкинъ.
27. С. А. Богдановская.—Д. Д. Благово.
28. П. В. Зубкова.—Кн. М. М. Долгорукій.
29. Кн. А. А. Долгорукая.—И. С. Пашковъ.
30. Е. С. Мещерская.—П. И. Биралевскій.
31. А. П. Небольсина.—В. А. Лярскій.

Пажи

В. Лужинъ. А. Мельгуновъ. Кн. П. Грузинскій. М. Талызинъ.

Королева Елисавета и графъ Лейчестеръ } Графиня Н. А. Орлова-Денисова. Баронъ Л. Л. Боде.

Свита Королевы.

С. М. Сухотинъ (Сюссексъ).—Н. П. Ермоловъ (Салей).
Н. С. Римская-Корсакова.—А. Н. Волкова.
Е. К. Сафонова.—С. С. Мельгунова.
М. А. Могилевская.—О. А. Могилевская.
М. А. Талызина.—Н. К. Аверкіева.

Порядокъ въ какомъ слѣдовали лица, представлявшія столицы, города, области и народы русской исторіи, равно и отроки несшіе гербы.

Двое рындъ.—А. С. Кирѣевскій и П. А. Кутузовъ.
Русскій витязь (Добрыня) Н. М. Дашковъ.

Княжескіе отроки } А. Ѳ. Панютинъ. Кн. Н. О. Грузинскій. Н. С. Киселевъ. Кн. Е. О. Грузинскій. и П. С. Киселевъ.

Кіевъ. Отрокъ—Кн. А. Голицынъ.
1) С. Н. Казакова и М. А. Писаревъ.
Владиміръ. Отрокъ—В. Лопухинъ.
2) Княгиня Н. В. Оболенская и М. А. Волковъ.
Москва. Отрокъ—Гр. В. Ростопчинъ.
3) Кн. С. В. Мещерская и графъ Н. П. Апраксинъ.
С.-Петербургъ. Отрокъ—Князь К. Голицынъ.
4) Кн. В. А. Черкаская и Кн. А. С. Долгорукій.
Новгородъ. Отрокъ—В. Пашковъ.
5) Гр. С. В. Толстая и В. В. Рѣшетовъ.
Бѣлозерскъ. Отрокъ—С. Перфильевъ.
6) Е. А. Васильчикова и Е. П. Новиковъ.
Псковъ. Отрокъ—Э. Кирѣевскій.
7) Е. Д. Хрущева и С. Ѳ. Сафоновъ.

Смоленскъ. Отрокъ Кн. К. Долгорукій.

8) К. А. Лачинова и Н. А. Мамоновъ.
Вязьма. Отрокъ—В. Хлоповъ.

9) Княгиня Е. В. Гагарина и В. А. Дашковъ.
Черниговъ. Отрокъ—А. Базилевскій.

10) Княгиня Н. В. Оболенская и Д. А. Наумовъ.
Ярославль. Отрокъ—Ѳ. Рюминъ.

11) Е. Ф. Денисьева и П. М. Мацневъ.
Ростовъ. Отрокъ—М. Талызинъ.

12) Н. А. Нарышкина и Н. А. Деревицкій.
Угличь. Отрокъ—А. Супоневъ.

13) С. А. Понаморева и Кн. Р. А. Оболенскій.
Рязань. Отрокъ—П. Ладомірскій.

14) Боронесса П. Г. Розенъ и Кн. А. Б. Черкаскій.
Курскъ. Отрокъ—А. Нащокинъ.

15) Е. П. Хитрово и К. Н. Хитрово.
Тверь. Отрокъ—Кн. Львовъ.

16) В. Н. Берингъ и Н. Н. Гордѣевъ.
Кострома. Отрокъ—Кн. А. Хилковъ.

17) М. Д. Черевина и А. Ѳ. Ладыженскій.
Галичъ Отрокъ—А. Понамаревъ.

18) Н. А. Пономорева и П. П. Засѣцкой.
Нижній-Новгородъ. Отрокъ—И. Бартоломей.
Князь Д. М. Пожарскій и } В. Г. Коробьинъ.
Козьма Мининъ Сухорукій } Кн. Ю. А. Оболенскій

19) Княжна Е. С. Горчакова и П. А. Талызинъ.
Вологда. Отрокъ—П. Львовъ.

20) С. Н. Львова и А. С. Мельгуновъ.
Архангельскъ. Отрокъ—С. Лярскій.

21) П. Н. Рохманова и Ѳ. П. Корниловъ.
Пермь. Отрокъ—Н. Яковлевъ.

22) К. А. Колокольцовъ и Н. Л. Верещагинъ.
Казанское Царство. Отрокъ—Кн. П. Гагаринъ.

23) Княжна Л. Н. Гагарина и Л. П. Горсткинъ.

Астраханское Царство. Отрокъ—Кн. Н. Гагаринъ.

24) Княжна А. Н. Гагарина и кн. Д. В. Гагаринъ.
Тула. Отрокъ—Н. Понамаревъ.

25) Н. К. Сафонова и Князь С. П. Бадбольскій.
Калуга. Отрокъ—Ю. Панинъ.

26) М. А. Новосильцева и В. Г. Высотскій.
Орелъ. Отрокъ—В. Брандорфъ.

27) Е. С. Стрекалова и Н. Ѳ. Крузе.
Воронежъ. Отрокъ С. Толстой.

27) Е. В. Толстая и С. С. Смирной.
Симбирскъ. Отрокъ П. Мелгуновъ.

29) Княжна Е. Н. Голицына и Кн. И. В. Гагаринъ.
Саратовъ. Отрокъ—Б. Шевыревъ.

30) С. П. Бестужева и Д. О. Шеплингъ.
Уфа. Отрокъ—А. Назимовъ. [1])

33) А. А. Назимова и Кн. С. П. Голицынъ.
Пенза. Отрокъ—А. Линдфорсъ.

32) А. П. Демидова и Д. И. Лужинъ.
Тамбовъ. Отрокъ—Кн. В. Долгорукій.

33) Княгиня А. Д. Оболенская и В. Б. Казаковъ.
Новочеркаскъ. Отрокъ—А. Прибытковъ.

34) Княжна В. П. Грузинская и Кн. В. Н. Гагаринъ (Донскіе казаки).
Екатеринодаръ. Отрокъ—Кн. П. Мещерскій.

35) С. А. Черткова и С. Г. Высотскій (Черноморскіе казаки).
Полтава. Отрокъ—П. Гарсткинъ.

36) Княжна П. Д. Хилкова и С. М. Деспотъ-Зиновичъ.
Харьковъ. Отрокъ—В. Чашниковъ.

37) Е. А. Дюклу и А. М. Салтыковъ.

---

[1]) 11 Апрѣля по болѣзни замѣненъ былъ Кн. П. Кранотнипомъ.

Вязьма. Отрокъ—В. Хлоповъ.
Остзейскія Губерніи
Ливонскій Рыцарь
Н. И. Тарасенко-Отрѣшковъ
Эсты:

38) Е. Г. Гежелинская и Н. С. Кологривовъ.
Екатеринославль. Отрокъ—П. Тютчевъ.
39) Е. В. Тютчева и А. А. Столыпинъ.
Могилевъ (Бѣлоруссія). Отрокъ Кн. Г. Хилковъ.
40) Княжна В. Д. Хилкова и А. И. Мамоновъ.
Крымъ. Отрокъ—Н. Крюковъ.
41) Д. Ю. Давыдова и А. А. Наумовъ.
Петразоводскъ. Отрокъ—Кн. Н. Долгорукой.
42) Гр. Л. В. Орловъ-Денисова и Н. А. Зубковъ.
Волынь. (Житоміръ). Отрокъ—С. Перфильевъ.
43) Кн. К. Б. Четвертинская и Н. Д. Свербеевъ.
Подолія. Отрокъ—С. Евреиновъ.
44) О. В. Евреинова и А. Г. Орфано.
Литва (Вильно). Отрокъ—В. Крюковъ.
45) Княгиня О. Д. Долгорукая и Кн. Л. А. Голицынъ
Грузія. Отрокъ—К. Богоевскій.
46) Е. А. Дашкова и В. В. Калачевъ.
Мингрелія.
47) С. А. Черткова и К. К. Міансаріанъ.
Имеретія. Отрокъ—Д. Яковлевъ.
48) Е. П. Безобразова и С. Н. Мыкартычьянцъ.
Карабахъ и Ширманъ. Отрокъ—И. Александровъ.
49) Княжна В. Б. Четвертинская и В. Д. Шлыковъ.
Дагестанъ. Отрокъ—П. Лярскій.
50) Гр. Л. А. Нессельродъ и И. П. Новосильцевъ.
Бѣлостокъ. Отрокъ—А. Смирной.
51) О. А. Бестужева и Д. А. Бестужевъ.
Финляндія. Отрокъ—Мильфельдъ.
52) Княжна О. С. Горчакова и А. В. Панинъ.

Бессарабія. Отрокъ—Н. Александровъ.
53) Княгиня Л. П. Голицына и В. П. Шелашниковъ.
Царство Польское. Отрокъ—А. Дубовицкій.
54) М. А. Столыпина и Кн. С. А. Оболенскій.
Шемаха. Отрокъ—Кн. Н. Голицынъ.
55) Княжна Е. Н. Трубецкая и Н. Ѳ. Самаринъ.
Дербентъ. Отрокъ—В. Калпашниковъ.
56) А. С. Цурикова и Ѳ. В. Алябьевъ.
Ермакъ—А. Е. Мерлинъ.

Затѣмъ шли дикія племена Сибири.

Во время хороводовъ были пропѣты хоромъ:
1) Пѣсня хора „Слава Богу на небѣ Слава!“
2) Ай во полѣ, ай во полѣ
Ай во полѣ черника!

Въ 1851 году было открытіе Николаевской желѣзной дороги. Вся Царская семья прибыла въ Москву.

Въ объявленіи Генералъ-Губернатора, разосланномъ московскимъ жителямъ, было упомянуто правило для отъѣзжающихъ. Должно было прибыть на вокзалъ за часъ до назначеннаго времени отъѣзда, предъявить видъ полицейскому чиновнику, находящемуся въ вокзалѣ, и только послѣ отмѣтки его о свободномъ пропускѣ, отъѣзжающій могъ взять поѣздной билетъ. Билетъ былъ полуаршинной длины съ обозначеніемъ всѣхъ попутныхъ станцій. Вещи должны были быть сданы за полчаса до отхода поѣзда.

Хотя сообщеніе между Москвою и Петербургомъ, благодаря прекрасному шоссе и массѣ почтовыхъ лошадей на станціяхъ или ямахъ было безостановочно и удобно, но потеря времени двухъ съ половиною сутокъ на проѣздъ, утомляло пассажировъ. Открытіе новаго сообщенія сближало два центра Россіи и радовало обывателей тѣмъ болѣе, что дорога была въ рукахъ правительства, гарантировавшаго ея безопасность.

* Когда въ 1822 году Петербургскій почтъ-директоръ Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ устроилъ движеніе мальпостовъ или общественныхъ каретъ между С.-Петербургомъ и Москвою, то радость его отъ такого удачнаго нововведенія не имѣла границъ и была сердечна. Онъ предвидѣлъ, что въ будущемъ потребность къ увеличенію движенія будетъ прогрессировать. Графъ (впослѣдствіи Князь) Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ составилъ компанію изъ приглашенныхъ имъ лицъ.

Мальпосты отходили два и три раза въ недѣлю, что считалось большимъ *удобствомъ для публики*, и Константинъ Яковлевичъ радовался, что мѣста въ мальпостахъ всегда распроданы впередъ.

Никакихъ гарантій и преимуществъ компанія не получила. Немедленно по примѣру первой компаніи, начали образовываться другія: въ Ригѣ, Динабургѣ и Москвѣ.

Впослѣдствіи общественныя кареты перешли въ казенное завѣдываніе.

Предположеніе Булгакова мы ощущаемъ теперь! Въ настоящее время ежедневно нѣсколько желѣзнодорожныхъ поѣздовъ переполнено и теперь никакія мальпосты не были бы въ состояніи удовлетворить потребностямъ движенія.

Такъ прогрессивно усиливается циркуляція движенія.

Прошло восемьдесятъ лѣтъ и какая перемѣна!

А что будетъ еще черезъ полстолѣтія, того при быстромъ ходѣ изобрѣтенія въ механикѣ вообразить невозможно.

Право, передвиженіе людскихъ массъ и грузовъ слѣдуетъ оставить въ распоряженіи общественныхъ управленій, а не отдавать ихъ въ долговременную эксплоатацію частнымъ лицамъ и компаніямъ. Временное, кажущееся удобство подобной отдачи, впослѣдствіи, при выкупѣ предпріятія, оплачивается усиленно дорогой цѣной. Общество бываетъ счастливо, что хотя и по возвышенной оцѣнкѣ выкупило

* Записки Булгакова въ Русскомъ Архивѣ.

уступленныя сю права, и тѣмъ пріобрѣло право на введеніе будущихъ удобствъ и полученіе барышей въ общественную кассу.

Улучшать предпріятіе, безъ личной для себя пользы, ни компанія, ни предприниматель—частное лицо, не будутъ; а терпѣть всѣ неудобства отъ застоя будетъ публика.

Предприниматель будетъ исправнымъ только въ выполненіи условій контракта въ уплатѣ взятыхъ имъ на себя денежныхъ обязательствъ, не думая объ удобствахъ населенія, пока это не касается его кармана.

Почтовое движеніе, на которое такъ жалуется бывшій почтъ-Директоръ Булгаковъ, только въ послѣднее время начинаетъ понемногу входить въ нужды обывателей.

Конечно, въ настоящее время, нѣтъ такихъ абсурдовъ, которые описываетъ Булгаковъ, когда почта изъ С.-Петербурга въ Царское Село ходила всего два раза въ недѣлю, и письма получались на третій и четвертый день, при разстояніи тридцати верстъ. Только Булгаковъ устроилъ ежедневную корреспонденцію съ окрестностями столицы.

Въ настоящее время, въ подмосковныхъ и близъ лежащихъ отъ Москвы городахъ и почтовыхъ конторахъ существуетъ еще подобный порядокъ. Но къ счастью, при вниманіи администраціи, подобный абсурдъ можетъ быть исправленъ однимъ почеркомъ пера. Понемногу, хотя медленно, подобныя неудобства исправляются. Что бы было, если бы почтовая администрація находилась въ рукахъ какой нибудь компаніи? Было бы мертвое дѣло!

Движеніе по улицамъ большихъ городовъ, при расширеніе территоріи и умноженіи городского населенія, увеличивается прогрессивно, и невольно заставляетъ считаться съ дороговизной и удобствомъ передвиженія.

Въ старину, при дешевизнѣ и малотребовательности общественной жизни, большинство обывателей содержало своихъ лошадей, притомъ и потребности въ быстромъ передвиженіи

было менѣе. Теперь же новый строй жизни и дороговизна содержанія позволяетъ пользоваться этою роскошью для собственнаго употребленія только богатымъ людямъ. Большинство пользуется общественными экипажами, требующими улучшенія и болѣе правильной организаціи.

Почтовое дѣло въ большихъ городахъ, сильно хромаетъ. Но въ настоящее время, подспорьемъ ему служатъ телефоны, хотя не упорядоченные, но все таки облегчающіе сношеніе другъ съ другомъ.

Государственное хозяйство признало въ принципѣ потребность имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ нити Государственныхъ сообщеній, чтобы урегулировать правильность общественнаго передвиженія. Хотя нѣкоторымъ акціонернымъ компаніямъ разрѣшается увеличивать протяженіе своихъ линій, но только подъ контролемъ высшей Государственной администраціи.

Что можно было бы рекомендовать и представителямъ Московской Городской Думы.

Предложеніе Балинскаго и К° постройки въ Москвѣ метрополитена, съ гарантіей эксплоатаціи въ теченіе 99 лѣтъ, отдало бы городъ въ кабалу на столѣтіе. Кромѣ того, проектъ этотъ разрушаетъ памятникъ былой старины, своимъ необдуманнымъ и неосмысленнымъ изложеніемъ, нарушаетъ въ то же время все теченіе исторической жизни города. Выгоды же города, даже въ предложеніяхъ предпринимателя, такъ ничтожны, что не стоятъ труда обсужденія нелѣпой и дикой фантазіи.

Приведенное въ началѣ статьи сравненіе начала движенія въ 1822 году съ движеніемъ Петербургъ-Москва настоящаго года, ясно указываетъ, какой прогрессъ движенія мы въ правѣ ожидать въ послѣдствіи.

Уличное движеніе должно остаться въ рукахъ города! Хотя распорядки нашихъ думцевъ не блестящи, но можно надѣяться, что въ число общественныхъ дѣятелей попадетъ энергичный человѣкъ, который разомъ направитъ городское хозяйство на настоящій путь, и тѣмъ прикроетъ былые прорѣхи. Отдать же право города частной аферѣ, онъ тѣмъ лишитъ себя возможности на долгое время на улучшенія городского хозяйства и общественныхъ выгодъ.

Въ пріѣздъ Государя 1851 года данъ былъ балъ въ Дворянскомъ Собраніи, а у Главнокомандующаго графа Закревскаго были устроены живыя картины.

Императоръ Николай I часто пріѣзжалъ въ Москву и проживалъ въ ней подолгу. Жизнь его въ Москвѣ была жизнью русскаго отца семьянина, какъ описываетъ ее въ своихъ письмахъ къ брату Булгаковъ; доступность къ царю была патріархальнаго пошиба и обожаніе народа къ его особѣ было безпредѣльно.

Во время пріѣздовъ своихъ въ Москву Императоръ Николай I всегда интересовался войсками, расположенными въ ней. Начальники мѣстныхъ войскъ были всегда заслуженные генералы прежнихъ войнъ.

Въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая для занятія карауловъ въ Москвѣ былъ расположенъ въ ней 6-й армейскій корпусъ, командиромъ котораго былъ генералъ Тимофѣевъ. Съ кончиною Тимофѣева, уже по окончаніи Венгерской кампаніи 1849 года, командиромъ 6-го корпуса былъ назначенъ генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Ивановичъ Чеадаевъ, старый воинъ временъ двѣнадцатаго года.

Чеадаевъ былъ службистомъ своего времени, утро каждаго дня посвящалъ занятіемъ своей должности, строго слѣдя за исполненіемъ воинскаго устава.

Безпрестанные смотры, требуемые положеніемъ того времени, отнимали у него много времени.

Особенно его дѣятельность увеличивалась въ лагерное время, когда сосредоточивались на Ходынкѣ двѣ дивизіи корпуса; одна, окончившая свой гарнизонный служебный срокъ въ Москвѣ, а другая, пришедшая ей на смѣну, изъ провинціи.

Такъ чередовались попеременно всѣ дивизіи корпуса.

Только въ маѣ 1853 года 17 дивизія, во главѣ съ своимъ начальникомъ генераломъ Кирьяковымъ, по окончаніи караульнаго срока, была потребована въ Петербургъ, для занятія въ немъ карауловъ и смотра Императора, въ виду предполагаемаго отправленія ее на востокъ.

Это было первое передвиженіе войскъ по желѣзной дорогѣ.

Штабъ корпуса, расположеннаго въ Москвѣ, въ то время состоялъ изъ немногихъ лицъ, и занималъ небольшой домъ съ флигелемъ, противъ Александровскаго сада, гдѣ въ настоящее время комендантское управленіе. Тутъ же жилъ и начальникъ Штаба Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Фонъ-Бринъ.

Во время Императора Николая I количество карауловъ въ Москвѣ было въ десять разъ многочисленнѣе настоящаго. Всѣ посты въ городѣ занимали всего четыре полка дивизіи, потому очередной полкъ вступалъ въ караулъ съ третьяго на четвертый день. Конечно служба въ войскахъ была обременительна. Притомъ солдатъ, даже въ свободное время, былъ постоянно на чеку, какъ будто готовый для смотра, и даже при выходѣ изъ казармъ былъ затянутъ въ форму.

Войска настоящаго времени, не несутъ и пятой доли того, что выносилъ и претерпѣвалъ Николаевскій солдатъ. То была тяжелая, но за то благодѣтельная школа.

Жалованье офицеровъ было ничтожно, такъ что офицеры всегда жили въ нуждѣ, если не имѣли собственныхъ средствъ. Покойный Государь высоко цѣнилъ службу и званіе офицера и всегда отдавалъ имъ преимущество предъ лицами гражданскаго вѣдомства. Московскія войска щеголяли одеждой и выправкой, стараясь подражать гвардіи. Старикъ М. И. Чеадаевъ пользовался особымъ вниманіемъ Императора Николая I.

Въ началѣ 1854 года 6 корпусъ былъ двинутъ на югъ, а его мѣсто замѣнили резервныя войска, командиромъ которыхъ былъ назначенъ Чеадаевъ.

По окончаніи кампаніи и расфирморованіи резервовъ, Чеадаевъ остался не у дѣлъ и поселился въ Москвѣ.

Чеадаевъ былъ старый холостякъ и все свое свободное отъ занятій вечернее время проводилъ въ гостяхъ въ открытыхъ для пріема домахъ Московскаго общества.

Не было званаго вечера, бала или обѣда, гдѣ вы не встрѣтили бы Чеадаева. Несмотря на то, что Чеадаевъ не отличался ни старческою красотой, ни блестящимъ образованіемъ, его любила вся Москва, и всѣ были рады его посѣщенію.

Михаилъ Ивановичъ былъ протекторъ, всей начинающей выѣзжать военной молодежи, которую онъ водворялъ въ домахъ своихъ знакомыхъ, подъ видомъ племянниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ строго отличая домъ, избранный имъ для свѣтскаго экзамена своего протеже.

Жилъ Чеадаевъ на Поварской улицѣ, въ домѣ Демидова (теперь Козловской) весьма скромно, не дѣлая никакихъ пріемовъ. Но за то два его адъютанта, братья Турчаниновы, гремѣли на всю Москву своими безумными тратами. Они были владѣльцами заводовъ на Уралѣ и золотыхъ пріисковъ въ Сибири. Конечно оба брата были большими любителями балета. Старшій, впослѣдствіи, женился на извѣстной балеринѣ Борковой, а младшій скончался холостымъ.

По выходѣ на покой Чеадаевъ купилъ домъ на 1-й Мѣщанской, (на такъ называемой Серединкѣ) гдѣ и скончался въ 1859 году. Пожалованныя ему царскіе подарки, въ видѣ украшенныхъ бриллiантами табакерокъ и алмазовъ на орденахъ, а также старинные кубки, оцѣненные въ сорокъ тысячъ рублей, онъ завѣщалъ женѣ своего стараго боевого товарища П. А. Чертова, Варварѣ Евграфовнѣ. Состояніе, оставленное имъ родственникамъ и прислугѣ, было незначительно.

ГЛАВА XX.

Москва при Императорѣ Николаѣ I.—Дворецъ В. К. Михаила Павловича.—Московское общество. — Англійскій клубъ. — Московскіе кружки. Цензура.

Москва во все царствованіе Императора Николая I продолжала жить тихой спокойной жизнью большой деревни. Москва, покрытая садами, опоясанная цѣпью бульваровъ, за выѣздомъ въ весеннее время помѣщичьихъ семей въ свои вотчины, такъ пустѣла, что обращалась въ большое село, изъ котораго купечеству и остальнымъ обитателямъ не было никакой надобности стремиться на дачи. Сады, окружавшіе дома, умѣряли зной. Притомъ улицы не были покрыты баррикадами для новыхъ построекъ, канализаціи, водопроводовъ и другихъ новшествъ. Всѣ постройки и передѣлки производились тихо безъ всякой помпы. Чиновничество тоже сидѣло лѣто въ Москвѣ, да при жалованіи, получаемомъ имъ въ то время, дача для нихъ могла быть только счастливой грезой.

Для доказательства, что жизнь въ Москвѣ лѣтомъ была здорова и удобна, можно привести примѣръ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ имѣлъ свой дворецъ близъ Крымскаго моста, гдѣ въ старину были конюшни царя Алексѣя Михайловича, а теперь выстроенъ Лицей въ память цесаревича Николая, дворецъ былъ окруженъ стариннымъ садомъ. Въ этомъ дворцѣ Великая Княгиня Елена Павловна нѣсколько разъ проводила часть лѣта, по предписанію докторовъ, какъ благопріятное мѣсто для лѣтняго режима, а разъ прожила въ немъ до поздней осени въ ожиданіи пріѣзда своего Августѣйшаго супруга.

Графъ Закревскій ненадолго уѣзжалъ изъ Москвы въ Подольскій уѣздъ въ свое Ивановское, гдѣ устраивались театры, прогулки и балы, такъ правдиво описанные Б. Маркевичемъ въ его разсказахъ 25 лѣтъ назадъ.

Въ царствованіе Императора Николая I Москва, наполненная въ зимніе мѣсяцы многочисленными помѣщичьими семьями, смѣло могла считатся истымъ дворянскимъ гнѣздомъ.

Удалившіеся отъ дѣлъ сановники, имѣя обезпеченныя средства, пользуясь прежними связями съ петербургскимъ чиновнымъ людомъ, и считая себя независимыми лицами, весьма часто рѣзко критиковали распоряженія высшихъ петербургскихъ чиновъ. Англійскій клубъ въ своей чернокнижной собиралъ ареопагъ добровольныхъ критиковъ правительственныхъ распоряженій. Надо отдать справедливость, что весьма часто толки Англійскаго клуба вліяли на мѣропріятія правительства. Дѣйствительно во всей Россіи это было единственное мѣсто, гдѣ открыто и благоразумно обсуждались новыя распоряженія и узаконенія правительства. Все остальное или спало или предавалось безумнымъ и дикимъ мечтамъ некультурнаго, и неустоявшагося и необузданнаго общества.

Коммерческій міръ въ политику не мѣшался, въ немъ было одно стремленіе—стремленіе къ наживѣ, на все остальное онъ махнулъ рукой.

Государь зналъ о фрондѣ чернокнижной Англійскаго клуба, но вмѣстѣ съ тѣмъ, зная что въ этой фрондѣ цѣлью служило благо отечества, понятое ими только своеобразно не только не преслѣдовалъ ее, но напротивъ, при докладахъ присматривался къ мнѣніямъ фронды.

Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, а послѣ него графъ Закревскій были постоянно въ курсѣ всѣхъ этихъ сужденій. Это было единственное словесное, критическое, общественное мнѣніе на порядки администраціи и суда, которое могло только не нравиться петербургскому чиновническому міру, чуждому общественной русской жизни.

Затѣмъ покорность самодержавной царской власти была безпредѣльна, что и доказало дворянство въ тяжелыя годины шестидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія.

Въ Москвѣ было нѣсколько кружковъ, дѣлившихся на двѣ серіи: западниковъ и славянофиловъ; каждая имѣла свои хорошія и дурныя стороны, но цѣль обѣихъ была одна—стремленіе къ упорядоченію русской жизни. Режимъ царствованія

Императора Николая I, былъ немного суровъ. Суровость эта была слѣдствіемъ бурнаго и кровопролитнаго восшествія на престолъ, случившагося отъ излишней деликатности и рыцарскаго духа Николая I, не желавшаго насиловать волю своего старшаго брата.

Великая Княгиня Елена Павловна Августѣйшая Супруга В. К. Михаила Павловича. Со старинной гравюры.

Всеобщія жалобы были на цензуру того времени, которая

часто усердствовала не по разуму, вопреки даже желаніямъ Государя, который нерѣдко останавливалъ черезчуръ ея непомѣрныя требованія.

Когда Государь гостилъ въ Москвѣ, то, сообразуясь съ московскимъ обществомъ, велъ съ своей семьей обычаи мѣстной жизни. Государь устраивалъ во дворцѣ небольшія вечеринки, съ танцами или съ различными играми и фантами, въ которыхъ нерѣдко участвовалъ самъ. На этихъ вечерахъ собирались только лица, избранныя лично Государемъ, въ небольшомъ количествѣ.

Вообще простота въ московской жизни была патріархальная, перемѣна ея началась только послѣ коронаціи Александра II, когда всѣ кинулись на заграничныя путешествія.

Синопъ, Крымская война и ея послѣдствія встряхнули отъ сладостнаго сна дремавшую Москву, за Москвой зашевелилась вся Россія. Наши неудачи, потомъ кончина Николая I, все это тяжко ложилось на душу русскаго человѣка. Враги наши торжествовали. Всѣ чего-то ждали. Вступленіе на престолъ императора Александра II дозволило мечтать новому поколѣнію о свѣтломъ будущемъ, тогда какъ старики качали головами, ожидая разгрома дорогого имъ отечества.

Хлѣбосольная Москва въ періодъ конца царствованія императора Николая I и начала царствованія императора Александра II была наполнена заслуженными генералами отечественной войны и обломками вельможныхъ сыновей царствованія великой императрицы. Первая серія засѣдала въ Департаментахъ Московскаго Сената, а вторые занимали мѣста почетныхъ опекуновъ Московскаго Опекунскаго Совѣта. Были лица, числящіяся въ обоихъ мѣстахъ. Всѣ празднества: званые большіе обѣды и блистательные балы нашего тогда еще богатаго дворянства, украшались присутствіемъ лицъ обѣихъ серій.

Вторая серія, хотя не такъ чиновная, какъ первая, и не такъ украшенная боевыми отличіями, но зато родовитая,

посѣщая званые обѣды и балы, хотя изрѣдка угощала Москвичей и въ своихъ палатахъ. Первая же серія, получивъ свои отличія и знатность, во время царствованія императоровъ Александра I и Николая I, когда вѣкъ щедрыхъ Екатерининскихъ наградъ уже миновалъ, не имѣла богатствъ, и потому не могла уже отплачивать богатымъ барамъ тою же монетою, жила скромно. Но зато, для рядового дворянства была болѣе доступна, происходя сама изъ среды его и имѣя между ними много лицъ имъ родственныхъ и близкихъ, а потому болѣе сближалась съ остальнымъ обществомъ.

Во главѣ почетныхъ опекуновъ стоялъ князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, колоссальное богатство котораго давало ему особый ореолъ, а дружба его съ императрицей Маріей Ѳеодоровной и вниманіе, оказываемое ему императоромъ Николаемъ I, выдвинуло его далеко отъ своихъ товарищей. Князь не отличался выдающимися умственными способностями, но неподкупность, строгая честность, прямота характера, и вообще рыцарски-барскій духъ привлекалъ къ нему большинство москвичей. Всякій зналъ, что, въ случаѣ обращенія своего съ просьбой къ Сергѣю Михайловичу, онъ по возможности получитъ отъ него должное законное удовлетвореніе. Всякій меркантильный расчетъ, даже въ собственныхъ дѣлахъ князя, не имѣлъ мѣста въ его рѣшеніяхъ. Въ своихъ Кузьминкахъ (подмосковное имѣніе князя) онъ былъ окруженъ цѣлой фалангой своихъ друзей и покровительствуемыхъ имъ лицъ. Царская семья, посѣщая Москву, нерѣдко гащивала подолгу въ Кузьминкахъ.

Помощникъ князя, бывшій впослѣдствіи, по кончинѣ Сергѣя Михайловича, его замѣстителемъ, князь Николай Ивановичъ Трубецкой, былъ человѣкъ совсѣмъ другого закала. Надменный, неприступный къ низшимъ себѣ по положенію, въ то же время искательный предъ княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ, считалъ всѣхъ остальныхъ людей созданными изъ другого тѣста. При баллотировкѣ въ члены Англійскаго

клуба онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и князь Лобановъ-Ростовскій всѣмъ новобаллотирующимся членамъ постоянно клали баллотированные шары налѣво, какъ будто бы никто не былъ достоинъ дышать одинаковымъ воздухомъ клуба, совмѣстно съ названными князьями. Князь Сергѣй Яковлевичъ Грузинскій, какъ только узрѣвалъ входящаго въ клубъ Лобанова, то начиналъ передавать сосѣдямъ давно всѣмъ извѣстныя подробности развода князя Лобанова съ женою; для доказательства правдивости своего разсказа призывался клубный лакей, служившій прежде у князя Лобанова и присутствовавшій во время производства вышесказаннаго дѣла въ качествѣ свидѣтеля.

Пользовались почетомъ общества почетные опекуны: Новиковъ, князь Оболенскій и князь Одоевскій, послѣдній всегда былъ окруженъ лучшими литературными силами Москвы.

Все это были люди, имѣвшіе достаточное состояніе и прошедшія семейныя традиціи. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились другія лица: князь Урусовъ, Дашковъ, Унковскій, Ахлестышевъ, Полуденскій, Лужинъ, Грессеръ, Нарышкинъ и вездѣсущій Нейдгардъ, но эти были опекунами уже послѣ паденія барства.

Серія сенаторовъ была другого пошиба:

Въ число ихъ, въ царствованіе Николая I, назначались старые служаки, проведшіе свою служебную жизнь, нисколько до юридическихъ наукъ не касающейся. Требовалось, чтобы назначаемый былъ прямой и честный человѣкъ. Я помню первоприсутствовавшаго сенатора Павла Аполлоновича Чертова, бывшаго коменданта г. Дрездена въ 1814 году, а потомъ бывшаго комендантомъ г. Казани во время генералъ-губернаторства Сергѣя Павловича Шипова; самого С. П. Шипова, вѣчно составляющаго какіе-нибудь проекты, никогда не приводимые въ исполненіе; Афанасія Емельяновича Толмачева, составившаго себѣ карьеру по первому неудачному походу въ Хиву, подъ главенствомъ графа Перовскаго; Але-

ксандра Александровича Мясоѣдова, бывшаго начальника штаба, пресловутаго графа Петра Андреевича Клейнмихеля, оба безпредѣльные говоруны, но не юристы; сенатора Отрощенко, женившагося 79 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ, предѣльный срокъ женитьбы; Яхонтова, служаку отечественной войны, произведеннаго въ генералъ-лейтенанты въ 1833 году Николаемъ I на чугуевскомъ смотру, вѣрнаго поклонника князя Яшвиля.

Сенаторовъ: Патона, Лясовскаго, бывшаго начальника артиллерійской дивизіи, Казначеева, бывшаго таврическаго губернатора и любимца князя Воронцова: князя Петра Ивановича Трубецкого, по прозванію Пожарскаго. Названіе это дала ему Москва, по случаю большихъ пожаровъ въ Орлѣ въ бытность его тамъ губернаторомъ. Князь былъ женатъ на Витгенштейнъ, считавшейся боевой особой. Всѣ сенаторы, за исключеніемъ Трубецкого, вышли изъ числа средняго дворянства, большинство изъ нихъ не имѣло почти никакого родового состоянія, если не получили его при женитьбѣ, какъ приданое за женами. Большинство сенаторовъ принадлежало къ числу молчащихъ—не протестантовъ, покорно подписывающихъ свою фамилію при отведенныхъ имъ точкахъ. Постоянные протесты возникали только отъ бывшаго воронежскаго губернатора фонъ-Ховенъ, прославленнаго Герценомъ по дѣлу его о помѣщеніи свода законовъ въ губернскомъ правленіи, въ непоказанное положеніемъ мѣсто.

Всѣхъ сенаторовъ-генераловъ можно было встрѣтить на всѣхъ высокоторжественныхъ празднествахъ, но сами они принимали мало. Всѣ старички любили разсказывать про жизнь свою, когда они исполняли роль „Аркадскаго Принца", конечно, хваля старое прошедшее время.

Во время генералъ-губернаторства князя Дмитрія Владиміровича Голицына было скрытое соперничаніе первенства въ обществѣ, между нимъ и княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ Голицынымъ, такъ что Государь, учреждая въ 1839 году

комитетъ постройки храма Христа Спасителя, предсѣдатель котораго былъ назначенъ генералъ-губернаторъ, мѣсту замѣстителя его, въ случаѣ его отсутствія, присвоилъ названіе вице-президента, желая оттѣнить этимъ независимость князя Сергѣя Михайловича, назначеннаго на эту должность, отъ вліянія князя Дмитрія Владиміровича Голицына.

Во время генералъ-губернаторства князя Щербатова Сергѣй Михайловичъ пріобрѣлъ главенство въ московскомъ обществѣ; честь эта оставалась за нимъ и во время графа Закревскаго, хотя за отсутствіемъ жены и затворнической жизни проживавшихъ съ нимъ двухъ престарѣлыхъ его сестеръ, кромѣ воскресныхъ утреннихъ чаевъ, по окончаніи обѣдни, у него почти никакихъ празднествъ не бывало. Балъ давался только во время пребыванія въ Москвѣ царскаго семейства.

Опекунскій Совѣтъ стараго времени, имѣя подъ своимъ началомъ сохранную казну, къ которой *большинство дворянства* нерѣдко прибѣгало, прося отсрочекъ срочныхъ платежей и другихъ льготъ, зависящихъ разрѣшеніемъ отъ совѣта, было одной изъ причинъ популярности и вліянія князя Сергѣя Михайловича.

Хотя большинство дѣлъ въ Правительствующемъ Сенатѣ рѣшалось не мнѣніями членовъ, а направленіемъ, даннымъ дѣлу оберъ-прокурорами и оберъ-секретарями, но все-таки послѣдніе, при ходатайствѣ у нихъ, совѣтовали заручиться вліяніемъ большихъ говоруновъ.

Теперь сенатъ исчезъ съ горизонта Москвы. Опекунскій Совѣтъ обратился въ высшій школьническій педагогическій совѣтъ, безъ всякаго вліянія на общественную жизнь. Русское барство разорено реформами шестидесятыхъ годовъ, а съ нимъ и московское общество обратилось въ какой-то сборный винегретъ изъ остатковъ когда-то богатой трапезы.

ГЛАВА XXI.

Безопасность ночныхъ прогулокъ въ Москвѣ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ прошедшаго столѣтія прогулка въ ночное время по Московскимъ бульварамъ была не безопасна. Малый составъ полицейской стражи, неподвижное дежурство полицейскихъ при дверяхъ ихъ будокъ, приводилъ охрану для запоздавшихъ вернуться домой обывателей къ полному нулю. Между жителями находились охотники, въ родѣ волонтеровъ, искать ночныхъ приключеній для распространенія своей популярности, арестовывая ночныхъ грабителей.

Я помню нѣкоего Азаревича, чиновника какой-то канцеляріи, человѣка съ сильными почти стальными мускулами, постоянно практиковавшагося въ развитіи своей мускульной силы. Азаревичъ всегда ходилъ съ желѣзною тростью слишкомъ тридцати фунтовъ вѣса. Этою тростью онъ игралъ, подбрасывая ее двумя пальцами на воздухъ, какъ бы небольшою камышенкою. Ходилъ онъ постоянно въ драповомъ сюртукѣ, съ металлическими бронзовыми пуговицами, изображавшими головы хищныхъ звѣрей. Азаревичъ былъ постоянный посѣтитель содержателя пансіона плѣннаго маіора французской арміи Адольфа Стори, гдѣ я первоначально воспитывался.

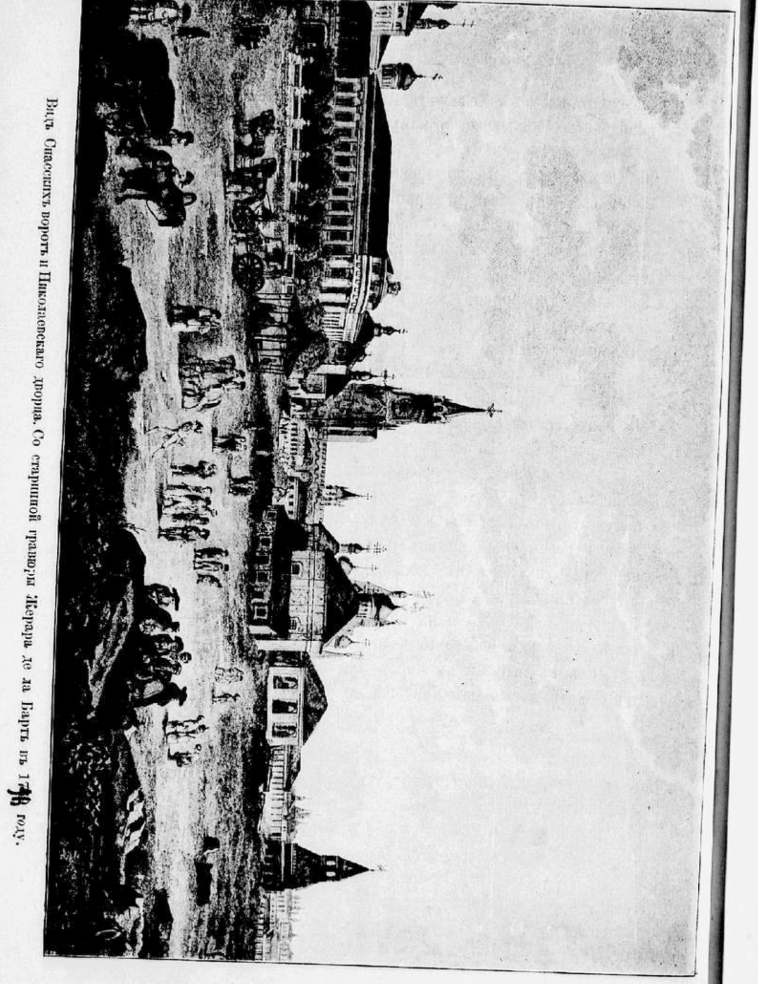
Азаревичъ, хвастаясь своею необычайною силою, постоянно показывалъ намъ, школьникамъ, различныя ея проявленія. Расправлялъ на мускулѣ лѣвой руки согнутый желѣзный костыль, ударяя по немъ желѣзнымъ молоткомъ, свертывалъ узломъ кочергу. Удерживалъ одной рукой веревку, за другой конецъ которой тянуло насъ около двадцати малышей, и тому подобные эксперименты.

Съ этимъ Азаревичемъ случилось слѣдующее ночное происшествіе. Пансіонъ Стори помѣщался въ Антипіевскомъ

переулкѣ, въ домѣ Холернаго института, что теперь Александровское юнкерское училище.

Возвращаясь отъ Стори въ двѣнадцатомъ часу ночи къ себѣ на Остоженку по Пречистенскому бульвару, онъ былъ внезапно схваченъ сзади четырьмя сильными руками шедшихъ за нимъ золоторожцевъ. Отбросить ихъ отъ себя было для него дѣломъ одной секунды; но вмѣстѣ съ грабителями полетѣла на землю и его знаменитая трость. Золоторожцы бросились къ дубинкѣ, желая завладѣть оружіемъ. Ухватившись за палку, они не могли подняться съ нею съ земли! Стальными клещами сдавили имъ шеи руки Азаревича, и нестерпимая боль заставила ихъ выпустить захваченное оружіе.

Ударяя ихъ головами другъ о дружку, онъ привелъ ихъ въ полубезсознательное состояніе, поднялъ свою трость, надѣлъ ремень трости на руку и, поколачивая ихъ головами другъ объ дружку, для вразумленія, доставилъ ихъ въ ближайшую будку. Другой разъ во время церковной службы почувствовавъ постороннюю руку въ своемъ карманѣ, гдѣ лежалъ перочинный ножикъ, онъ такъ стиснулъ снаружи кармана руку вора, что послѣдняго должны были отправить въ больницу лѣчить изуродованные пальцы. Впослѣдствіи популярность его была такъ велика, что босоногая команда не осмѣливалась и близко подходить къ нему; позже Азаревичъ служилъ въ полиціи въ числѣ ея тайныхъ агентовъ, и я по выходѣ моемъ изъ пансіона его болѣе не встрѣчалъ.

Видъ Спасскихъ воротъ и Николаевскаго дворца. Со старинной гравюры Жерара де ла Бартъ въ 17[illegible] году.

ГЛАВА XXII.

Александръ II.—Пріѣздъ Императорской фамиліи на коронацію.—Коронація.—Назначеніе Барятинскаго главнокомандующимъ Кавказа.—Графъ Муравьевъ - Амурскій. — Старое пепелище Москвы. — Перерожденіе Москвы.

Эпоха вступленія на престолъ императора Александра II такъ близка къ нашему времени, что историческую оцѣнку ея жизни дѣлать еще невозможно. Мы помѣстимъ только нѣкоторые факты, оцѣнку которыхъ будутъ дѣлать уже наши наслѣдники.

Императоръ Александръ II вступилъ на престолъ въ то время, когда большинство великихъ европейскихъ державъ, завидовавшихъ могуществу Россіи, плотной коалиціей старались надломить ея богатырскія силы.

Священный союзъ, поддерживаемый столько лѣтъ Россіей, шатался въ своемъ основаніи. Австрія, спасенная 6 лѣтъ тому назадъ русскими войсками, грозила присоединиться къ нашимъ врагамъ. Недаромъ ея министръ сказалъ: „Австрія удивитъ всѣхъ своею неблагодарностью“. Пруссія вела двойную игру.

При прощаніи Николая I съ отозваннымъ посломъ Англіи, послѣднее слово, сказанное Государемъ послу, было: „подобный поступокъ я считаю подлостью“.

Положеніе было затруднительное.

Взятіе Малахова кургана, на которомъ такъ беззавѣтно умиралъ русскій солдатъ, а за нимъ очищеніе южной части Севастополя положило основаніе къ мирнымъ переговорамъ, который и былъ заключенъ въ Парижѣ.

Войска понемногу возвращались въ центръ Россіи. Наступила коронація въ Москвѣ, которая и совершилась 26 августа.

Помпы было много. Народъ радовался лицезрѣнію царя, но все-таки какая-то невидимая кошка скребла русское сердце.

Пошла ломка, пошли нововведенія, не создавая еще ничего, начали все ломать и ломать и до настоящаго времени не видимъ мы окончанія возводимаго нами зданія.

Императоръ Александръ II.

Москва видѣла пріѣздъ побѣдителя Кавказа князя Барятинскаго, радовалась будущему тамъ порядку, но порядка на Кавказѣ и до настоящаго времени не видать. Москва видѣла пріобрѣтателя новой Амурской области графа Муравьева-Амурскаго, слышала много про образцовую дѣятельность его администраціи, но по слухамъ и до настоящаго времени результаты печальны въ новопріобрѣтенныхъ Сибирскихъ палестинахъ.

Мы имѣемъ нѣкоторые акты его дѣятельности во время завоеванія Амурской области, напечатанные въ сборникѣ старинныхъ документовъ изданія П. И. Щукина, которые и помѣщаемъ здѣсь.

ГЛАВА XXIII.

Амуръ и Манджурія.

Торговля Москвы такъ тѣсно связана съ Сибирью, что всякое нововеденіе въ этой области рѣзко отражается въ Московскомъ финансовомъ и фабричномъ мірѣ. Присоединеніе Амурской области къ русскимъ владѣніямъ потянуло туда торговый людъ Москвы. Жители Москвы, сильно заинтересованные съ пятидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, особенно во время проѣзда графа Муравьева-Амурскаго чрезъ Москву и временной остановки его въ ней, и увлеченные его обѣщаніями, массами тронулись во вновь присоединенный къ Сибирю край.

Какъ исполнились надежды москвичей и ихъ сотрудниковъ, разскажетъ вамъ послѣдующая глава.

Разнородныя и невеселыя вѣсти сыплются градомъ съ восточной половины Россіи, Амура, Манджуріи и Портъ-Артура. Невольно вспоминаешь начало Восточно-Сибирской эпопеи, когда графъ Муравьевъ-Амурскій впервые занялъ наше прежнее владѣніе, теперь снова принадлежащее намъ, многоводную рѣку и славнымъ миромъ присоединилъ къ нашему отечеству обширную пріамурскую область.

Тогда, какъ и теперь, сыпались на насъ градомъ различныя сѣтованія. Самосозданные пророки предвѣщали намъ напасти, горе и чуть не гибель нашего отечества.

Нехорошія, дурныя вѣсти шлютъ намъ и теперь изъ Манджуріи: Хунхузы, неудачи Китайской желѣзно-дорожной линіи, холера, продѣлки Китайцевъ, Японцевъ и т. д.

Но пора намъ хладнокровно относиться къ подобнымъ вѣстямъ.

Все это повтореніе старой погудки на новый ладъ. Конечно, въ новозанятомъ краю—краю, занятомъ нами временно, какъ бы на арендномъ основаніи, необходимо жить въ немъ го-

товыми ко всякимъ случайностямъ. Подобная жизнь—жизнь боевая, гдѣ приходится постоянно оглядываться и находиться съ натянутыми нервами, жизнь нелегкая. Но мы должны помнить, что, явясь туда піонерами европейской цивилизаціи, мы должны и готовиться ко всѣмъ случайностямъ жизни піонеровъ.

Опаснаго же для нашего отечества предполагать нѣтъ основанія.

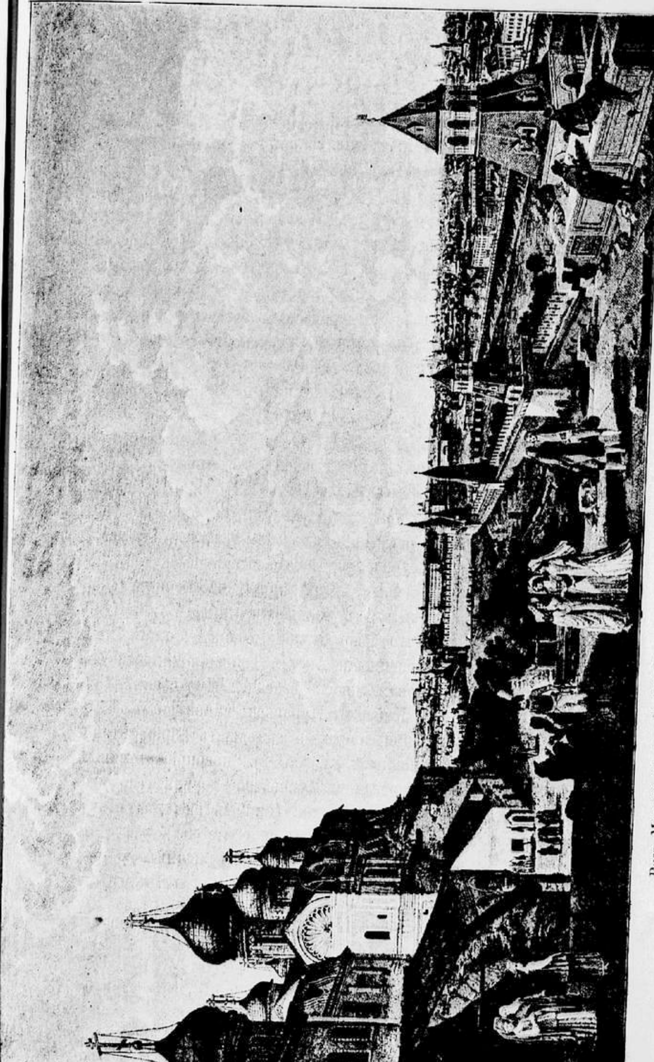
Требовать отъ мѣстной администраціи геніальнаго порядка, аккуратной и хорошо устроенной медицинской помощи, какъ для служащихъ, такъ и для мѣстныхъ жителей Манджуріи, —немыслимо. Мы и въ центрѣ Россіи имѣемъ большіе пробѣлы, несмотря на вѣковыя старанія къ урегулированію жизни.

Когда въ 1853 году графъ Н. Муравьевъ-Амурскій совершилъ первое занятіе и потомъ заселеніе береговъ Амура, какіе разнорѣчивые слухи шли оттуда и обратно.

Графъ былъ недоволенъ петербургской сферой, находя, что тамъ не довольно цѣнятъ его заслуги и заслуги его ближайшихъ помощниковъ, и не только не помогаютъ его стараніямъ, а, напротивъ, тормозятъ дѣло. Потому онъ находилъ необходимымъ неоднократно ѣздить въ столицу для личныхъ ходатайствъ и разъясненій или посылать своего помощника Корсакова.

Другіе же критиковали дѣйствія графа и его помощниковъ, приравнивая все это къ мыльному пузырю и недобросовѣстной рекламѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ предсказывая разныя невзгоды Россіи.

Критиковали его первую въ 1854 году экспедицію и распоряженія къ ея исполненію. Говорили, что отчетъ о ея выполненіи ввелъ въ заблужденіе представителей власти и общественное мнѣніе. Рѣка Амуръ была имъ тотчасъ же превознесена самой глубокой и широкой рѣкой во всемъ мірѣ—и въ сравненіи съ нею даже о сибирскихъ рѣкахъ

Видъ Москвы въ началѣ XVIII вѣка съ балкона дворца. Со старинной гравюры 1797 года.

стали отзываться какъ о ручейкахъ. Меньшую глубину Амура опредѣлили въ 10 саженъ, меньшую ширину въ двѣ версты. Южный изгибъ считали подъ 50° и 49°.

Все это оказалось вздоромъ. Упустили изъ виду, что ѣхали весной, тотчасъ послѣ половодья. Впослѣдствіи оказалось, что мѣстами Амуръ имѣетъ глубины всего 2 фута. Южный изгибъ оказался подъ 47°. Несчастная мысль строить пароходы на мѣстѣ потерпѣла фіаско. Котлы пароходовъ были тяжелы, пароходы неповоротливы, машины малосильны и не могли бороться съ сильнымъ теченіемъ Амура, особенно въ узкихъ мѣстахъ.

Противъ всѣхъ неудачъ администраціи возстали въ печати лица, не попавшія въ случай, и полетѣли разоблаченія въ петербургскія сферы.

* А. К. Имберхъ въ письмѣ своемъ къ извѣстному оракулу Сибири Д. И. Завалишину, отъ 29 Мая 1859 года, критикуя административную дѣятельность Сибирскаго начальства, мѣшаетъ репутацію ихъ съ грязью. Достается графу Муравьеву-Амурскому, Невельскому, Корсакову и всѣмъ при нихъ приснымъ. Куря между тѣмъ ѳиміамъ Д. И. Завалишину, жившему въ то время въ Читѣ, онъ приписываетъ ему все, что было сдѣлано хорошаго въ Сибири, со включеніемъ присоединенія Амура. Геніальной идеей Завалишина, по его словамъ, воспользовался Муравьевъ.

По словамъ А. К. Имберха, Муравьевъ виноватъ въ фальшивомъ донесеніи правительству о выгодномъ пріобрѣтеніи края, обманѣ переселенныхъ людей въ новопріобрѣтенный край, которыхъ для тщеславія Муравьева морили голодомъ.

„Смѣютъ ли они быть голодны? (пишетъ онъ въ своемъ письмѣ) да и кто видѣлъ голодъ? спросите хоть у всѣхъ приближенныхъ къ Муравьеву лицъ, обѣдавшихъ у него ежедневно, при звукахъ музыки, могъ ли имѣть голодъ

* Сборникъ старинныхъ бумагъ, Изданія П. И. Щукина. Томъ X, страница 217-ая.

мѣсто за столомъ Генералъ-Губернатора? Это правда! Да онъ и не искалъ этой чести, а скромно поселился съ своей собственной музыкой въ солдатскихъ и въ особенности въ казачьихъ желудкахъ.. (Далѣе онъ пишетъ). Пріятно теперь какому-нибудь сытому патріоту, обводя пальцемъ на картѣ Русскія владѣнія на Амурѣ, по слухамъ толковать и предсказывать ихъ будущность. . . . . . (далѣе). Климатъ на Амурѣ самый здоровый, мѣста прекрасныя, почему поселенія устраиваются быстро; во всемъ изобиліе. Чего тамъ нѣтъ? Виноградъ, каменный уголь, драгоцѣнные камни, какихъ и въ Бразиліи нѣтъ, золото, лучше чѣмъ въ Америкѣ, рыбы не надо ловить, стоитъ только поставить котелъ на берегу, сама напрыгаетъ, пожалуй еще просить будетъ сама, чтобы ее кушали. Все это пріобрѣтено для Россіи единственно умомъ, необыкновенной дѣятельностью и неутомимыми трудами Невельскаго, Муравьева, Корсакова № 6 (и далѣе). Каждый, попавшій на Амуръ, скоро удостовѣрится, что за виноградъ, который онъ надѣялся кушать, здѣсь отвѣчаютъ еловыя шишки, самый драгоцѣнный камень оказывается кирпичъ. . . . . (далѣе) опять скажу—сомнѣваюсь, чтобъ Муравьеву удалось устроить Амурскій край не на словахъ и проектахъ, на которыхъ онъ такъ боекъ, а на дѣлѣ, потому что для этого нуженъ не одинъ только умъ, но и добросовѣстность, которая ему вовсе неизвѣстна. Примѣромъ неудавшагося уже ему опыта поселеній. . . . . можетъ служить извѣстное вамъ переселеніе на рѣку Маю на Аянскомъ трактѣ.

*Затѣмъ изъ писемъ Ѳ. Н. Львова къ Д. И. Завалишину въ 1860—1861 годахъ видно, что Муравьевъ, подчиняясь модному въ то время теченію шестидесятыхъ годовъ, заигрывалъ въ видахъ популярничанія съ политическими ссыльными, но, не удовлетворивъ вполнѣ ихъ мечтаній, при-

* Историческій сборникъ П. И. Щукина. Томъ X, стр. 237.

бѣгнулъ къ репрессаліямъ, замѣтивъ, что степень ихъ требованій идетъ далѣе намѣченнаго имъ пункта.

Окончательный разрывъ либераловъ съ нимъ совершился по поводу покровительства, оказаннаго имъ грязному дѣлу, кто говоритъ неправильной дуэли, а другіе просто убійству Беклемишевымъ Неклюдова,—дѣла, возмутившаго всѣхъ образованныхъ и гуманныхъ людей.

Корсаковъ, по желанію Муравьева, постарался выжить со службы изъ Главнаго управленія въ Иркутскѣ Львова за несочувствіе къ Беклемишевской и Романовской исторіи.

Беклемишевъ былъ посаженъ въ Иркутскую тюрьму, какъ присужденный 6-ымъ Департаментомъ Сената къ трехълѣтнему тюремному заключенію, но, по ходатайству Муравьева, дѣло перерѣшили, Беклемишева оправдали и наградили.

Сначала Муравьевъ приблизилъ къ себѣ политическихъ ссыльныхъ: Спѣшнева, Петрашевскаго, Бакунина и другихъ. Спѣшневъ рекомендовалъ ему на должность редактора вновь разрѣшенной газеты „Амуръ" Загоскина, человѣка покладистаго, безъ сильной воли, который впослѣдствіи всецѣло подчинился Муравьеву и тѣмъ не оправдалъ мечтаній своихъ протекторовъ. Петрашевскій былъ вскорѣ удаленъ изъ Иркутска въ Минусинскъ, Бакунинъ бѣжалъ за границу, а Львова уволили со службы, и онъ переселился къ Раевскому на Александровскій заводъ въ селеніе Олонки. Тѣмъ и кончилась либеральная затѣя Муравьева.

*Учредитель Иркутской библіотеки, Прокопьевъ-Шестуновъ, служившій въ центральномъ собраніи либераловъ, въ письмѣ своемъ къ Д. И. Завалишину, разъясняетъ разныя притѣсненія, дѣлаемыя библіотекѣ и редакціи газеты „Амуръ", а также объясняетъ причину прекращенія изданія ея учредителями.

Муравьевъ, желая избѣгнуть различныхъ толковъ, принялъ

* *Историческій Сборникъ* Н. И. Щукина. Томъ X, стр. 264.

свои мѣрѣ, принявъ издательство на себя, что не понравилось прежнимъ издателямъ.

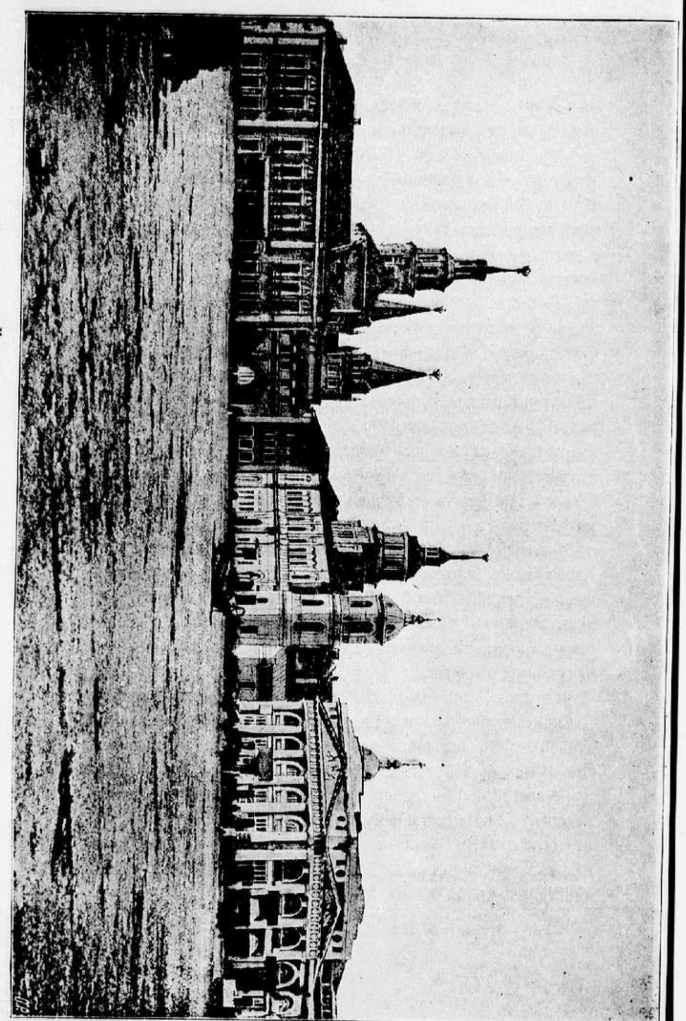
* Въ письмахъ отъ 13 февраля и 18 апрѣля 1883 года редактора Н. Ядринцова къ бывшему Вице-Губернатору Г. Чита Д. И. Завалишину приводится характеристика послѣднихъ Сибирскихъ Генералъ-Губернаторовъ. Дюгамель честный и прекрасный какъ человѣкъ, но сонный и апатичный администраторъ. Послѣ него былъ честный солдатъ Хрущевъ; при которымъ однако заправляли какіе-то армейскіе прапорщики, адъютанты, побочныя дѣти его, говорятъ и совѣтники взяточники. Распущенность была страшная. Съ Горчакова уже было время временщиковъ. Почекунинъ, Крупенниковъ, Маклаковы смѣняли одинъ другого. Оба послѣднихъ Генералъ-Губернатора Западной Сибири Н. Г. Кознаковъ и Мещериновъ были на моихъ глазахъ. Первый энергичный, стремившійся уничтожить злоупотребленія, человѣкъ, мечтавшій о славѣ, дипломатъ отличился завоеваніемъ для Сибири Университета.

Въ администраціи онъ не могъ сладить со зломъ. . . . . его смѣняетъ патріархальный типъ стараго армейца: Мещериновъ, прямой добрый старикъ, но скорѣе прекрасный партнеръ въ вистъ, чѣмъ Государственный человѣкъ. . . . Примите во вниманіе преемниковъ Муравьева, чтобы понять, почему онъ выдавался.

Что такое былъ Корсаковъ? фельдъегерь-администраторъ —Синельниковъ Гарунъ-Аль-Рашидъ Сибирскій съ честной душой, малой головой и дубинкой въ рукахъ. Фридрихсъ, Шапошниковъ и Анучинъ старая погудка на новый ладъ.

Позвольте теперь напомнить, что Муравьева многіе сравниваютъ съ предшественникомъ и преемникомъ, немудрено что онъ кажется, хотя по характеру, выше многихъ лилипутовъ; но возьмите его ростъ по отношенію къ людямъ дѣйствительнымъ, и онъ конечно умалится.

* Тамъ-же страница 273.

Красная площадь въ 1872 году. Со старинной гравюры.

Графа Муравьева-Амурскаго именно судятъ только по отношенію къ другимъ Генералъ-Губернаторамъ, и въ томъ вся суть его славы.

Такъ описывали намъ положеніе Сибири *его* передовые и независимые дѣятели. Дѣятели въ большинствѣ изъ числа сосланныхъ въ Сибирь либераловъ и прогрессистовъ, которыхъ Муравьевъ видвинулъ передовой ратью, когда искалъ популярности.

Когда же они, почуствовавъ свободу и надѣясь на свой авторитетъ у Муравьева, закусили удила и понеслись съ мѣста въ карьеръ, то онъ какъ плохой ѣздокъ, сразу осадилъ ихъ на полномъ скаку, а не сдержалъ ихъ порыва мягкой, но энергичной рукой, и тѣмъ изъ выгодныхъ льстецовъ, обратилъ ихъ въ своихъ заклятыхъ враговъ.

Разсматривая письма Муравьева, когда онъ уже оставилъ постъ Сибирскаго Генералъ-Губернатора и состоя членомъ Государственнаго Совѣта, проживалъ болѣе за границей видно, что онъ продолжалъ интересоваться Сибирью и ея дѣятелями.

Тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Парижа въ 1863 году, въ письмѣ своемъ изъ Петербурга отъ 7 іюня къ Александру Иларіоновичу Бибикову онъ спрашиваетъ его про дѣло Кукеля, (начальника штаба Сибирскаго Генералъ-Губернаторства) и какого мнѣнія держится въ отношеніи къ нему Корсаковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтуетъ Корсакову удержать Кукеля на должности начальника штаба, несмотря на то, что Кукель былъ полякъ—католикъ, на которыхъ косо смотрѣли въ то время—время польскаго возстанія. Затѣмъ, касаясь политическихъ дѣлъ Франціи, намекаетъ про угрозы Наполеона III начать войну съ Россіей, изъ за Польши. Намекаетъ, что получилъ приглашеніе замѣнить въ Вильнѣ М. Н. Муравьева или командовать отрядомъ войскъ въ случаѣ объявленія Франціей намъ войны.

* *Историческій Сборникъ* П. И. Щукина. Томъ X. Стр. 208—215.

Въ то же время заботится объ утвержденіи Генералъ-Губернаторомъ Сибири—Корсакова, который все еще былъ исправляющимъ должность. Когда несмотря на большое противодѣйствіе противной партіи, Корсаковъ былъ утвержденъ въ должности, то Муравьевъ радуется удачѣ своего ставленника. Видно было, что оставленіе поста не разорвало всѣхъ связей его съ Сибирью.

Россія въ то время переживала великій моментъ переустройства вѣкового своего строя, съ уничтоженіемъ крѣпостного права.

Вотъ въ какія трудныя минуты мы заняли Амурскій край.

Прошло пятьдесятъ лѣтъ! Много утекло воды. Бывшія тундры и пустыни обратились въ обитаемыя мѣста. Масса русскаго населенія, которому стало тѣсно въ Европейской Россіи, населила новыя мѣста. Пароходы теперь бороздятъ воды Амура. Рельсы не только достигли Амура, но перекинули свои ленты далеко за противуположный берегъ, касаясь восточнаго океана. Великій желѣзный путь соединилъ окраины съ центромъ. Сибирь шлетъ намъ по рельсамъ, избытокъ своихъ произведеній и обратно получаетъ произведенія нашихъ фабрикъ и заводовъ. Мы не будемъ утверждать что въ Сибири царствуетъ образцовый порядокъ, но послѣдняя китайская война доказала намъ, что мы стоимъ тамъ твердою ногой, имѣемъ въ новомъ краю запасный базисъ, для постоянно увеличивающагося населенія Россіи и ни сколько не тяготимся новымъ пріобрѣтеніемъ. Всѣ эти страхи и крики не могутъ нарушить спокойствія страны и не грозятъ намъ неминуемой бѣдой.

Понемногу все уладится и взойдетъ въ нормальную жизнь. Россія такъ полна непочатыми жизненными силами, что легко справится и съ большой задачей. Только нужно твердо держаться на выполненіи доставшейся намъ задачи, не смущаясь посторонними криками недоброжелательствующихъ намъ людей.

ГЛАВА XXIV.

Названіе нѣкоторыхъ Московскихъ урочищъ и обывательскихъ домовъ.

* Разбросанность нѣкоторыхъ усадебъ Москвы, невольно наталкиваетъ на мысль, что жилища эти имѣли другое назначеніе, несоотвѣтствующее настоящему строю его обитателей.

Такъ, проѣзжая вдоль Новинскаго бульвара, поражаетъ необыкновенная разбросанность и многочисленность построекъ на усадьбѣ госпожи Князевой. Домъ этотъ, доставшійся ей отъ ея матери, вдовы сенатора Пелагеи Павловны Ахлестышевой, въ старину принадлежалъ семьѣ дворянъ Протасьевыхъ.

Усадьба эта, по историческимъ справкамъ, принадлежала Новинскому монастырю. Новинскій монастырь возникъ на мѣстѣ загороднаго двора, принадлежащаго патріарху. Тутъ помѣщался и личный патріаршій приказъ.

Митрополитъ Платонъ сказывалъ, что въ этотъ монастырь должны были собираться патріаршіе крестьяне, въ назначенное время, и доставлять ежегодно новины, то есть холсты, изготовленные приписанными къ патріаршему обиходу крѣпостными крестьянами.

Часть монастырской усадьбы была занята кладбищемъ. На этомъ кладбищѣ былъ погребенъ Новгородскій Архіепископъ Леонидъ, задушенный по приказу царя Іоанна Васильевича Грознаго.

Въ настоящее время на этой усадьбѣ производятся новыя постройки, которыя потревожатъ кости здѣсь погребенныхъ.

* Заимствовано изъ прежде изданныхъ источниковъ.

Мѣстность эта изъ загородной превратилась въ бойкую центральную городскую улицу.

Еще въ сравнительно недавнее время, на памяти живущаго поколѣнія, Новинскій бульваръ представлялъ едва огороженный пустырь, на которомъ на Масляной и Святой недѣляхъ устраивались балаганы, качели и шатры съ традиціонной елочной вывѣской; теперь шумятъ тамъ лѣтнею порой густые вѣтви раскидистыхъ деревьевъ.

Перемѣны мѣстности слѣдуютъ быстро.

У Покровскихъ воротъ, близъ Ивановскаго монастыря стоитъ домъ вдовы коммерсанта Тимофея Савича Морозова. Домъ этотъ пріобрѣтенъ покойнымъ ея мужемъ, отъ когда то сильно шумѣвшаго коммерсанта и всевозможныхъ дѣлъ дѣятеля, даже въ литературѣ Василія Ивановича Кокорева.

Въ домѣ этомъ составлялись всевозможные проэкты, иногда удачные, а часто лопавшіеся какъ мыльные пузыри. Домъ этотъ въ началѣ XIX столѣтія принадлежалъ богатой помѣщицѣ Лопухиной. Лопухина считалась образованной и гуманной женщиной. Въ цѣляхъ отечественнаго просвѣщенія, она учредила частное училище, чуждое казенщины того времени. Училище имѣло отличный составъ преподавателей. Дѣти въ свободное отъ занятій время рѣзвились въ огромномъ саду прилегавшемъ къ дому. Все это содержалось на счетъ Лопухиной изъ любви къ просвѣщенію.

Въ числѣ воспитанниковъ находился баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ, впослѣдствіи поэтъ и другъ Александра Сергѣевича Пушкина.

Не вдалекѣ отъ дома Лопухиной, на Покровскомъ бульварѣ, стоялъ домъ богатаго помѣщика владѣльца нѣсколькихъ тысячъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ, Дмитрія Петровича Горихвостова. Горихвостовъ оставилъ Москвѣ о себѣ нѣсколько памятниковъ. Имъ учрежденъ домъ призрѣнія неизлѣчимыхъ больныхъ, рядомъ съ Городской больницей. Домъ для престарѣлыхъ лицъ Духовнаго Вѣдомства, на Моросейкѣ въ

Армянскомъ переулкѣ, и домъ Медико-Фармацевтическаго попечительства въ Большомъ Казенномъ переулкѣ.

Домъ гдѣ онъ жилъ перешелъ въ купеческія руки.

Состояніе по кончинѣ его раздѣлилось на три части: часть получили Мусины-Пушкины, другую Михайловскіе-Данилевскіе, а третью Гевличъ. Въ настоящее время имѣнье его дробилось на мелочи, и обратилось въ десятичныя дроби.

Память о немъ живетъ только въ учрежденныхъ имъ заведеніяхъ.

Хамовникъ, въ древнемъ русскомъ говорѣ, означаетъ ткачъ бѣлаго холста. На мѣстѣ, занятомъ въ настоящее время Хамовническими казармами, стояли фабрики Ивана Томса и другая—вдовы Борковой. Обѣ фабрики впослѣдствіи купилъ купецъ Грифъ. Фабрики закрыли свою дѣятельность въ концѣ XVIII столѣтія. Оба мѣста были куплены въ 1797 году городскимъ управленіемъ для возведенія на томъ мѣстѣ Хамовническихъ казармъ, по указу Императора Павла I.

Близъ Крымскаго моста на берегу Москвы-рѣки находится мѣсто, называемое *Бабій Городокъ*. Много варіантовъ находится въ нашихъ сказаніяхъ про это названіе. Вѣроятно, что названіе это произошло отъ того, что на топкомъ берегу заливного луга, во время построекъ деревянныхъ зданій, для укрѣпленія фундамента вбивали сваи съ помощью бабы (то-есть капра), на которыя и клали уже основаніе домовъ.

Мѣсто *Щипокъ* переиначено изъ слова Щупокъ. Мѣсто это находится близъ улицы Зацѣны. Въ старину на этомъ мѣстѣ была учреждена застава—цѣпь, на которой осматривали ввозимые въ Москву товары, за ввозъ которыхъ взимали пошлину. Воза соломы и сѣна осматривались съ помощью щупа или остроконечной желѣзной палки, которою протыкали воза, чтобы узнать нѣтъ ли внутри запрещеннаго товара.

Способъ этотъ практиковался еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія откупщиками, наблюдавшими, чтобы изъ уѣзда не провозили откупное вино въ Москву, гдѣ оно продавалось дороже сельскаго.

Истерійскій переулокъ (Австерійскій) Городской части тянется внутри городскихъ рядовъ; въ настоящее время онъ взошелъ въ планъ новыхъ построекъ рядовъ. Названъ такъ потому, что въ этой мѣстности по дорогѣ къ Кремлю былъ открытъ кофейный домъ, въ которомъ въ праздничные дни собирались Греки, совѣщались тамъ о торговыхъ своихъ дѣлахъ и готовили кушанья на привычный имъ вкусъ; пили грѣтое вино, кофе и курили. Сборище это называлось Евстаторіей, то-есть мѣсто пированія. Русскіе переиначили это слово въ Истерію, а потомъ въ Австерію. Въ 1773 году здѣсь былъ кабакъ съ прозвищемъ „Ветошная Австерія". На Каменномъ же мосту былъ питейный домъ, который назывался „Каменномостная Австерія".

Слово *Кадаши* имѣетъ свое первоначальное происхожденіе отъ древне русскаго „Кадаши", то-есть бочары или обручники.

Слово *Балканъ*, улица происходитъ отъ „бокалдинъ", то-есть овраговъ, проваловъ между лѣсомъ и нагорьемъ.

Послѣ нашествія французовъ начальникъ управленія дворцоваго вѣдомства Петръ Степановичъ Валуевъ занялся устройствомъ Прѣсненскихъ прудовъ. Берега прудовъ были болотисты и топки, онъ превратилъ эту мѣстность въ садъ, устроилъ оранжереи, разбилъ цвѣтники, и устроилъ въ садахъ аристократическое гулянье, въ которое стекалась лучшая Московская публика. Здѣсь въ XVII столѣтіи Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ встрѣтилъ своего родителя Филарета Никитича, когда онъ возвратился изъ неправильнаго плѣненія своего въ Польшѣ. Около Горбатаго моста, по сказаніямъ лѣтописцевъ стоялъ близъ теперешняго Горбатаго моста памятникъ съ надписью: „Здѣсь царь Михаилъ Ѳеодоровичъ встрѣтилъ своего родителя, великаго вѣрою и добродѣтелью". Слѣдовъ памятника не существуетъ.

Съ удаленіемъ Петра Степановича отъ должности, садъ пришелъ въ запустѣніе, но во время царствованія Императора Николая I все-таки посѣщался, хотя уже разношерстной

публикой. Потомъ былъ переданъ зоологическому обществу, подъ ферулой которою и влачитъ теперь свое печальное существованіе.

Арбатская площадь и ея окрестности прежде были излюбленное мѣсто для постройки общественныхъ театровъ. Вскорѣ по восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II былъ устроенъ театръ на Знаменкѣ въ домѣ Графа С. И. Воронцова, гдѣ теперь домъ М. С. Бутурлиной. Театръ этотъ арендовалъ князь Урусовъ и Медоксъ. Театръ сгорѣлъ во время представленія трагедіи „Димитрій Самозванецъ".

Затѣмъ послѣ пожара Петровскаго театра въ Москвѣ представленія возобновились въ домѣ Пашкова на Моховой, гдѣ теперь Румянцевскій Музей.

Въ Царствованіи Императора Александра I въ 1807 году, было сдѣлано распоряженіе о постройкѣ новаго деревяннаго театра у Арбатскихъ воротъ, гдѣ оканчивается Пречистенскій бульваръ; на этой площади теперь устроенъ бассейнъ, предназначенный къ уничтоженію. Тутъ предполагается поставить памятникъ Н. В. Гоголю, сдѣлавъ вокругъ памятника бульваръ.

Театръ былъ построенъ по плану архитектора Росси и открытъ 13 Апрѣля 1808 года пьесой С. Н. Глинки „Баянъ", русскій пѣснопѣвецъ древнихъ временъ съ хорами и балетами. Площадь, на которой стоялъ театръ, была вновь нивелирована и вымощена, потому что въ дождливую погоду по ней невозможно было ни пройти, ни проѣхать отъ невылазной грязи.

Арбатскій театръ былъ красивъ, весь окруженъ колоннами, къ нему вели со всѣхъ сторонъ подъѣзды; большое пространство между колоннъ въ видѣ длинныхъ галлерей, соединяющихся вмѣстѣ представляло, хорошее мѣсто для проѣздовъ. Внутреннее устройство театра было превосходно. При вступленіи непріятеля въ Москву, Арбатскій театръ сдѣлался одною изъ первыхъ жертвъ пожара.

Затѣмъ на Никитской въ домѣ Познякова былъ театръ, въ которомъ во время нашествія французовъ давались представленія французскими артистами. Домъ этотъ впослѣдствіи принадлежалъ князю Юсупову.

По выходѣ французовъ изъ Москвы первый театръ открытый для жителей былъ театръ С. С. Апраксина на углу Знаменки и Арбатской площади. Домъ Апраксина былъ самый гостепріимный. Князь Вяземскій разсказываетъ, что вскорѣ по выходѣ французовъ изъ Москвы С. С. Апраксинъ въ одинъ и тотъ же день далъ обѣдъ въ залѣ Благороднаго собранія на 150 человѣкъ, а вечеромъ въ своемъ домѣ ужинъ на 500 человѣкъ. Не одними пирами угощалъ Москву С. С. Апраксинъ, и болѣе возвышенныя и утонченныя развлеченія находили тамъ москвичи. У него бывали литературные вечера и чтенія, концерты и такъ называемые благородные любительскіе спектакли.

Въ его барскомъ домѣ была обширная театральная зала; тамъ давали оперныя и драматическія представленія, гремѣла охотничья музыка и по сценѣ бѣгали живые олени. Въ его операхъ пѣлъ знаменитый Булаховъ, затмившій всѣхъ первоклассныхъ пѣвцовъ того времени. На его театрѣ играли два любителя соперника по искусству: Ѳед. Ѳед. Кокошкинъ и Ал. М. Пушкинъ. Впослѣдствіи въ его театрѣ играли императорскіе актеры. Изъ дома С. С. Апраксина черезъ раздѣлющій его переулокъ съ церковью, была перекинута аркою галлерея, черезъ которую ходилъ С. С. къ богослуженію въ храмъ.

Рядомъ въ Знаменскомъ переулкѣ въ домѣ Столыпина (теперь домъ Графа С. В. Орлова-Давыдова) уцѣлѣлъ еще театръ Столыпина, перешедшій потомъ къ князю Хованскому, а отъ него къ кн. Трубецкому. Покойный Баронъ Бюллеръ директоръ Архива министерства Иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ сказывалъ, что въ домѣ Графа Воронцова, (теперь Бутурлиной) было первое засѣданіе кавалеровъ Георгіевской думы, по приказанію Императрицы Екатерины II. Засѣдала дума въ залѣ графа Воронцова, по причинѣ его нездоровья, не дозволявшаго ему выѣзжать изъ дому, между тѣмъ какъ отложить засѣданіе считалось невозможнымъ.

ГЛАВА XXV.

Домъ Волковыхъ на Волхонкѣ.

На Волхонкѣ противъ проѣзда большого каменнаго моста находится домъ наслѣдниковъ Гаврилы Волкова.

Родоначальникъ этой семьи пришелъ въ Москву книгоношей старинныхъ книгъ и рукописей. Сынъ родоначальника Гаврилы Волкова—Петръ, разсказывалъ мнѣ, что отецъ его, придя въ Москву съ тяжелою ношею книгъ, и перейдя по каменному мосту Москву рѣку, первый разъ присѣлъ отдохнуть въ Москвѣ, на балконѣ подъѣзда этого дома, выходящаго на Волхонку*. Впечатлѣніе перваго мѣста отдохновенія, такъ врѣзалось въ его памяти, что составивъ себѣ состоянія, онъ постарался пріобрѣсть домъ служившій ему первымъ мѣстомъ его отдохновенія.

* Балконъ этотъ въ настоящее время уничтоженъ.

Въ 1856 году, въ коронацію Императора Александра II, я засталъ въ большихъ залахъ вышесказаннаго дома, магазинъ старинныхъ художественныхъ вещей, изъ бронзы, фарфора, мрамора, статуй и картинъ. Этою торговлею разбогатѣлъ Гаврила Волковъ. Правда между художественною разнокалиберностью, попадались и замѣчательныя шедевры.

Въ бытность мою въ первый разъ въ магазинѣ, я засталъ чиновника придворнаго Вѣдомства, выбиравшаго изъ массы художественныхъ произведеній, севрскія и саксонскія приборы для показа и выбора Императрицы Маріи Александровны. Все это носило печать высокаго искусства и даровитости исполненія. Скупая вещи въ старинныхъ барскихъ домахъ за безцѣнокъ—Волковъ продавалъ ихъ любителямъ старины и изящества, за дорогую цѣну. Старикъ на жизненномъ пути наметался и впослѣдствіи зналъ цѣну искусству.

Въ то время у Волкова были два конкуррента: Лухмановъ и Родіоновъ. Старикъ Лухмановъ уже скончался, а сынъ его, распродавалъ остатки сокровищъ, собранныхъ его отцомъ, былъ извѣстенъ въ Москвѣ подъ кличкою „chez nous à Paris".

Родіоновъ, имѣвшій магазинъ на Покровкѣ, противъ церкви Рождества въ Барашахъ, безслѣдно растаялъ въ водоворотѣ жизни.

Магазинъ Волкова былъ обширенъ и наполнявшій его товаръ разнообразенъ; съ кончиною Гаврилы Волкова, дѣти его покончили торговлю художественными рѣдкостями, и были изъ числа русскихъ первыми инціаторами въ Москвѣ, открывшими русскую банкирскую контору. Контора существуетъ до настоящаго времени.

Сынъ Гаврилы Волкова—Петръ постоянно сказывалъ, что ихъ, какъ рѣдкостныхъ русскихъ учредителей банкирскаго дома, слѣдуетъ показывать въ клѣткѣ за деньги.

До открытія Волковской конторы въ Москвѣ, существовали только Нѣмецкія и Еврейскія банкирскія конторы. Переходъ

дивныхъ произведеній искусства въ прежнее время производился только изъ однѣхъ дворянскихъ рукъ въ другія. Иностранцы не были еще освѣдомлены о художественныхъ богатствахъ, существовавшихъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ центральной Россіи, и не налетѣли злыми коршунами терзать художественное тѣло Россіи.

Переломъ русской жизни происшедшій послѣ освобожденія крестьянъ, разорившій помѣщичій бытъ, заставилъ владѣльцевъ разстаться съ художествами, накопленными ихъ предками.

Въ то время разные аферисты налетѣли къ намъ, и сразу повысили цѣны на старинныя произведенія искусства, такъ что русскимъ скупщикамъ, привыкшимъ покупать по 20 копѣекъ за рубль, борьба была немыслима. Потому художественныя русскія лавочки закрылись, а появился новый родъ комиссіонеровъ, шнырявшихъ по помѣщичьимъ усадьбамъ, гдѣ скупали за безцѣнокъ, что попадалось ихъ жаднымъ взорамъ. Впослѣдствіи все скупленное, по увеличенной цѣнѣ, перепродавалось заграничнымъ скупщикамъ.

Такъ нажилъ состояніе Линевичъ и другіе.

Все что прежде привозилось въ Россію, и за что платилось рублями, теперь вывозится изъ нея и мы получаемъ гроши!

Въ старину путешествіе въ чужіе края, за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ производилось въ собственныхъ экипажахъ, и обходилось дорого; только богатые люди могли позволить себѣ подобную роскошь, да притомъ и стремились къ ней только образованные люди. Потому и произведенія искусства вывозимые оттуда отличались хорошимъ и дорогимъ выборомъ. Было кому сдѣлать выборъ, было чѣмъ заплатить за него.

Теперь не то!

Дешевизна проѣзда посылаетъ совсѣмъ иной контингентъ путешественниковъ. Отсутствіе средствъ у большинства, от-

сутствіе вкуса у случайныхъ разбогатѣвшихъ выскочекъ, заполняетъ наши художественные салоны, разной декадентской дребеденью.

Обмѣнъ—не выгодный для Россіи!

Отсутствіе общественныхъ музеевъ, а гдѣ они существуютъ, недостатокъ денежныхъ средствъ, не позволяетъ удерживать старинныя сокровища дома.

Большинство скупаемыхъ старинныхъ бронзъ, мебели, инкрустацій и прочаго вывозится за границу, а у насъ остаются только поддѣлки подъ нихъ, для чего учредилось нѣсколько мастерскихъ, довольно удачно поддѣлывающихъ подъ старинный жанръ. Весьма жаль, что художественные журналы весьма мало воспроизводятъ на своихъ страницахъ тѣ шедевры, которые хранятся въ частныхъ собраніяхъ, а угощаютъ насъ уродливымъ декадентствомъ портящимъ только вкусъ у публики.

Два года тому назадъ по инициативѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны и подъ Ея Высокимъ покровительствомъ, въ помѣщеніи Строгоновскаго Императорскаго Училища была устроена выставка уцѣлѣвшихъ въ Москвѣ въ частныхъ домахъ старинныхъ сокровищъ русскаго и иностраннаго производства. Выставка показала такіе перлы, еще хранящіеся у нашихъ цѣнителей искусства, что конечно Москва не можетъ считать себя совершенно обездоленною.

Жаль только, что большинство любителей держитъ свои сокровища подъ спудомъ, чѣмъ лишаютъ наслажденія другихъ любоваться и научаться подражать высокимъ оригиналамъ прошедшаго времени. Еще во время прошедшей выставки высказано было желаніе въ учрежденіи, на манеръ Англіи, музея хранителя художественныхъ сокровищъ.

Вотъ что писано тогда.

Закрывшаяся 25 Апрѣля Историческая выставка, въ залахъ Строгоновскаго училища, оставила въ любителяхъ художества истинное сожалѣніе въ кратковременности своего существованія. Наслажденіе, которымъ пользовалась образованная публика въ теченіе трехъ недѣль, можно было бы сдѣлать постояннымъ, преслѣдуя укоренившіеся за границей обычаи. Въ Англіи существуетъ музей, гдѣ всякій обладатель художественной драгоцѣнности можетъ безплатно отдать на сохраненіе принадлежащій ему предметъ, съ правомъ взять его обратно во всякое время.

За цѣлость отданнаго отвѣтственно правленіе музея. Всякій отъѣзжающій изъ города съ удовольствіемъ вручаетъ свою драгоцѣнность музею. Изъ подобныхъ вкладовъ составляется коллекція, и есть вещи, хранящіеся въ музеяхъ годами, особенно въ виду малолѣтства наслѣдниковъ, имущественнаго спора и другихъ обстоятельствъ. Музей, взимаетъ съ посѣтителей минимальную плату за входъ, чѣмъ содержитъ служащій персоналъ. Публика, посѣщая хранилища древняго искусства, невольно увлекается подражаніемъ изящному.

Въ Москвѣ такое учрежденіе легко выполнимо. Просторныя залы Императорскаго Историческаго Музея наполнятся еще черезъ пятьдесятъ лѣтъ, и то при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Музей могъ бы временно уступить пустующія залы для проектируемаго нами хранилища, и тѣмъ далъ бы возможность постоянно наслаждаться дивнымъ искусствомъ художественной старины.

Мы должны быть глубоко благодарны такъ блистательно выполненной идеѣ, показавшей намъ, какое громадное количество драгоцѣнностей хранится у жителей Москвы, несмотря на постоянный вывозъ ихъ заграничными скупщиками въ чужіе края. Жаль, что выставка была кратковременна, и что многіе частные собиратели ничего не дали или подѣлились съ публикой микроскопической частью своихъ драгоцѣнностей. При осуществленіи же предполагаемой мѣры, многіе, кромѣ добраго дѣла, откликнутся изъ собственныхъ выгодъ. Несовершенство устройства нашихъ жилищъ въ по-

жарномъ отношеніи, наша неаккуратная прислуга и другія причины, невольно заставляютъ владѣльцевъ драгоцѣнностей на время отсутствія воспользоваться гостепріимствомъ музея, чрезъ что вещи, доступныя обзору только немногочисленныхъ знакомыхъ, сдѣлаются, хотя временно, достояніемъ многочисленныхъ посѣтителей.

Развитіе художественнаго вкуса въ публикѣ невольно служитъ къ смягченію нравовъ и идеализаціи жизни. Поблагодаривъ учредителей выставки за доставленное наслажденіе, можемъ просить ихъ не оставлять разъ поднятой идеи, а усовершенствовать ее на благо общества.

Если бы подобный музей существовалъ въ Москвѣ, то какое громадное количество произведеній искусства сохранилось и осталось бы въ Москвѣ.

ГЛАВА XXVI.

Перерожденіе старой Москвы въ новую.

Старая Москва вся состояла изъ помѣщичьихъ особняковъ, пустырей, садовъ и хатъ различной бѣдноты. Большихъ каменныхъ домовъ, за исключеніемъ казенныхъ и общественныхъ, въ старину было, относительно пространству площади, занимаемому Москвою, немного.

До учрежденія въ Москвѣ Городского Кредитнаго Общества, постройка частныхъ домовъ подвигалась медленно. Дома старой стройки 1813 и 1814 годовъ продавались недорогой цѣной.

Городская усадебная земля цѣнилась дешево.

Когда въ 1865 году нарѣзана была усадебная земля по сторонамъ улицы „подъ Вязками“ теперь Долгоруковской, для поселенныхъ близъ Бутырской заставы ямщиковъ, то они за ненадобностью продавали ее желающимъ по рублю и по два за квадратную сажень. Цѣна, въ настоящее время, немыслимая по дешевизнѣ. Небольшой кредитъ, отпускавшійся домовладѣльцамъ изъ сохранной казны Опекунскаго совѣта, за прекращеніемъ его ссудныхъ операцій въ 1859 году, закрылся. Дома цѣнились не дорого, несмотря на то, что городскія повинности не достигали десятой доли настоящаго обложенія, самооблагающейся думы.

Учрежденіе Городского Кредитнаго Общества, несмотря на низкій курсъ вновь выпущенныхъ облигацій, котировавшихся по 80 копѣекъ за рубль, встрѣченъ былъ радостно всѣмъ нуждающимся въ кредитѣ населеніемъ.

Съ открытіемъ кредита для домовладѣльцевъ постройка домовъ пошла быстро. Прежній дешевый строительный матеріалъ сильно поднялся въ цѣнѣ. Несмотря на усиленныя новыя постройки, цѣны на квартиры росли неимовѣрно.

Кредитъ вновь открытаго общества былъ широкій; дома росли, какъ грибы, и въ новой стройкѣ началъ появляться нѣкоторый комфортъ, уже введенный въ заграничныхъ жилищахъ. Цѣны на такія квартиры были возвышенныя.

Такъ шло до 1876 года, начала Сербской, а потомъ Болгарской войны. Затѣмъ выселеніе Евреевъ изъ Москвы и уходъ войскъ въ Турцію обездолилъ Москву, многіе жители и торговцы покинули ее. Не только квартиры, но даже торговыя помѣщенія пустовали годами. Вслѣдствіе этого наступилъ домовладѣльческій кризисъ, уронившій цѣнность домовъ и квартиръ. Городское Кредитное Общество потеряло свой запасный капиталъ, и началась тогда извѣстная вакханалія кончившаяся знаменитымъ тріумвиратомъ Сергѣя Шильдбаха, Цвѣтухина и Герике. Несмотря на это Московскіе пустыри, существовавшіе въ ней съ пожара 1812 года, быстро застроивались многоэтажными домами.

Наружный видъ Москвы мѣнялся, только извилистыя и кривыя улицы напоминали обывателямъ, что они живутъ на старомъ пепелищѣ.

Многомилліонный кредитъ общества, техническія усовер-

шествованія, обиліе лицъ, стремящихся поселиться въ Москвѣ, такъ сильно мѣняютъ, кромѣ наружнаго вида, ея обычаи, нравы, и общественную жизнь, что, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, отъ старой Москвы останутся одни воспоминанія, и то только въ описательныхъ манускриптахъ ея бывшихъ обитателей.

Перемѣна жизни, направленіе и привычки въ Московскомъ обществѣ рѣзко мѣняются. Дворянская Москва прежнихъ временъ, все отступая отъ своихъ традицій, пополняется разношерстнымъ элементомъ разбогатѣвшихъ пришельцевъ всѣхъ сословій. Попадаются между ними обломки прежняго передового сословія, но надо признаться, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Есть потомки прежнихъ купеческихъ образованныхъ семей прежней Москвы; но выдающееся по финансовому положенію большинство, это новые пришлые люди съ большою примѣсью иностраннаго элемента.

Въ старину семья богатого открытаго для пріема дома была извѣстна всему Московскому обществу, чуть не съ праотцевъ хозяина и хозяйки. Въ настоящее время корифеи домовъ, устраивающіе богатые и блестящіе праздники, неизвѣстны (кромѣ своихъ близкихъ) никому. Часто на вопросъ: откуда появился хозяинъ празднества? получается отвѣтъ.

Двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ прибылъ онъ изъ Гамбурга приказчикомъ въ торговый домъ, женился впослѣдствіи на родственницѣ хозяина фирмы, и теперь сталъ меценатомъ.

Лучшіе изъ домовъ, живущихъ на барскую ногу, это разбогатѣвшіе наши русскіе фабриканты, получившіе современное образованіе. Конечно въ ихъ обращеніи не слѣдуетъ искать деликатности и утонченной вѣжливости прежнихъ баръ, но русское радушіе покрываетъ многіе ихъ недостатки.

Хотя замѣтно ярко выступаетъ сознаніе ими матеріальнаго ихъ превосходства, но это слѣдуетъ имъ извинить.

Постоянное общеніе, по своимъ торговымъ оборотамъ, съ мелкими покупателями въ большинствѣ торгующими въ кредитъ, слѣдовательно вполнѣ зависимыхъ отъ ихъ благоволенія, образуетъ у нихъ привычку къ подобострастному поклоненію зависимыхъ отъ нихъ въ финансовомъ отношеніи лицъ; поневолѣ эта складка остается у нихъ въ общественной жизни, гдѣ нѣкоторые, безъ всякаго умысла, дѣлаютъ невольныя неловкости.

Обѣднѣвшее дворянство не въ состояніи конкурировать съ ними въ устройствѣ празднествъ и задавать богатые и обширные пріемы, потому поневолѣ удаляясь отъ руководства общественной жизнью должно уступить дорогу разбогатѣвшему люду. Даже относительно богатые помѣщики веселятся только въ своемъ родственномъ и пріятельскомъ кругу, избѣгая дорого стоющихъ большихъ общественныхъ собраній.

Улучшенія средствъ нашего дворянства ожидать невозможно; кромѣ того, современное дворянство направилось на дорогу, теченіемъ жизни ему предназначенную, и сдѣлалось служилымъ сословіемъ.

Все это рѣзко отражается въ общественной жизни.

Низменные вкусы некультурной публики предъявляютъ къ жизни ненормальныя требованія, не примѣнимыя къ жизненному укладу, а мнящіе себя новыми руководителями общественной жизни, появившіеся главари движенія, еще не въ силахъ ограничить ихъ безумныхъ прибавленій. Старое руководящее начало уничтожено, а новое не успѣло еще окрѣпнуть.

Было ли мыслимо въ прежнее дореформенное время, чтобы общество всецѣло увлекалось такими произведеніями, какъ описаніе жизни различныхъ трущобъ: Максима Горькаго, Андреева и ихъ послѣдователей, гдѣ грязь жизни проповѣдывается, какъ идеалъ!

Конечно, и въ прежнее время, большинству извѣстна была трущобная жизнь, можетъ быть безъ ея детальныхъ ослож-

ненiй, но никто не старался отыскивать новыхъ пророковъ, предназначенныхъ вести общество по новому пути.

Конечно, такое направленiе не можетъ существовать долго!

Приподнятые современными обстоятельствами, трущобные жители, отвѣдавъ случайно высшей культуры, набивъ свои карманы свалившимся къ нимъ случайно золотымъ дождемъ, вмѣстѣ съ перемѣною обстановки измѣнятъ свои вкусы и направленiе своихъ мыслей, и впослѣдствiи сами отрекутся отъ своихъ первоначальныхъ проповѣдей. Подобные примѣры бывали въ исторiи.

Простой казакъ Разумовскiй благодаря поддержки брата, превратился въ Гетмана Малороссiи, пирожникъ Меншиковъ, ставъ любимцемъ своего властителя, въ правителя Россiи.

Конюхъ Биронъ по капризу правительницы и ея слабохарактерности въ царственное лицо. Всѣ эти лица послѣ своего возвеличенiя прiобрѣли другiе вкусы, другiя понятiя; а потомки ихъ съ ужасомъ думаютъ о той грязи, изъ которой вытащила ихъ судьба. Такъ и настоящiе просвѣтители и новые проповѣдники общественной жизни Москвы со временемъ примутъ укладъ своихъ предшественниковъ старыхъ руководителей (можетъ быть немного измѣненный), а потомки ихъ будутъ лицами оторванными въ жизненномъ пути отъ настоящихъ ихъ трущобныхъ сородичей.

Мы видимъ, что потомки лицъ, вынырнувшихъ изъ подонковъ общества, пользуются въ настоящее время чуть не царскими почестями, а потомки патрицiевъ древняго Рима служатъ поденщиками въ клоакахъ новаго Рима.

Мнѣ помнится, когда въ Англiи строился первый колоссальный корабль „Гретъ-Истернъ", то корреспондентъ, описывая постройку корабля, выразилъ свое крайнее удивленiе, встрѣтивъ въ числѣ поденщиковъ рабочихъ строющагося корабля, внука поэта лорда Байрона, питавшаго пламенную страсть тоже къ работницѣ дочери мелкаго лавочника, весьма некрасивой дѣвушкѣ съ гнилыми зубами, которая распоряжалась имъ весьма нецеремонно.

Общественные перевороты временъ Петра I. Анны Iоанновны и Елисаветы Петровны подняли многихъ со дна общественной жизни до облачнаго горизонта, что въ то время возмущало высшихъ представителей общественной жизни и порождало тогда недовольство прежнихъ главарей. Понемногу все уровнялось, болѣе сильные характеры удержались на высотѣ, сроднившись съ верхнимъ слоемъ общества, а слабые погибли въ людской пучинѣ.

Конечно, трудно обществу переживать такой переломъ общественной жизни, но все урегулирующее время приведетъ все и всѣхъ къ общему знаменателю, и модныя бредни, потерявъ свою пикантность и новизну, растаятъ въ пространствѣ, подобно скопившемуся въ тучахъ электричеству, когда пронесется надъ страной буря, и оросить ее благодѣтельный дождь.

Будемъ надѣяться, что могучiй ростъ колоссальнаго русскаго организма, окрѣпнувъ въ новыхъ направленiяхъ жизни, со временемъ поставитъ ея устои на непоколебимое основанiе, и всѣ бредни сдадутся въ архивъ какъ ненужный хламъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

Виды:

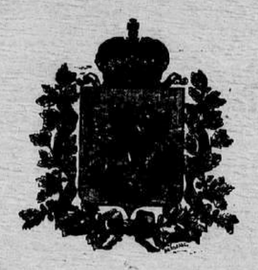
Портреты.

Воспоминанія Д. Никифорова.

МОСКВА

въ царствованіе

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Съ иллюстраціями событій того времени и портретами дѣятелей царствованія императора Александра II.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1904.

Воспоминанія Д. Никифорова.

МОСКВА

въ царствованіе

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Съ иллюстраціями событій того времени и портретами дѣятелей царствованія императора Александра II.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1904.

Дозволено цензурой. Москва, 7 ноября 1903 г.

Государь Императоръ Александръ II.
Съ литографіи, сдѣланной въ 1856 году И. Щедровскимъ, поднесенной Государю.
Изъ коллекціи С. П. Виноградова.

ГЛАВА I.

Кончина Императора Николая I.—Заключеніе мира.—Стихи на окончаніе войны.—Пріѣздъ въ Москву.—Первыя впечатлѣнія по пріѣздѣ.—Приготовленіе къ коронаціоннымъ торжествамъ.—Графъ Закревскій.—Комендантъ Кизмеръ.—Губернаторъ Синельниковъ.—Предложеніе мнѣ мѣста плацъ-адъютанта.—Пріѣздъ иностранныхъ пословъ и Принцевъ.—Пріѣздъ царской фамиліи.—Парадный въѣздъ Государя въ Москву.—Отъѣздъ Государя въ с. Останкино.—Священное Коронованіе.—Дороговизна въ Москвѣ по случаю большого съѣзда.—Помѣщеніе посольствъ.—Балы у пословъ.—Графиня Раппъ.

Во время кончины Императора Николая I я находился на высотахъ Севастополя, и потому лично не могъ присутствовать въ Москвѣ, но изъ разсказовъ домочадцевъ могъ заключить о степени вліянія, оказаннаго смертью рыцаря Императора на московское общество.

Большинство, благоговѣя предъ личностью покойнаго Императора, было смущено неожиданной его кончиной. Многіе боялись, что черезчуръ уступчивый характеръ новаго Императора повліяетъ на ходъ продолжавшейся войны и умалитъ достоинство Россіи. Но была партія либераловъ, радовавшаяся кончинѣ Государя, и даже въ Успенскомъ Соборѣ во время присяги новому Императору говорившая, что съ воцареніемъ Александра II наступитъ новая эра свободы, задержанная усопшимъ.

Первый пріѣздъ Императора Александра II въ Москву былъ во время моего отсутствія изъ нея, потому я не могу высказать впечатлѣній москвичей во время его пріѣзда въ Первопрестольную.

Война продолжалась... Несмотря на отчаянное сопротивленіе Малаховъ Курганъ былъ взятъ, и вслѣдствіе потери этого важнаго пункта, южная часть Севастополя очищена нашими войсками.

Какъ послѣ сильной бури наступаетъ затишье, такъ и на холмахъ Севастополя, послѣ грома орудій и взрыва

миръ, наступила полная тишина. Раздѣлявшія насъ воды Севастопольской бухты служили намъ демаркаціонной линіею, черезъ которую не переступала ни та. ни другая сторона. Дипломатія работала о заключеніи мира, а мы тоскливо ожидали результата ихъ переговоровъ. Томленіе и бездѣйствіе было хуже битвы. Разнородные слухи мѣнялись ежедневно, такъ что никто не могъ отличить правды отъ выдумокъ. Наконецъ заключено перемиріе, а затѣмъ и полный миръ. Дозволено было посѣщать непріятельскій лагерь, и какая то тяжесть спала у всѣхъ съ души. Всѣ были довольны окончаніемъ войны. за исключеніемъ интендантскихъ чиновниковъ (сильно набившихъ себѣ карманъ) и крымскихъ невѣстъ, дѣлавшихъ себѣ относительно великолѣпныя партіи, такъ что неизвѣстный поэтъ увѣковѣчилъ ихъ въ слѣдующемъ стихоплетеніи:

Невѣстамъ крымскимъ неугодно,
И интендантству тожъ-желаніе народно
Чтобъ миру быть.
И вотъ всѣ сплошь къ Царю съ мольбою!
На тѣхъ вѣкахъ всего впервые
Сыны Россіи удалые
Столпились тутъ и идутъ прочь. Для многихъ
Блеснувшій лучъ надежды милой погибнетъ... Какъ и прежде
Въ какомъ-нибудь писцѣ невѣждѣ,
Придется чувства разжигать,
А тамъ дѣлиться со вдовами,
Таврида жалкими крохами.
И слезно просятъ всѣ Царя,
Чтобъ къ ихъ несчастью снисходя,
Онъ долю ихъ войной поправилъ,
О мирѣ думать бы оставилъ.
И къ нимъ прожоро-интендантство,
Пристало въ честное кампанство,
И завопило: Царь нашъ Царь!
Зачѣмъ наносишь намъ ударъ?
Не мы-ль Твое отъ Турокъ сѣно
Предавши пламени спасли,
Не мы-ли чинно и степенно
Пагонцевъ роты въ Крымъ ввели.
Не мы-ли падшій скотъ скупали,

Не мы-ли сгнившій хлѣбъ втопта ли,
Глубоко въ землю, и степенно
Вели себя всегда почтенно.
Не то, что арміи офицеры.
Что ихъ манеры!
Топорны жалки и смѣшны,
Они хоть храбры, но грѣшны,
Всегда безъ мѣры напивались,
И даже пьяные валялись.
Въ театрахъ дѣлали скандалы;
Такіе стали ужъ нахалы,
Что самъ великій Бѣловодскій
Своею властью плацъ-маіорской
Ихъ усмирить не могъ.
А мы межъ тѣмъ: „Свидѣтель Богъ",
Всегда день черный вспоминали
И на день этотъ припасали.
Они же забіяки, ни себѣ
Въ крови добытаго въ трудѣ,
Ни для другихъ не припасутъ,
И до копѣйки все пропьютъ.
Война нужна! Пусть ихъ научитъ
Какъ нужно жизнью дорожить.
Необходимо должно, нужно,
Пускай ударятъ смѣло, дружно,
Врага сомнутъ и передъ свѣтомъ
Связавъ себя святымъ обѣтомъ,
Подобной мерзостью приказъ
Не тѣшатъ больше свѣта глазъ.

Получивъ отпускъ, я поѣхалъ къ роднымъ въ деревню, а оттуда предпринялъ путешествіе въ Москву, гдѣ въ то время шли приготовленія къ коронаціи.

Въ маѣ 1856 года подъѣзжалъ я къ Бѣлокаменной по рязанскому шоссе. На послѣдней почтовой станціи Люберцы въ почтовую телѣжку заложили мнѣ хорошую тройку. На облучкѣ сѣлъ ямщикъ, молодой парень, три дня передъ тѣмъ женившійся. Ѣхалъ онъ первый разъ послѣ своей свадьбы. Веселое и довольное лицо его постоянно озарялось улыбкой.

Скоро показалась золотая шапка Храма Христа Спасителя, за ней колокольня Симонова монастыря, далѣе главы другихъ храмовъ.

Подъѣхали къ рогожской заставѣ. Человѣкъ пошелъ предъявлять подорожную. Ямщикъ подвязывалъ колокольчикъ.

Сидя на перекладной, я любовался на облитую солнцемъ Москву, позабывъ двухдневную тряску. Погода была превосходная. Служитель вернулся изъ караулки, шлагбаумъ поднятъ и мы тронулись по тряской Московской мостовой. Я мечталъ о свиданіи съ родными и не замѣтилъ, какъ мы миновали нѣсколько улицъ. Мечты мои прервались сильнымъ толчкомъ и тележка покачнулась на бокъ. Я едва удержался на мѣстѣ, инстинктивно ухватившись за край телѣги. Соскочило переднее колесо. Пока ямщикъ исправлялъ повреждение и отыскивалъ вывалившуюся чеку, я осматривалъ окружающіе меня дома и читалъ надписи ихъ владѣльцевъ. Катастрофа случилась около дома купца Аллилуева. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ случилось мнѣ быть въ Рогожской, домъ принадлежалъ той же фамиліи, и не было замѣтно снаружи въ немъ никакихъ перемѣнъ. Видно, что рогожцы народъ консервативный. Остановился я на углу Петровки и Кузнецкаго моста въ гостиницѣ Франція, содержимой въ то время знаменитымъ Морель—патріархомъ всѣхъ теперешнихъ содержателей оперетокъ, кафе-шантановъ и разныхъ увеселительныхъ садовъ.

Комнаты были доступной цѣны. Я платилъ за номеръ съ альковомъ для кровати—рубль. Обѣдъ стоилъ тоже рубль. Гостиница была первоклассная; въ настоящее время въ подобныхъ гостиницахъ такихъ цѣнъ не существуетъ. Переодѣвшись въ парадную форму, я отправился являться въ Комендантское правленіе.

Московскій комендантъ Генералъ - Лейтенантъ Кизмеръ былъ мой старый знакомый по Севастополю. Я немедленно былъ приглашенъ бывать у него, тѣмъ болѣе, что у насъ были общіе свойственники. Отъ коменданта я поѣхалъ на Поварскую къ крестному отцу моему и брату моего дѣда, у котораго былъ собственный домъ рядомъ съ церковью Симеона Столпника (теперь Грачева).

Дѣдъ былъ богатый Московскій баринъ, хлѣбосолъ, большой пріятель Графа Закревскаго, съ которымъ въ молодости служилъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ бытность Графа Министромъ.

Москва была полна пріѣзжими, и оживлена необыкновеннымъ суетнымъ движеніемъ на улицахъ. Всѣ готовились къ предстоящей коронаціи. Двойной комплектъ гвардейскихъ полковъ стоялъ лагеремъ на Ходынскомъ полѣ. Кромѣ дѣйствующихъ 12 полковъ, было 12 полковъ резервныхъ. Посрединѣ Ходынскаго поля устроена была огромная ротонда, въ которой давались танцовальные вечера.

Гвардейская кавалерія стояла частью въ Москвѣ, на многочисленныхъ въ то время постоялыхъ дворахъ, а частью въ окрестныхъ деревняхъ.

Московское общество проводило лѣто въ Москвѣ. Маменьки съ дочками ѣздили два раза въ недѣлю на танцовальные вечера въ Ходынскую ротонду, куда собиралась и гвардейская молодежь. Домъ Московскаго Генералъ-Губернатора былъ приготовленъ для жительства Великаго Князя Константина Николаевича. Графъ Закревскій жилъ въ домѣ Оберъ-Полицiймейстера. Оберъ-Полицiймейстеръ въ Сущевской части. Дочь графа Закревскаго—Графиня Л. А. Несельроде жила на дачѣ въ Петровскомъ паркѣ и ни на какіе выходы и балы не выѣзжала.

Въ Москвѣ всѣ стремленія, всѣ толки сводились къ одному—къ торжеству предстоящаго, въ скоромъ времени, священнаго коронованія.

* Чинъ коронаціи учрежденъ въ Россійскомъ Государствѣ со времени Великаго Князя Владиміра Всеволодовича, когда Греческій Царь Константинъ Мономахъ прислалъ этому Государю въ XII столѣтіи животворящій крестъ изъ животворящаго древа, царскій вѣнецъ на золотомъ блюдѣ, святыя бармы или ожерелье съ иконами для ношенія на раменахъ, цѣпь аравійскаго золота и сердоликовую крабицу Августа Цезаря Римскаго.

*) Коронаціонный альбомъ, изданный Министерствомъ Императорскаго Двора.

Съ того времени Великій Князь Владиміръ Всеволодовичъ и нарекается Мономахомъ.

При перенесеніи престола въ Москву, чинъ этотъ и совершается въ ней въ Успенскомъ соборѣ.

Сохранилось описаніе торжествъ коронованій Великаго Князя Дмитрія Іоанновича (внука Іоанна III), Царя Іоанна Грознаго, Ѳеодора Іоанновича, Бориса Годунова, Василія Шуйскаго, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаиловича и Ѳеодора Алексѣевича. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, по примѣру Греческихъ Императоровъ, первый пріобщился въ св. Алтарѣ, какъ церковнослужители или первые христіане, особо отъ тѣла и особо отъ крови Христовой. Онъ былъ послѣднимъ изъ Россійскихъ Государей, вѣнчавшихся Мономаховыми регаліями.

Для общаго коронованія Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей изготовлены были новые одинаковые кресты, короны, бармы, скипетры и державы. Петръ I первый изъ царей торжественно короновалъ свою супругу Екатерину I.

При коронованіи Императора Петра II въ первый разъ вынесены были въ числѣ регалій государственное знамя, мечъ и печать, а съ Императорскою мантіею алмазная цѣпь ордена Св. Андрея Первозваннаго. При коронованіи Императрицы Анны Іоанновны въ первый разъ раздавались знатнымъ особамъ золотыя и серебряныя медали, вычеканенныя по случаю этого событія; обычай этотъ удержался до днесь.

Коронація Императрицы Елисаветы была торжественна; особо замѣчателенъ былъ въѣздъ Императрицы изъ с. Всесвятскаго, кортежъ заключался изъ 34 парадныхъ каретъ; нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ до сихъ поръ. Такимъ же торжествомъ отличалась Коронація Императрицы Екатерины II.

Императоръ Павелъ I имѣлъ въѣздъ изъ Петровскаго дворца, построеннаго его матерью. Короновался въ далматики, съ нимъ же короновалась Императрица Марія Ѳеодоровна.

Императоръ Александръ I короновался въ военномъ мундирѣ, съ нимъ же короновалась Императрица Елисавета Алексѣевна.

Коронація Императора Николая I отличалась тѣмъ, что Его Величество возсѣдалъ не на персидскомъ тронѣ, а на алмазномъ тронѣ Царя Алексѣя Михаиловича, а Императрица Александра Ѳеодоровна на золотомъ тронѣ Царя Михаила Ѳеодоровича. Мѵропомазаніе совершалось изъ драгоцѣнной крабицы Августа Цезаря Римскаго. Государь прикладывался ко кресту, осѣнявшему грудь Петра Великаго во время Полтавской битвы.

Вотъ данныя, на основаніи которыхъ было устроено торжественное коронованіе Императора Александра II.

Для устройства чина коронованія и предстоящихъ празднествъ учреждена была коммиссія подъ наблюденіемъ Министра Двора Графа Владиміра Ѳеодоровича Адлерберга. Въ званіе Верховнаго Маршала облеченъ былъ Д. Т. С. I-го класса Князь Сергѣй Михаиловичъ Голицынъ.

Пышность, сопровождавшая торжества ни въ какихъ странахъ, ни въ какія времена не бывалая. Воздвигнутый повелѣніемъ Императора Николая Кремлевскій дворецъ соединялъ въ себѣ древнія драгоцѣнныя святыни, вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ по своему устройству единственное въ мірѣ для предстоящихъ празднествъ помѣщеніе. На томъ мѣстѣ, гдѣ 760 лѣтъ тому назадъ поставлены первые великокняжескіе покои, гдѣ въ началѣ XVI столѣтія Великій Князь Василій Іоанновичъ соорудилъ золотыя и жилыя хоромы, сохраненныя въ первобытномъ видѣ, только обновленныя. Грановитая Палата, съ Краснымъ крыльцомъ, Святыя Сѣни, Тайникъ, Терема, Царицыны Палаты и вообще всѣ сокровища русской старины, собранныя въ оружейной палатѣ. Святыни церковныя и святыни историческія, служа основаніемъ Императорскому Кремлевскому дворцу, окружены новыми постройками, соотвѣтствующими расширенію Имперіи. Весь второй этажъ вновь возведенной постройки заключаетъ въ себѣ нѣсколько роскошныхъ залъ, получившихъ названіе въ память россійскихъ знаковъ отличія.

Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ состоялъ Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, Гражданскимъ Губернаторомъ былъ Генералъ-Маіоръ Синельниковъ.

Еще до пріѣзда Царской фамиліи разнесся слухъ, что Намѣстникомъ Кавказа назначается Генералъ-Адъютантъ Князь Барятинскій, любимый адъютантъ Государя, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ престола. Слухъ этотъ подтверждался еще тѣмъ, что войска, временно посланныя на Кавказъ во время Восточной войны оставлены были на Кавказѣ. Говорили, что система веденія кавказскихъ войнъ будетъ радикально измѣнена. Массой войсковыхъ силъ кавказскія независимыя племена будутъ раздавлены и на Кавказѣ водворится счастливая и спокойная идиллія. Московскія кумушки и бабушки засуетились, стараясь всѣми способами прикомандировать своихъ любимцевъ къ новому восходящему свѣтилѣ. Многимъ это и удалось.

Во время сбора войскъ на Ходынскомъ полѣ, для присутствія на коронаціонныхъ торжествахъ, Губернаторомъ Синельниковымъ былъ устроенъ павильонъ на Ходынскомъ полѣ, гдѣ молодежь собиралась танцовать два раза въ недѣлю. Я помню, что я пріѣхалъ туда въ первый разъ и былъ пораженъ красотой г-жи Дубельтъ, дочери А. С. Пушкина, такъ выдѣлялась она изъ толпы своихъ сверстницъ.

Въ Москвѣ было два коменданта. Старшій генералъ-лейтенантъ И. И. Кизмеръ былъ только что переведенъ изъ Севастополя (гдѣ занималъ такую же должность). Онъ занималъ большую квартиру въ потѣшномъ дворцѣ въ Кремлѣ (бывшій домъ бояръ Милославскихъ), третій и четвертый этажъ дворца; но бывъ холостымъ, ему много было и третьяго этажа, гдѣ находилось 12 большихъ комнатъ; четвертый же этажъ былъ не меблированъ и оставался пустымъ.

Комендантское Правленіе, занимавшее второй этажъ, на время коронаціи, было перемѣщено за Москву рѣку въ домъ Ильинскаго, гдѣ теперь Маріинское женское училище. Для скорѣйшаго сообщенія Кремля съ Комендантскимъ Правленіемъ, былъ сдѣланъ временный деревянный мостъ черезъ рѣку. Въ помѣщеніи Комендантскаго Правленія въ Кремлѣ была устроена квартира дежурнаго Генерала, Генералъ - Адъютанта Катенина. Второй комендантъ въ

Первая коронація дома Романовыхъ.
Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

Москвѣ былъ Генералъ-Маіоръ Баронъ Саморуго. Государыня Императрица Марія Александровна во время представленія заинтересовалась оригинальностью фамиліи Барона и спросила, откуда происходитъ его родъ. Баронъ отвѣтилъ Ея Величеству, что родъ его происхожденія итальянскаго. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Московскій Комендантъ Генералъ Кизмеръ предложилъ мнѣ занять при немъ должность плацъ-адъютанта, освободившуюся за переходомъ плацъ-адъютанта Золотарева адъютантомъ къ Графу Закревскому. Тотчасъ написано было требованіе въ полкъ о высылкѣ моего формулярнаго списка и доложено Графу Закревскому, по полученіи согласія котораго я считалъ себя почти уже опредѣленнымъ на мѣсто. Часто судьба, или случай разрушаетъ почти оконченное зданіе.

Вслѣдъ за пріѣздомъ Двора въ Москву, Министръ Двора Графъ Владиміръ Федоровичъ Адлербергъ, обозрѣвая что-то въ Кремлѣ, былъ недоволенъ распоряженіями Маіора—отъ воротъ полковника Ильина, и выразилъ ему свое неудовольствіе въ рѣзкой формѣ. Впослѣдствіи оказалось, что Ильинъ былъ совершенно правъ. Графъ извинился передъ нимъ, сказавъ: «я виноватъ, проси у меня что хочешь». Полковникъ Ильинъ просилъ, чтобы Графъ Владиміръ Федоровичъ ходатайствовалъ у Графа Закревскаго о назначеніи сына его Петра Ивановича на имѣющуюся вакансію Плацъ-Адъютанта. Графъ Адлербергъ согласился и письмо къ Графу Закревскому было отправлено. Въ письмѣ Графъ упомянулъ, что назначеніе Ильина Графъ принимаетъ за личное себѣ одолженіе.

На другой день Закревскій потребовалъ меня къ себѣ,—показалъ письмо и сказалъ, что при всемъ желаніи исполнить обѣщаніе, мнѣ данное, онъ не можетъ идти противъ желанія Графа Адлерберга. Графъ обѣщался хлопотать о переводѣ меня въ одинъ изъ полковъ 3-й Гвардейской Дивизіи, которая по окончаніи Коронаціонныхъ празднествъ остается въ Москвѣ для занятія карауловъ.

Бывъ частнымъ образомъ прикомандированъ къ ордонансъ-гаузу для изученія службы, я долженъ былъ удалиться въ отпускъ, продолженный мнѣ Корпуснымъ Коман-

диромъ Липранди. Но телескопъ перевернулся и показалъ новые виды.

На вечерѣ у Коменданта Кизмера, въ числѣ приглашенныхъ гостей находился Государственный Секретарь Владиміръ Ивановичъ Будковъ. Я игралъ въ ералашъ въ дамской партіи. Владиміръ Ивановичъ Будковъ сидѣлъ около нашего стола и сыпалъ каламбуры и экспромты не великопостнаго пошиба. Дамы смѣялись—одинъ я сидѣлъ угрюмый. Послѣ одного каламбура Будковъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „отчего я набрасываю тѣнь на окружающія меня звѣзды?“ Одна изъ красавицъ передала ему случившееся со мной обстоятельство и при окончаніи прибавила: „Вотъ Вы умный человѣкъ, пособили бы ему“. А какая будетъ мнѣ награда? сказалъ Будковъ. „Я васъ поцѣлую“, былъ отвѣтъ. Руку при свидѣтеляхъ, отвѣтилъ Будковъ. Всѣ посмѣялись и конечно приняли за шутку, позабыли разговоръ. Спустя нѣсколько дней былъ объявленъ Высочайшій приказъ: „Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ I въ 1814 году приказать изволилъ: чтобы на должности плацъ-адъютантовъ назначались офицеры изъ числа раненыхъ, между тѣмъ усматривается, что приказъ этотъ не исполняется. Почему Государю Императору угодно было подтвердить, чтобы должности эти замѣщались ранеными офицерами. Когда представленіе Ильина достигло Главнаго Штаба, его вернули Графу Закревскому съ отказомъ. Я былъ вновь представленъ и утвержденъ въ должности. Графу Адлербергу послали отъ Закревскаго извинительное письмо въ невозможности исполнить его просьбу. Все это сдѣлалъ Владиміръ Ивановичъ, благодаря своей необычайной памяти вспомнилъ существованіе стараго приказа и напомнилъ о немъ Военному Министру Сухозонету.

* Уже въ концѣ іюля начали прибывать иностранные Принцы и окредитованные послы. Прибыло восемь принцевъ крови и 138 членовъ дипломатическаго корпуса.

Войскъ гвардіи и гренадеръ сосредоточено было въ Москвѣ до 80 тысячъ.

---

* Коронаціонный Альбомъ.

Оффиціальныя церемоніи начались съ прибытіемъ изъ С.-Петербурга Императорскихъ регалій. Августа 11-го и 12-го прибыли въ Москву Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини: Елена Павловна и Екатерина Михаиловна съ супругомъ, Принцъ Ольденбургскій съ супругой и дѣтьми. Августа 13 прибыла вдовствующая Императрица Александра Θеодоровна, пожелавшая присутствовать на коронаціи. Государынѣ сопутствовала Великая княгиня Марія Павловна—вдова Великаго Герцога Саксенъ-Веймарскаго, Великій Князь Николай Николаевичъ съ супругою Александрою Петровною.

Государь Императоръ прибылъ 14 августа въ 10 часовъ 25 мин. вечера на станцію Химки вмѣстѣ съ Государыней Императрицей Маріей Александровной, въ сопровожденіи наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, Великихъ Князей Александра, Владиміра, Алексѣя Александровичей, Великой Княжны Маріи Александровны, Великаго Князя Константина Николаевича, Великой Княгини Александры Іосифовны съ Августѣйшими ихъ дѣтьми и Великой Княгини Маріи Николаевны.

Въ Химкахъ была первая встрѣча, и отъ станціи экипажи направились по вновь устроенному шоссе до Петровскаго дворца. Путь освѣщался иллюминаціей. Весь путь до Петровскаго дворца былъ занятъ несмѣтною толпою. Дорожный экипажъ Государя остановился у воротъ дворца. Государь вышелъ изъ кареты, встрѣченный Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ Графомъ Закревскимъ и другими властями; отвѣтивъ на ихъ привѣтствіе, Государь поздоровался съ почетнымъ карауломъ отъ Преображенскаго полка и взошелъ во дворецъ, гдѣ прослушалъ краткое молебствіе, снова вышелъ на крыльцо, принялъ ординарцевъ и, сказавъ нѣсколько словъ присутствующимъ властямъ, удалился на покой.

15 и 16 августа Государь осматривалъ войска, собранныя на Ходынскомъ полѣ и подъ Москвою.

Торжественный въѣздъ въ столицу былъ назначенъ 17 августа въ три часа дня.

Въ 12 часовъ начали строиться на предназначенныхъ мѣстахъ—кавалерія вдоль шоссе, за городомъ, пѣхота—по улицамъ.

Большинство домовъ на Тверской было украшено флагами, коврами, цвѣтами и гирляндами. Члены дипломатическаго корпуса помѣщались въ роскошномъ домѣ Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго (теперь Елисѣева), гдѣ хозяева угощали ихъ роскошнымъ завтракомъ. Высшее общество Москвы наполняло трибуны Англійскаго клуба, нарочно устроенныя на дворѣ зданія. У тріумфальныхъ воротъ, на площади старыхъ Тріумфальныхъ воротъ, при пересѣченіи Садовой съ Тверской, на Страстной площади, у Воскресенскихъ и Спасскихъ воротъ выстроены были галлереи въ древне-русскомъ стилѣ, все это сплошь было переполнено публикой.

Послѣ 9 выстрѣловъ изъ орудій, поставленныхъ на разводной площадкѣ Кремля, загудѣли всѣ колокола церквей. Затѣмъ тронулось шествіе изъ Петровскаго дворца. Шествіе открывалъ Полиціймейстеръ и 12 жандармовъ. Затѣмъ ѣхали войска, дворяне, депутаты азіатскихъ народовъ. За ними Государевъ дворъ, лакеи и егеря.

За ними въ открытомъ фаэтонѣ въ 6 лошадей ѣхали два церемоніймейстера съ жезлами. Потомъ ѣхалъ оберъ-церемоніймейстеръ съ жезломъ, украшеннымъ знаменитымъ изумрудомъ. Далѣе слѣдовалъ церемоніймейстеръ и 25 камеръ-юнкеровъ верхами, за ними церемоніймейстеръ и 11 камергеровъ.

Слѣдующіе номера составляли четырехмѣстныя кареты, въ которыхъ ѣхали вторые чины двора, за ними первые чины двора, далѣе слѣдовали Члены Государственнаго Совѣта. Потомъ Оберъ-Гофмейстеръ Графъ А. П. Шуваловъ, лейбъ-эскадронъ Кавалергардовъ. За нимъ Государь Императоръ въ лентѣ ордена св. Андрея Первозваннаго. Подалъ ѣхали Великіе Князья: Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, Александръ Александровичъ, Константинъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ. Князь Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій Николай Максимиліановичъ, Принцъ Петръ Ольденбургскій,

Его Высокогерческое Высочество Герцогъ Мекленбургъ-Стрѣлецкій и иностранные гости, Министръ Двора и свита Государя. Ея Императорское Величество Государыня Александра Θеодоровна въ золотой каретѣ временъ Императрицы Екатерины II, запряженной 8-ю гнѣдыми лошадьми съ сидящими на ременахъ пажами, окруженная придворными служителями и казаками, въ сопровожденіи Генералъ-Адъютанта верхомъ. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Александровна съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ въ каретѣ, подаренной въ 1746 году Королемъ Прусскимъ Фридрихомъ Великимъ Емператрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Карета окружена такъ же, какъ у Императрицы Александры Θеодоровны. Ихъ Императорскія Высочества Государыни Великія Княгини Марія Павловна и Александра Іосифовна. Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини Елена Павловна и Марія Николаевна. Лейбъ эскадронъ кирасирскаго полка заключалъ великолѣпный отдѣлъ каретъ. Статс дамы, камеръ-фрейлины, гофмейстерины и фрейлины въ четверомѣстныхъ каретахъ.

При вступленіи въ столицу произведенъ 71 выстрѣлъ. Генералъ Губернаторъ послѣ встрѣчи присоединился къ свитѣ. Въ земляномъ городѣ встрѣтила дума. Въ бѣломъ городѣ—дворянство. У Воскресенскихъ воротъ Губернаторъ, гдѣ Государь сошелъ съ коня и совмѣстно съ обѣими Императрицами, выслушавъ краткое молитвословіе, приложился къ иконѣ. У Спасскихъ воротъ встрѣтилъ Государя Комендантъ. У Успенскаго Собора Сенатъ. Въ придверіи Собора Ихъ Величества на паперти были встрѣчены Св. Синодомъ. Въ Соборѣ ожидали знатныя особы обоего пола. Когда Государь вступилъ въ Соборъ, то сдѣлано было 85 пушечныхъ выстрѣловъ. При вступленіи Государя во Дворецъ послѣ посѣщенія Соборовъ, Государь, встрѣченный Маршаломъ священнаго Коронованія Княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ Голицынымъ, прошелъ въ покои, причемъ было сдѣлано 101 пушечныхъ выстрѣловъ. Ослѣпительныя позолотою экипажи, блескъ мундировъ, украшеніе домовъ, лошадей и вообще все шествіе, при блескѣ солнечныхъ

лучей было необычайно и народъ оглашалъ воздухъ привѣтственными кликами.

18 августа Государь присутствовалъ на парадѣ Преображенскаго полка, затѣмъ былъ въ Оружейной Палатѣ, при прибивкѣ новаго Государственнаго знамени взамѣнъ ветхаго стараго. Въ 5 час. пополудни Государыня Императрица Александра Θеодоровна отбыла на свою дачу Александрію, а Государь Императоръ съ семействомъ въ Останкино, принадлежащее графу Шереметеву, гдѣ Государь пробылъ до 25 числа. Государь тамъ говѣлъ и причастился Святыхъ Таинъ. Ежедневно отъ Московскаго коменданта посылался рапортъ Государю съ плацъ-Адъютантомъ. Государь не тревожилъ старика Кизмера дальними поѣздками.

Старинный дворецъ Села Останкина къ пріѣзду Государя былъ заново реставрированъ и могъ служить достойнымъ пребыванія въ немъ Державнаго вождя русскаго Государства.

*25 августа въ четвертомъ часу Императорскія регаліи перенесены изъ Оружейной палаты въ Андреевскую залу при обычномъ церемоніалѣ. Большая Императорская корона сдѣлана при Императорѣ Павлѣ I и цѣнится болѣе 3 милліоновъ руб. Кромѣ брилліантовъ въ ней вставленъ рядъ рѣдкихъ жемчуговъ и огромный рубинъ, купленный при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Малая корона Императрицы цѣнится въ 15 тысячъ. Въ скипетрѣ вставленъ брилліантъ, пріобрѣтенный при Императрицѣ Екатеринѣ II, считающійся однимъ изъ первыхъ въ мірѣ.

Съ 25 числа происходило ежедневное торжественное объявленіе народу о священномъ коронованіи, для чего ежедневно назначались три Генералъ-Адъютанта, два коронаціонныхъ Оберъ-Церемоніймейстера, два Сенатскихъ секретаря, всѣ верхами, при нихъ два эскадрона—одинъ Кавалергардскаго, а другой отъ Лейбъ-гвардіи коннаго полка съ трубачами. При нихъ служители 12 заводныхъ лошадей въ статс ливреяхъ.

Отрядъ раздѣлялся на двое и каждый шествовалъ по назначеннымъ ему мѣстамъ. Иностранные послы и посланники были извѣщены о днѣ коронаціи двумя церемоніймейстерами.

*) Коронаціонный Альбомъ.

Древній Успенскій Соборъ, построенный Великимъ Княземъ Іоанномъ III, былъ украшенъ роскошнѣйшимъ балдахиномъ изъ малиноваго бархата, съ коронами на верху его. Подъ балдахиномъ стоялъ тронъ. На особомъ возвышеніи посреди амвона были поставлены для Его Императорскаго Величества престолъ Царя Іоанна III, а для Государыни Императрицы Маріи Александровны престолъ Царя Михаила Θеодоровича. По лѣвую сторону былъ приготовленъ столъ для Императорскихъ регалій. Вправо возвышалось особое Императорское мѣсто для Государыни Императрицы Александры Θеодоровны. Подъ балдахиномъ поставленъ былъ престолъ Царя Алексѣя Михайловича для Императрицы Александры Θеодоровны. Мѣста для присутствующихъ въ соборѣ во время священнаго коронованія были богато украшены золотыми бахромами и кистями. У стѣнъ внутри собора были приготовлены мѣста для иностранныхъ пословъ, посланниковъ, придворныхъ дамъ и другихъ особъ.

Грановитая Палата, гдѣ по окончаніи церковной церемоніи былъ торжественный столъ, тоже была заново украшена.

Дипломатическій корпусъ собрался у французскаго посла Герцога Морни, въ квартирѣ его близъ Страстнаго Монастыря, откуда предшествуемый жандармскимъ эскортомъ прибыли къ 9 часамъ въ Успенскій Соборъ и размѣстились въ предназначенныхъ имъ мѣстахъ.

Синодальные члены находились въ Соборѣ, облаченные въ новыя ризы, нарочно для того изготовленныя. Представители другихъ христіанскихъ исповѣданій тоже находились въ соборѣ.

Четыре кавалергардскихъ офицера заняли мѣста на ступеняхъ амвона и тогда началось молебствіе.

На пути въ Успенскій Соборъ были разставлены, начиная отъ трона Андреевской залы, Дворцовые гренадеры, кавалергарды и лейбъ-гвардія коннаго полка.

Прочія войска имѣли, пѣхота по одной ротѣ, а кавалерія по одному пѣшему взводу внѣ дворца, въ самомъ же

дворцѣ стояли по одному взводу: кавалергардовъ, лейбъ-гвардіи коннаго полка въ Георгіевской залѣ и по одному взводу отъ 4-хъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ во Владимірской залѣ и взводъ лейбъ-кирасирскаго полка въ Святыхъ Сѣняхъ.

Первымъ былъ вынесенъ на красное крыльцо балдахинъ, подъ которымъ должна была шествовать въ Успенскій Соборъ Императрица Александра Ѳеодоровна. Ея Императорское Величество шествовала, имѣя ассистентами двоихъ своихъ сыновей Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича. Балдахинъ несли 8 Дѣйствительныхъ Статскихъ Совѣтниковъ, а шнуры отъ штанговъ поддерживали 8 Тайныхъ Совѣтниковъ.

Когда Императрица заняла приготовленное для нея мѣсто, то на красное крыльцо вынесенъ былъ 32 штабъ-офицерами балдахинъ, приготовленный для Государя Императора и Государыни Императрицы. Балдахинъ изъ золотой парчи, украшенный страусовыми перьями приняли 32 Генералъ-Адъютанта. Верховный учредитель доложилъ, что все готово; тогда Государь, выйдя изъ внутреннихъ покоевъ прибылъ въ тронную залу, возсѣлъ тамъ на тронъ, послѣ чего по сигналу трубача началось торжественное шествіе.

1. Взводъ кавалергардовъ.
2. 24 пажа и 24 камеръ-пажа.
3. Два церемоніймейстера.
4. Волостныя Головы.
5. Головы купечества.
6. Представители иностраннаго купечества.
7. Городская Дума.

Затѣмъ представители всѣхъ отдѣльныхъ учрежденій.
Губернскіе Предводители Дворянства.
Сенаторы и Члены Государственнаго Совѣта.
Церемоніймейстеры.
Верховный Церемоніймейстеръ.
Два герольда въ уборѣ.
Императорскія регаліи.
Взводъ Кавалергардовъ.
Гофъ-маршалъ.

Графъ Закревскій

Московскій Генералъ-Губернаторъ Генералъ-Адъютантъ
Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій.

Оберъ - Гофъ - Маршалъ

Верховный Маршалъ Князь С. М. Голицынъ.

Его Императорское Величество, имѣя по сторонамъ Великаго Князя Константина Николаевича и Его Императорское Высочество принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, а позади Министровъ Императорскаго Двора и Военнаго и дежурство, въ лентѣ Св. Владиміра и цѣпи св. Андрея Первозваннаго.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Александровна, имѣя ассистентами Ихъ Великогерцогскихъ Высочествъ Принца Александра Гессенскаго и Герцога Георга Мекленбургъ-Стрѣлецкаго. Государыня была въ лентѣ Св. Екатерины. За ней шли статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины.

Взводъ кавалергардовъ.

Россійское дворянство, Мануфактуристы, Именитое купечество и взводъ кавалергардовъ.

Священное Коронованіе произошло въ Успенскомъ Соборѣ, по окончаніи котораго на Императрицу Марію Александровну кромѣ короны возложенъ былъ знакъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

Изъ Собора шествіе направилось по устроенному помосту въ Архангельскій, а потомъ въ Благовѣщенскій соборы, откуда Государь прослѣдовалъ по соединительной площадкѣ на Красное крыльцо, откуда троекратно кланялся народу и возвратился во внутренніе покои. Въ 3 часа былъ торжественный столъ.

Дипломатическій корпусъ не былъ приглашенъ къ обѣду, но былъ до него угощаемъ завтракомъ въ золотой палатѣ.

Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Иллюминація повторилась 27 и 30 августа. Наградъ была масса; болѣе всѣхъ былъ награжденъ герцогъ Морни, который въ теченіе мѣсяца удостоился быть награжденнымъ знаками орденовъ св. Александра Невскаго, св. Владиміра и св. Андрея Первозваннаго. Облегчены повинности и прощены недоимки до 600 рублей.

На другой день послѣ коронаціи приносили поздравленія въ Андреевской залѣ. Всѣхъ блюдъ было поднесено 81; изъ

нихъ золотыхъ 10, серебряныхъ 61 и 10 различнаго достоинства. Въ тотъ же вечеръ былъ балъ въ грановитой палатѣ. 28-го былъ прiемъ гражданскихъ чиновъ, а 29-го дамъ первыхъ 6-ти классовъ. 30-го былъ большой выходъ къ обѣднѣ у Спаса за золотой рѣшеткой, а вечеромъ торжественный спектакль во вновь отдѣланномъ послѣ пожара 1853 года Большомъ театрѣ. Спектакль состоялъ изъ оперы «l'Elezire d'amore и балета «Маркитантка», были устроены великолѣпные буфеты во всѣхъ коридорахъ и фойе.

31 августа былъ обѣдъ въ грановитой палатѣ для высшихъ властей. 1-го сентября въ Александровской залѣ, для Губернскихъ Предводителей Дворянства, Городскихъ головъ и представителей ирегулярныхъ войскъ. 2 сентября былъ балъ въ Александровскомъ залѣ. Ужинъ въ Георгiевскомъ. 3-го были маневры. 4-го сентября былъ обѣдъ отъ Московскаго купечества въ городскомъ манежѣ близъ Кремля, а вечеромъ балъ у князя С. М. Голицына. 6 сентября посламъ въ Георгiевской залѣ, 8 сентября народный праздникъ на 672 столахъ на Ходынскомъ полѣ. 9 сентября большой маскарадъ во дворцѣ, гдѣ было 8000 приглашенныхъ дворянства и купечества. 10 балъ въ Благородномъ Собранiи. 11 балъ у англiйскаго посла, 13 обѣдъ предводителямъ дворянства. 15 балъ у австрiйскаго посла, 16 балъ у французскаго посла и обѣдъ купечеству во дворцѣ. 17 фейерверкъ противъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ назначенный день коронацiи, ясная и теплая погода обѣщала превосходный полуосеннiй день. Кремль съ утра наполнился народомъ. Государь съ Августѣйшимъ семействомъ переѣхалъ въ Кремлевскiй дворецъ наканунѣ коронацiи. Разводная площадка была запружена народомъ; внутри соборной площадки, на устроенныя на ней эстрады пускали только по выданнымъ прежде билетамъ. Первымъ былъ вынесенъ балдахинъ вдовствующей Императрицы Александры Θеодоровны, въ которомъ она тотчасъ же и прослѣдовала въ Успенскiй Соборъ. Вскорѣ вынесенъ былъ балдахинъ для Государя и Государыни, несомый Генералъ-Адъютантами, подъ которымъ Ихъ Величества и прослѣдовали въ Соборъ.

Восторгъ народа, при видѣ Ихъ былъ неописуемъ, особенно, когда по совершенiи уже коронацiоннаго Таинства Ихъ Величества возвращались изъ Собора въ коронахъ, а Императрица въ возложенной на нее при коронацiи лентѣ ордена Св. Андрея Первозваннаго.

Долго, даже послѣ торжественнаго обѣда въ Грановитой Палатѣ, когда всѣ удалились изъ дворца, разводная площадка была переполнена народомъ, выражавшимъ свою радость безчисленными криками ура.

Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ. Блисталъ своими огнями и старый Кремль. Съѣздъ въ Москву Дворянства былъ огромный. Тогда еще не обѣднѣвшее дворянство стремилось выказать вѣрноподданическiя чувства своему Государю. Всѣ стремились разными способами попасть па торжества, балы и смотры, на первые два—это было довольно трудно, не имѣлось такихъ обширныхъ помѣщенiй, которыя могли бы удовлетворить просьбы желающихъ.

Петербургская знать была полностью въ Москвѣ, и имѣя ходы въ администрацiи и придворныхъ сферахъ, удовлетворялась первая.

Дороговизна въ Москвѣ чувствовалась всѣми, особенно вздорожали наемъ экипажей и лошадей. До коронацiонныхъ торжествъ наемъ кареты на день стоилъ въ Москвѣ 4 рубля, въ дни коронацiи менѣе 20 рублей было немыслимо имѣть экипажъ и то не изъ лучшихъ. За квартиры брали въ коронацiонный мѣсяцъ стоимость ея въ другое время въ годъ, конечно онѣ должны были быть меблированы и снабжены посудой и бѣльемъ для постелей.

Во время коронацiи Императора Александра II я пробылъ въ Москвѣ, и хотя не офицiально, но пользовался правами будущей моей должности, а болѣе состоялъ при дамской половинѣ семейства коменданта. Во время торжественнаго въѣзда я сидѣлъ у Страстного монастыря на площади, въ домѣ бывшемъ тогда Оберъ-Полицiймейстера Тимашева-Берингъ, а потомъ барона Шеппингъ; теперь проданъ Базыкину. При солнечной ясной погодѣ видъ на кортежъ, на просторной площади, восхитителенъ. Всѣ говорили о пе-

обыкновенномъ выѣздѣ французскаго посланника графа Морни и замѣчательныхъ бриллiантахъ Австрiйскаго посла графа Эстергази. Придворные экипажи и лошади были на подборъ; особенно обратила мое вниманiе запряжка цвѣта Изабеллы, необыкновеннымъ своимъ колоритомъ. Государь на другой же день по въѣздѣ уѣхалъ жить въ с. Останкино, имѣнiе графа Шереметева, гдѣ говѣлъ. Французскiй посолъ графъ Морни нанялъ два смежныхъ дома противъ Страстного монастыря—домъ Римско-Корсаковой (теперь 7 гимназiя) и домъ Рахманова (теперь Живаго), оба дома были соединенны проломомъ въ соединяющихъ ихъ стѣнахъ. Говорили, что первое время, графъ былъ у ногъ своей хозяйки Римско-Корсаковой, но увидавъ впослѣдствiи княжну Трубецкую, перемѣнилъ маневръ и началъ ухаживать за послѣдней, на которой впослѣдствiи и женился. Говорили много про эксцентрическiя выходки Корсаковой, но онѣ не подѣйствовали на влюбленнаго графа. Эстергази занялъ на Пречистенкѣ домъ Толмачева (теперь Домовладѣльческаго Общества) и кромѣ найма за помѣщенiе въ домѣ, заплатилъ 15 тысячъ за право срубить деревья сада предъ домомъ. На этомъ мѣстѣ выстроена была палатка, въ которой ужинали во время бала. Англiйскiй посолъ лордъ Гренвиль нанялъ домъ графини Грацiани (теперь Морозова) тоже на Пречистенкѣ, немного подалѣе. Балъ его замѣчателенъ былъ тѣмъ, что за ужиномъ подали вареные раки, съ непрiятнымъ запахомъ, на что выпущено было много остротъ и каламбуровъ. Самый блестящiй балъ былъ у Морни, особенно были замѣчательны вина за ужиномъ. Но все это ничего не стоило оборотливому французу. Графъ, по праву посла ввезъ въ Россiю безпошлинно, такое огромное количество вина, что продажа остатковъ его, покрыла всѣ его коронацiонные расходы. Въѣздъ Государя былъ изъ Петровскаго дворца. Впереди каретъ Императрицъ ѣхали на сѣрыхъ лошадяхъ камеръ-юнкера и камергеры попарно. Лошади были доставлены изъ Кiева и Варшавы подъ начальствомъ жандармскаго полковника Трепова. Лошади были до того хорошо выѣзжаны, что исполняли сами устную команду Полковника, который шелъ между лошадьми посрединѣ дороги и

просилъ только одного, чтобы сидѣли смирно и не дергали понапрасно поводовъ. Всѣ покорились его просьбѣ, за исключенiемъ камеръ-юнкера Иванова. бывшаго впослѣдствiи помощникомъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. Ивановъ пожелалъ непремѣнно ѣхать на своемъ превосходномъ пародерѣ и какъ полковникъ ни отговаривалъ его, онъ остался непреклоненъ. Поѣздъ тронулся отъ дворца въ ясное тихое утро; все шло благополучно, передніе ряды достигли Трiумфальныхъ воротъ, когда Государь показался изъ дворца, грянулъ залпъ орудiй, стоявшихъ на Ходынскомъ полѣ. Лошадь г-на Иванова взвилась на дыбы,—ѣздокъ не удержался. Блеснули въ воздухѣ бѣлыя ножки, золотой мундиръ и Ивановъ свалился въ ровъ. Крики: «держи лошадь» раздались по линiи, лошадь вскорѣ была задержана и все пришло въ порядокъ, только парный камеръ-юнкеръ В. А. Дашковъ, долженъ былъ продолжать путь въ одиночествѣ. Присутствовалъ я также на куртагѣ въ Кремлевскомъ дворцѣ. Народный праздникъ не удался: съ утра погода была ненастная, шелъ дождь и когда, передъ прiѣздомъ на праздникъ Государя Императора, начали пробовать не замокла ли веревка и хорошо ли поднимается флагъ Императорскаго павильона, то народъ принялъ это за начало праздника, кинулся на столы и вмигъ все было расхищено. Когда я только что выѣхалъ за Тверскую заставу за часъ до начала праздника, то встрѣтилъ уже толпу, возвращающаго народа. Дождь понемногу усиливался и наконецъ обратился въ ливень. Когда Государь прiѣхалъ въ павильонъ то отъ праздника ничего не осталось, только жалкiе разрушенные остатки исправно поливалъ дождь. Въ циркѣ въ мокрыхъ трико скакали наѣздники и кривлялись клоуны. Государь скоро уѣхалъ.—за нимъ тотчасъ же начала разъѣжаться публика. Разъѣздъ былъ безпорядоченъ, экипажи ѣхали чуть не въ шесть рядовъ, а у заставы такъ скопились, что всѣ кареты остановились. Я ѣхалъ въ открытыхъ дрожкахъ и везъ съ собою правоведа Кобылинскаго. Дрожки остановились между двухъ каретъ, движенiя впередъ никакого. Дождь все усиливался. Изъ одной кареты вы-

шелъ Адъютантъ и спросилъ меня, какъ фамилія правовѣда. Оказалось въ каретѣ сидѣлъ Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, начальникъ училища. Мой правовѣдъ страшно испугался, но благодаря Бога, все обошлось благополучно. Военный парадъ былъ великолѣпенъ. Парады 1883 и 1896 сравнительно миніатюрны. Фейерверкъ, устроеный въ Лефортовѣ, противъ Кадетскихъ корпусовъ также не удался. Была тихая безвѣтренная и сырая погода. Дымъ отъ первыхъ ракетъ не уносило въ сторону и онъ такъ сгущался, что съ половины мы слышали только громъ и трескъ взрывовъ и въ туманѣ какіе-то огненные языки. Эффекта никакого. Фейерверкомъ окончилось празднество и начался разъѣздъ Императорской фамиліи и приглашенныхъ гостей. Тогда началась посланническая торговля. Чрезвычайные послы привезли винъ и другихъ товаровъ безпошлинно въ Москву для своего употребленія. Навезено было столько, что въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ все это распродавалось. Болѣе всѣхъ торговалъ графъ Морни. Во время коронаціи пріѣзжала въ Москву графиня Раппъ, дочь знаменитаго генерала Наполеона I, который защищалъ и не сдавалъ Данцига, несмотря на паденіе и плѣненіе Императора. Говорили, что графиня Раппъ была замужемъ, но разсталась съ мужемъ и носила свою дѣвичью фамилію. Графиня пріѣхала съ сыномъ мальчикомъ 12—14 лѣтъ, при немъ гувернеръ и нѣсколько человѣкъ мужской и женской прислуги. Наняла графиня въ Гагаринскомъ переулкѣ большой домъ Костіевской въ 15 комнатъ и расположилась тамъ большой барыней. Наняла карету, лошадей и ѣздила по всѣмъ посламъ и знати. Графиня хлопотала получить аудіенцію у Государя и очень волновалась, что Морни не оказывалъ ей никакого содѣйствія. Она разсказывала, что искала содѣйствія Государя на полученіе ею большой суммы денегъ, слѣдующихъ ей за заслуги отца. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось сопутствовать ей къ нашимъ Министрамъ Иностранныхъ Дѣлъ и Императорскаго двора, графу Адлербергу. Но кажется всѣ ея хлопоты не увѣнчались успѣхомъ. Уѣзжая во Францію, графиня приглашала меня посѣтить ее

въ Парижѣ гдѣ у нея былъ отель въ С. Жерменскомъ предмѣстьѣ. Когда я пріѣхалъ въ 1861 году въ Парижъ, то ея отель былъ проданъ, и она жила, хотя въ хорошей квартирѣ, но въ третьемъ или четвертомъ этажѣ и жаловалась, что Наполеоновское правительство разорило ее процессомъ, несмотря на заступничество русскаго правительства. Вообще вся эта исторія была какая-то странная, и всѣ ея рѣчи недосказанныя.

Графъ Закревскій, жившій во время коронаціи въ домѣ Оберъ-Полиціймейстера, по выѣздѣ изъ Генералъ-Губернаторскаго дома Великаго Князя Константина Николаевича, переѣхалъ въ свою квартиру. Берингъ изъ Сущевскаго частнаго дома въ домъ Оберъ-Полиціймейстера. Москва понемногу успокоивалась. Въ день коронаціи, сопровождая высокопоставленныхъ дамъ, я сидѣлъ въ комендантскихъ мѣстахъ, между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ Соборами, такъ что выходъ съ краснаго крыльца и прослѣдованіе въ Успенскій соборъ было мнѣ хорошо видно. Надъ Императрицей Александрой Ѳеодоровной несли балдахинъ именитые Московскіе дворяне, въ числѣ которыхъ былъ и мой дѣдъ.

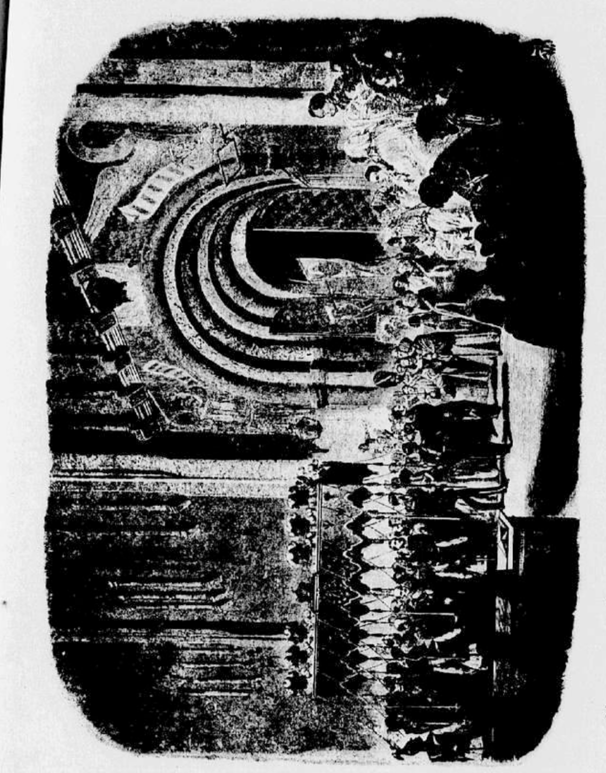
ГЛАВА II.

Мое утвержденіе въ должности плацъ-адъютанта.—Обязанности моей новой должности.—Генералъ Кизмеръ.—Баронъ Саморуго.—Независимость офицеровъ отъ полицейскихъ чиновъ.—Похороны отставного Генералъ-маіора Нарышкина.—Балы въ Московскомъ обществѣ.—Дома: Князя Львова, Рюминыхъ, Графини Паниной, Головинъ Никитскій, Головинъ Покровскій, Графъ Закревскій, Воейковы, Оболенскіе, Оболенская, Кудашева и другіе.—Балъ у Храповицкихъ.—Утренній балъ въ собраніи.

Въ декабрѣ 1856 года вступилъ я въ исправленіе моей должности. Служба плацъ-адъютанта въ Москвѣ была не трудная. По штату полагалось 12 плацъ-адъютантовъ при комендантѣ, но ихъ было 11; должность одного плацъ-адъютанта была превращена въ должность второго коменданта,

которую занималъ генералъ - маіоръ баронъ Саморуго. Утреннія занятія были не продолжительны, затѣмъ въ комендантскомъ управленіи оставался одинъ дежурный адъютантъ. Другой назначался дежурнымъ по городу, и долженъ былъ сидѣть дома, на случай пожара въ городѣ или другого экстреннаго происшествія, куда онъ обязательно долженъ былъ немедленно являться. Остальные адъютанты распредѣлялись такъ: по одному должны были присутствовать въ Большомъ и Маломъ театрахъ. Если въ Благородномъ Собраніи былъ балъ или концертъ, то туда тоже назначался дежурнымъ адъютантъ. Такое же было дежурство и въ другихъ клубахъ, если тамъ назначалось общественное увеселеніе. По распоряженію Государя Императора Николая I, такъ высоко ставившаго воинское званіе, никакая полицейская власть не имѣла никакого права, не только арестовать, но даже удалить или сдѣлать замѣчаніе офицеру, чѣмъ нибудь нарушившему общественныя правила. О всякомъ проступкѣ офицера тотчасъ полиціей докладывалось дежурному плацъ - адъютанту и послѣднимъ дѣлалось соотвѣтствующее распоряженіе. Да иначе и быть не могло. Полиція въ большинствѣ случаевъ состояла изъ служебныхъ отбросовъ, которые не только тайно, но даже явно брали взятки, не стѣсняясь ни общественнымъ мнѣніемъ, ни тысячью глазъ, смотрящихъ на это беззаконіе. Офицеръ ни въ какомъ отношеніи не былъ подчиненъ наружной полиціи, которая могла только донести комендантскому управленію о сдѣланномъ имъ нарушеніи. Плацъ-адъютантъ даже и въ день свободный отъ служебныхъ занятій, имѣлъ безплатный входъ во всѣ театры и увеселительныя мѣста. Старики - адъютанты старались избѣгать нарядовъ въ маскарады, мѣняясь съ молодежью и брали на себя дежурство въ Комендантскомъ управленіи или дежурство по городу. Кизмеръ любилъ бывать въ хорошемъ обществѣ высшаго круга, и если почему нибудь не могъ посѣтить бала или раута, то требовалъ, чтобы я утромъ до выѣзда его изъ дома сообщалъ ему выдающіяся событія вчерашняго бала.

Въ старину въ Кремлѣ, въ домѣ бояръ Милославскихъ,

Митрополитъ Филаретъ произноситъ рѣчь Императору Александру II, когда Онъ приблизился къ паперти Успенскаго Собора.

Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

отца первой супруги Царя Алексѣя Михайловича, переименованнаго приИмператорѣ Петрѣ I въ потѣшный дворецъ помѣщалось Московское Комендантское управленіе, квартира 1-го Московскаго коменданта, и Военно Окружной Судъ. Состоя адъютантомъ при комендантѣ генералъ лейтенантѣ Иванѣ Ивановичѣ Кизмеръ, мнѣ было хорошо извѣстно обстоятельство жизни этого учрежденія, которое и прилагаю тутъ.

По кончинѣ перваго московскаго коменданта генералъ-лейтенанта Дебанъ-Скоротецкаго, въ 1855 году, на занимаемое имъ мѣсто Государемъ Императоромъ Александромъ II былъ назначенъ въ Москву севастопольскій комендантъ генералъ - лейтенантъ Иванъ Ивановичъ Кизмеръ, выдержавшій на своемъ прежнемъ посту первую часть осады города Севастополя.

Иванъ Ивановичъ Кизмеръ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ въ 1802 г. въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ. Во время назначенія его московскимъ комендантомъ онъ былъ сѣдовласымъ старцемъ, средняго роста, тучнаго тѣлосложенія. Генералъ Кизмеръ никогда женатъ не былъ; проведя всю свою жизнь холостымъ, любилъ разсказывать про веселые годы своей молодости. Разсказывая про первый пріѣздъ свой въ Москву въ 1802 году, когда онъ остановился въ первопрестольной у какихъ-то своихъ родственниковъ, онъ повѣствовалъ про веселую жизнь въ Москвѣ молодыхъ пріѣзжихъ петербургскихъ офицеровъ того времени. Жизнь въ тогдашней Москвѣ почти ничего ему не стоила. Ежедневные званные обѣды и вечера поглощали все время. Единственный расходъ, который онъ производилъ на себя, была наемная коляска парой; но она стоила ему всего 2 рубля ассигнаціями въ день. Подъ старость онъ любилъ окружать себя веселою женскою молодежью. На вечерахъ его въ обширной комендантской квартирѣ было постоянно пѣніе и музыка.

Особенно увлекала всѣхъ своею красотой и голосомъ княгиня Мещерская. Онъ также былъ не прочь посѣщать вечера, устраиваемые для веселящейся молодежи. Графиня Лидія Арсеньевна Нессельроде, дочь тогдашняго генералъ-

губернатора графа Закревскаго, прозвала его вѣтреною блондинкой, намекая этимъ на совершенно бѣлую и густую его шевелюру. Кизмеръ терпѣть не могъ, тогда кто-нибудь называлъ его Иваномъ Ивановичемъ, и выдавалъ себя за истаго русскаго, хотя по вѣроисповѣданію былъ лютераниномъ. Кизмеръ былъ аккуратенъ въ своихъ дѣлахъ, какъ истый нѣмецъ, и не любилъ, когда кто нибудь, даже за глаза, говорилъ, что онъ нѣмецъ. Самъ же любилъ, когда ему разсказывали анекдотъ про его предшественника Дебанъ-Скоротецкаго, фамилію котораго никакъ не могли запомнить солдаты. Коменданту донесли, что солдаты коверкаютъ ее на свой ладъ. На инспекторскомъ смотру онъ спросилъ солдата: кто комендантъ Москвы? Бравый служака, вытянувшись въ струнку, безъ запинки отвѣтилъ: «Демонъ-Замоскворѣцкій, ваше превосходительство!» Для легкости обученія такъ заставляли ефрейтора заучать новобранцевъ мудреное прозвище генерала, чтобъ удержать его въ солдатской памяти. «Самъ ты чортъ»,—отвѣтилъ комендантъ и молча покончилъ смотръ.

Весь настоящій потѣшный дворецъ, то-есть бывшій домъ бояръ Милославскихъ, родителей первой супруги царя Алексѣя Михайловича, былъ занятъ комендантомъ и его канцеляріей. Въ нижнемъ этажѣ была квартира аудитора. Антресоли занимало комендантское управленіе. Третій, а также четвертый этажи предназначались для квартиры коменданта.

Кизмеръ занималъ только третій этажъ, въ которомъ было около 15 комнатъ, четвертый же этажъ стоялъ пустымъ со смерти коменданта генерала Сталя, у котораго была большая семья, едва умѣщавшаяся въ двухъ этажахъ. Познакомился я съ Кизмеромъ еще въ Севастополѣ, когда, по должности ординарца адмирала Истомина, сдавалъ ему знамена на храненіе отъ войскъ, помѣщавшихся въ передовыхъ траншеяхъ крѣпости, но коротко сошелся съ нимъ по возвращеніи моемъ изъ Севастополя. Его родственница вышла замужъ за моего родственника, Прокоповича-Антонскаго, и потому въ Москвѣ я былъ принятъ имъ какъ свой человѣкъ. Комендантъ предложилъ мнѣ поступить къ нему

адъютантомъ. Пока шла переписка, я находился больше при многочисленной фалангѣ его родственницъ, остановившихся у него по случаю пріѣзда на коронацію Императора Александра II, и обязанъ былъ сопровождать ихъ на всѣ торжества коронаціи. Вторымъ комендантомъ Москвы былъ въ это время баронъ Саморуго, попавшій въ комендантское управленіе изъ карабинернаго полка въ Москвѣ, расположеннаго въ то время въ Крутицкихъ и Красныхъ казармахъ. Во время коронаціонныхъ торжествъ 1856 года, когда представляли Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ второго коменданта, то фамилія его такъ поразила Императрицу, что она тутъ же спросила его какой онъ національности по происхожденію. «Я итальянецъ», отвѣтилъ баронъ Саморуго.

Ежедневно, къ 11 часамъ утра, Кизмеръ въ коляскѣ отправлялся въ генералъ-губернаторскій домъ съ рапортомъ, откуда возвращался въ первомъ часу и совершалъ обычную свою прогулку по Александровскому саду, затѣмъ возвращался домой для обычныхъ занятій и оффиціальныхъ выѣздовъ. Обѣдалъ комендантъ ровно въ 4 часа. Кромѣ родственниковъ его изъ семейства Костіевскихъ и меня, его адъютанта, къ обѣду къ нему никто не приглашался. Послѣ обѣда—часовой сонъ въ креслѣ, а въ 7 часовъ—поѣздка куда-нибудь на музыкальный или карточный вечеръ. Въ театръ комендантъ ѣздилъ не часто, хотя имѣлъ въ обоихъ театрахъ въ первомъ ряду даровыя кресла.

Поступилъ я адъютантомъ къ Кизмеру послѣ службы моей на Кавказѣ и на Малаховомъ курганѣ въ Севастополѣ, гдѣ требовалось дѣло, а не китайскія церемоніи и потому я плохо или, вѣрнѣе сказать, почти вовсе не зналъ гарнизонной службы. Въ первый разъ когда мнѣ пришлось ѣхать съ комендантомъ въ его коляскѣ, я, разговаривая съ нимъ, машинально приложилъ руку къ козырьку каски, увидавъ вытянувшагося въ струнку и остановившагося передъ нами солдата. «Что вы дѣлаете!» вдругъ услышалъ я окрикъ моего генерала. Не понявъ причины его возгласа, я въ недоумѣніи, прервавъ мою рѣчь, обратилъ взоръ мой на взволнованное лицо генерала, недоумѣ-

вая, чѣмъ бы могъ я провиниться въ почтительной рѣчи, обращенной мною къ моему принципалу.

«При старшихъ младшій не можетъ отвѣчать на поклонъ», объявилъ мнѣ мой начальникъ. Многолѣтняя гарнизонная служба генерала, выработала въ немъ службиста старыхъ временъ, не мирившагося даже съ гуманною вѣжливостью къ подчиненному, несмотря на безконечную его доброту.

Когда у него вечеромъ не было никого постороннихъ и онъ не ѣхалъ въ гости, я и старая знакомая его, генеральша Костіевская, съ присоединеніемъ четвертаго лица, составляли его партію въ ералашъ. Игра была копеечная, но генералъ горячился за своею партіей, особенно когда ему приходилось быть партнеромъ г-жи Костіевской, изъ-за чего происходили комическія сцены, при которыхъ нужно было имѣть много силы воли, чтобы не разсмѣяться въ лицо начальству.

Генералъ Кизмеръ вышелъ въ отставку (это былъ первый примѣръ въ Москвѣ, когда комендантъ не окончилъ своей жизни на служебномъ посту), защищая своего подчиненнаго. Стоялъ при немъ по письменной части плацъ-адъютантъ, полковникъ Лынскій. Лынскій арестовалъ въ купеческомъ собраніи графа Г. за ношеніе военной формы въ бытность графа уже въ отставкѣ. Во время пути отъ купеческаго собранія въ комендантское управленіе графъ упросилъ Лынскаго заѣхать въ ресторанъ поужинать, на что Лынскій изъявилъ согласіе. По окончаніи веселаго ужина Лынскій самовольно отпустилъ графа Г. домой. Кто-то донесъ генералъ-губернатору Тучкову объ этомъ, и когда Кизмеръ явился на другой день съ рапортомъ, то получилъ сильный нагоняй отъ Тучкова. Защищая Лынскаго, онъ возразилъ Тучкову, что онъ получилъ не вѣрныя свѣдѣнія, такъ какъ онъ знаетъ хорошо своего адъютанта, не способнаго на такой поступокъ. Результатъ ихъ объясненій былъ тотъ, что Кизмеръ, обидѣвшись, подалъ въ отставку и былъ уволенъ съ награжденіемъ чиномъ генерала отъ-кавалеріи. Оставивъ должность коменданта, онъ жилъ недолго и занималъ нѣсколько компатъ

у бывшаго своего субалтернъ-офицера, тогда генералъ-лейтенанта Николая Александровича Бутурлина, домъ котораго былъ на Арбатѣ и въ послѣднее время принадлежалъ купцу Собашникову.

Иванъ Ивановичъ Кизмеръ похороненъ на лютеранскомъ кладбищѣ, что на Введенскихъ горахъ.

На мѣсто Кизмера Московскимъ комендантомъ былъ назначенъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ Петръ Петровичъ Корниловъ. Новаго коменданта я зналъ еще въ сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, когда я ходилъ изъ корпуса въ праздничные дни въ отпускъ къ родственнику его бывшему Тамбовскому губернатору, а потомъ сенатору Александру Алексѣевичу Корнилову, женатому на графинѣ Софьѣ Дмитріевнѣ Толстой. Какъ теперь помню пріѣздъ Петра Петровича къ Александру Алексѣевичу въ первый день пасхи отъ заутрени зимняго дворца, тотчасъ по производствѣ его въ генералъ-маіоры, и разсказъ его о неудобствѣ лосинныхъ принадлежностей, которые присущи были въ то время генеральской формѣ. Петръ Петровичъ имѣлъ большую семью и большая квартира Московскаго коменданта была весьма ему кстати.

Послѣ кончины его осталась большая семья, заботы о которой принялъ на себя братъ его, членъ государственнаго совѣта Федоръ Петровичъ Корниловъ.

На мѣсто П. П. Корнилова назначены Московскимъ комендантомъ генералъ отъ инфантеріи Фридериксъ.

Въ январѣ 1857 года, возвратясь поздно съ какого-то бала, я нашелъ у себя приказъ Московскаго коменданта Кизмера присутствовать въ 10 часовъ слѣдующаго утра на похоронахъ отставного генеръ-маіора Кирилла Михайловича Нарышкина. Генералъ Нарышкинъ въ то время, хотя не состоялъ на дѣйствительной службѣ, но имѣя офицерскій Георгіевскій крестъ, по воинскому уставу имѣлъ право при погребеніи на воинскія почести. На слѣдующій день къ назначенному времени, я былъ уже въ домѣ Нарышкина, находящемся на Пречистенскомъ бульварѣ, между домомъ канцеляріи Попечителя Московскаго Учебнаго Округа и церковнымъ домомъ Ржевской церкви, теперь

Рябушинскаго. Передъ домомъ вдоль бульвара расположился Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, расположенный въ то время въ Москвѣ для занятія карауловъ столицы. Семья Нарышкиныхъ происходя отъ общаго корня семьи Царицы Натальи Кирилловны, была уважаемая въ Москвѣ. Покойный генералъ имѣлъ трехъ сыновей.

Старшій—Михаилъ—флигель - адъютантъ Александра II, былъ женатъ на извѣстной красавицѣ, фрейлинѣ Великой Княгини Елены Павловны, Штрадманъ. Михаилъ Кирилловичъ былъ впослѣдствіи Казанскимъ Губернаторомъ, а сынъ его состоитъ въ настоящее время Совѣтникомъ нашего посольства въ Парижѣ. Затѣмъ другой сынъ его Александръ воспитанникъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ былъ женатъ на Нейдгардъ. Третій сынъ Николай — воспитанникъ Пажескаго корпуса, былъ женатъ на Софьѣ Дмитріевнѣ Селезневой, утонулъ въ мельничномъ прудѣ во время переѣзда его въ бродъ на взбѣсившейся лошади. Дочь генерала была замужемъ за полковникомъ Аверкіевымъ, старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій графа Закревскаго.

Вся московская чиновная знать присутствовала при отпѣваніи, во главѣ съ Генералъ-Губернаторомъ. Послѣ отпѣванія гробъ повезли для погребенія въ Донской Монастырь; Литовскій полкъ послѣдовалъ за кортежемъ. Когда тѣло было предано землѣ и сдѣланъ установленный залпъ изъ оружія, то солдатамъ роздана была чарка водки, пироги и еще что-то. Офицеры были приглашены къ завтраку въ трапезную монастыря. Послѣ завтрака всѣмъ офицерамъ розданы были золотыя кольца съ вырѣзанною надписью имени, отчества и фамиліи покойнаго и дата дня его кончины. Это былъ единственный случай, при обрядѣ котораго мнѣ пришлось присутствовать. Говорятъ, что обычай этотъ соблюдался встарину многими богатыми магнатами, но теперь вышелъ изъ употребленія.

Домъ Нарышкиныхъ былъ проданъ наслѣдниками купцу Колесову за тридцать тысячъ рублей. Имъ проданъ купцу Некрасову за девяносто тысячъ, а теперь его купилъ

де-Біонкуръ, что-то, около 200 тысячъ. Такъ поднялась цѣнность домовъ въ Москвѣ.

Положеніе дома замѣчательно красиво на высокомъ берегу Пречистенскаго бульвара и ручья Чертолья. Въ двухъ шагахъ отъ Храма Христа Спасителя и его сада, парадными окнами домъ выходитъ на солнечную сторону. Встарину при Нарышкиныхъ парадная лѣстница вела съ подъѣзда двора, теперь же входъ устроенъ съ улицы.

Москва въ зиму 1856 — 1857 г. веселилась. Ежедневно были гдѣ-нибудь концертъ или танцовальный вечеръ. Крымская война обогатила многихъ; урожай былъ хорошій, цѣна на хлѣбъ возвышенная. Притомъ, при крѣпостномъ правѣ прислуга, лошади и провизія были свои. Вечеринки стоили весьма мало денегъ, да и угощеніе было проще настоящаго Между тѣмъ веселья было много. Много гвардейскихъ офицеровъ, имѣвшихъ родныхъ въ Москвѣ, взяли по окончаніи войны продолжительные отпуска и проживали въ Бѣлокаменной. Москва не могла пожаловаться на недостатокъ кавалеровъ. Были дома, гдѣ были назначены еженедѣльные танцовальные вечера.

Приливъ денегъ въ помѣщичьи руки, возвращеніе молодежи изъ арміи, расположеніе части гвардейскаго корпуса для караульной службы въ Москвѣ,—все это способствовало увеличенію здѣсь количества вечеровъ и баловъ. Въ зиму 1856—1857 и въ слѣдующую 1857—1858 года количество танцовальныхъ вечеровъ было такъ велико, что молодежь веселилась чуть не ежедневно. Кавалерамъ приходилось, начавъ свой вечеръ гдѣ-нибудь на Покровкѣ, вслѣдствіе массы приглашеній кончить его на Арбатѣ или Пречистенкѣ. Эти вечера устраивались совершенно патріархально. Съѣзжались обыкновенно между 9 и 10 часами вечера. Никакихъ буфетовъ не устраивалось. Въ началѣ вечера разносили только чай съ печеньями, затѣмъ конфеты, фрукты, мороженое и прохладительные—оршадъ и лимонадъ. Болѣе до ужина ничего не подавалось. Ужинъ обыкновенно изъ трехъ блюдъ—рыбы, мяса и пирожнаго. Послѣ жаркого подавали по бокалу шампанскаго, и гости, потанцовавъ немного послѣ ужина, разъѣзжались.

Не то теперь! Прежній танцовальный вечеръ на 70 или 100 человѣкъ обходился отъ 150 до 200 рублей. Теперь нельзя обернуться 3000 и 5000 руб. Во-первыхъ, заведено устраивать непремѣнно буфетъ съ глыбами льда и замороженнымъ шампанскимъ, которое и молодежь и старики истребляютъ съ начала до конца вечера. При котильонѣ необходимы игрушечныя побрякушки и декадентскіе ордена, на которые выходитъ масса денегъ. За ужиномъ принято устилать скатерть живыми цвѣтами, за недостаткомъ и дороговизною которыхъ въ Москвѣ выписываютъ ихъ изъ Ниццы. Всѣ эти накладные безполезные расходы дѣлаютъ то, что количество такихъ вечеровъ въ нашемъ обществѣ сильно сократилось. Только биржевики, бумагопрядильщики и сахарозаводчики могутъ теперь удивлять публику своими безумными тратами. Въ старину, когда шампанское продавалось 3 рубля бутылка, его подавали только за ужиномъ, а теперь, когда цѣна его болѣе чѣмъ удвоилась, его пьютъ не переставая въ теченіе всей ночи, какъ будто для этого и пріѣхали на вечеръ. Всѣ жалуются на скуку, но виноваты въ ней сами, примѣшивая къ увеселеніямъ такую большую долю тщеславія. Изъ тщеславія выписываются хоры музыки за 600 верстъ и платятъ вмѣсто 300 рублей 1500 р., только чтобы сказали, что за нее заплачена такая сумма. Изъ тщеславія заказываютъ ужинъ въ «Эрмитажѣ», платя за него баснословныя цѣны. Между тѣмъ какъ въ доброе старое время ужины готовили свои повара изъ привезенной своей деревенской провизіи. Во время танцевъ прохлаждались водицами, и все это обходилось дешево и было веселѣе. Зато и вечера бывали почти ежедневно. Туалеты барышень были проще и почти всегда безъ кричащихъ нынѣшнихъ отдѣлокъ. Только маменьки, одѣтыя въ тяжелыя бархатныя и шелковыя платья, обвѣшивали себя всѣми имѣвшимися у нихъ драгоцѣнностями и чинно сидѣли у стѣнокъ зала, какъ бы показывая женихамъ будущее наслѣдство ихъ дочекъ. Но если платья маменекъ шились изъ дорогого и плотнаго матеріала, зато и носились Богъ знаетъ сколько, почти безъ всякихъ перемѣнъ. Патріархальность пропала теперь: всѣ старанія

Государыни Императрицы Александра Θеодоровна и Марія Александровна. Великія Княгини Марія Николаевна и Александра Іосифовна на публичномъ маскарадѣ 9-го Сентября въ Кремлевскомъ дворцѣ, устроенномъ на 8000 человѣкъ.

Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Имп раторскаго Двора.

устремлены на выказываніе «капитала», а внѣ роскошныхъ праздниковъ хозяева домовъ ходятъ въ своихъ комнатахъ въ одиночествѣ, экономіей возмѣщая произведенныя траты.

Въ семействѣ князя Львова на Никитской танцовали по средамъ, у Рюминыхъ на Воздвиженкѣ по четвергамъ, у графа Закревскаго по пятницамъ, у князя Михаила Андреевича Оболенскаго по средамъ, у Николая Гавриловича Головина по понедѣльникамъ. Были вечера у Паниныхъ, Воейковыхъ, Оболонской, княгини Кудашевой и другихъ въ разные дни. Были балы у Храповицкихъ на Тверскомъ бульварѣ и одинъ весьма торжественный въ началѣ 1858 года. Главное, что общество было дружно и, пріѣзжая на балъ или вечеръ, вездѣ встрѣчали своихъ хорошихъ знакомыхъ и были какъ дома. Не надо было, танцуя съ какой нибудь барышней, выдумывать разговоры, у всѣхъ было много общихъ интересовъ, и всякій болѣе или менѣе зналъ не только семью своей дамы, но и окружающихъ ее родныхъ до десятаго колѣна. Пріѣзжая въ театръ, онъ былъ окруженъ ложами, наполненными своими знакомыми, такъ что въ антрактахъ не могъ даже обойти всѣхъ. Не такъ, какъ теперь, когда бываешь радъ, если встрѣтишь одно и два знакомыхъ лица, а остальная публика выплыла съ Рогожской и Таганки, какъ тараканы изъ щелей.

Зима прошла весело и наконецъ наступилъ послѣдній зимній утренній балъ въ дворянскомъ собраніи въ субботу на масляницѣ въ февралѣ 1857 года. Балъ этотъ былъ пробный шаръ молодыхъ весталокъ. Всѣ барышни, предназначенныя къ выѣздамъ въ слѣдующую зиму, появлялись на этомъ балу. Свѣжая молодежь, не измученная еще безсонными бальными ночами, привлекала массу мужчинъ любоваться разцвѣтающею молодою жизнью. Балы эти посѣщались всѣмъ московскимъ обществомъ и были многолюдны. Я танцовалъ мазурку на этомъ балу съ Софіей Дмитріевной Селезневой, впослѣдствіи вышедшей замужъ за Нарышкина, а по кончинѣ его за Хомякова. Балъ остался въ моей памяти еще тѣмъ, что едва не стоилъ мнѣ жизни Выходя на подъѣздъ, я былъ остановленъ одной моей знакомой барышней, жаловавшейся, что она не можетъ до-

биться своей кареты. Я тотчасъ же отправился отыскивать ея экипажъ. Разгоряченный, въ холодныхъ мелкихъ галошахъ, я долго бродилъ по колѣно въ снѣгу. Въ то время снѣгъ съ улицъ почти не свозили. Была оттепель и мокрый снѣгъ забрался мнѣ въ галоши. Съ бала я долженъ былъ ѣхать на обѣдъ, гдѣ и сидѣлъ въ сырыхъ сапогахъ. Меня знобило, но я не обратилъ вниманія. Въ десятомъ часу пріѣхалъ я домой, чтобы переодѣться и ѣхать на танцовальный вечеръ. Но далѣе дома не поѣхалъ: головная боль, свинцомъ налитая голова и сильный жаръ въ ногахъ заставили меня слечь въ постель. На утро я никого не узналъ. У меня открылся тифъ, продержавшій меня въ постели до Святой недѣли. Только теплая погода выгнала меня на чистый воздухъ изъ душной квартиры. Не могу тутъ не вспомнить доктора Минкевича, одного изъ ассистентовъ Иноземцева, лѣчившаго меня и ухаживающаго за мной, какъ за роднымъ. Тѣмъ болѣе, что въ то время я не имѣлъ большихъ средствъ и во время болѣзни ничего ему не платилъ, такъ что онъ не зналъ, чѣмъ будетъ вознагражденъ впослѣдствіи. Это была плеяда докторовъ, не похожихъ на нынѣшнихъ эскулаповъ, вывѣшивающихъ у себя въ передней жидовскую плату, требуемую ими впередъ гешефта.

Во време главенствованія графа Закревскаго Москва освѣщалась простыми масляными фонарями съ четырьмя крестообразно помѣщенными фитилями, издававшими болѣе копоти, чѣмъ свѣта. Освѣщеніе производилось отъ Московскаго брандъ-маіора, пожарными служителями, часто не зажигавшими нѣкоторые фонари, чтобы остатки конопляннаго масла съѣдать съ гречневой кашей. Къ утру большинство фонарей едва мигало отъ недостатка масла. Графъ Закревскій часто посылалъ состоявшихъ при немъ чиновниковъ провѣрять въ дальнихъ улицахъ и переулкахъ, сколько было незажженныхъ фонарей и на утро пенялъ о томъ Берингу. А все таки жилось въ Москвѣ отраднѣй теперешняго вѣка электричества. На душѣ было отраднѣй и свѣжей и люди были душевны и неэгоистичны. Когда завелись въ Москвѣ первые спиртовые фонари, то желая сохранить спиртъ въ лампахъ для горѣнія, а не для желуд-

ковъ пожарныхъ, къ нему примѣшивали какую-то зловонную жидкость, по теперешнему денатурализировали. Оберъ-Полиціймейстеръ Берингъ, желая испытать, могутъ ли пить эту смѣсь пожарные служителя, велѣлъ позвать одного изъ нихъ и, подавая ему рюмку, спросилъ: можетъ ли онъ выпить эту смѣсь? Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ пожарный и тотчасъ же опрокинулъ рюмку въ ротъ.—«Ну, что каково? спросилъ Берингъ. Ничего, Ваше Превосходительство, крѣпконько, а пить можно, отвѣтилъ служака.

Вообразите себѣ изумленіе начальства.

Весна опять оживила меня и я скоро поправился. Ежедневныя поѣздки въ Петровскій паркъ, куда выѣзжало кататься все Московское фешенебельное общество, беззаботная жизнь, скоро возстановили мое здоровье. Въ іюнѣ Москва опустѣла: дѣдъ, въ домѣ котораго я жилъ, уѣхалъ заграницу лѣчиться въ Киссингенъ съ тѣмъ, чтобы провесть зиму въ Ниццѣ, и я остался жить одинъ въ большомъ домѣ на Поварской. Въ концѣ іюля я уѣхалъ изъ Москвы въ дерену къ роднымъ въ 28 дневный отпускъ.

Несмотря на усиленную охрану въ Московскомъ Кремлѣ и часовые караулы у всѣхъ выѣздныхъ воротъ Московской крѣпости въ зиму 1857 года случилось тутъ загадочное происшествіе. Украли одну изъ пушекъ, оставленныхъ намъ французскими войсками въ 1812 году, расположенныхъ на постаментѣ кремлевскаго арсенала.

Когда утромъ, при смѣнѣ караула, была обнаружена пропажа, то страхъ и тревога обуяла всѣхъ прикосновенныхъ къ надзору лицъ. Графъ Закревскій немедленно поднялъ на ноги весь составъ наружной и сыскной полиціи и пушка вскорѣ была найдена на Грачевкѣ въ подвалѣ мелочной лавочки, куда похитители успѣли ее сбыть. На ней виднѣлись ясные слѣды удара топора, которымъ старались её разсѣчь, чтобы впослѣдствіи расплавить куски.

Найденный виновникъ разсказалъ и способъ похищенія. Мѣдная пушка небольшого размѣра была свалена съ піедестала на салазки и прикрыта рогожами, чего зазѣвавшійся часовой не замѣтилъ. Когда салазки везли въ Тро-

ицкія ворота, то на вопросъ часовыхъ, «что везете», воры отвѣтили «свиную тушу», чѣмъ и удовлетворились стражи.

Пушка была водворена на прежнее свое жительство, гдѣ и пребываетъ доднесь.

ГЛАВА III.

Отъѣздъ дѣда за границу.—Жизнь въ Москвѣ. В. П. Крекшина.—Свиданіе Наполеона съ Государемъ въ Штутгардѣ. — Слухи о негласномъ комитетѣ, устроенномъ въ Петербургѣ.—Чернышевъ.—Анненковы.—Свадьба Логоновской.—Комиссія постройки Храма Христа Спасителя.

Когда дѣдъ весною 1857 года уѣхалъ за границу, то я остался въ домѣ нашемъ на Поварской въ одиночествѣ, ведя обычную жизнь тогдашней молодежи. Въ Москвѣ дѣдъ жилъ открыто, баловъ не давалъ, но зато у него были безпрестанные званые обѣды съ сенаторами. Постоянные посѣтители его были сенаторъ Мясоѣдовъ, Ахлестышевъ, Чертовъ, князь Лобановъ-Ростовскій, Лисовскій, Яхонтовъ, Толмачевъ, Николай Ивановичъ Трубецкой, князь Н. А. Щербатовъ, Чегодаевъ, комендантъ генералъ-лейтенантъ Кизмеръ, губернаторъ и другіе высокопоставленные лица. Все это были, въ большинствѣ случаевъ, люди, принесшіе заслуги отечеству на военномъ поприщѣ въ 1812, 49 и 55 годахъ. Не думаю, чтобы они были сильны въ знаніи юриспруденціи. Часто они подсмѣивались, послѣ сытнаго обѣда, другъ надъ другомъ и разсказывали про себя разные анекдоты изъ своей юридической практики.

Рядомъ съ домомъ дѣда былъ домъ вдовы генералъ-маіора Варвары Петровны Крекшиной, по первому мужу Пуколовой, рожденной Мордвиновой. Мать этой Крекшиной была простая калмычка Оренбургскихъ степей. Впослѣдствіи Мордвиновъ, женившись на ней, узаконилъ дочь и выдалъ ее замужъ за Пуколова, правителя дѣлъ Святѣйшаго Синода и любимца всемогущаго въ то время Графа Аракчеева, который оформилъ все для своей будущей жены. Варвара Петровна Крекшина (тогда еще Пуколова) играла большую роль въ Царствованіи Императора Александра I,

по близкимъ отношеніямъ своимъ съ знаменитымъ въ то время Аракчеевымъ. Я помню одинъ ея разсказъ. По окончаніи каждаго смотра или развода Аракчеевъ заѣзжалъ къ ней. Какъ балованная барыня, она лежала до 12 часовъ въ постели. Генералы, пріѣзжавшіе къ ней ждали ея выхода въ пріемной залѣ, а главное имъ хотѣлось показаться Аракчееву, когда онъ проходилъ въ будуаръ къ своей красавицѣ и уходилъ обратно отъ нея. Въ одинъ изъ дней посѣщенія ея Аракчеевымъ, она заспорила въ чемъ-то съ нимъ и держала пари à discrétion. Аракчеевъ проигралъ. Что же сдѣлала проказница. Она потребовала, чтобы Аракчеевъ вывезъ ее въ одной батистовой рубашкѣ на своихъ плечахъ въ залу собравшемуся генералитету, и верхомъ на плечахъ всесильнаго временщика объѣхала въ такомъ видѣ залъ. Аракчеевъ былъ такъ ею очарованъ, что исполнялъ ея прихоти. Мужъ ея Пуколовъ, бывъ правителемъ дѣлъ у Аракчеева, не мѣшалъ своей женѣ и тѣмъ устраивалъ свою карьеру. Но своенравная красавица влюбилась въ молодого гусара Крекшина, и хотя онъ посѣщалъ ее весьма скрытно, но Аракчеевъ узналъ про ихъ свиданія. Говорятъ даже, что онъ былъ предупрежденъ покойнымъ Государемъ Александромъ I. Пуколова жила на дачѣ. Ночью дача была окружена многочисленными секретами. Когда Крекшинъ шелъ къ ней ночной порой, то былъ схваченъ караульными и отведенъ на гаутвахту. На утро Крекшина везли уже на курьерской тройкѣ съ жандармомъ, какъ переведеннаго въ армейскій полкъ. Пуколова въ тотъ же день поскакала въ мѣсто ссылки Крекшина къ нему и впослѣдствіи по смерти перваго мужа вышла за него замужъ. Я засталъ Крекшину почту восьмидесятилѣтнею старухою, но еще бодрой и съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, который она поддерживала, обтираясь ежедневно квасцовой водой съ какой-то примѣсью, рецептъ которой она вывезла изъ Парижа отъ всесвѣтной красавицы M-elle Mars. Она въ то время, не видѣлась съ своими дѣтьми и внуками. Жизнь вела оригинальную. Madame le Normand предсказала ей, что она умретъ ночью въ постели. И вотъ Крекшина, желая по возможности отсрочить часъ своей

смерти, устроила оригинальный режимъ. Ложилась въ постель, когда вставало солнце, а поднималась съ нея, когда солнце садилось. Всю ночь играла въ карты въ старинный преферансъ,—другихъ игръ не признавала. Когда ей предлагали играть въ табельку, то всегда отвѣчала: — какая, батюшка, тамъ кобелька?—я кобелькой не занимаюсь. Ежедневно собирались къ ней партнеры и всѣ старались пріѣхать поранѣе, желая попасть за ея столъ; это былъ вѣрный выигрышъ. Барыня была весьма богатая, и нарочно проигрывала, ставя крупные ремизы, чтобы заинтересовать игроковъ и заставить ихъ играть до утра. Вѣ 8 часовъ подавали чай, въ первомъ часу ужинъ и потомъ подъ утро опять чай, послѣ котораго она ложилась спать, а оставшіеся гости разъѣзжались. Постояннымъ ея партнеромъ былъ секретарь Сената А. В. С.......ій; который рѣдкій вечеръ не бралъ съ нея пятидесяти или болѣе рублей. Онъ былъ очень внимателенъ къ старухѣ и забавлялъ ее разными штуками. Напримѣръ, изображалъ весьма похоже, какъ жужжитъ муха и при этомъ ловилъ ее. Жужжалъ у него и комаръ надъ ухомъ и прихлопывалъ онъ его довольно громко на своей головѣ. Когда не было за столомъ горячаго или интереснаго разговора, то старуха обращалась къ нему: Пожужжи Сима,—и Сима жужжалъ. Старуха хохотала и ставила ремизъ и Сима былъ въ восторгѣ. Остальные партнеры смѣнялись поочередно. Былъ у нее также интересный субъектъ—Бочичкаровъ, сынъ когда-то богатаго откупщика, но въ то время уже безъ всякихъ средствъ.. обязанность его была быть грѣлкой. Являлся онъ ежедневно толстый, рыхлый, облитый одеколономъ, въ вязаныхъ шерстяныхъ шарфахъ, точно замоскворѣцкая купчиха. Во время чая и ужина онъ сидѣлъ со всѣми гостями, но послѣ ужина долженъ былъ ложиться сверхъ одѣяла на постель Крекшиной и спать до того времени, когда она сама ложилась въ постель, тогда Бочичкаровъ будился и прогонялся, и старуха ложилась подъ одѣяло въ нагрѣтую Бочичкаровскимъ тѣломъ постель. Крекшина никогда не снимала съ себя атласной юбки, и въ ней спала. Говорили, что у ней въ юбкѣ зашиты билеты опекунскаго совѣта. Однимъ сло-

вомъ, эта была личность въ родѣ графини изъ Пиковой дамы. Въ концѣ зимы Крекшина примирилась съ своими внучатами и у ней появились въ домѣ два внука Платонъ и Валеріанъ Платоновичи, а потомъ пріѣхала изъ за границы и внучка Зинаида Платоновна, воспитывавшаяся въ Sacré Coeur и домъ ея началъ принимать болѣе семейный характеръ. Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей ея остались у меня въ памяти полковникъ Михаилъ Александровичъ Писаревъ, сынъ Варшавскаго Генералъ-Губернатора, родственникъ и чиновникъ особыхъ порученій графа Закревскаго, и адъютантъ графа капитанъ Дубельтъ; послѣдній жилъ у Крекшиной въ мезонинѣ, по дружбѣ Крекшиной къ дядѣ его знаменитому начальнику штаба корпуса жандармовъ генералу Дубельту. Писаревъ былъ женатъ на царевнѣ Грузинской и жилъ на Остоженкѣ въ собственномъ домѣ, гдѣ теперь высится домъ дѣтскихъ пріютовъ. Домъ этотъ былъ проданъ имъ за восемь тысячъ рублей, потому что не имѣлъ почти никакого фундамента и во многихъ частяхъ былъ выстроенъ изъ мелкаго лѣса, стояками; почему былъ ужасно холоденъ. Впослѣдствіи мнѣ пришлось, въ бытность мою членомъ совѣта Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ, натолкнуться на такое дѣло. Извѣстный устроитель благотворительныхъ дѣлъ Сафоновъ представилъ домъ этотъ въ совѣтъ, какъ пожертвованіе одного лица за извѣстную награду. Домъ былъ оцѣненъ имъ въ тридцать семь тысячъ. Долгу Московскаго Кредитнаго Общества было на немъ 27 тысячъ, а остальныя 10 тысячъ онъ жертвовалъ. Когда я возсталъ противъ такой оцѣнки, какъ лично учавствовавшій въ продажѣ этого дома за восемь тысячъ, то отъ Сафонова и его сторонниковъ долженъ былъ выдержать цѣлую бурю. Домъ былъ пріобрѣтенъ Совѣтомъ по настоянію Сафонова. Но когда хотѣли его передѣлывать, то оказалось, моя правда, домъ не имѣлъ основанія его сломали и выстроили новый. Кромѣ пожертвованныхъ 10 тысячъ Совѣтъ остался долженъ Кредитному Обществу 27 тысячъ за одно пустое мѣсто въ концѣ Остоженки. Но нѣтъ худа безъ добра. Г. Сафоновъ имѣлъ въ новомъ домѣ великолѣпную квартиру въ двухъ этажахъ, въ третьемъ

помѣщается пріютъ, а въ четвертыхъ мансардахъ спальня дѣтей пріюта.

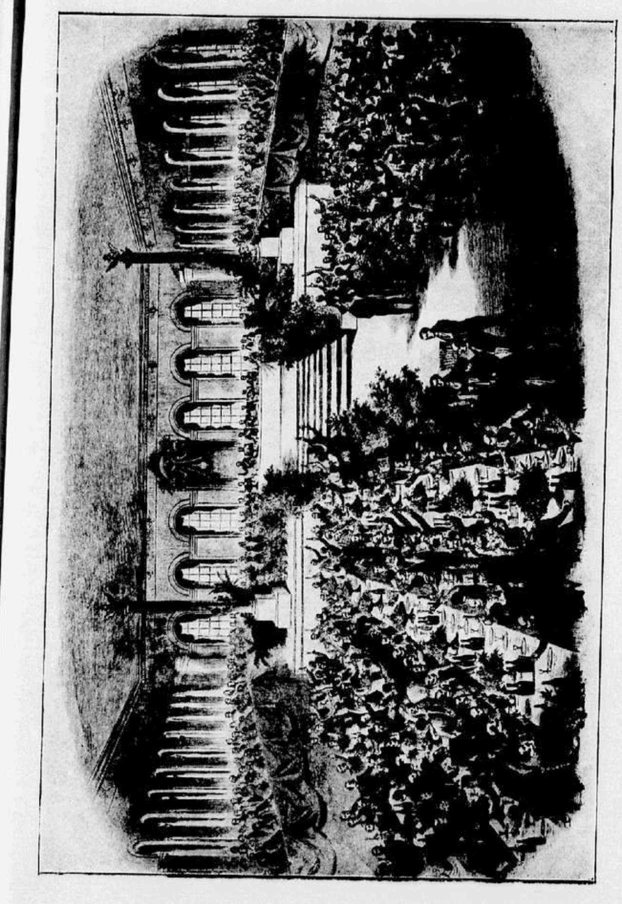
Толки москвичей о слухахъ, пущенныхъ изъ Петербургскихъ сферъ о составѣ негласнаго комитета, изыскивающаго способъ улучшенія быта крѣпостного сословія, были разнорѣчивы. Составъ перваго Комитета имѣлъ консервативное большинство. Во главѣ его стоялъ князь Орловъ, членами были Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Гр. Ланской, Министръ Двора графъ Адлербергъ, Министръ Финансовъ Брокъ, Государственныхъ Имуществъ Муравьевъ, Путей Сообщенія Чевкинъ. Начальникъ II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи графъ Блудовъ, шефъ жандармовъ князь Долгорукій, Членъ Государственнаго Совѣта баронъ Корфъ и генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ. Завѣдывающимъ дѣлами Комитета былъ Бутковъ. Всѣ надѣялись на старыхъ консерваторовъ, опасенія были только про Ланскаго и Ростовцева, которые по московскимъ слухамъ были ненавистниками дворянскаго сословія.

Все что дѣлалось въ Комитетѣ, хотя секретно, тотчасъ же передавалось графу Закревскому, отъ него зналъ мой дѣдъ, а частью и я.

Адресъ, который ожидали въ Петербургѣ отъ Московскаго дворянства не былъ поданъ потому, что сторонниковъ къ подачѣ его было весьма небольшое количество. Всѣ ждали новыхъ вѣстей изъ Петербурга. Говорили, что подобныя начинанія были въ царствованіе Императора Николая I въ юго-западномъ краѣ и въ балтійскихъ провинціяхъ при Александрѣ I, потому торопиться нечего, можетъ быть все ограничится одними разговорами.

Государь былъ въ Москвѣ проѣздомъ лѣтомъ 1857 года; я помню разводъ, который производилъ Государь на дворцовой площадкѣ въ Кремлѣ, гдѣ принималъ также конныхъ ординарцевъ отъ гусарскаго и уланскаго полковъ.

Въ сентябрѣ 1857 года въ Штутгардѣ стараніями короля Виртембергскаго устроено было свиданіе Императора Александра II съ Наполеономъ III. Свиданіе было давно подготовлено по желанію Наполеона III его уполномоченнымъ графомъ Морни.

Обѣдъ, предложенный отъ Московскаго купечества россійскому войску въ экзерциргаузѣ близъ Кремля 4 Сентября 1856 года.

Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

Герцогъ Морни, сумѣвшій очаровать своею кажущеюся преданностью Государя Императора и увѣреніемъ любви своей къ Россіи и ко всему русскому, женившись на княжнѣ Трубецкой, считался истиннымъ другомъ Россіи. Разговоры о вліяніи его на русскую политику, повторялись всѣми, такъ что новый министръ Иностранныхъ Дѣлъ князь Горчаковъ находился тоже подъ обаяніемъ чаръ герцога Морни.

12 сентября пріѣхалъ въ Штутгардъ Императоръ Александръ II, а 13 Наполеонъ III. Первое время все шло благопріятно и ожидали хорошихъ результатовъ отъ этой встрѣчи двухъ императоровъ, такъ что Валевскимъ и Горчаковымъ были заготовлены акты соглашенія о закрытіи Дарданелъ и устройства Дунайскихъ княжествъ. Но впослѣдніе часы пребыванія Государя, Наполеонъ, ободренный любезностью Александра II осмѣлился заговорить съ нимъ о Польшѣ. Разговоръ этотъ оскорбилъ Государя. Онъ тотчасъ прервалъ его, сказавъ, что никто болѣе его не желаетъ Польшѣ спокойствія и преуспѣнія, но что всякое чужеземное вмѣшательство можетъ только повредить исполненію его добрыхъ намѣреній, возбуждая въ полякахъ несбыточныя надежды. Едва Наполеонъ III вышелъ отъ Государя, то онъ обратясь, къ одному изъ лицъ свиты, сказалъ: «Со мною посмѣли заговорить о Польшѣ». Громко сказанныя слова скоро дошли до Москвы и возбудили въ гостиныхъ и клубахъ нескончаемые разговоры, весьма нелестные для Наполеона и французовъ. Много толковъ возбудилъ инцидентъ этотъ въ чернокнижной Англійскаго клуба, а оттуда по всѣмъ гостинымъ Москвы, начиная отъ кабинета графа Закревскаго до боковушки отставного ротмистра въ одномъ изъ переулковъ Старой Конюшенной. Достигшая въ Москву вѣсть объ адресѣ Виленскаго дворянства, подавшаго его вслѣдствіе старанія генералъ-губернатора Назимова, разразилось надъ Москвой подобно громовому удару.

Въ этомъ году двоюродный братъ графа Моркова устроилъ въ домѣ своей тетки графини Морковой залъ для домашнихъ любительскихъ спектаклей. Первымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ онъ самъ. Не признанный впослѣдствіи Гарикъ, завоевалъ сначала вниманіе общества. Въ то время,

для представленія драматическихъ спектаклей былъ только одинъ Малый Императорскій театръ, потому публика жадно накинулась на посѣщеніе Борисоглѣбскаго театра. Черны шовъ вообразилъ себя крупной величиною и выступилъ на подмосткахъ Императорскаго театра, гдѣ въ то время была образцовая труппа. Но Гарикъ Борисоглѣбскаго театра оказался пигмеемъ предъ трупой малаго театра и быстро скрылся въ провинціальную пучину. Устраивались театры у г-жи Купниковой (рожденной Засѣцкой) въ Конюшкахъ въ домѣ Посникова, но тамъ никакихъ Гариковъ не появлялось, а труппа держалась только благодаря любезности хозяйки и миловидной прелести нѣкоторыхъ дѣвицъ; особенно выдающимися изъ нихъ были сестры Анненковы. Старшая Софья была замѣчательная пѣвица, голосъ ея былъ бы выдающимися и на большой сценѣ. Другая сестра Надежда, стройная, и красивая, играла большую роль въ свѣтѣ. Выйдя замужъ за Акифьева, она впослѣдствіи развелась съ нимъ и вторично вышла замужъ за Его Императорское Высочество Герцога Николая Лейхтенбергскаго, отъ котораго имѣла двухъ сыновей. Квартира Анненковыхъ въ Колошиномъ переулкѣ, въ домѣ Бове, была ежедневно посѣщаема, по утрамъ молодежью. Масса вздыхателей являлась на поклоненіе красотѣ. Старшая сестра ихъ (бывшая фрейлина Великой Княгини Александры Іосифовны) жила въ чужихъ краяхъ, пользуясь лѣченіемъ отъ болѣзни.

Въ 1857 году во время службы моей плацъ-адъютантомъ, я нечаянно попалъ на балъ-экспромтъ, который остался въ моей памяти. На этомъ балѣ присутствовали служащіе и строители Храма Христа Спасителя. Товарищъ мой плацъ-адъютантъ Лынской просилъ меня присутствовать на свадьбѣ его племянницы вдовы Логановской (рожденной Герке), выходящей за офицера Австрійскаго Гвардейскаго полка (фамилію не помню). Въ 1856---1857 году 3 гвардейская дивизія занимала караулы въ Москвѣ. У вдовы Логановской былъ домъ на углу Моховой улицы, противъ Румянцевскаго Музея, оставленный ей по завѣщанію покойнымъ мужемъ ея, извѣстнымъ скульпторомъ Логановскимъ, барельефы котораго украшаютъ въ настоящее время

наружныя стѣны Храма Спасителя. Домъ этотъ, выстроенный по предполагаемому прежде урегулированію улицы, теперь оказался выступившимъ страннымъ угломъ на Моховую, и составляетъ ея безобразіе. Молодые вскорѣ послѣ свадьбы уѣхали въ Петербургъ, продавъ домъ. Домъ переходилъ изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ, бывъ долгое время во владѣніи графа Толстого, потомъ другихъ лицъ, но остался при прежней своей неказистой физіономіи, такъ какъ при перестройкѣ его слѣдовало отрѣзать большую часть для расширенія улицы, на что не рѣшался ни одинъ владѣлецъ дома, по не сговорчивости нашихъ отцовъ города.

На этомъ балѣ я познакомился со всѣми дѣятелями постройки Храма. Отецъ Логановской г. Герке былъ экзекуторомъ комиссіи, строящей храмъ. Кромѣ Логановской другая дочь его была за архитекторомъ Каменскимъ и еще двѣ дочери тоже за лицами, соприкасающимися къ постройкамъ. Однимъ словомъ, это былъ pater familias всѣхъ служащихъ въ комиссіи. Вообще всѣ служащіе составляли дружную семью и всѣ дѣла обдѣлывались по семейному. Сора изъ избы не выносили. Правитель дѣлъ Жарковъ, бывшій крѣпостной князя Сергѣя Михайловича Голицына и его ставленникъ, подрядчикъ Оболонской и другіе жили дружно. Рука руку мыла. Всѣ по окончаніи работъ вышли изъ дѣла съ деньгами. Дружная семья составляла аккуратно журналы, а наши высшіе дѣятели, члены комиссіи подписывали аккуратно составленные журналы.

ГЛАВА IV.

Зима 1857—1858 года.—Домъ Раевскихъ.—Балъ у Храповицкихъ.—Проекты освобожденія крестьянъ.—Головины.—Оболенскіе.—Тиръ-Артари-Коломбъ.—Шевалье.

Въ сентябрѣ 1857 года начали сбираться въ Москву изъ своихъ имѣній московскіе обыватели. Это былъ первый съѣздъ послѣ разрѣшенія всѣмъ ѣздить за границу, не испрашивая дозволенія начальства. Всѣ сколько нибудь,

состоятельныя лица ринулись на воды: въ Германію и Швейцарію, а потомъ, конечно, въ Парижъ, широко открывшій свои объятія иностранцамъ, и болѣе къ ихъ карманамъ, набитымъ золотомъ и депозитками. Общество собиралось довольно медленно, не слышно было ни вечеровъ, ни баловъ. Кое-кто показывался въ театрахъ. Первый балъ былъ у Раевскихъ, на Большой Дмитровкѣ, 24 ноября въ Екатерининъ день, день ангела единственной его дочери, вышедшей потомъ замужъ за графа Ностица. Балъ имѣлъ свою оригинальность, чисто помѣщичью стараго закала. Несмотря на сборъ почти всего Московскаго высшаго общества, самъ хозяинъ мало старался занимать своихъ гостей. Это исполняла добрѣйшая и милѣйшая дочь его. Самъ же хозяинъ одѣлялъ конфетами и фруктами разныхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, смотрѣвшихъ изъ дверей буфета и официантской, и иногда вылетавшими даже въ пріемную и залъ. Съ начала декабря начались снова балы во всѣхъ домахъ, гдѣ имѣли взрослыхъ дочерей. У князя Львова выѣзжали двѣ дочери; старшая въ концѣ зимы была объявлена невѣстой князя Долгорукова, а вторая впослѣдствіи вышла замужъ за князя Горчакова, а по кончинѣ мужа впослѣдствіи за В. А. Безобразова. У Рюминыхъ назначены были четверги съ неизмѣннымъ Алексѣемъ Николаевичемъ Тепловымъ, въ полковничьемъ кавалергардскомъ мундирѣ. Изъ двухъ незамужнихъ барышень, младшая вышла впослѣдствіи за сосѣда моего по Тамбовскому имѣнію Муханова, другая же сестра осталась въ дѣвицахъ.

Въ зиму 1857—1858 года былъ большой балъ у Храповицкихъ на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Голохвастова (теперь Полякова). Онъ отличался особымъ многолюдствомъ. Танцовальная зала не была обширна, поэтому танцовали въ двухъ смежныхъ комнатахъ. Было два дирижора. Домъ и рѣшетка дома, выходящая на Тверской бульваръ, были иллюминованы. Впослѣдствіи единственная дочь Храповицкаго вышла замужъ за князя Николая Николаевича Оболенскаго, скончавшагося командиромъ гвардейскаго корпуса. Кромѣ описаннаго семейства Храповицкихъ, въ Москвѣ издавна проживалъ другой Храповицкій, Иванъ

Семеновичъ, у котораго былъ домъ на Нижней Кисловской улицѣ (теперь пансіонъ Перепелкиной). Богатый баринъ. Дочь Ивана Семеновича Храповицкаго была замужемъ за извѣстнымъ адмираломъ Логиномъ Логиновичемъ графомъ Гейденомъ, скончавшимся на 96 году своей жизни. Сынъ Ивана Семеновича—Семенъ Ивановичъ, отставной кавалергардскій полковникъ женился уже по кончинѣ отца. Онъ имѣлъ сына и четырехъ дочерей. Иванъ Семеновичъ Храповицкій былъ Московскимъ вице-губернаторомъ въ коронацію Императора Николая I, и всегда любилъ разсказывать, какъ онъ стлалъ сукно къ ногамъ Государя во время совершенія чина коронаціи. Иванъ Семеновичъ Храповицкій былъ большой хлѣбосолъ—любилъ угощать москвичей. Онъ былъ посаженымъ отцомъ жены моей во время нашей свадьбы и нѣсколько дней спустя совершенія бракосочетанія задалъ намъ обѣдъ, на которомъ присутствовала вся Москва.

Балы у князя Львова и у Рюминыхъ были еженедѣльно, у перваго каждую среду, а у вторыхъ каждый четвергъ, бывало неожиданно собиралось такое большое общество, что ставило въ затрудненіе хозяйскаго эконома. На этихъ балахъ блистали своей красотой московскія невѣсты. Кромѣ кн. Львовыхъ остались въ моей памяти княжны Щербатовы, старшая теперь графиня Уварова, вторая Левшина. двѣ графини Растопчины съ мамашей, всегда въ неизмѣнной прическѣ висячихъ буклей съ обѣихъ сторонъ лица; одна изъ молодыхъ графинь любила надѣвать на голову золотой обручъ; Пашковы, двѣ барышни Аладины, двѣ Стрекаловы, двѣ Тепловы, Викулина (мать которой была рожденная баронесса Дельвигъ), графиня Бобринская (рожденная Колпашникова) впослѣдствіи графиня Крейцъ. Двѣ Мендъ, изъ которыхъ одна вышла замужъ за Олсуфьева, а потомъ за Кроткова. Изъ дамъ танцовали: Рахманова (рожденная Голохвастова), впослѣдствіи вышедшая замужъ за генерала Моллеръ — ея сестра Есипова; графиня Денгофъ—рожденная Хлюстина, мужъ которой, прусскій офицеръ, всюду являлся въ красномъ мундирѣ прусскаго гвардейскаго полка, что обращало вниманіе всѣхъ; Елисавета

Н. Лассотовичъ, В. А. Бестужева, Голицына, Оболенская и сонмъ другихъ. Все это веселилось, не предчувствуя, что скоро наступитъ разгромъ дворянскому сословію.

У Николая Гавриловича Головина на Никитскомъ бульварѣ танцовали по понедѣльникамъ. Въ антрактахъ между танцами хозяйка читала стихи своего произведенія, а младшая дочь ея Ольга съ помощью матери и старшей сестры своей Людмилы, показывала фокусы, отгадывая, что вы думали или писали. Вообще это была какая-то восторженная семья. Головинъ впослѣдствіи былъ уѣзднымъ Московскимъ предводителемъ дворянства, тотчасъ по объявленіи эманципаціи и считался самымъ ярымъ крѣпостникомъ.

Кромѣ дома Николая Гавриловича Головина была еще другая семья Головиныхъ, называемая въ обществѣ Покровскими Головиными или Головинъ Шишка. Вторые Головины имѣли домъ въ Успенскомъ переулкѣ близъ Покровки, а хозяинъ имѣлъ на лысой головѣ большую шишку, вѣнчавшую ее какъ рогъ изобилія. У Головиныхъ были двѣ дочери—Марія, вышедшая замужъ за Штакельберга и Нанси (Анастасія), оставшаяся дѣвой, и сынъ Евгеній, подъ названіемъ Pierre le Grand, хотя онъ былъ не великъ, но зато мечталъ о себѣ много. Покровскіе-Головины давали часто балы въ своемъ палаццо и считались богатыми людьми. Были у нихъ еще двоюродные братья, одинъ изъ которыхъ былъ впослѣдствіи женатъ на Кошелевой, извѣстной подъ названіемъ тѣнь Бены (Бена была ея сестра, славившаяся красотой). Былъ еще Головинъ совѣстный судья, женатый на дочери фабриканта серебряныхъ издѣлій Сазиковой, но послѣдній Головинъ изъ другой оперы и описываемымъ Головинымъ совсѣмъ не родня. Всѣ эти Головины разсѣялись какъ дымъ съ горизонта московской жизни.

Бывали еще балы у Анны Степановны Воейковой, но туда изъ дамскаго высшаго общества многія не ѣздили. Мужъ ея Петръ Степановичъ, по прозванію Стаканычъ съ начала вечера зазывалъ мужчинъ въ свой кабинетъ, гдѣ стаканы играли первенствующую роль.

Выѣзжали еще въ общество дочери князя Николая Александровича Щербатова, Московскаго уѣзднаго Предводителя Дворянства, а впослѣдствіи Московскаго Губернатора, но у нихъ большихъ сборищъ не бывало, говорили, по случаю нездоровья княгини. Старшая дочь Варвара впослѣдствіи вышла замужъ за графа Гудовичъ, а вторая Марія осталась дѣвицей, была еще третья, которая въ мое холостое время еще не выѣзжала.

Молодежи было много. Премьеромъ, или какъ называли его Gros Lot былъ Григорій Александровичъ Чертковъ, на свободу котораго была масса претендентокъ. Графъ Уваровъ, князь В. Г. Шаховской, женившійся на кн. Львовой, Щербатовы, В. А. Шереметевъ, Киселевы Николай и Павелъ теперь графъ, Самарины, Талызины, гр. Морковы, однимъ словомъ, полная плеяда. Дирижеромъ на балахъ былъ премьеръ дирижеръ Ипатъ Арсеньевичъ Бартеневъ, въ то время уже заслуженный ветеранъ дирижерства, его смѣнилъ Лопухинъ, а потомъ рыжій князь Ухтомскій. Ипатъ Бартеневъ удивлялъ всѣхъ своею изворотливостью, не имѣя никакого состоянія, онъ не только бывалъ вездѣ, но умудрялся участвовать во всѣхъ складчинахъ и пирушкахъ молодежи.

По средамъ бывали также танцовальные вечера у князя Михаила Андреевича Оболенскаго, управляющаго Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Семейство его заключалось изъ жены, дочери Анны Михайловны, вышедшей замужъ за князя Григорія Хилкова и сына Алексѣя, большого любителя собирать разныя коллекціи, что было ему доступно, благодаря большому состоянію его матери, не жалѣвшей для него денегъ. Отецъ, Михаилъ Андреевичъ, собиралъ историческіе портреты, которые дочь его Анна Михайловна Хилкова пожертвовала въ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Я узналъ о томъ, обозрѣвая канцелярію Архива, гдѣ увидѣлъ на стѣнѣ потретъ князя Вяземскаго, Министра Екатерины II, копія съ работы Лампія, который я самъ подарилъ князю Михаилу Андреевичу. Сынъ его Алексѣй оставилъ коллекцію инструментовъ на полный струнный оркестръ, пожертвованный княгиней Хилковой въ

Московскую Консерваторію. Всякій день былъ балъ или концертъ, гдѣ участвовали дамы и мужчины изъ общества. Но на безпечное общество гроза надвигалась, раскаты ея слышались въ отдаленіи. Начали поговаривать о грядущей эмансипаціи. Проекты сыпались какъ градъ во время бури. Громилъ въ дворянской залѣ Безобразовъ, Голохвастовъ въ своей рѣчи назвалъ петербургскихъ чиновниковъ опричниками. Графъ Орловъ-Давыдовъ на выборахъ 1862 года высказывалъ мнимо сокровенныя мысли покойнаго Государя Александра II, но то были все слова и слова. Между многими проектами эмансипаціи крестьянъ остался одинъ, довольно оригинальный въ моей памяти. Не помню, кто предложилъ такую комбинацію. Противъ освобожденія крѣпостныхъ было мало протестантовъ, но дѣло шло о землѣ, которою хотѣли надѣлить крестьянъ. Купить ее было не на что. Правительство само было въ стѣсненномъ денежномъ положеніи, истративъ много денегъ на Крымскую войну. Займы были туги—за границей намъ плохо вѣрили. Вотъ что придумали. За отходившую отъ помѣщиковъ въ пользу крестьянъ землю выдавать стоимость земли талонъ, приносящій 5%. Всякій, имѣющій талонъ правительства, могъ купить принадлежащую казнѣ землю съ аукціоннаго торга, заявивъ о томъ подлежащему начальству. Лицу, за которымъ осталась земля, вмѣнить въ обязанность уплатить стоимость земли, не иначе, какъ вышеозначенными талонами. Этимъ достигалась двоякая цѣль. Первая: помѣщикъ, уступая свою землю тотчасъ могъ замѣнить ее подобною же изъ числа казенныхъ земель, отъ чего оскудѣнія дворянскаго землевладѣнія не произошло бы и не было бы надобности, какъ теперь поддерживать благосостоніе помѣщиковъ. Второе: цѣнность талоновъ была бы номинальная, а можетъ быть даже и выше своей стоимости, такъ какъ никто не могъ бы купить землю иначе, какъ уплативъ за нее талонами. Когда же выпустили выкупныя свидѣтельства, то они первое время продавались по 70 копѣекъ за рубль. Помѣщикъ, теряя 20% на крестьянской приплатѣ оцѣнки, которую крестьне въ большинствѣ случаевъ не платили, теряя болѣе трети, на неравномѣрной оцѣнкѣ по

1-ый Московскій Комендантъ
И. И. Кизмеръ.
Съ фотографическаго портрета 1856 года.

уѣздамъ, гдѣ почва весьма разнообразна и, получая 70 копѣекъ за рубль по облигаціямъ, не выручалъ и половины стоимости своей земли, чрезъ что разорялся, не бывъ конечно подготовленъ къ новому хозяйству вольно-наемнаго труда. Потому жертвы помѣщиковъ, на которыхъ обрушилась эмансипація, были огромны, и многихъ свели въ преждевременную могилу.

Во время баловъ и вечеровъ въ кабинетахъ хозяина велись дебаты объ освобожденіи и выкупѣ. Лица, желавшія сдѣлать при этомъ карьеру, или ничего не имѣющія за душой и жившія жалованьемъ, требовали чуть не отобранія всего имущества отъ помѣщиковъ, говоря, что предки давно получили работой своихъ крѣпостныхъ стоимость земли. Крѣпостники съ пѣной у рта, называли это просто грабежомъ, страсти были сильно возбуждены. Слухи одни преувеличеннѣе другихъ ходили въ народѣ и обществѣ. Обѣ партіи другъ у друга выпытывали ихъ сокровенныя мысли. Мнѣ попался нечаянно проектъ, поданный къ графу Закревскому, для препровожденія выше, гдѣ предполагалось не только выкупить землю, но и уплатить за отходящихъ крестьянъ. Проектъ этотъ канулъ въ лету. Въ ожиданіи освобожденія балы и вечера сократились. Всѣ спѣшили продавать свои имѣнія во что бы то ни стало, Опекунскій Совѣтъ сначала сократилъ, а потомъ совсѣмъ прекратилъ выдачу подъ залогъ имѣній ссуды. Этимъ воспользовались разные дѣльцы и понакупили за ничто великолѣпныя имѣнія, которыя окупились одной выкупной ссудой. Хлѣбъ сильно поднялся въ цѣнѣ.

Сборищемъ Московской молодежи была гостиница Шевалье (въ Газетномъ переулкѣ). впослѣдствіи Шевріе. Особенно молодежъ собиралась туда ужинать по окончаніи театра, когда тамъ жилъ Гр. А. Чертковъ во время постройки своего дома на Мясницкой. Другое сборище молодежи были тиръ—Артари—Коломбъ, на Садовой у Красныхъ воротъ, куда послѣ двухъ часовъ собиралась молодежь практиковаться въ пистолетной стрѣльбѣ. Многіе доходили до виртуозности, сажая пулю въ пулю. Изъ хорошихъ стрѣлковъ я помню: Новосильцева, Николая и Павла Кисе-

левыхъ, П. Ф. Самарина, П. А. Талызина, графа Моркова. Тамъ проводила молодежь утро послѣ завтрака и потомъ разъѣзжалась дѣлать свѣтскіе визиты. Лѣтомъ до отъѣзда въ деревни молодежь собиралась въ купальнѣ Гока на Москвѣ-рѣкѣ.

ГЛАВА V.

Домъ Графа Закревскаго.—Послѣдній балъ въ собраніи въ присутствіи Графа Закревскаго. 1 мая при Гр. Закревскомъ.—Графъ Закревскій въ роли Судьи.—Славянофилы.—П. В. Хавскій и И. М. Снѣгиревъ.

По пятницамъ собирались у графини Закревской въ ея половинѣ. Большинство молодежи занимались разговорами или играли въ petits jeux, а графиня играла въ свое любимое лото. Графиня очень волновалась во время игры, хотя ставки были ничтожны. На ея кругломъ столѣ собиралась партія высокопоставленныхъ дамъ, спѣшившихъ занять мѣсто за ея столомъ. Какъ столъ этотъ измѣнился, когда графъ вышелъ въ отставку и поселился въ Леонтьевскомъ переулкѣ въ своемъ домѣ. Я посѣщалъ ихъ и тамъ по нѣсколько разъ въ недѣлю и видѣлъ воочію эту метаморфозу. Графъ послѣ легкаго ужина удалялся въ свой кабинетъ, и тогда шумъ въ гостиной усиливался за круглымъ столомъ, не сдерживаемый болѣе присутствіемъ графа Арсенія Андреевича. Несмотря на кажущуюся строгость какъ начальника, онъ былъ самый снисходительный мужъ и мужъ много страдавшій, благодаря своей семейной жизни. Въ нѣкоторыя пятницы, когда собиралось много молодежи, то танцовали. Много было разсказовъ про неправильныя дѣйствія графа Закревскаго. Можетъ быть и правда въ отношеніи формальностей, но не въ отношеніи логической правды. Графъ въ душѣ бы правдивый человѣкъ и терпѣть не могъ ростовщиковъ. Законъ не давалъ никакихъ правъ администраціи и суду дѣйствовать противъ нихъ и тутъ въ крайнихъ случаяхъ графъ употреблялъ данную ему свыше власть, не руководствоваться закономъ. Вотъ два факта мнѣ достовѣрно извѣстные, по которымъ можно судить о его правдивости.

Молодой купецъ, получивъ по смерти отца состояніе закутилъ съ пріятелями. Во время кутежа онъ увлекся одной авантюристкой. Особа эта такъ умѣла опьянить своими чарами уже сильно нагрѣтую голову винными парами своего поклонника, что черезъ нѣсколько дней у ней оказалось векселей на все состояніе купца. Когда винные пары немного испарились изъ отуманенной головы, то купчикъ увидѣлъ себя покинутымъ обольстительницей и всѣми своими пріятелями и съ массою векселей на шеѣ. Тогдашніе частные повѣренные объявили ему, что по закону ничего сдѣлать невозможно. По совѣту добрыхъ людей купчикъ рѣшился обратиться къ милости Закревскаго. Дѣло было лѣтомъ, графъ жилъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи, селѣ Ивановскомъ, въ двухъ верстахъ отъ г. Подольска. Купчикъ отправился туда, и раннимъ утромъ былъ уже на мѣстѣ. Прислуга объявила ему, что графъ принимаетъ въ 10 часовъ утра. Въ ожиданіи урочнаго часа, купецъ отправился въ паркъ и усѣлся тамъ на скамьѣ. Къ нему подошелъ неизвѣстный ему человѣкъ въ сюртукѣ и сѣлъ рядомъ, на ту же скамью. Разговоръ скоро завязался.—Вы зачѣмъ пріѣхали въ Ивановское? сказалъ незнакомецъ.—Просить графа Закревскаго о заступничествѣ, отвѣтилъ купчикъ. Что за дѣло у васъ? разскажите мнѣ. У меня есть знакомые между служащими при графѣ,—можетъ быть я помогу моимъ совѣтомъ. Купчикъ со слезами на глазахъ разсказалъ незнакомцу всю перипитію своего кутежа и увлеченія прелестной особой. Незнакомецъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ. По окончаніи разсказа сказалъ: У меня есть знакомые между приближенными графа, я постараюсь черезъ нихъ довести происшедшее съ вами до его свѣдѣнія—только скажите мнѣ по совѣсти—правдиво ли вы разсказали мнѣ все дѣло. Графъ не любитъ неправды, и если обнаружится ложь въ вашемъ разсказѣ, то онъ взыщетъ съ васъ строго за клевету. Купчикъ увѣрилъ его со слезами на глазахъ, что все разсказанное имъ святая истина. Ступайте въ домъ, сказалъ незнакомецъ и ждите въ пріемной выхода графа.

Купчикъ тотчасъ отправился въ домъ и сталъ ожидать

выхода графа. Каково было его изумленіе—когда дверь въ пріемную отворилась и предъ нимъ предсталъ незнакомецъ въ генералъ-адъютантской формѣ, окруженный блестящимъ штабомъ.

Купецъ упалъ на колѣни и просилъ простить его за безцеремонное обращеніе съ графомъ въ саду. Графъ немедленно приказалъ ему встать и спросилъ его: Все ли, что ты мнѣ разсказывалъ, правда? Все истинно, отвѣтилъ купецъ. Ступай и жди до моего рѣшенія во флигелѣ. Тутъ же былъ отправленъ курьеръ въ Москву, чтобы къ утру была доставлена прелестница съ векселями.

На слѣдующее утро, въ обычный часъ, въ пріемной графа стояли купчикъ и прелестная особа. Графъ вышелъ въ обычный часъ.—Разскажи вкратцѣ, какъ было дѣло, сказалъ онъ купцу. Купецъ повторилъ разсказъ. Покажи векселя обратился онъ къ особѣ. Векселя были поданы. Графъ осмотрѣлъ ихъ внимательно.

Сколько выдали Вы денегъ, спросилъ онъ у дамы? Я получила ихъ за долголѣтнюю мою жизнь съ нимъ и за жертвы и здоровье, принесенныя мною ему.

Когда ты съ ней познакомился? спросилъ графъ купца. Двѣ недѣли, былъ отвѣтъ. Дама не возражала. Въ мигъ векселя были изорваны въ клочки и полетѣли на полъ. Ступайте вонъ и не попадайтесь мнѣ въ другой разъ. Вотъ истинный разсказъ; судите сами можно ли осуждать графа. Произволъ, конечно, есть. Лучше ли было бы, если бы купецъ былъ разоренъ и деньги, нажитыя его отцомъ и дѣдомъ перешли въ карманъ авантюристки. Нынѣшніе юристы конечно, скажутъ: да. Пусть гибнетъ человѣкъ за минутную слабость и за то, что не исполнилъ ихъ китайскихъ формальностей. Но, по моему, нѣтъ. Много зла приноситъ намъ китайщина юриспруденціи. Поменьше бы ее—было бы лучше.

Вотъ другой случай, въ которомъ я игралъ нѣкоторую роль. Въ Москвѣ жила богатая барыня, вдова бывшаго Варшавскаго генералъ-губернатора А. М. Писарева. Имѣя троихъ сыновей и двухъ дочерей. Несмотря на свое колоссальное состояніе, барыня постоянно нуждалась въ день-

гахъ. Всеобщій благодѣтель Христофоръ Дмитріевичъ С.....въ былъ всегда къ ея услугамъ, ссужая ее деньгами по 18 процентовъ въ годъ. При перепискѣ векселей на слѣдующій годъ, онъ требовалъ кромѣ процентовъ, еще и подарки въ три тысячи. Что всегда и получалъ. Такимъ образомъ долгу накопилось около пятидесяти тысячъ, а проценты росли и росли. Чтобы покрыть долги А. М. Рѣшилась продать подмосковное имѣніе Люблино и домъ у Каменнаго моста. Съ С.....вымъ было условлено, что онъ получитъ въ счетъ капитала тридцать тысячъ, проценты за годъ и въ три тысячи подарокъ, а остальные отсрочиваетъ на годъ. Домъ и имѣніе были запроданы И. Н. Воейкову. По просьбѣ графа Закревскаго въ этомъ дѣлѣ принялъ участіе мой дѣдъ. Накапунѣ совершенія купчей въ Московской Гражданской Палатѣ, пріѣхала къ намъ А. М. совершенно разстроенная и сообщила, что сейчасъ былъ у ней С.....въ и требуетъ отъ нея еще подарка въ три тысячи, въ противномъ случаѣ грозится остановить совершеніе купчей, представивъ ко взысканію всѣ находившіяся у него заемныя письма. Выслушавъ ея сообщеніе—дѣдъ отправилъ меня съ докладомъ къ графу, такъ какъ вечеромъ безъ особенной крайней надобности не выѣзжалъ. Послѣ подробнаго доклада моего графу, онъ потребовалъ дежурнаго адъютанта, которому приказалъ потребовать завтра утромъ Спиридонова къ себѣ. Мнѣ же приказалъ на слѣдующее утро отправиться въ Гражданскую Палату и дожидаться тамъ окончанія совершенія купчей и по окончаніи пріѣхать доложить ему. Конечно все было исполнено аккуратно.

На утро Спиридоновъ былъ въ пріемной графа, имѣя въ карманѣ заемныя письма Писаревой и написанное прошеніе о наложеніи запрещенія. Проходитъ часъ —графъ не выходитъ, идетъ докладъ, проходитъ два и три часа; Спиридонова не требуютъ къ графу. Тогда онъ обращается къ дежурному адъютанту съ просьбой доложить графу, что у него есть дѣло въ Палатѣ, и онъ проситъ его принять немедленно. Когда адъютантъ доложилъ графу просьбу С.....ва, то получилъ отвѣтъ: пусть подождетъ, я занятъ. Между тѣмъ въ Палатѣ купчая совершалась весьма быстро и ког-

да была готова и вручена по принадлежности, то я отправился къ графу съ докладомъ. Въ пріемной засталъ нѣсколько лицъ, въ числѣ прочихъ и С....ва графъ меня тотчасъ принялъ въ кабинетъ. Ну, что, спросилъ графъ готово? Купчая вручена по принадлежности, отвѣтилъ я. Графъ тотчасъ же всталъ изъ за письменнаго стола и вышелъ въ пріемную. Обратясь къ С....ву сказалъ, я пригласилъ тебя спросить, не желаешь ли ты пожертвовать на отдѣлку домовъ въ Измайловской Военной богадѣльнѣ? С.......въ, низко кланяясь, началъ извиняться, что времена такія, денегъ никто не платитъ, и что онъ и такъ уже много пожертвовалъ. Ну какъ тебѣ угодно, сказалъ графъ и обратился къ другимъ просителямъ. Спиридоновъ тотчасъ же вышелъ и полетѣлъ въ Гражданскую Палату. Но тамъ сказали ему, что купчая совершена и потому они ничего не могутъ сдѣлать. На другой день я отвезъ ему тридцать тысячъ капитала, въ три тысячи подарокъ и проценты на оставшійся долгъ. Потери для него не было никакой. Вотъ какія дѣйствія осуждаютъ нынѣшніе либералы. Формочка не соблюдена.

Въ 1859 году, на послѣдній день масленицы, московская молодежь, посѣщавшая великосвѣтскіе вечера, устроила танцовальный день въ боковыхъ залахъ собранія, въ благодарность семьямъ, у которыхъ она бывала зимою. Провалившійся потолокъ большой залы угрожалъ паденіемъ, и залъ былъ закрытъ для публики. Танцовали въ Екатерининской и Гагаринской залахъ. Обѣдъ былъ сервированъ въ проходной къ буфету комнатѣ и сосѣдней. Приглашенныхъ было около двухсотъ человѣкъ. По окончаніи обѣда гости уѣзжали для перемѣны туалетовъ, но къ 9 часамъ балъ былъ снова въ полномъ разгарѣ. Устроителями веселаго дня были знаменитые дирижеры Ипатъ Арсеньевичъ Бартеньевъ и Лопухинъ, будущій предсѣдатель саратовской судебной палаты. Весь beau-monde того времени почтилъ балъ своимъ присутствіемъ.

На этомъ балу московскій генералъ-губернаторъ графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій присутствовалъ въ послѣдній разъ. Дочь его въ послѣдніе дни передъ масляницей

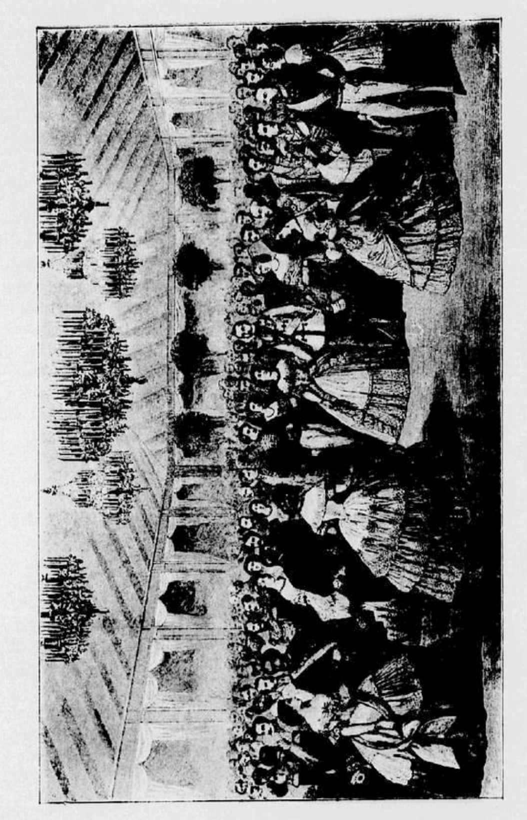
вышла замужъ за князя Друцкаго-Соколинскаго и уѣхала съ нимъ за границу. Москва ничего не знала про совершившееся событіе. Изъ постоянныхъ пріѣздовъ состоявшаго при графѣ чиновника Троицкаго, устроителя этой свадьбы, къ покойному моему дѣду и недовольства семьи графа ихъ домашнимъ докторомъ Николаевымъ я догадывался, что творится что-то особенное съ графиней Лидіей Арсеньевной, но подробности были такъ скрыты, что никто даже изъ приближенныхъ лицъ не зналъ истины. Графъ прибылъ на балъ съ супругой. Необыкновенное спокойствіе ни малѣйшимъ образомъ не выдавало тревожнаго состоянія его взволнованнаго сердца. По обыкновенію, графъ до самаго обѣда простоялъ подъ портретомъ императрицы Екатерины II, бесѣдуя поочередно съ подходившими къ нему лицами. Ни малѣйшаго признака волненія не было замѣтно въ немъ. Между тѣмъ дочь его въ то время уѣзжала за границу съ неправильно выданнымъ ей заграничнымъ паспортомъ, и ему грозило неудовольствіе Государя и, можетъ-быть, на закатѣ дней позорная отставка, въ награду за пятидесятилѣтнюю боевую и административную службу. Въ пять часовъ онъ уѣхалъ домой обѣдать, но вечеръ окончилъ съ нами. Впослѣдствіи, по увольненіи графа отъ должности генералъ-губернатора, мы узнали, что недовольство семьи докторомъ Николаевымъ было за отказъ его быть свидѣтелемъ на свадьбѣ Лидіи Арсеньевны. Свадьба скрывалась до Свѣтлаго праздника, и только наканунѣ перваго дня Пасхи графъ увѣдомилъ о ней Государя. Отставка съ сохраненіемъ только званія генералъ-адъютанта Императора Николая I была отвѣтомъ на письмо графа.

Я былъ у Графа на другой день по полученіи указа, нашелъ его очень разстроеннымъ и первыя слова имъ произнесенныя были: «Уволили, какъ будочника». Графъ вскорѣ переѣхалъ въ Газетный переулокъ, домъ Бутовскаго, теперь Князя Шаховскаго, а потомъ въ домъ Римско-Корсакова, гдѣ теперь театръ Художественнаго Общества. Домъ Графа въ Леонтьевскомъ переулкѣ (теперь Сорокоумовскаго) былъ занятъ семействомъ Пашковыхъ, и только чрезъ полтора года Графъ могъ переѣхать на жительство въ свой домъ.

По выходѣ графа въ отставку только два раза видѣлъ я его на танцовальныхъ вечерахъ, и то у него въ домѣ. Въ первый разъ—когда онъ жилъ въ домѣ Римскаго-Корсакова, гдѣ теперь Художественный театръ а въ другой разъ—въ его собственномъ домѣ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, теперь домѣ Сорокоумовскаго.

Балъ молодежи удался вполнѣ. Многіе были заинтересованы появившеюся на балу только что объявленною невѣстой князя Сергѣя Петровича Волконскаго, Натальей Александровной Пфеллеръ, поразившей всѣхъ своею красотой и особенно граціозностью.

Традиціонный день 1 мая во время генералъ-губернаторства графа Закревскаго справлялся торжественно и весело московскими обитателями. Еще наканунѣ отправлялись въ Сокольничью рощу люди съ палатками и мебелью для устройства временнаго помѣщенія и пиршества во время гулянья. Съ 4 часовъ пополудни тянулись по улицамъ модныя коляски и допотопныя колымаги, запряженныя парами и цугами съ форейторомъ. Тысячные рысаки чередовались съ деревенскими россинатами, давно позабывшими день своего появленія на свѣтъ Божій. Все это стремилось къ Сокольникамъ и къ 7 часамъ наполняло всѣ дороги рощи. Въ 8 часу съ блестящею свитой появлялся генералъ-губернаторъ верхомъ. Немного впереди ѣхалъ вѣчный полицеймейстеръ г. Москвы, Иванъ Ивановичъ Сычинскій, привезенный въ 1828 году знаменитымъ адмираломъ графомъ Гейденомъ послѣ Наваринской битвы изъ Греціи и помѣщенный имъ въ кадетскій корпусъ. За графомъ слѣдовалъ верхомъ оберъ-полицеймейстеръ Тимашевъ-Берингъ, адъютанты и военные чиновники для порученій графа. Шествіе замыкалъ полицеймейстеръ подполковникъ Н. И. Огаревъ. Графъ объѣзжалъ все гулянье верхомъ и по наступленіи темноты возвращался домой. Покуда графъ оставался въ рощѣ, все было чинно и тихо, но съ его отъѣздомъ на полянкахъ, занятыхъ различными палатками съ продажею всевозможныхъ явствъ, а главное—питей, начинался разгулъ, далеко разносившійся по рощѣ. Тогда большинство экипажей разъѣзжалось или отправлялось во многочислен-

11 Сентября балъ у Англійскаго посла.

Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

ныя дачи, гдѣ въ этотъ день устраивались вечера и ужины. Въ этотъ день москвичи показывали другъ другу вновь прiобрѣтенные ими экипажи. Были такiе, что выписывали къ этому дню экипажи изъ Парижа и Вѣны. Я помню экипажъ à la Daumont, съ жокеями въ бѣлыхъ лосиныхъ штиблетахъ и рейтузахъ, привезенный тамбовскимъ помѣщикомъ Н. Н. Новиковымъ изъ Парижа. Простонародье съ жаднымъ любопытствомъ смотрѣло на заморскую диковинку. Въ углубленiи рощи, на ея полянкахъ, установленныхъ столиками съ самоварами, веселился простой народъ. Между толпами простонародья сновали раечники, шарманки и акробаты, на постланныхъ коврикахъ, на землѣ, показывавшихъ свое незатѣйливое искусство. Дачные вечера продолжались до утренней зари, и возвращающiеся домой гости, при солнечномъ свѣтѣ, могли видѣть многочисленные группы сладко спавшихъ на зеленой муравѣ гулякъ. Снисходительная полицiя того времени снисходительно смотрѣла на невольную ночевку безъ прописки вида. Только утромъ тревожили ее лица, пострадавшiя во хмѣлю отъ дѣятельности артистовъ ночного дѣла. Трудно было разобраться въ этомъ хаосѣ при ограниченныхъ средствахъ полицейскаго персонала. Постепенный упадокъ помѣщичьяго хозяйства отразился на традицiонномъ гуляньѣ 1 мая. Гдѣ тысячи экипажей наполняли дороги Сокольничьей рощи, теперь едва можно увидѣть ихъ нѣсколько десятковъ. Умираетъ все, что жило полною жизнью въ былое время.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Москвѣ сосредоточивалась плеяда русскихъ литературныхъ силъ, такъ называемой славянофильской партiи, во главѣ которой стоялъ Хомаковъ, И. С. Аксаковъ съ двумя сыновьями, Погодинъ, Шевыревъ, библiографъ Соболевскiй, Самаринъ, князь В. Черкасскiй, Кетчеръ, М. С. Щепкинъ и Логиновъ. Къ этой плеядѣ прилипились двое богатыхъ коммерсантовъ В. А. Кокоревъ и К. Т. Солдатенковъ, которые своими денеждыми средствами способствовали распространенiю различныхъ знанiй.

На средства А. И. Кошелева издавался журналъ «Бесѣда» и начата была газета «Парусъ». прекратившая свое

существованіе на второмъ номерѣ за статьи Аксакова и Погодина. «Парусъ» былъ подцензурный. Пропустившій его печатаніе цензоръ фонъ-Крузе лишился за пропускъ статей мѣста. По поводу его удаленія ходило четверостишіе:

Пугая стаю ястребиную,
Съ стези цензурной онъ слетѣлъ,
Какую жъ пѣсню лебединую
Себѣ на парусѣ онъ спѣлъ?

Бесѣда тоже существовала недолго и прекратила свое существованіе по несочувствію къ ней публики. Говорили въ обществѣ, что бесѣду погубили «сухіе туманы», статьи, о которыхъ печаталось въ Бесѣдѣ.

Надо отдать справедливость, что славянофильскій кружокъ сильно ратовалъ за улучшеніе быта крѣпостного сословія, стараясь казаться его представителями и руководителями. Нерѣдко дѣйствія ихъ возбуждали злобу, а иногда улыбку. Я помню въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, во время представленія въ Маломъ театрѣ, въ ложу бенуара вошла семья, одѣтая въ коричневыя, особеннаго покроя поддевки, чѣмъ обратила на себя общее вниманіе. Всѣ бросились узнавать другъ отъ друга. Что это за иностранцы? Оказалось, что это была семья Хомяковыхъ и костюмъ ихъ долженъ былъ изображать древне-русскую одежду. Также неумѣстное подражаніе Американскому либерализму невольно вызывало улыбку на устахъ не экзальтированныхъ людей. Когда въ 1858 году были объявлены учрежденіе Комитетовъ для улучшенія быта крѣпостныхъ, то Московскіе либералы устроили обѣдъ въ купеческомъ клубѣ въ память начала новой эры въ Россіи. На этотъ обѣдъ собрались всѣ жаждующіе популярности.

Во время заздравныхъ тостовъ, зажигательныя рѣчи ораторовъ проповѣдывали полное равенство всѣхъ сословій, уничтоженіе привилегій, чиновъ, орденовъ и всякихъ отличій. Между застольными гостями присутствовало нѣсколько лицъ, украшенныхъ орденами и звѣздами. Такая рѣчь заставила сконфузиться обѣдающихъ звѣздоносцевъ, я видѣлъ, какъ одинъ откупной звѣздоносецъ быстро нагнулся подъ столъ, прикрылся скатертью и тамъ снялъ съ себя

звѣзду ордена. Много либеральныхъ ораторовъ было приглашено богатыми коммерсантами Кокоревымъ и Солдатенковымъ, которые и заплатили за ихъ обѣдъ условленную плату. Обѣдъ былъ по подпискѣ. На этомъ обѣдѣ присутствовалъ извѣстный артистъ и сочинитель экспромтовъ актеръ Ленскій. Когда онъ по окончаніи обѣда пріѣхалъ въ клубъ, то на вопросъ присутствовавшихъ: Какъ прошелъ обѣдъ?» онъ отвѣтилъ четверостишіемъ:

Обѣдъ былъ безподобенъ
И было много тамъ ума,
И рѣчи говорилъ Погодинъ,
А деньги заплатилъ Кузьма.

т. е. Кузьма Терентьевичъ Содатенковъ, одинъ изъ учредителей обѣда.

Шевырева, удалившагося изъ Москвы послѣ столкновенія своего съ графомъ Бобринскимъ, я въ 1862 году встрѣтилъ въ Парижѣ, гдѣ онъ читалъ лекціи изъ русской исторіи. Пріѣхавъ въ Парижъ въ мартѣ, я долженъ былъ на другой же день отвезти письмо къ одной русской и засталъ ее за сборами на лекцію Шевырева, я сопровождалъ ее туда. Шевыревъ читалъ извлеченіе изъ исторіи царствованія Царя Алексѣя Михайловича, а именно, составленный имъ Соколиный уставъ. Лекціи читались гдѣ-то на набережной р. Сены. Обширныя залы были полны какъ русской, такъ и иностранной публикой.

Изъ числа старыхъ литературно административныхъ лицъ весьма часто обѣдывали у насъ П. М. Снегиревъ и Петръ Васильевичъ Хавскій. Оба дѣятеля временъ Императора Александра I. П. В. Хавскій, бывшій сотрудникъ М. М. Сперанскаго, по редактированію свода законовъ Россійской Имперіи былъ тяжестью своихъ лѣтъ согбенный старикъ, хотя въ концѣ пятидесятыхъ годовъ недавно только женившійся, кажется въ третій разъ. И. М. Снегиревъ съ ехидной усмѣшкой всегда въ томъ надъ нимъ подтрунивавшій. П. В. Хавскій, напротивъ всегда относившійся серьезно къ своей рѣчи и тутъ обстоятельно разсказывалъ случайное знакомство свое на улицѣ съ послѣдней своей супругой, когда ему пришлось помочь ей переправиться черезъ

грязь Московской улицы. П. В. былъ любитель церковной старины и издатель вѣчнаго календаря. Вообще обращеніе его съ изысканіями по русской старинѣ были серьезно и математически точны.

Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, при насмѣшливости и нѣкоторый юмористичности своего характера нерѣдко довольно не серьезно относился къ получаемымъ имъ историческимъ свѣдѣніямъ и часто мѣшалъ историческій фактъ съ анекдотомъ нерѣдко скабрезнаго пошиба.

Бывшій профессоръ, цензоръ, историческій изслѣдователь церковной и гражданской старины, послѣдніе годы своей жизни проводилъ печально. Нелады въ семейной жизни, а также недостатокъ денежныхъ средствъ вызывали постоянно жалобы его на судьбу. Средства его (по его личнымъ отзывамъ) были настолько ограничены, что онъ нерѣдко обращался къ знакомымъ съ займомъ мелочныхъ суммъ.

Послѣдніе дни ихъ жизни я потерялъ ихъ изъ вида и кончина ихъ была во время пребыванія моего въ чужихъ краяхъ.

ГЛАВА VI.

Созывъ экстреннаго собранія Московскаго Дворянства.—Возвращеніе дѣда изъ-за границы.—Освященіе Исакіевскаго Собора.—Временный отпускъ, а впослѣдствіи моя отставка.—Поѣздка и жизнь въ деревнѣ.—Побоище студентовъ съ пожарными.—Отставка Беринга и назначеніе кн. Кропоткина.—Балъ въ купеческой семьѣ.

Въ январѣ 1858 года созвано было экстренное собраніе Московскаго дворянства, на которомъ послѣ многихъ дебатовъ постановлено было поднесть на Высочайшее имя адресъ дворянства, въ которомъ они просятъ учредить комитетъ, долженствующій изыскать способы улучшить положеніе крѣпостного сословія. Адресъ дворянства былъ не первый и второй, какъ ожидалъ Государь, а весьма запоздавшій, что огорчило Его. Въ бытность свою въ Москвѣ въ 1858 году Государь высказалъ это дворянству во время представленія ихъ въ Кремлѣ. Много толковъ возбуждалось въ Московскомъ Обществѣ толкованія слова усадьба. Что понимать

подъ этимъ словомъ? Мѣсто, занятое постройками дома, сараевъ, кладовыхъ и скотныхъ дворовъ или присоединить къ нимъ огороды, выгоны, конопляники, гумна, сады и другіе прилегающія угодья. Вообще шатаніе мыслей въ обществѣ было всеобщее. Многіе рѣшились продать имѣнія во что бы то ни стало, боясь лишиться всего своего состоянія и думая сохранить отъ продажъ хоть что-нибудь.

Весной слѣдующаго 1858 года возвратился изъ-заграницы мой дѣдъ, я поѣхалъ встрѣчать его въ Петербургъ и попалъ на освященіе Исакіевскаго Собора. Вернувшись въ Москву я зажилъ семейною жизнью. Толки объ эмансипаціи заставили меня лѣтомъ взять отпускъ, а затѣмъ и совсѣмъ выйти въ оставку, чтобы заняться имѣніемъ и подготовиться къ переходу на новое хозяйство. Кромѣ того болѣзнь дѣда, заставлявшая его большую часть года проводить за границей и невозможность ему самому заниматься хозяйствомъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, заставляли меня удѣлять свое время на поѣздки и ревизіи по его имѣніямъ. Толки объ эмансипаціи крестьянъ росли и росли.

Комитеты въ губернскихъ городахъ работали надъ улучшеніемъ быта крѣпостныхъ. Всѣ дебаты ихъ сообщались въ Москву, гдѣ въ то время было по зимамъ сборище всего русскаго дворянства и гдѣ кипѣла ненависть противъ Петербургскаго чиновничества. Много было толковъ про дебаты Тульскаго дворянства и особенно про губернскаго предводителя Минина, а при предводителѣ Арсеньевѣ удаленіе изъ залы собранія князя Владиміра Черкасскаго. Слухи изъ Петербурга были неутѣшительны для дворянства. Многіе начали продавать имѣнія за безцѣнокъ, такъ что покупатели получили впослѣдствіи въ возвратъ всю уплаченную ими сумму изъ выкупныхъ и оставшаяся земля пришлась имъ даромъ. Конечно наживались разные Кулупаевы и Разуваевы и разные волостные писаря и кулаки. Несмотря на грядущую печальную будущность дворянства балы и вечера не уменьшались. Были переѣхавшие богатые лица изъ Петербурга, открывшіе въ Москвѣ пріемные дни съ раутами и балами.

Въ эту зиму случилось побоище между студентами и пожарными служителями, гдѣ-то на Грачевкѣ. Студенты не

хотѣли пускать полицію въ занимаемый ими домъ. По распоряженію оберъ-полиціймейстера Тимашева-Берингъ, была вызвана пожарная команда, которая, выломавъ двери и окна по приставнымъ лѣстницамъ ворвалась въ квартиру и забрала студентовъ. Берингъ за побоище былъ уволенъ въ отставку и на мѣсто его назначили оберъ-полиціймейстромъ флигель-адъютанта князя Крапоткина. Новаго оберъ-полиціймейстера видѣлъ я ежедневно около часа дня. Я жилъ въ домѣ дѣда моего на Поварской, близъ церкви Симеона Столпника. Ежедневно около перваго часа дня я слышалъ стукъ его пролетки и топотъ скачущаго за нимъ верхового пожарнаго. Князь послѣ обычнаго доклада генералъ-губернатору, дѣлалъ визитъ извѣстной красавицѣ Софьѣ Петровнѣ Нарышкиной, жившей на Поварской въ домѣ Осовскаго, теперь домъ Самарина.

Въ губернскихъ городахъ были учреждены комитеты; члены комитета въ своихъ мнѣніяхъ рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга. Большинство принадлежало къ консервативной партіи, хотя были и комитеты и съ противоположнымъ направленіемъ.

Главный Петербургскій комитетъ, сначала состоявшій изъ консервативнаго элемента, день ото дня мѣнялъ свою окраску и къ концу, послѣ выхода изъ состава его князя Орлова, превратился въ ярко-либеральный. Перемѣнѣ этой много способствовала великая княгиня Елена Павловна и великій князь Константинъ Николаевичъ оба сильно протежировавшіе Николаю Александровичу Милютину, который, благодаря ихъ поддержкѣ сдѣлался руководителемъ дѣлъ комитета. Получивъ власть въ свои руки, онъ вызвалъ себѣ на помощь изъ Москвы Юрія Федоровича Самарина. Тогда комитетъ, учрежденный для свода постановленій губернскихъ комитетовъ, пересталъ обращать на нихъ свое вниманіе и редактировалъ статьи самопроизвольно, руководствуясь только своими вкусами. Вызовъ депутатовъ изъ губерній въ Петербургъ былъ одною лишь проформою. Никто ихъ серьезно не слушалъ, и мнѣнія ихъ клались подъ сукно. Во время пребыванія Государя въ Москвѣ, онъ выразилъ Московскому дворянству свое неудовольствіе по

случаю медленности работъ въ комитетѣ объ улучшеніи быта крестьянскаго сословія, а главное на постановленіе комитета, что усадебной осѣдлостью предположено ими было считать только дворъ и постройки, на немъ возведенныя. Государь сказалъ «что онъ подъ именемъ усадебной осѣдлости считаетъ кромѣ двора, огороды, выгоны, сады и гумна».

ГЛАВА VIII.

1860 г.—Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ.—Московскіе пожары.—П. А. Тучковъ.—Балъ въ купеческой семьѣ.

Вмѣсто Графа Закревскаго временно занялъ мѣсто Московскаго Генералъ-Губернатора Графъ С. Г. Строгоновъ. Все затихло въ Москвѣ. Графъ Сергѣй Григорьевичъ почти никого не принималъ и самъ никуда не ѣздилъ. Москва скоро опустѣла, всѣ какъ-то рано разъѣхались по деревнямъ тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ начались сильные пожары, и, какъ говорили, отъ поджоговъ. Я тоже уѣхалъ въ Тамбовское имѣніе, гдѣ въ тиши пробылъ, занимаясь хозяйствомъ до поздней осени. Въ концѣ лѣта Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ былъ назначенъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ.

Все сразу измѣнилось, подулъ какой-то либерально чиновническій духъ. Аристократическій штабъ Закревскаго растаялъ. Тучковъ перевелъ съ собою своихъ ординарцевъ и адъютантивъ изъ корпусного штаба, которымъ онъ передъ тѣмъ командовалъ.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія Московское купеческое общество только что начинало стремиться войти въ общеніе съ образованнымъ Московскимъ дворянскимъ обществомъ. На купеческихъ балахъ понемногу начали появляться дворянская молодежь изъ общества. Дамское же общество рѣдко показывалось на купеческихъ вечерахъ.

Въ числѣ Московскихъ комерсантовъ былъ нѣкто Сорокинъ, балъ у котораго я хочу описать.

Сорокинъ былъ чистый русскій самородокъ, сперва мѣщанинъ безъ всякаго образованія, при ограниченныхъ средствахъ къ жизни, но съ русской смѣкалкой, впослѣдствіи достигъ своимъ умомъ виднаго положенія въ средѣ Московскаго купечества; составилъ состояніе и, состоя подъ протекціей многихъ высокопоставленныхъ лицъ обѣихъ столицъ, со включеніемъ Графа Закревскаго въ то число, имѣлъ даже вѣсъ въ администраціи. Сорокинъ былъ контрагентомъ Баташевскимъ и Шипилевскихъ чугуно-плавильныхъ заводовъ и составилъ себѣ этой агентурой большое состояніе, а благотворительною своею дѣятельностью получилъ почетное званіе и многіе ордена.

Имѣнія моихъ родныхъ въ Тамбовской губерніи граничили съ Баташевскими землями и заводами и нерѣдко при покупкѣ хлѣба для заводовъ мы заключили различныя сдѣлки съ Сорокинымъ. Кромѣ того Сорокинъ рылъ желѣзную руду въ имѣніи Графини Закревской, въ недальнемъ разстояніи отъ Саровской пустыни и доставлялъ ее на Илевскій, тогда Баташевскій заводъ. Вслѣдствіе дружескихъ отношеній между дѣдомъ моимъ П. П. Никифоровымъ и Графомъ Закревскимъ, нерѣдко Сорокинъ прибѣгалъ къ содѣйствію дѣда въ дѣлахъ своихъ съ Гр. Закревскимъ.

Вотъ результатъ нашего знакомства съ Сорокинымъ. Вертясь между образованнымъ обществомъ дѣловыхъ людей Петербурга и Москвы и заводской администроціи, Сорокинъ усвоилъ себѣ пользу образованія. Сыновья его кончили курсъ въ Московскомъ Университетѣ, а дочери воспитывались французскими и нѣмецкими преподавательницами. По этому можно поставить домъ его въ число образованныхъ купеческихъ семей. Въ то время я былъ только что испеченный молодой офицеръ и жилъ въ домѣ дѣда моего на Поварской улицѣ. Сорокина едва зналъ. Однажды, потребованный въ кабинетъ дѣда, я засталъ у него Сорокина. Высокій, юркій брюнетъ быстро поднялся съ кресла, при моемъ появленіи. Быстрыя черныя глазки безпокойно бѣгали во лбу его, не останавливаясь на предметахъ ни на секунду. Когда я молча поздоровался съ нимъ, то дѣдъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ; Сорокинъ желаетъ обра-

Иванъ Семеновичъ Храповицкій.
Бывшій Московскій Вице-Губернаторъ въ 1826 году.
Съ старинной литографія, собранія С. П. Виноградова.

титься къ тебѣ за содѣйствіемъ въ одномъ дѣлѣ, надѣюсь, что ты постараешься исполнить его просьбу, къ которой присоединяюсь и я. На мой вопросъ Сорокину, чѣмъ могу я служить ему? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что выдаетъ замужъ свою дочь за Моршанскаго купца Котельникова, свадьба будетъ въ Тамбовской губерніи, но предварительный свадебный балъ будетъ въ Москвѣ, въ его домѣ, на набережной, близъ Каменнаго моста, потому онъ проситъ меня посѣтить его балъ и содѣйствовать его успѣху, привезя съ собою по возможности какъ можно больше танцующихъ кавалеровъ. Когда я по окончаніи разговора обѣщалъ ему исполнить по возможности его просьбу, то онъ, нагнувшись почти къ уху, шепнулъ мнѣ: «нельзя ли съ титульчиками.» Я насилу могъ скрыть невольно проснувшуюся на лицѣ моемъ улыбку...

Въ назначенный день я съ товарищемъ моимъ Графомъ Владиміромъ Морковымъ и двумя другими лицами, явились на балъ Москворецкой набережной. Довольно обширный залъ съ бѣлыми подъ мраморъ стѣнами былъ освѣщенъ люстрами и канделябрами. Хозяинъ представилъ насъ своему семейству и нѣсколькимъ болѣе почетнымъ гостямъ. Между присутствующимъ женскимъ персоналомъ не было у насъ ни одной знакомой личности, такъ что мы старались болѣе по возможности придерживаться семейства хозяина. Занимать разговоромъ нашихъ дамъ было затруднительно—ихъ интересы и наши были настолько противоположны, что точка соприкосновенія витала гдѣ-то въ далекомъ пространствѣ. Я былъ еще въ лучшемъ положеніи, какъ помѣщикъ одной губерніи съ хозяевами, потому зналъ нѣкоторыхъ лицъ по наслышкѣ, но товарищи мои должны были поэтизировать. Всѣ дѣвицы говорили по французски, притомъ довольно правильно; нельзя было того сказать про ихъ русскій говоръ—онъ пестрѣлъ простонародными выраженіями и неправильностью сложенія рѣчи, а главное отзвукомъ глухой деревни. Это можно наблюдать даже въ настоящее время въ семьяхъ вновь испеченныхъ милліонеровъ. Причину подобной русской рѣчи можно приписать первоначальному обученію деревенскихъ нянекъ, которымъ

ввѣряется первая забота о дѣтяхъ въ купеческихъ семьяхъ. Балъ былъ весьма приличенъ, хотя общество чувствовало себя стѣсненнымъ и несвободнымъ между лицами совсѣмъ между собою незнакомыми. По окончаніи танцевъ былъ ужинъ съ массою поздравительныхъ тостовъ и обиліемъ налитаго и пролитаго шампанскаго.

На другой день мы поѣхали къ Сорокину съ утреннимъ визитомъ и возбудили въ хозяевахъ замѣтное любопытство къ одной принадлежности нашего костюма. Балъ былъ лѣтомъ. Въ Парижѣ была мода въ лѣтнее время дѣлать утренніе визиты въ лаковыхъ башмакахъ, на верху которыхъ виднѣется шолковый чулокъ; въ такомъ костюмѣ поѣхали и мы. Хозяева косо смотрѣли на наше новшество, какъ будто бы подозрѣвая, что мы изъ неуваженія къ нимъ явились въ ночныхъ туфляхъ.

ГЛАВА IX.

1861 г.—Освобожденіе крестьянъ.—Поѣздка моя въ Тамбовскую губернію.—Смѣшной бунтъ. Прибытіе Государя въ Москву.—Покупка дачи Тучкову.—Битва подъ Дрезденомъ.—Балъ у П. А. Тучкова.—Пріѣздъ въ Москву.—Гр. Морковъ.—Гр. Закревскій.—Супруга Ген.-Губ. Тучкова.—Семья Челищевыхъ.—Хлюстины.

Въ понедѣльникъ первой недѣли, на папертяхъ церквей и полицейскихъ будкахъ появился прибитый манифестъ, уничтоженія крѣпостного права, и объявленіе новаго положенія о крестьянахъ. Первое время все было тихо, дворовымъ было объявлено, что они должны оставаться въ услуженіи еще два года.

На второй недѣлѣ я выѣхалъ изъ Москвы въ деревню, хотя многіе меня отъ этого отговаривали. Увѣряли, что въ провинціи начались безпорядки. Мирно доѣхалъ я въ Тамбовскую губернію. Все шло попрежнему. Всѣ были такъ ошеломлены неожиданнымъ, хотя и давно предполагаемымъ событіемъ, что первое время ходили какъ пришибленные. Но это была тишина передъ бурей. Весь постъ прошелъ благополучно и кромѣ нѣсколькихъ случаевъ опившихся мужиковъ на базарахъ, не было слышно никакихъ безпорядковъ. Работы шли обычнымъ порядкомъ. Святая была поздняя. Въ концѣ Святой недѣли я поѣхалъ верхомъ въ лѣсъ другой нашей деревни, отстоявшей отъ господскаго дома въ 5 верстахъ. Проѣзжая въ трехъ верстахъ отъ дома я встрѣтилъ толпу разряженныхъ бабъ, бывшихъ нашихъ крѣпостныхъ, шедшихъ въ усадьбу. Толпа очень мирно поздоровалась со мной и прошла мимо. Часа черезъ два, возвращаясь домой, я встрѣтилъ мирно возвращающихся женщинъ домой и первое, что мнѣ бросилось въ глаза при въѣздѣ въ усадьбу, это то, что весь обширный дворъ нашъ былъ усѣянъ связками льна и конопли. Зимой никакихъ женскихъ работъ въ имѣніи у насъ не производилось. Всякая тягловая баба осенью получала извѣстное количество трепанаго льна или кудели, въ продолженіе зимы должна была спрясть и выткать 15 аршинъ холста и весной сдать холстъ въ экономію. Какой-то грамотѣй вычиталъ въ положеніи, что никакихъ дополнительныхъ работъ, кромѣ указанныхъ въ Положеніи, не допускается, и надоумилъ бабъ отнесть непряденый ленъ на барскій дворъ. Приказчикъ не принялъ ленъ, объяснивъ имъ, что законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ. Тогда бабы побросали связки льна на дворѣ и ушли домой. Дали знать исправнику. По пріѣздѣ его бабы тотчасъ же выдали зачинщиковъ; когда ихъ арестовали, то остальныя деревни мигомъ разобрали свои связки и бабій бунтъ кончился. Происшествіе это послужило мнѣ въ пользу. Крестьяне увидали, что самовольничать имъ нельзя и сидѣли послѣ того смирно. Я въ туже весну сговорился съ крестьянами, а лѣтомъ заключилъ съ ними добровольную сдѣлку на выкупъ земли. Это была первая сдѣлка въ уѣздѣ. Лѣто прошло спокойно. Отецъ отдалъ мнѣ съ братомъ имѣніе и самъ переѣхалъ въ городъ. Трудно было старымъ людямъ видѣть разгромъ ихъ насиженныхъ гнѣздъ. Первое, что мы сдѣлали, это уничтоженіе огромной дворни, которая уничтожала добрую треть доходовъ имѣнія. Но многіе такъ обжились, что не хотѣли трогаться съ насиженныхъ мѣстъ, особенно имѣвшіе большія семьи. Мы вынуждены были

многимъ положить небольшія пенсіи, до истеченія двухлѣтняго срока, чтобы только заставить ихъ удалиться изъ усадьбы.

Лѣтомъ генералъ-губернаторъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ жилъ въ Петровскомъ паркѣ, на дачѣ князя Долгорукова. Государь, бывъ въ Москвѣ, осчастливилъ Тучкова, принявъ приглашеніе на обѣдъ въ занимаемой имъ дачѣ. Во время разговора за обѣдомъ, узнавъ, что дача нанята Тучковымъ на лѣто, а не составляетъ его собственности, Государь приказалъ купить дачу и подарилъ ее Тучкову. По кончинѣ Тучкова дача была продана его наслѣдниками, долго служила помѣщеніемъ Нѣмецкаго клуба, потомъ ареной многихъ увеселительныхъ заведеній, а теперь окончательно сломана и мѣсто превращено въ манежъ и конюшни братьевъ Морозовыхъ.

Въ маѣ 1861 года Императоръ Александръ II прибылъ въ Москву, гдѣ пробылъ три недѣли. Москва была полна семьями помѣщиковъ. Многіе не ѣхали въ деревню, опасаясь безпорядковъ между крестьянами, тѣмъ болѣе, что разнорѣчивые слухи шли о волненіяхъ въ Казанской губерніи въ селѣ Бездна и въ Чембарскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи.

Лѣто въ Москвѣ прошло спокойно, но осенью 10 октября ознаменовалось безпорядками студентовъ на Тверской площади. Студенты толпой явились къ дому генералъ-губернатора, прося его выслушать ихъ жалобы на университетское начальство. П. А. Тучковъ отказался выйти къ нимъ и вообще впутываться въ чужое дѣло. Никакія увѣщанія не дѣйствовали на разгоряченную молодежь, подстрекаемую Колоколомъ и его агентами. Тогда прибѣгли къ помощи полиціи и жандармовъ. Площадь была очищена, зачинщики арестованы и посажены въ мѣста заключенія. Бой этотъ извѣстенъ какъ битва подъ Дрезденомъ (гостиница на площади того имени). Побѣдителями были два полицеймейстера Николай Ильичъ Огаревъ и Иванъ Ивановичъ Сечинскій.

Въ декабрѣ 1861 года я поѣхалъ въ Москву, желая нѣсколько отдохнуть отъ тревожнаго и утомительнаго лѣта.

Поселился я на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ графа Комаровскаго, вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ графомъ Владиміромъ Аркадьевичемъ Морковымъ. Москва нѣсколько успокоилась отъ ожидаемыхъ ею печальныхъ картинъ. Хотя во многихъ мѣстахъ Россіи и были нѣкоторые безпорядки, но они скоро улаживались безъ особыхъ рѣзкихъ мѣръ. Полученіе выкупныхъ денегъ временно немного исправило дѣла помѣщиковъ, пошатнувшіяся отсутствіемъ кредита вслѣдствіе закрытій операцій Опекунскаго Совѣта.

Графъ Закревскій переѣхалъ въ Газетный переулокъ въ домъ князя Шаховскаго, а потомъ въ домъ Римскаго-Корсакова (теперь Художественнаго театра), и кромѣ ежедневныхъ собраній для игры въ лото съ графиней, бывали у нихъ и небольшіе танцовальные вечера. Графъ жилъ стариннымъ бариномъ, не измѣняя своихъ привычекъ. Утро было занято докладами разныхъ управляющихъ имѣній и домовъ, потомъ обычный завтракъ, пріемъ знакомыхъ и прежнихъ сослуживцевъ; потомъ графъ дѣлалъ нѣсколько визитовъ передъ обѣдомъ. Обѣдъ на 6 или 8 персонъ. Вечеромъ неизбѣжное лото у графини, въ 11 часовъ легкій ужинъ и затѣмъ графъ удалялся тотчасъ же въ свою спальню. Графиня часто продолжала игру въ лото, если оставались еще партнеры.

Наружно графъ оставался ровенъ и спокоенъ, какъ всегда, но въ разговорѣ съ близкими ему лицами жаловался на свершившееся, находя, что не приняли во вниманіе его слишкомъ пятидесятилѣтнее служеніе отечеству и уволили какъ будочника безъ прошенія. Графиня, по обыкновенію, по утрамъ долго лежала въ постели, гдѣ даже принимала близкихъ себѣ особъ, а вечеромъ неизмѣнное лото. Она легче переносила постигшую ее катастрофу, хотя иногда жаловалась на нѣкоторыхъ личностей ею, во время власти, облагодѣтельствованныхъ.

Я бывалъ часто у нихъ, особенно по вечерамъ вмѣстѣ съ графомъ Владиміромъ Морковымъ, чтобы составить партію графинѣ.

Предводителемъ Московскаго уѣзда выбранъ былъ Николай Гавриловичъ Головинъ, ярый крѣпостникъ, отъ ко-

тораго ожидали многаго, но вышелъ мыльный пузырь. Кромѣ пустой болтовни—ничего. До него предводителемъ Московскаго уѣзда былъ Рябининъ, родственникъ генералъ-губернатора Тучкова. Въ одинъ изъ пріемныхъ дней, когда я былъ съ визитомъ у супруги генералъ-губернатора и кто-то разсказалъ о какой-то выходкѣ Головина, то Елисавета Ивановна, обратясь ко мнѣ сказала: «вотъ вашъ выборъ, господа, заболтировали достойнаго человѣка и выбрали другого, только за то, что громко критикуетъ то, чего избѣжать невозможно».

Въ эту зиму у генералъ-губернатора былъ замѣчательный балъ, на которомъ присутствовали: князь Барятинскій, покоритель Кавказа, прежній главнокомандующій Кавказа Алексѣй Петровичъ Ермоловъ и Имамъ Шамиль, съ двумя сыновьями. Тріумвиратъ этотъ возбуждалъ общее любопытство московской публики. Я помню маленькій эпизодъ, случившійся на моихъ глазахъ. Старшій сынъ Шамиля былъ представленъ госпожѣ Арсеньевой, рожденной княжнѣ Дадіанъ. Разговаривая съ нимъ, Арсеньева увидѣла на его пальцѣ кольцо, подаренное ею своей родственницѣ Орбеліяни, которая недавно была въ плѣну у Шамиля, взятая въ своей усадьбѣ во время одного набѣга. Гдѣ Вы взяли это кольцо? спросила Арсеньева. Молодой горецъ сильно покраснѣлъ и спряталъ руку въ черкеску, отвѣтивъ что-то непонятное. Я знаю это кольцо, оно принадлежало моей родственницѣ Орбеліяни, продолжала Арсеньева. Горецъ вспыхнулъ до корня волосъ и сталъ что-то тихо отвѣчать Арсеньевой, какъ можно было судить оправдывая свой поступокъ и незаконное владѣніе кольцомъ.

На этомъ балѣ была тоже замѣчательная личность братъ Павла Алексѣевича Тучкова—Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ. Извѣстный либералъ, Пензенскій помѣщикъ, дочь котораго была замужемъ за Огаревымъ, другомъ Герцена. Личность эта тоже обращала на себя вниманіе, хотя Алексѣй Алексѣевичъ старался держать себя въ тѣни и даже не ходилъ въ танцовальный залъ. Зимою было много баловъ, хотя общество было встревожено разнородными слухами о волненіяхъ въ различныхъ мѣстахъ Имперіи.

Зима прошла какъ-то безцвѣтно и скучно. Немного разнообразило Москву вновь открывшійся домъ Челищевыхъ, гдѣ были двѣ взрослыя красавицы дочки. Старшая вышла въ томъ же году замужъ за кавалергарда Львова, а вторая, В. Варвара, вышла впослѣдствіи, за извѣстнаго богача Попова. Послѣдняя несмотря на свою обаятельную красоту и ангельскій ровный характеръ, была очень несчастлива въ замужествѣ и даже съ горя была психически больна и скончалась въ лѣчебницѣ у психіатра. Глядя на нее въ дѣвичьемъ ея возрастѣ, и любуясь ея грезевской головкой, можно ли было ожидать такой печальной участи? Напротивъ, казалось, что ее ожидало самое веселое и могучее счастье. Балы Челищевыхъ привлекали всю московскую аристократическую молодежь, любовавшуюся молодостью и красотой молодыхъ хозяекъ. Мнѣ впослѣдствіи, пришлось почти ежедневно бывать въ этомъ домѣ, когда балы и празднества прекратились и семейство жило болѣе спокойной семейной жизнью.

ГЛАВА X.

1862 г. Бурное Дворянское Собраніе.—Поѣздка въ Парижъ.

Выборы 1862 года были бурны. Сдержанность дворянства во все время засѣданій комитетовъ по улучшенію быта крѣпостной зависимости крестьянъ вѣрнѣе, освобожденія ихъ, послѣ обнародованія положенія, развязало молчащія уста. Дворяне затоворили. Изъ пересказовъ въ тиши кабинета перекочевали въ громкіе дебаты дворянскихъ собраній. Въ московскомъ дворянскомъ собраніи громилъ петербургскую чиновничью клику Дмитрій Дмитріевичъ Голохвастовъ, называя чиновничью петербургскую клику опричиной. Николай Александровичъ Безобразовъ стоялъ за права дворянства, на основаніи грамоты Императрицы Екатерины II, подтвержденной послѣдующими Государями. Фотографическій портретъ Безобразова съ надписью въ видѣ ореола «поборникъ правды, защитникъ правъ дворянства», раздавался желающимъ имѣть его. Графъ Орловъ-

Давыдовъ сообщилъ дворянству, что ему извѣстно, что Государь Александръ II думаетъ уступить часть правъ своихъ Дворянству. Вернувшись въ Петербургъ, онъ былъ призванъ къ судебному слѣдователю къ допросу, съ вопросомъ? кто сообщалъ ему такіе слухи? Обидѣвшись призывомъ, графъ подалъ въ отставку отъ занимаемаго имъ придворнаго званія.

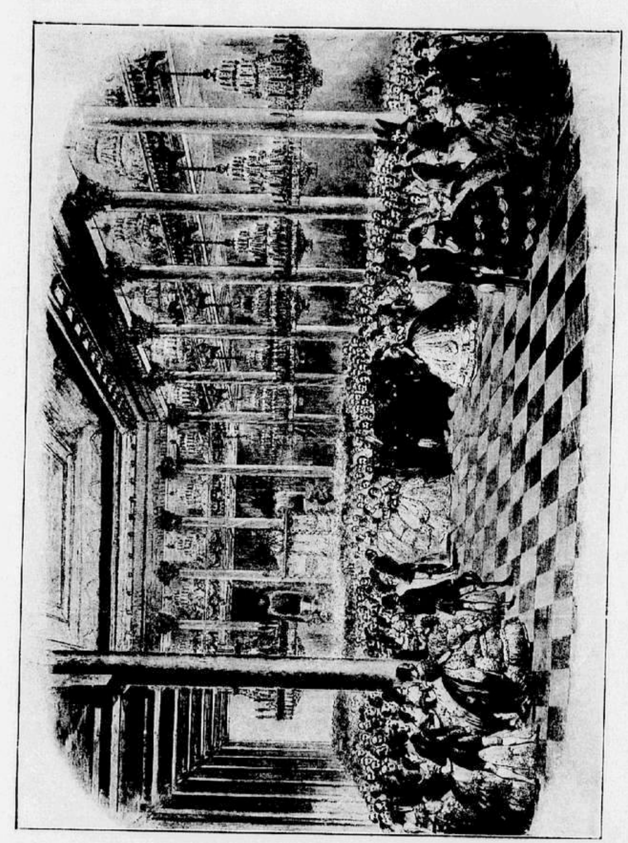
Дворянство подало всеподданѣйшее прошеніе Государю. Отвѣта на него не послѣдовало. Допустившій къ подачѣ адреса Губернскій предводитель П. П. Воейковъ не былъ утвержденъ въ своемъ выборномъ званіи и мѣсто губернскаго предводителя, занялъ второй кандидатъ князь Левъ Николаевичъ Гагаринъ.

Въ 1862 году было много толковъ о назначеніи новыхъ министровъ, большинство которыхъ было изъ числа лицъ, служившихъ въ морскомъ министерствѣ, подъ начальствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, и имъ рекомендованныхъ. Москва, считая Великаго Князя противникомъ дворянства, сильно волновалась видимымъ вліяніемъ его на дѣла Имперіи.

10 ноября Государь прибылъ въ Москву, гдѣ 18 ноября принималъ дворянскихъ депутатовъ, какъ московскихъ, такъ и смежныхъ съ нею губерній. Пріемъ дворянъ былъ обставленъ торжественно. Государь благодарилъ дворянскія депутаціи за жертвы, сдѣланныя дворянскимъ сословіемъ при отчужденіи земли къ отошедшимъ отъ нихъ крѣпостныхъ крестьянъ. 25 ноября былъ пріемъ городскихъ головъ, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ Московской губерніи.

Государь пробылъ въ Москвѣ до 20 декабря. Кромѣ различныхъ празднествъ, устраиваемыхъ по случаю пріѣзда Государя была организована охота. Когда Государь ночевалъ внѣ Москвы на охотѣ, то устроившіе охоту дворяне, въ ночное время, составляли изъ себя лично охрану Государя и по очереди стояли на часахъ вокругъ дома, гдѣ опочивалъ Государь.

На первой недѣлѣ Великаго поста, въ половинѣ февраля я уѣхалъ за границу, въ Парижъ. Отъ Москвы до Петер-

Балъ въ Благородномъ Собраніи 10 Сентября.
Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

бурга и отъ Петербурга до Динабурга (теперь Двинска) я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Въ Динабургѣ насъ помѣстили въ мальпостъ и такъ везли до Ковно. Въ Ковно мы сѣли снова въ вагонъ желѣзной дороги и черезъ нѣсколько часовъ были въ Эйдкуненѣ. Это была моя первая поѣздка въ чужіе края. Въ Москвѣ было 8 градусовъ мороза. Въ Петербургѣ и вплоть до Ковно была полная зима, но съ Ковно сильно потеплѣло и въ Эйдкуненѣ мы нашли 2 градуса тепла. Когда на слѣдующее утро я пріѣхалъ въ Берлинъ, то нашелъ тамъ, хотя туманную, но теплую погоду. Взятая мною изъ Москвы шуба стѣсняла меня. Въ Берлинѣ я пробылъ нѣсколько часовъ, до перваго отходящаго поѣзда и съ нимъ выѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь была полная весна, хотя листьевъ и почекъ на деревьяхъ еще не было. На слѣдующее утро я былъ въ Парижѣ въ 10 часовъ утра и остановился на углу rue de Provence и rue Laffite противъ дома Ротшильда. Переодѣвшись и приведя себя немного въ порядокъ, я отправился на бульвары пить кофе. Итальянскій бульваръ былъ въ двухъ шагахъ. Напившись кофе въ Cafée Riche, я въ первомъ часу пошелъ по бульварамъ и близъ Мадлены встрѣтилъ моего московскаго знакомаго, князя Любомирскаго, поселившагося въ Парижѣ около своихъ родныхъ. Встрѣча стараго московскаго знакомаго, въ незнакомомъ городѣ, весьма пріятна, тѣмъ болѣе, что я пріобрѣлъ въ немъ хорошаго руководителя и знатока парижской жизни.

Описывать парижскую жизнь я не стану. Сначала я накинулся на обозрѣваніе музеевъ, дворцовъ, церквей, вечеромъ театръ, затѣмъ балъ-маскарадъ и ужинъ, однимъ словомъ, все, что продѣлывалъ въ то время вырвавшійся на волю цивилизованной заграничной жизни, русскій путешественникъ. Мнѣ было съ небольшимъ двадцать лѣтъ, здоровья много, денегъ достаточно. Жажда привольной жизни большая. Въ увлеченіяхъ недостатка не было и все шло шаблонно какъ по маслу.

Два эпизода этой зимы остались у меня въ памяти.

Въ одно утро, гуляя въ Елисейскихъ Поляхъ, я встрѣтилъ моего пріятеля князя Александра Урусова. Князь об-

ратился ко мнѣ съ вопросомъ, что я дѣлаю изъ моего вечера? Не рѣшилъ еще, отвѣтилъ я. Поѣдемте въ театръ Variété, у меня ложа. Тамъ будетъ очень интересно.—Будетъ рѣшаться споръ между Демидовымъ и содержателемъ театра. Демидовъ покровительствуетъ одной артисткѣ (кажется Pirson). Антрепренеръ далъ ей роль, которая ей почему-то не нравится. Демидовъ просилъ антрепренера избавить ее отъ этой роли, но антрепренеръ запросилъ за это пятьдесятъ тысячъ франковъ, которые Демидовъ не согласился дать. Демидовъ рѣшился уронить пьесу на первомъ представленіи и, забравъ черезъ своихъ знакомыхъ почти всѣ мѣста въ театрѣ, устроилъ паденіе піесы. Когда я пріѣхалъ въ назначенную мнѣ ложу, то засталъ въ ней Александра Урусова и съ нимъ двухъ неизвѣстныхъ мнѣ дамъ, которымъ и былъ тотчасъ же представленъ. Театръ еще не начинался, но партеръ былъ уже полонъ и по залѣ проносился какой-то сдержанный гулъ. Въ коридорѣ было нѣсколько полицейскихъ. Видно всѣ чего-то ждали. Сыграли увертюру, занавѣсъ поднялся. Не успѣли актеры произнесть нѣсколько словъ, какъ всѣ сидящіе въ партерѣ поднялись, надѣли шляпы повернулись спиной къ сценѣ и раздался такой оглушительный свистъ и шиканье, что спектакль долженъ былъ прекратиться, и занавѣсъ былъ опущенъ. Немедленно явилось нѣсколько полицейскихъ и начался арестъ шумѣвшей публики. Но тутъ произошло что то безобразное. Партеръ оказался наполненнымъ также атлетами изъ цирка. Полицейскіе были смяты, арестованные освобождены, сержанты вытолкнуты изъ залы, а нѣкоторые высѣчены тутъ же на креслѣ короткими ременными палками. Торжество партера было не долгое. Явилась новая фаланга сержантовъ и пошли аресты и рукопашный бой. Полетѣли скамейки изъ ложъ въ головы полиціи. Количество полицейскихъ ежесекундно увеличивалось и партеръ былъ вытѣсненъ и частью арестованъ. Мы заперлись въ своей ложѣ и не выходили въ коридоръ. Когда шумъ и драка нѣсколько успокоились, желая оставить театръ мы вышли изъ ложи въ коридоръ, ведя подъ руку своихъ дамъ. Александръ Урусовъ шелъ впереди, я за нимъ.

На нижней площадкѣ онъ обернулся ко мнѣ и сообщилъ что какому-то полицейскому сломали палецъ. Пройдя нѣсколько шаговъ я увидѣлъ сержанта, державшаго свой палецъ поперекъ рта. Обратившись къ Урусову, я сказалъ ему: «не этотъ ли? и показалъ на него глазами. Моментально сержантъ грубо схватилъ меня за руку, отдернулъ отъ моей дамы и повлекъ къ стоящему недалеко комиссару въ трехцвѣтномъ шарфѣ.

Я такъ былъ удивленъ первое время, что не нашелся, что сказать моему похитителю.

— Что сдѣлалъ этотъ господинъ?—спросилъ комиссаръ. Онъ очень грозно и сердито на меня посмотрѣлъ,—отвѣтилъ сержантъ.

— Оставьте его.—Былъ отвѣтъ.

Тогда я обратился къ комиссару съ вопросомъ, по какому праву я былъ оскорбленъ, я иностранецъ, русскій, и буду жаловаться въ посольство.

— Уходите скорѣе, а то я велю посадить Васъ въ арестанскую—получилъ я грубый отвѣтъ. Я счелъ за лучшее удалиться и черезъ нѣсколько минутъ былъ въ Кафе Anglais. Двери и окна Кафе были заперты и окна закрыты ставнями. Кругомъ кафе стояла толпа и громко гудѣла и апплодировала собравшимся заправиламъ манифестаціи. Меня тотчасъ же пустили черезъ боковой ходъ съ улицы Richelieu, когда я назвалъ себя. Тамъ я засталъ цѣлое общество молодежи самаго аристократическаго общества. Черезъ полчаса явился Урусовъ и объявилъ намъ, что онъ вступилъ съ комиссаромъ въ пренія, по какому праву такъ грубо обошлись со мной. Результатъ разговора былъ тотъ, что его арестовали и отправили au Violon, гдѣ, записавъ его званіе и имя, тотчасъ же отпустили домой. Толпа народа все увеличивалась и дошла до нѣсколько тысячъ. Чтобы разсѣять ее была вызвана кавалерія, которая палашами и лошадьми разогнала ихъ. Всѣ рѣшили на утро сдѣлать демонстрацію Наполеону III въ Булонскомъ лѣсу.

Когда Наполеонъ на другой день пріѣхалъ туда на прогулку, и гулялъ съ кѣмъ-то изъ своихъ пріятелей, то всѣ гурьбой ходили мимо его и не кланялись, хотя многіе были

ему знакомы. Результатъ демонстраціи былъ тотъ, что піеса была запрещена и снята со сцены.

Другой случай былъ такой: гуляя разъ на бульварахъ съ А. Урусовымъ, я познакомился съ нѣкимъ Борщовымъ и былъ тотчасъ же приглашенъ къ нему на спиритическій вечеръ съ знаменитымъ въ то время Аланъ-Кордекъ. Борщевъ жилъ въ Елисейскихъ поляхъ съ женой и свояченицей.

Вечеръ начался спиритическими сеансами, въ которые я нисколько не вѣрилъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на ребяческую шутку.

По окончаніи сеансовъ, большинство публики, было посажено за карточные столы. Со мной сѣлъ хозяинъ Борщовъ, полякъ Ильинскій и Каменскій. Играли въ старинный ералашъ. Я объявилъ, что по большой не играю. Конечно, по маленькой, отвѣтилъ хозяинъ, сдавая карты и игра началась. Въ продолженіе робера, я нѣсколько разъ просилъ назначить цѣну игры, но всякій разъ получалъ уклончивый отвѣтъ. Наконецъ, роберъ конченъ, я выигрываю 1200 фишъ и прошу окончательно сказать цѣну игры. Мнѣ объявляютъ два франка, я отвѣтилъ, что по такой возвышенной цѣнѣ не играю. Съ ироніей мои партнеры объявляютъ мнѣ, что обыкновенно играютъ по пяти франковъ, но только для меня понизили игру. Я прошу замѣнить меня кѣмъ либо другимъ. Партнеры соглашаются понизить игру до ½ франка и, указывая на мой выигрышъ, говорятъ, что это мнѣ безопасно. Сконфуженный, я соглашаюсь и остальные пять роберовъ проигрываю. Въ результатѣ 4000 съ чѣмъ-то франковъ дефициту. Впослѣдствіи оказалось, что я попалъ въ компанію извѣстныхъ игроковъ, за что и поплатился.

Спустя десять лѣтъ послѣ того я встрѣтилъ Борщова, на поѣздѣ Николаевской желѣзной дороги. Онъ меня не узналъ, и пригласилъ меня на обѣдъ, проигравъ въ вагонѣ 6 рублей. На обѣдѣ я былъ, но въ карты съ нимъ не игралъ, а заплатилъ ему за распечатанныя колоды пять рублей, не желая ѣсть даромъ его обѣдъ и напомнилъ ему парижскую встрѣчу. Болѣе я его не видѣлъ.

За обѣдней въ Русской церкви я былъ крайне изумленъ, встрѣтивъ тамъ Князя Юрія Голицына, нашего бывшаго Тамбовскаго Губернскаго Предводителя Дворянства. Голицынъ, находясь въ административной ссылкѣ въ г. Козловѣ, увезъ дочь мѣстнаго помѣщика и бѣжалъ съ нею въ Лондонъ, откуда его правительство не могло достать. Князь, какимъ образомъ вы въ Парижѣ?—спросилъ я? Тетушка выхлопотала амнистію, отвѣтилъ князь. Довольно голодать въ Лондонѣ у этихъ торгашей, пора вернуться домой.

Впослѣдствіи Князь былъ совершенно прощенъ и я встрѣчался съ нимъ въ Москвѣ. Оригинальная была личность.

На Страстной недѣлѣ я получилъ въ Парижѣ телеграмму, что дѣдъ мой занемогъ и его отправляютъ лѣчиться въ Германію. Меня требовали въ Москву немедленно. Я съ грустью разстался съ Парижскими пріятелями и въ пятницу на Страстной выѣхалъ въ Россію. Въ Москву я пріѣхалъ на третій день Пасхи, встрѣтивъ Свѣтлый праздникъ въ вагонѣ желѣзной дороги.

ГЛАВА XI.

1862.—Возвращеніе въ Москву.—Отъѣздъ въ деревню.—Мое хозяйничанье.—Комическіе бунты.—Мировые посредники.—Губернаторъ К. К. Данзасъ.—Губернскій Предводитель Н. А. Никифоровъ.—Окружные Начальники.

По пріѣздѣ въ Москву, дѣдъ мой поручилъ мнѣ управленіе своими имѣніями въ двухъ противоположныхъ мѣстахъ Тамбовской губерніи и двухъ уѣздахъ Пензенской. Во всѣхъ этихъ имѣніяхъ кромѣ управленія нужно было вводить также уставныя грамоты.

Я тотчасъ долженъ былъ ѣхать въ Темниковскій уѣздъ Тамбовской губерніи, гдѣ жилъ главный управляющій, въ полную распутицу.

До г. Елатьмы доѣхалъ я съ грѣхомъ пополамъ, по невылазной грязи, но далѣе дорога прерывалась. Былъ полный разливъ р. Оки и никакихъ перевозовъ организовано не было. Нанялъ я какую-то рыбачью лодку съ четырьмя гребцами, которые обязались доставить меня въ имѣніе

дѣда за 20 верстъ на противоположномъ берегу. Переѣздъ едва не стоилъ мнѣ жизни. По разливу было тихо, но когда мы переѣхали р. Оку, то неумѣлые лодочники едва не опрокинули неуклюжую посудину на перевалѣ рѣки, гдѣ образовалась стремнина. Съ парижскаго бульвара я очутился въ глухой деревнѣ, завѣдывавшимъ тремя тысячами душъ, въ самое неспокойное время, когда и опытному хозяину было невмочь.

Первое время мнѣ казалось жутко. Управляющій былъ въ острыхъ отношеніяхъ съ крестьянами и не ладилъ съ властями. Крестьяне были на оброкѣ, но оброка не платили. Жалобы къ мировому посреднику не достигали цѣли. Онъ предписывалъ волостному старшинѣ, но результатъ былъ плохой, получались гроши отъ тысячи слишкомъ душъ крестьянъ, гдѣ я жилъ. Между тѣмъ многіе изъ крестьянъ имѣли мельницы и занимались торговлею пеньки, мочалъ, конопляннаго масла и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. По просьбѣ моей мировой посредникъ передалъ дѣло о взысканіи недоимокъ полиціи. Но и тутъ дѣло не двигалось. На счастье мое исправникъ былъ бравый офицеръ, любившій кутнуть и потому постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, которыя постоянно занималъ направо и налѣво. Я далъ ему нѣсколько сотъ рублей подъ расписку и тѣмъ пріобрѣлъ его расположеніе. Черезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ въ имѣніе съ толпою сотскихъ и понятыхъ изъ государственныхъ крестьянъ, для производства описи и продажи крестьянскаго имущества. Не желая продавать имущества крестьянъ, я просилъ его изыскать другіе способы взысканія.

По указанію приказчика имѣнія, были вызваны самые богатые крестьяне въ контору. Предложили первому уплатить числящуюся за нимъ оброчную недоимку. Крестьянинъ началъ клясться и божиться, что онъ совершенно разоренъ и семья умираетъ съ голода. Исправникъ приказалъ наказать его розгами, но не успѣли десятскіе раздѣть его, какъ онъ взмолился, прося пощады и обѣщалъ немедленно сдѣлать уплату числящейся на немъ недоимки. Тутъ же, сидя на полу, онъ развернулъ онучи и вынулъ

приготовленную пачку кредитокъ, покрывавшую его долгъ. Такъ съ большими варіаціями уплатили и остальные девятнадцать человѣкъ. Затѣмъ пошли уплаты и остальныхъ недоимщиковъ. Нѣкоторые уплачивали сполна, а остальные частью. Ледъ былъ прорубленъ и вода потекла хотя медленно, но безостановочно. Крестьяне увидали, что съ ними шутить не будутъ. Пріѣздъ исправника сдѣлался извѣстнымъ по всѣмъ сосѣднимъ деревнямъ и оброки начали уплачиваться, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, вездѣ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ мнѣ необходимо было ѣхать въ другое имѣніе дѣда въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи и оттуда въ Тамбовъ. Я желалъ видѣться съ дядей моимъ, тогдашнимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Николаемъ Александровичемъ Никифоровымъ и губернаторомъ К. К. Данзасомъ, моимъ хорошимъ знакомымъ. Кромѣ того у меня были дѣла по обширнымъ имѣніямъ дѣда. Поѣздка въ Кирсановское имѣніе въ хорошую, сухую погоду была прогулкою. Тутъ я впервые познакомился съ степнымъ Тамбовскимъ хозяйствомъ и обширными владѣніями Тамбовскихъ крупныхъ владѣльцевъ: Нарышкиныхъ, Масловыхъ, Соловыхъ и др.

Поразила меня разность цѣнъ лѣса сѣверныхъ уѣздовъ съ южными. Въ Темниковскомъ уѣздѣ можно было купить десятину великолѣпнаго лѣса за пятьдесятъ рублей, между тѣмъ какъ въ Кирсановѣ за плохой перестоявшійся осиновый лѣсъ я взялъ 300 руб. за десятину, за которую въ Темниковскомъ уѣздѣ никто не далъ бы и по 25 р. Хлѣбъ же былъ въ обратной пропорціи цѣнности южныхъ уѣздовъ къ сѣвернымъ. Рожь въ Темниковскомъ уѣздѣ стояла цѣна 3 руб. слишкомъ, а въ Кирсановскомъ не давали и 2 руб., а овесъ въ Кирсановѣ былъ всего 80 коп. за четверть. Покончивъ свои дѣла въ Кирсановскомъ уѣздѣ, я поѣхалъ въ Тамбовъ, и попалъ въ разгаръ ярмарки и съѣзда на нее богатаго и блестящаго дворянства.

Центръ сборища всѣхъ пріѣзжихъ былъ домъ губернатора Карла Карловича Данзаса. Жены его не было въ Тамбовѣ. За хозяекъ были его двѣ дочери: Бологовская и Жихарева. Дамскаго общества у него почти не бывало, а со-

бирались одни мужчины у него или въ клубѣ губернаторскаго сада, гдѣ центромъ нашего холостого общества была Магницкая—веселая барыня и большая пріятельница Карла Карловича. За веселыми ужинами, подъ звуки струннаго оркестра собирались у него Тамбовскіе магнаты: братья Петрово-Соловыя Григорій и Михаилъ Федоровичи, братья Масловы, отставной генералъ Бологовскій, Воейковъ, Офросимовъ, Жихаревъ, Козловъ и др. Ужины были веселы и оживленны. Остроты и каламбуры сыпались со всѣхъ сторонъ. Разъ Данзасъ предложилъ тостъ выпить за здоровье Соловыхъ (показывая на братьевъ Григорія и Михаила Федоровичей). Принимаю,—отвѣтилъ Григорій Федоровичъ, но безъ участія чалыхъ. Дружный аплодисментъ и хохотъ былъ отвѣтъ на его остроту. Данзасъ былъ съ сильной просѣдью.

Днемъ посѣщали конную ярмарку, а послѣ обѣда бѣга, гдѣ молодые рысаки пробовали свои силы.

Домъ губернскаго предводителя Николая Александровича Никифорова былъ совсѣмъ другого пошиба. Тамъ шли постоянные толки, какъ, если не сохранить дворянское имущество, то сохранить тѣ крохи, которыя должны остаться отъ ликвидаціи послѣ крѣпостной реформы. У Данзаса бари, хотя съ тяжестью на сердцѣ дѣлали видъ, что добровольно идутъ на всѣ жертвы для улучшенія быта бывшихъ своихъ крѣпостныхъ. Въ домѣ губернскаго предводителя помѣщики средней руки, подъ предводительствомъ братьевъ Бланкъ, громко проповѣдывали о полномъ разореніи и даже уничтоженіи всего дворянскаго сословія. Проектовъ было безъ конца, но толку отъ нихъ никакого. Я бывалъ въ обоихъ лагеряхъ. Въ одномъ былъ пиръ, въ другомъ раскаяніе послѣ пира съ мрачнымъ взглядомъ на будущее, которое оправдалось.

Изъ Тамбова я долженъ былъ ѣхать въ Пензенскія имѣнія дѣда. Вездѣ было одно—пассивное сопротивленіе въ уплатѣ наложенныхъ на крестьянъ повинностей. Ожидали они текущаго млека и кисельныхъ береговъ, не получивъ которыхъ были мрачны и недовольны, ожидая продолженія новыхъ милостей.

Народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ.
Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

Понемногу я улаживалъ все, не прибѣгая ни къ властямъ, ни къ крутымъ мѣрамъ. Вообще въ степной мѣстности народъ былъ сговорчивѣе и мягче.

Вернувшись въ Темниковское имѣніе, я поселился въ своемъ родовомъ гнѣздѣ, селѣ Бутаковѣ, откуда почти ежедневно дѣлалъ поѣздки по обширнымъ вотчинамъ дѣда, какъ въ Темниковскомъ, такъ и въ Елатомскомъ уѣздѣ.

Большихъ безпорядковъ въ нашей мѣстности не было, и всѣ недоразумѣнія кончались при помощи полицейскихъ властей.

Вообще единодушія между крестьянами не было по разноплеменности населенія. Уѣздъ былъ населенъ русскими, мордвами и татарами, смотрѣвшими косо другъ на друга и всегда готовыми насолить другой національности.

Вообще дворянство ждало своему сословію острой воспалительной болѣзни, но получило хроническую немочь, постоянно подтачивающую его организмъ и который конечно со временемъ приведетъ его къ полному разрушенію.

Первый призывъ мировыхъ посредниковъ не долго оставался на принятыхъ ими мѣстахъ. Первый оставилъ свое мѣсто князь Кулунчаковъ, уступивъ свое мѣсто зятю своему Ишееву, вскорѣ за нимъ вышелъ князь Енгалычевъ, котораго замѣнилъ Иванъ Семеновичъ Федоровъ, а къ концу года перешелъ въ другое мѣсто и послѣдній посредникъ, Стрѣшневъ, котораго замѣнилъ мой братъ.

Осенью пріѣхалъ ревизовать присутственныя мѣста губернаторъ Данзасъ. Былъ встрѣченъ властями и помѣщиками съ большой помпой. Ревизія обошлась благополучно, Пострадалъ только судебный слѣдователь Іерусалимскій, уличенный въ поборахъ съ порубщиковъ крестьянъ. Губернаторъ уволилъ его немедлѣнно. Тогда судебные слѣдователи назначались губернаторомъ изъ числа чиновниковъ губернскаго правленія и увольнялись имъ же безконтрольно.

Спокойствію въ губерніи во многомъ обязаны, состоявшимъ въ то время по штату Министерства Государственныхъ Имуществъ, Окружнымъ Начальникамъ. Не все то плохо, что старо. Въ дореформенное время, во всѣхъ уѣздахъ, гдѣ числились казенные крестьяне, назначался Ок-

ружный Начальникъ. Обязанность Окружнаго, была обязанностью опекуна надъ крестьянскими обществами. Казенныя крестьянскія общества управлялись волостными правленіями и волостными судами. Каждый приговоръ схода представлялся на санкцію Окружнаго Начальника, и только при невозникновеніи его протеста, приговоръ приводился въ исполненіе. Окружный былъ непосредственный начальникъ всѣхъ волостныхъ и сельскихъ писарей, которыхъ могъ собственною властью перемѣщать, опредѣлять и увольнять, безъ всякаго контроля. Находясь всецѣло въ его власти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не завися отъ волостного правленія, старшины и схода, они были вѣрные слуги Окружнаго Начальника, и потому онъ былъ постоянно въ курсѣ общественныхъ дѣлъ. Всякое неправильное толкованіе циркуляровъ обществомъ крестьянъ, тотчасъ же могло быть ими разъяснено сходу и судьямъ.

Когда должность окружныхъ начальниковъ была упразднена и общества казенныхъ крестьянъ были переданы изъ Министерства Государственныхъ Имуществъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, то общества крестьянъ обратились въ безпастушное стадо. Сколько недоразумѣній, сколько неправильныхъ дѣйствій претерпѣлъ крестьянинъ, особенно въ первое время, до учрежденія земскихъ начальниковъ, когда крестьяне не знали къ кому обратиться въ своихъ недоразумѣніяхъ. Да и теперь, при раздвоеніи власти земскихъ начальниковъ и уѣзднаго земства, крестьянинъ недоумѣваетъ, кто его истинная власть? Кромѣ показаннаго двоевластія есть еще третье—полиція. Разобраться въ границахъ ихъ власти для малограмотнаго крестьянина довольно трудно. Между тѣмъ при старыхъ порядкахъ крестьянинъ зналъ одно начальство—Окружнаго, безъ вѣдѣнія котораго никто не могъ его тронуть. Вотъ причина покорности прежняго крестьянина распоряженіямъ своего прямого начальства.

Въ началѣ самаго смутнаго времени, тотчасъ по объявленіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, я былъ нагляднымъ свидѣтелемъ происшествія непоколебимой власти Окружнаго.

По рѣшенію съѣзда мировыхъ посредниковъ, утвержденному Губернскимъ Комитетомъ, нужно было переселить два крестьянскихъ двора отъ господской усадьбы на отведенный имъ, по добровольному соглашенію, надѣлъ, гдѣ поселены были остальные крестьяне. Крестьяне двухъ дворовъ упорствовали. Помѣщикъ обратился къ содѣйствію полиціи, прося вмѣстѣ съ тѣмъ прибыть и Окружнаго Начальника, такъ какъ народонаселеніе села было смѣшанное; большинство состояло изъ казенныхъ крестьянъ. По слухамъ, къ содѣйствію казенныхъ крестьянъ противъ неисполненія приговора своего общества, обратились назначенные къ переселенію два двора.

Всѣ власти прибыли съ вечера кануна дня, назначеннаго къ исполненію постановленія. Утромъ, въ сопровожденіи понятыхъ и сельскихъ властей, становой приставъ отправился въ село. Окружный Начальникъ, когда еще всѣ спали, по какому-то поводу уѣхалъ за 3 версты въ казенное волостное правленіе, что провѣдали казенные крестьяне. Во время завтрака собравшіяся у помѣщика власти, услыхали набатный колоколъ. Всѣ бросились къ окнамъ, но ни огня, ни пожарнаго дыма не было видно. Во время общаго недоумѣнія прибѣжалъ изъ села разсыльный становаго, съ извѣстіемъ, что казенные крестьяне, собравшись въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, заперли становаго пристава съ письмоводителемъ, въ предположенной къ сломкѣ избѣ, разогнали понятыхъ и не дозволяютъ разламывать построекъ, грозя становому приставу. Ни посредникъ, ни исправникъ не могли уговорить толпу подчиниться состоявшемуся рѣшенію. Волненіе все возрастало. Но въ это время возвратился изъ своей поѣздки Окружный Начальникъ. Узнавъ суть дѣла, онъ тотчасъ же сѣлъ въ первый попавшійся экипажъ и поѣхалъ въ село. По случаю дождя тарантасъ былъ закрытъ и не видно было лицъ, въ немъ сидящихъ. Кучеръ, достигнувъ толпы, вынужденъ былъ остановить лошадей, такъ тѣсно сплотился народъ. Экипажъ былъ привѣтствуемъ хохотомъ толпы. Но фартукъ тарантаса откинутъ, на подножкѣ стоитъ Окружный. Вы зачѣмъ здѣсь? слышится его голосъ. Окружный! повторяютъ голоса въ

толпѣ. Вмигъ вся многосотенная арава поварачивается и съ сдержаннымъ шопотомъ «здѣсь Окружный»—спѣшитъ укрыться куда-нибудь отъ глазъ своего начальника. Присутствующіе видятъ только грязныя пятки улепетывающаго народа. Всѣ демонстранты не только покинули мѣсто происшествія, но даже скрылись въ лѣса, поля и къ сосѣдямъ, чтобы при послѣдующемъ разборѣ дѣла сказать, что ихъ не было не только въ толпѣ, но даже и въ селѣ.

Приговоръ былъ безпрекословно исполненъ. Казенный крестьянинъ (жившій работникомъ у крѣпостного) заперевшій становаго пристава, арестованъ и отправленъ въ городъ въ полицейское управленіе, гдѣ, отсидѣвъ нѣкоторое время въ арестантской, отпущенъ домой безъ всякаго процесса, безъ громовыхъ рѣчей прокурора, безъ пустыхъ словопреній адвоката, доказывавшаго, что черная доска, красующаяся предъ зрителями не черная, а бѣлая, а только кажется нашему взору черной. Процессъ не стоилъ казнѣ ни гроша, не такъ какъ теперь во время правовыхъ порядковъ, для покрытія стоимости которыхъ приходится постоянно увеличивать налоги. Крестьянинъ зналъ, что безъ согласія его прямого начальства—Окружнаго, никто не имѣетъ права коснуться ни къ нему, ни къ его собственности, что даже при возникновеніи судебнаго или уголовнаго дѣла, онъ имѣетъ защитника въ лицѣ депутата его вѣдомства, и что въ лицѣ своего начальника онъ имѣетъ и своего защитника, потому здравый смыслъ побуждаетъ его покоряться его власти.

Въ настоящее время крестьяне окружены такимъ количествомъ начальствующихъ лицъ, другъ отъ друга независимыхъ, что теряются въ опредѣленіи своей подчиненности тому или другому лицу. Для урегулированія отношеній крестьянина къ разнороднымъ властямъ, нуженъ однодержавный начальникъ, чрезъ котораго всѣ власти и обращались бы къ исполненію своихъ требованій. Тогда крестьянинъ зналъ бы, что разъ требованіе передано ему его единымъ и прямымъ начальникомъ, слѣдовательно имъ провѣрено, онъ долженъ исполнить его безпрекословно.

Конечно, нельзя оставить этихъ начальниковъ безъ контроля, усильте до какой угодно степени, дайте способы обжаловать ихъ распоряженія, въ какой хотите кратчайшій срокъ, но уничтожьте эту смѣшанность понятій о разныхъ начальствахъ, которые не только крестьянина, но даже образованнаго человѣка сбиваетъ съ толку. Только тогда вы водворите нѣкоторый порядокъ въ нашей деревенской жизни и уничтожите возникающія недоразумѣнія между исполнителями и народонаселеніемъ.

Единодержавные начальники сельской общины, стоя близко ко всему народонаселенію. и имѣя на своей сторонѣ всѣхъ лицъ, завѣдующихъ письменною частью общины, всегда будутъ въ курсѣ дѣла, потому и могутъ предупредить возникающія недоразумѣнія. Испытанный примѣръ дѣятельности прежнихъ Окружныхъ Начальниковъ можетъ служить намъ урегулированіемъ нашихъ отношеній къ сельскому населенію.

ГЛАВА XII.

Польскій бунтъ.—Слухи въ народѣ.—Возвращеніе дѣда изъ чужихъ краевъ.—Тревоги жителей Москвы.—М. Н. Катковъ.—М. Н. Муравьевъ.—Мой пріѣздъ въ Москву.

Первая половина зимы прошла тихо, но въ январѣ 1863 года мы были встревожены газетными извѣстіями о рѣзнѣ нашихъ войскъ въ Польшѣ, по распоряженію польскаго ржонда. У многихъ помѣщиковъ служили дѣти въ войскахъ, расположенныхъ въ царствѣ Польскомъ. Слухи были преувеличены и каждый съ нетерпѣніемъ ожидалъ писемъ отъ дѣтей.

Къ веснѣ я ожидалъ дѣда изъ за границы, прожившаго зиму въ Ниццѣ и былъ очень радъ, когда онъ вытребовалъ меня въ началѣ мая, къ своему пріѣзду въ Москву.

До станціи Вязники Нижегородской дороги я ѣхалъ въ своемъ экипажѣ; но въ Вязникахъ благодаря любезности управляющаго дорогой, полковника Кенига, меня посадили

на экстренный поѣздъ комиссіи, осматривающей путь и я въ министерскомъ вагонѣ пріѣхалъ въ Москву.

Москву я засталъ волнующеюся и ликующею. Волновалась Москва и вмѣстѣ съ тѣмъ негодовала на поляковъ, поднявшихъ еще въ январѣ знамя бунта, негодовала также на наши власти, потокавшія бунтарямъ или по крайней мѣрѣ слабо противодѣйствовавшія ихъ открытому бунту. Ликовала по двумъ причинамъ: во-первыхъ М. Н. Катковъ своими громовыми рѣчами, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, образумливалъ сконфузившихся администраторовъ, указывая имъ, что только силою можно образумить крамолу, а не вымаливать у ней снисхожденія разными уступками и обѣщаніями. Тутъ нужно власть употребить, напрасно словъ пустыхъ не тратя. Другое ликованіе въ Москвѣ было по поводу назначеніе на постъ Виленскаго генералъ-губернатора Михаила Николаевича Муравьева. Москвичи были увѣрены, что одно имя М. Н. Муравьева стоитъ цѣлой арміи. Москва послала ему сочувственный адресъ, пророча полный успѣхъ, и пророчество Москвы исполнилось. Мятежъ литовскихъ поляковъ отцвѣлъ, не успѣвши разцвѣсть.

Негодовала Москва и противъ Дипломатическаго похода французовъ и К⁰, которые старались запугиваніемъ вліять на русскую политику. Получивъ отпоръ русскаго правительства, сославшагося на безчисленное количество адресовъ, поданныхъ всѣми сословіями, Дипломатическій походъ не удался и союзники ударили отбой. Нельзя не отдать справедливости М. Н. Каткову, который своими восторженными рѣчами много способствовалъ къ подъему духа всего населенія. Всякая статья въ Московскихъ Вѣдомостяхъ по поводу Польскаго возстанія обсуждалась публикой съ азартомъ; были ярые поклонники Каткова, но были и противники защитника либеральныхъ польскихъ притязаній, которые, боясь громогласнаго протеста, шипѣли по змѣиному.

Когда я въ маѣ 1863 года пріѣхалъ въ Москву, дать отчетъ дѣду въ управленіи его имѣніями, бывшими въ моемъ завѣдываніи во время отсутствія его и жизни за границей,

то годовое отсутствіе мое изъ столицы нимало не измѣнило степени направленія мыслей и разговоровъ дворянскаго общества. Общество хотя успокоилось отъ ожиданія крупныхъ безпорядковъ, но мелкія ежедневныя непріятности повыгнали многихъ изъ своихъ насиженныхъ гнѣздъ и они наполняли Москву, какъ собою, такъ и своими желчными разсказами. Было естественно. Прежніе владыки деревни были подчинены не только мировымъ посредникамъ, но даже волостнымъ старшинамъ. Я зналъ лично фактъ, когда одна небогатая помѣщица жаловалась волостному старшинѣ на неисполненіе ея временно обязанными крестьянами своихъ обязанностей. Старшина пріѣхалъ въ домъ, прошелъ въ гостиную, разсѣлся важно на диванѣ и началъ свою рѣчь: «Ну, говори, Марья Ивановна, чѣмъ провинились твои крестьяне, я васъ разсужу. Подобныхъ тому фактовъ разсказывалось много. Никто не зналъ ни своихъ правъ, ни обязанностей. Даже петербургскіе заправилы не знали, какъ примѣнить ихъ кабинетныя выдумки къ жизни ставившей ихъ часто въ тупикъ, передъ нелѣпостью ихъ либеральныхъ теорій. Вообще шатаніе было всеобщее. Куда вѣтеръ дулъ, туда и гнулись. Плохо зналъ народную жизнь петербургскій чиновникъ. Не долго пробылъ я въ Москвѣ и долженъ былъ уѣхать въ деревню, куда собирался также и дѣдъ—распорядиться въ имѣніи, передъ обратнымъ выѣздомъ своимъ за границу, куда призывало его расшатанное здоровье.

ГЛАВА XIII.

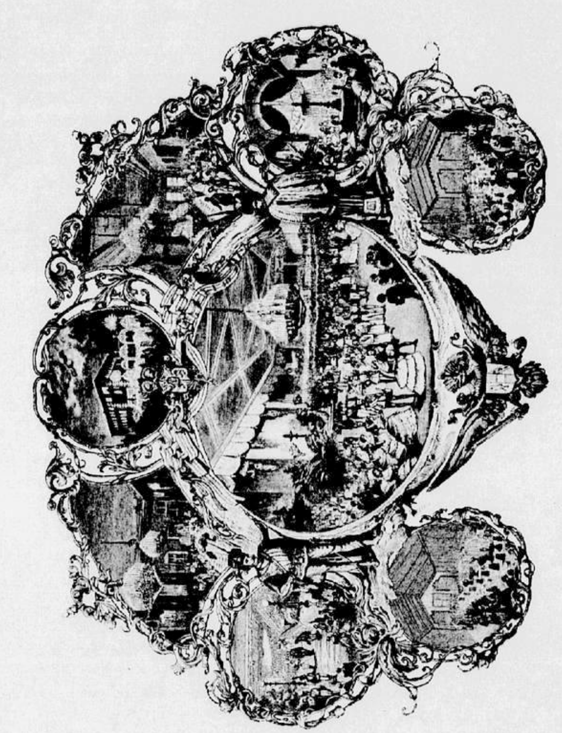
Моя свадьба.—Пріѣздъ Государя въ Москву.—Поѣздка за границу.—Вюрцбургъ. Доктора: Бамбергеръ, Скапцони. Ницца.—Кончина дѣда.

Въ имѣніи все пошло обычнымъ порядкомъ. То же глухое недовольство обѣихъ сторонъ, то же желаніе урвать въ свою пользу, что можно. Серьезныхъ безпорядковъ не было, но все шло черезъ пень колода. Бунтъ былъ на колѣняхъ, но когда прощаемый вами бунтовщикъ вставалъ

съ колѣнъ, то старался запрятать въ карманъ уроненный вами носовой платокъ. Такъ прожилъ я въ деревнѣ до половины іюля мѣсяца. Затѣмъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ въ началѣ сентября должна была быть моя свадьба. Свадьба моя была 8 сентября 1863 года. Посаженнымъ отцомъ долженъ былъ быть у меня бывшій Московскій Генералъ-Губернаторъ, графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, но передъ этимъ днемъ случился Высочайшій пріѣздъ въ Москву Государя Императора Александра II. Графъ Закревскій, какъ Генералъ-Адъютантъ, долженъ былъ явиться во дворецъ. Не желая показаться въ залахъ дворца развѣнчаннымъ владыкой, онъ уѣхалъ въ подмосковное село свое Ивановское и сказался больнымъ. Хотя онъ и благословилъ меня образомъ Спасителя, но въ церкви на свадьбѣ не былъ, а вмѣсто его посаженной матерью была у меня графиня Закревская. Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы я уѣхалъ съ женою въ мое имѣніе Тамбовской губерніи, гдѣ недалеко жили мои родители, которымъ я желалъ представить мою жену. Осень была прелестная и теплая; путешествіе было пріятно. Вернулись мы въ концѣ октября и спустя нѣсколько дней, уѣхали за границу, гдѣ должны были провести зиму въ Ниццѣ, вмѣстѣ съ моимъ дѣдомъ, уѣзжавшимъ туда для лѣченія.

Дѣдъ мой во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ постоянно лѣчился у профессора Вюрцбургскаго университета, доктора Бамбергера, и теперь мы поѣхали черезъ Берлинъ, Лейпцигъ, Дрезденъ въ Вюрцбургъ, останавливаясь вездѣ понемногу.

Дорога до границы была обставлена на военномъ положеніи, по случаю неутихнувшаго возстанія поляковъ. Тотчасъ за локомотивомъ ставился вагонъ для конвойныхъ солдатъ, для обороны поѣзда отъ нечаяннаго нападенія повстанцевъ. Прилегавшіе лѣса къ желѣзнодорожному пути срубались и сжигались на мѣстѣ, чтобы повстанцы не имѣли мѣстъ для укрывательства и засады. Прослѣдовали мы до границы благополучно и на другой день были въ Берлинѣ. Хотя на дорогѣ пророчили намъ много страху и непріятностей, но ничего въ дѣйствительности не было.

15 Сентября балъ у Австрійскаго посла.

Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

Въ Берлинъ пріѣхали мы 1 ноября нашего стиля и нашли хотя теплую, но сырую и сумрачную погоду. Берлинъ былъ мой старый знакомый по прежнимъ моимъ поѣздкамъ за границу, и потому я былъ чичероне моей жены.

Проживъ нѣсколько дней въ Берлинѣ, мы поѣхали на Лейпцигъ въ Дрезденъ для осмотра знаменитой картинной галлереи и другихъ достопримѣчательностей города. Я помню, что насъ поразили мѣстныя обитательницы, вязавшія чулки, косыночки, и разныя фишю во время концерта на Брюлевской террасѣ, когда мужья ихъ исправно попивали пиво и курили грошовыя сигары. Говорятъ, теперь все измѣнилось: нѣмки начали подражать парижскимъ модамъ.

Наконецъ мы достигли Вюрцбурга, гдѣ дѣдъ долженъ былъ лѣчиться у доктора Бамбергера, тѣмъ болѣе, что дорогой онъ простудился и приступы водяной возобновились. Жили мы всѣ въ Кронъ-Принцъ-Отель, на площади противъ дворца, изображавшаго изъ себя, вмѣстѣ съ садомъ, Версаль въ миніатюрѣ. Здоровье дѣда не поправлялось. Между тѣмъ холода въ Вюрцбургѣ усиливались, что при несовершенствѣ ихъ рамъ и печей было весьма ощутительно. Дворецъ былъ необитаемъ и большинство комнатъ не меблировано. Вюрцбургъ былъ полонъ больными, особенно дамами, которыя съѣзжались туда къ знаменитому профессору Вюрцбургскаго университета Сканцони. Въ одно время жили съ нами семья Трубецкихъ, женатаго на Смирновой, семья Смирновыхъ, Деляновы, генералъ-адъютантъ Кознаковъ, графъ Гендриковъ съ женой и сестрой своей Николевой; Энгельгарды, Лермонтовы и другіе, —однимъ словомъ—цѣлая русская колонія. Жизнь въ Вюрцбургѣ была дешевая; мѣста въ театрѣ стоили гроши. Кромѣ театра и концерта въ Музыкальной городской школѣ разъ въ недѣлю, никакихъ развлеченій въ городѣ не было. Былъ, правда, въ городѣ клубъ «Гармонія», куда приглашались всѣ иностранцы, но тамъ никто изъ пріѣзжихъ дамъ не бывалъ. Отправились мы всѣ мужской компаніей на одинъ балъ паре, но скоро ушли домой. Баварцы веселились по своему: танцовали по получасу съ одной и той же дамой

вальсъ, угощая ее въ промежуткахъ отдыха пивомъ и бутербродами. Но все это было такъ мало интересно, что мы болѣе въ Гармоніумъ не ходилг.

Студентовъ при университетѣ была масса. Какъ они учились? — не знаю, но пивныя были ими полны постоянно, и шумъ этихъ заведеній достигалъ нерѣдко улицы. Были, конечно, устраиваемы нѣсколько факельцуговъ, въ средневѣковыхъ студенческихъ костюмахъ.

Жили мы тихо въ своемъ кругу русскихъ, а нѣмцев видѣли только за общимъ столомъ. Встрѣтивъ новый годъ съ дѣдомъ, я съ женой поѣхалъ въ Ниццу, пріискать ему квартиру въ Ниццѣ, куда онъ собирался, поправивъ немного свое разстроенное здоровье.

3 января 1864 года поѣхали мы съ женою на Франкфуртъ, Ліонъ, Марсель въ Ниццу. Желѣзнодорожный путь доходилъ до маленькой деревушки Канье, не доѣзжая рѣки Варъ, на которой желѣзно-дорожный мостъ не былъ готовъ и отъ него въ Ниццу возили пассажировъ въ допотопномъ дилижансѣ. Въ Ниццѣ мы остановились въ отель Викторія на Promenade des Anglais. Пробыли мы въ ней не долго и наняли въ померанцевой рощѣ нижній этажъ дома, задній фасадъ котораго выходилъ на rue de France недалеко отъ Croix de Marbre. Погода была ясная, но холодная. Особенно непріятно было вставать утромъ съ постели, когда въ комнатѣ было не болѣе 5 или 6 градусовъ. Впослѣдствіи мы устроили такъ, чтобы до нашего вставанія затапливали каминъ, и только когда комната нагрѣвалась, мы выскакивали изъ подъ теплаго пуховика, служившаго намъ вмѣсто одѣяла. Напившись кофе, мы тотчасъ стремились въ садъ и на прогулки. Ницца въ то время была маленькій городокъ. Avenue de la Gare кончалась у французскаго театра. За rue de France были сады. Promenade des Anglais не было застроено и половины. Въ Монако ѣздили на пароходѣ и въ омнибусахъ.

Хотя театра было два: французскій и итальянская опера, но оба были съ весьма посредственными исполнителями. Cercle былъ одинъ Массена, и гдѣ теперь публичный садъ, находился оврагъ, покрытый мелкимъ камнемъ, а въ рѣ-

ченкѣ полоскали прачки бѣлье и сушили его на разсыпанныхъ на днѣ оврага каменьяхъ. Однимъ словомъ, городъ представлялъ изъ себя провинціальную идиллію. Окрестныхъ прогулокъ, кромѣ Corniche и грота St André, никакихъ.

Такъ прожили мы до конца Января, ожидая прибытія семейства дѣда, но, вмѣсто того, я неожиданно получилъ телеграму; что дѣдъ скончался въ Вюрцбургѣ и меня вызывали въ Франкфуртъ на Майнѣ, куда перевозили покойника.

Въ тотъ же день я выѣхалъ изъ Ниццы одинъ, оставивъ молодую жену мою въ одиночествѣ. Всякій пойметъ грустное состояніе, въ которомъ я покидалъ Ниццу, отъ двойного горя. На другой день я былъ въ Франкфуртѣ, гдѣ засталъ вдову дѣда и сопровождавшихъ ее лицъ. Вечеромъ тѣло отправлено было съ секретаремъ покойнаго въ Россію; жена его уѣхала впередъ, а я вернулся въ Ниццу. Зиму мы провели въ траурѣ и кромѣ прогулокъ по окрестностямъ, почти нигдѣ не бывали. Въ концѣ апрѣля въ Ниццѣ стало жарко и мы тронулись обратно въ Россію, избравъ на этотъ разъ дорогу на Ліонъ и Парижъ.

Парижъ въ 1864 году былъ почти въ апогеѣ своей славы. Наполеонъ III, окончивъ италіанскую кампанію, перестроивавшій весь Парижъ, считалъ себя любимцемъ народа. Наружно все это казалось вѣрно. Но нерѣдко проскальзывали случаи, показывавшіе, что не все то золото, что блеститъ. Разъ мы были въ Елисейскихъ поляхъ; проѣзжалъ черезъ нихъ на катанье въ Булонскій лѣсъ наслѣдный принцъ Луи. Ѣхалъ онъ въ ландо; спереди и сзади скакали эскортомъ кирасиры, на удивленіе глазѣющей публики. Прохожіе мало обращали на него вниманія, и весьма немногіе отдавали ему поклоны, хотя онъ безпрестанно раскланивался направо и налѣво. Я былъ крайне удивленъ и спросилъ моего сосѣда причину холодности къ будущему Императору Франціи. «Никогда онъ не будетъ Императоромъ», отвѣтилъ мнѣ французъ. «Въ нашемъ калейдоскопѣ постоянныя перемѣны; не пройдетъ и десятка лѣтъ, какъ у насъ будетъ перемѣна; сперва революція, республика, а потомъ что-нибудь другое. Мода Парижа—постоянныя перемѣны.

Парижъ былъ чистъ и опрятенъ несмотря на постоянныя ломки старыхъ кварталовъ и постройки новыхъ зданій и театровъ. Совсѣмъ не тотъ порядокъ утвердился послѣ паденія Наполеона и возстановленія республики.

Пробыли мы въ Парижѣ около мѣсяца, потомъ поѣхали обратно въ Москву, съ разными остановками по случаю беременности жены. Въ Москву мы прибыли въ началѣ мая. Жена осталась у своихъ родныхъ, а я тотчасъ же уѣхалъ въ деревню, куда призывали меня дѣла.

Наняли мы квартиру въ Москвѣ, на Поварской, въ домѣ доктора-акушера Николаева, черезъ домъ отъ дома моего дѣда и моего холостого жительства. Вернулся я изъ деревни въ началѣ іюля и занялся устройствомъ своей квартиры. Жена моя, по случаю своей беременности, не могла много выѣзжать. За хлопотами прошелъ мѣсяцъ и 3 августа родилась дочь моя Нина.

ГЛАВА XIV.

Кончина Московскаго Генералъ-Губернатора Тучкова.—Назначеніе Офросимова.—Князь В. А. Долгоруковъ.—Московское общество.—Шиповы, Сухотинъ, Катковъ и Н. А. Милютинъ. Англійскій клубъ.

Во время пребыванія нашего заграницей, скончался Московскій Генералъ-Губернаторъ Тучковъ. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ Офросимовъ. Офросимовъ былъ вдовецъ, и вотъ явился новый призъ въ туманѣ: Московскія молодыя вдовы и барышни, втайнѣ желая сдѣлаться генералъ-губернаторшами, были любезно предупредительны къ высокопоставленному кавалеру. Все и всѣ присѣдали передъ нимъ, какъ католики передъ своимъ божествомъ. Офросимовъ мало обращалъ вниманія на низкіе реверансы и смотрѣлъ на окружающихъ его разноцвѣтныхъ бабочекъ, какъ турецкій султанъ смотритъ усталымъ взглядомъ на надоѣвшій ему гаремъ. Знаменитая генеральша Ч.., желавшая подвесть ему своихъ протеже, но не имѣвшая въ томъ успѣха, прозвала его Малекъ-Аделемъ, къ которому всѣ льнутъ, а онъ, въ благодарность, обдаетъ ихъ презрительнымъ усталымъ взглядомъ.

Офросимовъ пробылъ недолго и въ августѣ 1865 года во время обѣда даннаго имъ Императору Александру II былъ замѣненъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ.

По окончаніи роскошнаго обѣда въ генералъ-губернаторскихъ покояхъ, даннаго генераломъ отъ Инфантеріи Офросимовымъ, на которомъ благоволилъ присутствовать Императоръ Александръ II, Государь, все время благосклонно бесѣдовавшій съ генералъ-губернаторомъ, сказалъ ему, я такъ радъ бесѣдовать съ тобою о государственныхъ дѣлахъ, что назначаю тебя состоять лично при мнѣ, а на твое мѣсто назначаю тебѣ преемникомъ генералъ-адъютанта В. А. Долгорукова. Офросимовъ получилъ бриллiантовые вензеля на эполеты и переселился въ Петербургъ. Новый генералъ-губернаторъ вскорѣ прибылъ въ Москву. Онъ не былъ Москвѣ новинкой. Сестра его, княгиня Львова, живя безотлучно въ Москвѣ, веселила москвичей постоянными балами, на которыхъ нерѣдко присутствовалъ и ея братъ князь В. А. Долгоруковъ.

Первый адъютантъ, котораго онъ пригласилъ къ себѣ, былъ москвичъ лейбъ-гусаръ князь Федоръ Михайловичъ Урусовъ, другой его адъютантъ, хотя по службѣ въ кавалергардскомъ полку петербуржецъ, но по владѣнію дома на Варваркѣ тоже москвичъ, Михаилъ Львовичъ Величковскій, былъ сосѣдъ князя по балетнымъ спектаклямъ въ Петербургѣ, гдѣ въ одномъ изъ антрактовъ князь и предложилъ Величковскому мѣсто своего адъютанта.

Князь Долгоруковъ вскорѣ прибылъ въ Москву одинъ, княгиня лѣчилась за границей и пріѣхала въ Москву только къ новому году. Княгиня была женщина болѣзненная. Во время пріемовъ она постоянно глотала маленькими ложечками шоколадъ. чашка котораго всегда стояла на столикѣ. Княгиня недолго прожила въ Москвѣ и скоро скончалась. Во время жизни княгини въ Москвѣ этикетъ дома былъ строгій, даже самъ князь Владиміръ Андреевичъ появлялся къ столу княгини не иначе, какъ въ эполетахъ; не то было по кончинѣ княгини, особенно въ послѣднее время, когда тамъ царствовали Хотинскіе и имъ подобные. Смѣна адъ-

ютантовъ была безпрестанная, только двое первоназначенныхъ оставались постоянно при князѣ. Промелькнулъ метеоромъ въ должности адъютанта князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, но вскорѣ вышелъ въ отставку. Кромѣ оффиціальныхъ адъютантовъ при князѣ постоянно состояли приватные: князь Хилковъ, П. М. Хрущовъ, князь Василій Андреевичъ Оболенскій, (по общественной кличкѣ Казимодо), Иванъ Ивановичъ Красовскій, Хотинскій и другіе чередовались между собою. Были и дамы, состоящія при немъ въ числѣ протеже: сначала С. П. Нарышкина, потомъ Ю. А. Воейкова, В. Е. Чертова, Е. Андр. Гагарина, черезъ которыхъ многіе добивались разныхъ выгодныхъ мѣстъ и наградъ. Вообще князь благодаря царской милости жилъ въ Москвѣ владѣтельной особой. Князь пользовался популярностью благодаря доступности своей всѣмъ и каждому. Всякій могъ явиться къ нему съ своей нуждой и просьбой и тотчасъ былъ выслушанъ и по возможности удовлетворенъ въ своей просьбѣ. Вотъ и причина Долгоруковскихъ улицъ, училищъ, пріютовъ и больницъ.

Новый генералъ-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Москву назначилъ Московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ генералъ-маіора Н. У. Арапова. Араповъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ точнаго и пунктуальнаго исполненія отданныхъ имъ приказаній. Строгій приказъ Арапова однажды довелъ его до курьезнаго казуса.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ десятомъ часу вечера пролетѣлъ по Московскому небосклону метеоръ. На другой день въ Московской прессѣ появилось описаніе метеорологическаго явленія. При утреннемъ рапортѣ Московскаго оберъ-полиціймейстера Арапова Московскому генералъ-губернатору князю Долгорукову, князь спросилъ Арапова, видѣлъ ли онъ полетъ метеора? Оказалось, что послѣдній вечеромъ былъ въ гостяхъ и не только ничего не видѣлъ, но даже ничего не слышалъ про воздушное явленіе.

Князь шутя замѣтилъ Арапову, что ему, какъ блюстителю порядка въ столицѣ, слѣдовало бы знать о всѣмъ происшествіяхъ въ оберегаемой имъ столицѣ. Араповъ, вер-

нувшись домой, потребовалъ къ себѣ докладчика экстренныхъ происшествій. Сдѣлавъ выговоръ за недонесеніе путешествія аэролита по небосклону Москвы, приказалъ впередъ доносить ему заблаговременно о всѣхъ экстренныхъ воздушныхъ явленіяхъ. Распоряженіе свое приказалъ отдать въ приказѣ по полиціи. Аккуратный чиновникъ въ точности исполнилъ приказъ своего начальника.

На слѣдующій день читали: его превосходительство М. о.-полиціймейстеръ замѣтилъ, что чины полиціи не донесли ему о пролетѣ метеора по небосклону Москвы, вслѣдствіе чего предписываетъ: экстренно, заблаговременно доносить ему о всѣхъ воздушныхъ необычайныхъ явленіяхъ, могущихъ произойти на небосклонѣ Москвы, дабы его превосходительство заблаговременно могъ принять соотвѣтствующія мѣры.

Жили мы съ женою скромно. Жена долго не оправлялась послѣ родовъ. Кромѣ того до конца января, мы были въ траурѣ по случаю смерти дѣда, и потому кромѣ родныхъ никуда не выѣзжали.

Въ Москвѣ все жило по старому: помѣщики проѣдали свои выкупныя свидѣтельства, продавая ихъ по 70 коп. за рубль, а кто успѣлъ ихъ прожить, то занималъ деньги подъ залогъ имѣній по 18 и болѣе процентовъ. Что же было дѣлать? Банковъ никакихъ. А благодѣтели изъ купечески Колупаевской семьи, менѣе не брали; кромѣ того обставляли займы огромными неустоечными условіями.

Въ 8 верстахъ отъ Тамбовскаго моего имѣнія находился чугуно-плавильный заводъ братьевъ Шиповыхъ Николая и Дмитрія Павловичей, съ которыми я былъ знакомъ. Бывая у нихъ въ Москвѣ, я познакомился съ ихъ братомъ, генералъ-адъютантомъ Сергѣемъ Павловичемъ Шиповымъ, бывшимъ Казанскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Сергѣй Павловичъ Шиповъ, въ царствованіе Императора Александра I командовалъ Семеновскимъ полкомъ, послѣ знаменитаго его бунта, и приводилъ его въ порядокъ относительно воинской дисциплины. Я любилъ бывать у него и слушать его разсказы о временахъ Императора Александра I. Женатъ онъ былъ на графинѣ Комаровской, Аннѣ Евграфов-

нѣ. Постояннымъ ихъ посѣтителемъ былъ Сухотинъ, совѣтникъ дворцоваго управленія. Сухотинъ зналъ всѣ московскія новости и сыпалъ ими, какъ изъ рога изобилія. Москва раздѣлялась въ политико-экономическомъ отношеніи на два лагеря. Большинство приклонялось передъ Михаиломъ Никифоровичемъ Катковымъ за защиту его дворянскаго и чисто-русскаго направленія, какъ въ прессѣ, такъ и въ законодательныхъ работахъ. Другая же партія группировалась около Николая Алексѣевича Милютина, бывшаго главнаго руководителя и вдохновителя крестьянской реформы, когда онъ, по выходѣ въ отставку послѣ преобразованій въ Польшѣ, поселился въ Москвѣ. Страстной бульваръ и Поварская, гдѣ жилъ Милютинъ, были центры противоположныхъ лагерей. Московскія барыни въ знакъ золидарности съ проповѣдуемыми имъ теоріями поднесли Михаилу Никифоровичу огромные ковры, вышитые ими по канвѣ, въ знакъ справедливой защиты имъ правъ дворянства. Ковры эти постоянно украшали стѣны гостинной, занимаемой имъ квартиры.

Въ англійскомъ клубѣ, въ чернокнижной, которая въ то время была за библіотекой, ораторствовали Лонгиновъ, Соболевскій, Юрій Самаринъ, Голохвастовъ, Уваровъ, и др. Здѣсь рѣшались многіе законодательные и реформенные вопросы, хотя словесно, но къ нимъ прислушивались въ Петербургѣ. Графъ Уваровъ, Голохвастовъ, профессоръ Дмитріевъ и другіе принимали въ дебатахъ большое участіе. Впослѣдствіи, когда число членовъ уменьшилось и средства клуба сократились, то чернокнижная съ двумя другими комнатами, была уступлена сосѣднему магазину, а говорильню перевели въ каминную, что находилась за инфернальною комнатою. Но то была уже не чернокнижная а просто говорильня. Соболевскій умеръ, Лонгиновъ былъ назначенъ Орловскимъ губернаторомъ, а потомъ начальникомъ печати. Голохвастовъ лежалъ больной, а Уваровъ бывалъ весьма рѣдко. Остальные тоже разбрелись или умерли. Въ говорильнѣ составилось другое общество, подъ предсѣдательствомъ Ивана Ильича Маслова съ ассистентами: Львомъ Николаевичемъ Волко-

14 Сентября охота въ имѣніи Графа Толстого.
Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

вымъ и Павломъ Григорьевичемъ Извольскимъ. Масловъ былъ воспитанникъ знаменитаго безрукаго генерала Скобелева, взятый имъ гдѣ-то въ Полтавской губерніи, сынъ какой-то вдовы чиновницы, гдѣ старый генералъ проживалъ по какому-то дѣлу. Онъ ненавидѣлъ дворянъ и язвилъ весь высшій міръ, насколько у него хватало умственныхъ способностей. Масловъ также ненавидѣлъ людей богатыхъ и клеймилъ ихъ по Прудоновски, говоря что «собственность есть воровство», но самъ постоянно ѣздилъ въ каретѣ и ежедневно бывалъ въ театрѣ, сидя въ первомъ ряду креселъ. Когда онъ умеръ, то послѣ него остался большой капиталъ.

Помню я англійскій клубъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. На угловомъ диванѣ, при входѣ въ билліардную, возсѣдали по субботамъ: князь Николай Ивановичъ Трубецкой, князь Лобановъ-Ростовскій, князь Сергѣй Яковлевичъ Грузинскій, Никита Егоровичъ Панинъ и многіе другіе. Ареопагъ этотъ строго осматривалъ дефилирующую публику и едва замѣтными кивками отвѣчалъ на почтительные поклоны проходившихъ. Вообще уваженіе и почтительность къ старымъ и заслуженнымъ людямъ соблюдалась строго молодежью и среднимъ возрастомъ. Я помню въ 1857 году, 22 іюля, въ день празднованія дня Ангела Императрицы Маріи Александровны, я былъ посланъ Московскимъ комендантовъ Кизмеромъ къ князю Сергѣю Михайловичу Голицыну, въ Николаевскій институтъ, поздравить его съ высокоторжественнымъ днемъ и извиниться, что, по нездоровью, онъ самъ на праздникѣ быть не можетъ. Когда я пріѣхалъ въ Воспитательный домъ, то церковная служба началась, и я долженъ былъ ждать ея окончанія. Подойдя въ числѣ прочихъ, къ князю Сергѣю Михайловичу, послѣ молебна, я былъ любезно имъ обласканъ и приглашенъ занять мѣсто за накрытымъ для завтрака столомъ, которымъ роскошно угощали всѣхъ приглашенныхъ лицъ. Кругомъ всѣ мѣста были заняты и я не зналъ куда идти. Князь Сергѣй Михайловичъ, замѣтивъ мое затруднительное положеніе, тотчасъ обратился къ князю Николаю Ивановичу Трубецкому, прося его указать мнѣ мѣсто за накры-

тымъ столомъ. Несмотря на свое высокое положеніе надо было видѣть, съ какою любезностью князь Николай Ивановичъ исполнилъ просьбу князя Сергѣя Михайловича. Тотчасъ мѣсто для меня было отыскано невдалекѣ отъ предсѣдателя, и это сдѣлало лицо, которое, въ другое время, едва бы замѣтило мое существованіе. Конечно, я не могъ принять это на свой счетъ, но это доказывало, какъ высокіе сановники уважали заслуги и положеніе другъ друга. Не то, что теперь: лица, занимающія высокое положеніе, по выскочившія почти изъ станціонныхъ вѣсовщиковъ, при каждомъ случаѣ стараются оборвать всякаго имѣющаго до нихъ надобность, если онъ не принадлежитъ къ ихъ толку, а происходитъ изъ порядочнаго общества и по какому-нибудь случаю, имѣетъ въ нихъ надобность.

Понемногу, по оскудѣнію средствъ дворянства, число членовъ уменьшалось постепенно и изъ 600 членовъ и 100 временныхъ посѣтителей, обратилось въ 200 человѣкъ, да и то туда попали лица, въ прежнее время не мечтавшія и прогуляться по заламъ въ качествѣ гостей. Я помню время, когда вереница членовъ ожидала назначеннаго часа въ пятницу вечеромъ, когда можно было записать гостя на субботній обѣдъ, такъ какъ число гостей ограничивалось пятьюдесятью человѣками. Теперь рѣдко, когда число субботнихъ обѣдовъ достигаетъ ста человѣкъ. Между тѣмъ, въ старинное дворянское время не только вся обѣденная зала была плотно установлена покрытыми столами, но и портретная, гостиная была занята обѣдающими членами.

Много старинныхъ разсказовъ слышалъ я отъ князя Сергѣя Яковлевича Грузинскаго. Разсказы эти начинались со временъ Императрицы Екатерины II, при которой князь хотя былъ еще ребенкомъ но, числясь пажемъ ея, бывалъ во дворцѣ въ торжественныхъ случаяхъ.

ГЛАВА XV.

1864.—Опубликованіе новыхъ уставовъ.—Судопроизводства и Земства.—Поѣздка Цесаревича Николая за границу и помолвка съ Датской Принцессой Дагмарой.—Пріѣздъ Царской семьи въ Москву.—Московскіе типы.

1864 годъ принесъ Москвѣ массу новшествъ. Опубликованы были новые уставы судопроизводства. Объявлено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Все это, какъ новинка сильно волновало общественныхъ дѣятелей. Но новые суды открылись только въ 1866 году. Конечно, первое время судьи, подсудимые и другіе дѣятели плохо понимали свои права и обязанности. Увлеченія были часты и нерѣдко доходили до судебнаго самодурства а въ земской администраціи до превышенія своихъ правъ. Вообще въ царившемъ тогда хаосѣ трудно было оріентироваться, что тяжело отзывалось на общественной жизни. Въ Москвѣ были открыты новые суды и мировыя учрежденія. Составъ судей былъ разношерстный, но въ большинствѣ случаевъ съ сильно либеральной подкладкой. Вообще желаніе судей было какъ нибудь оскорбить или унизить лицо, выше ихъ поставленное въ общественномъ положеніи. Я помню случай съ Александромъ Борисовичемъ Казаковымъ, который за то, что, бывъ директоромъ какой-то строившейся желѣзной дороги, не далъ мѣста какому-то субъекту, и былъ привлеченъ имъ отвѣтственности къ мировому судьѣ и приговоренъ послѣднимъ къ аресту, будто бы за рѣзкій отказъ, и только, Мировой Съѣздъ ограничился штрафомъ во сто рублей. Современные судьи стали благоразумнѣе и не прибѣгаютъ къ крутымъ мѣрамъ прежняго времени и не мечтаютъ какъ прежніе объ уравненіи всѣхъ къ одному знаменателю, а себя не ставятъ на недосягаемый пьедесталъ, какъ Римскіе Трибуны и Цензоры. Вообще это было грустное время, худо понятыхъ правъ, новосозданныхъ юристовъ. Оправданіемъ имъ могло служить, что они, какъ вырвавшіеся на волю кони со стойла конюшни, не имѣя узды брыкались направо и налѣво, нанося себѣ и обществу вредъ и въ то же время думая, что приносятъ пользу. Кромѣ того

масса шантажныхъ дѣльцовъ запугивало общество не разъясненными статьями закона, а новоиспеченные судьи держались болѣе формочки, чѣмъ сути дѣла.

Осенью Императорское семейство отправилось на воды въ Германію по случаю нездоровья Императрицы Маріи Александровны, а потомъ вернувшійся въ Россію Государь снова выѣхалъ въ Дармштадтъ, чтобы сопровождать Государыню въ Ниццу, куда доктора послали Императрицу провесть зиму, туда же впослѣдствіи отбылъ и Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. Въ сентябрѣ былъ объявленъ Высочайшій Манифестъ о помолвкѣ Цесаревича съ Датскою Принцессою Дагмарою.

Въ старинное помѣщичье время въ Москвѣ было много типичныхъ личностей. Во всѣхъ маскарадахъ и общественныхъ балахъ можно было встрѣтить двухъ молодящихся раскрашенныхъ старцевъ: отставного корнета Ехемзина и штабсъ-ротмистра Карра. Ехемзинъ былъ богатый холостякъ, помѣщикъ нѣсколькихъ губерній; имѣлъ собственный домъ въ Гнѣздникахъ, близъ дома Московскаго Оберъ-Полицііймейстера. Посѣтитель всѣхъ клубныхъ обѣдовъ, театра и маскарада. На послѣднемъ онъ угощалъ совершенно незнакомыхъ ему масокъ, если онѣ его о томъ просили. Ехемзинъ былъ небольшого роста, пузатенькій господинъ, обвѣшанный золотыми и брилліантовыми вещами, весьма скромный и вѣжливый. У себя принималъ холостую компанію весьма рѣдко, но если принималъ, то устраивалъ пьянство веліе. Масса родственниковъ окружала его и каждый по очереди имѣлъ на него вліяніе, такъ что духовное завѣщаніе его переписывалось безпрестанно. Послѣдняя воля его возбудила уголовное дѣло, говорили, что послѣднее завѣщаніе подписано не имъ, и что когда свидѣтели въ дверяхъ спальни спрашивали, онъ ли подписалъ духовную, то вмѣсто него отвѣтилъ «да» одинъ изъ его родственниковъ, спрятавшійся подъ его кроватью.

Карръ, потомокъ генерала Карра, усмирителя Емельки Пугачева, былъ въ молодости извѣстный кутила, промотавшій большое состояніе, когда я встрѣчалъ его въ общественныхъ мѣстахъ, то это была уже реставрированная

молодящаяся руина. У Карра еще былъ домъ противъ Вдовьяго Дома и хорошій выѣздъ лошадей. Карръ старался не пропускать миловидныхъ барынь, любительницъ общественныхъ увеселеній, но успѣха уже не имѣлъ. Легенды про его прошлое были многочислены. Какъ-то взбѣсившіяся лошади выбросили его на мостовую и сломали ему ногу. Карръ исчезъ съ общественнаго горизонта. Впослѣдствіи я встрѣтилъ его сѣдого и нераскрашеннаго у его родственницы, гдѣ онъ проживалъ, потерявъ свое состояніе. Оба типа въ обществѣ не бывали. Были типы другого вида. Кублицкій. Литераторъ-дилетантъ, пробовавшій издавать журналъ «Европу». Типъ международнаго европейца. Человѣкъ много читавшій, много путешествовавшій, видѣвшій много людей, много знаменитостей, бывшій со многими на дружеской ногѣ. Независимый въ средствахъ, веселый и занимательный разсказчикъ съ большими литературными свѣдѣніями. Но все это не примѣнилось ни къ какой практической цѣли. Хотя въ эпоху великихъ реформъ голосъ его имѣлъ значеніе въ общественной жизни. Какъ-то онъ отцвѣлъ, не успѣвъ разцвѣсть.

Лука Ивановичъ Похвисневъ. Гусаръ, получившій отъ отца въ концѣ пятидесятыхъ годовъ нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ съ великолѣпными имѣніями въ Симбирской губерніи. Жилъ на распашку, веселой гусарской жизнью въ Москвѣ. Ежедневный посѣтитель театровъ, клубовъ и домовъ, гдѣ играли въ карты. Пристрастился къ балету и близко сошелся съ балериной Е.....вой. Такая жизнь скоро разстроила его состояніе, а тутъ подвернулась благодѣтельница Анна Степановна Воейкова, ссудившая ему подъ залогъ имѣнія деньги, и онъ весьма скоро уступилъ свои владѣнія Валеріану Александровичу Воейкову (Китайцу—прозвище, данное ему товарищами), который взялся урегулировать его отношенія къ кредиторамъ и сожительницѣ, но скоро имѣніе его было продано съ аукціона. Лучшее досталось А. С. Воейковой. Когда Похвисневъ былъ богатъ, то московскія кумушки всячески потакали его фантазіямъ, такъ что онъ вообразилъ себя маркизомъ Карабасомъ, потому, не встрѣчая возраженій, вралъ невѣроятно.

Извѣстный разсказъ его про часы облетѣлъ всю Москву. Я торопился ѣхать въ театръ, разсказывалъ Похвисневъ, и второпяхъ садясь въ сани, обронилъ часы, минуя карманъ, въ снѣгъ. Это было зимой. Когда въ началѣ весны снѣгъ началъ таять и сдѣлался рыхлъ, то, проѣзжая бульваромъ, я получилъ сильный ударъ въ лицо комкомъ снѣга, брошеннаго копытомъ пристяжной лошади. Невольно я схватился за щеку и ощутилъ что-то твердое въ снѣгу. Вообразите, это были мои часы, совершенно цѣлые и даже продолжали идти. Вранье его было колоссально и разъ, во время проѣзда его въ вагонѣ Николаевской желѣзной дороги, послѣ продолжительнаго хвастовства, онъ обратился къ пассажиру, одѣтому въ енотку съ тирадой. Удивляюсь! какъ вы можете терпѣть въ такомъ одѣяніи собачій холодъ вагона (въ то время вагоны не отапливались), на мнѣ соболья шубка и сверхъ нее надѣта ильковая шуба и я дрогну. Что вы дали за шубку и за шубу? спросилъ пассажиръ. Не знаю, этимъ завѣдываетъ мой камердинеръ, отвѣтилъ Похвисневъ. А я купилъ свою енотку за шестьдесятъ рублей и когда вспомню сколько лишеній и труда стоило мнѣ добыть эти деньги, то отъ одного воспоминанія меня бросаетъ въ жаръ. Былъ еще типъ другого гусара, Карабановъ. Богатый человѣкъ, посѣтитель театровъ, общественныхъ баловъ, маскарадовъ и гуляній. Человѣкъ въ карты не игралъ, вина почти не пилъ, содержанокъ не имѣлъ, ни празднествъ, ни кутежей не устраивалъ, а въ непродолжительное время растратилъ свое состояніе. Карабановъ былъ всегда тщательно одѣтъ, имѣлъ великолѣпный экипажъ, посѣщалъ только приличныя общества, всегда былъ скроменъ и деликатенъ, ни съ кѣмъ не дружился, а напротивъ отъ всѣхъ сторонился, какъ будто бы боясь заразы. Особенно въ послѣднее время своего пребыванія въ обществѣ, онъ ѣздилъ въ театръ только въ ложу, гдѣ сидѣлъ въ одиночествѣ. Вообще отчужденность свою даже отъ прислуги онъ довелъ до того, что уничтожилъ свою конюшню, сдавъ содержаніе ея Николаю Кроткову, который и завѣдывалъ его выѣздомъ, получая за это хорошія деньги. Подъ конецъ своей жизни отчужденіе отъ всего и всѣхъ привело его къ умопомѣшательству.

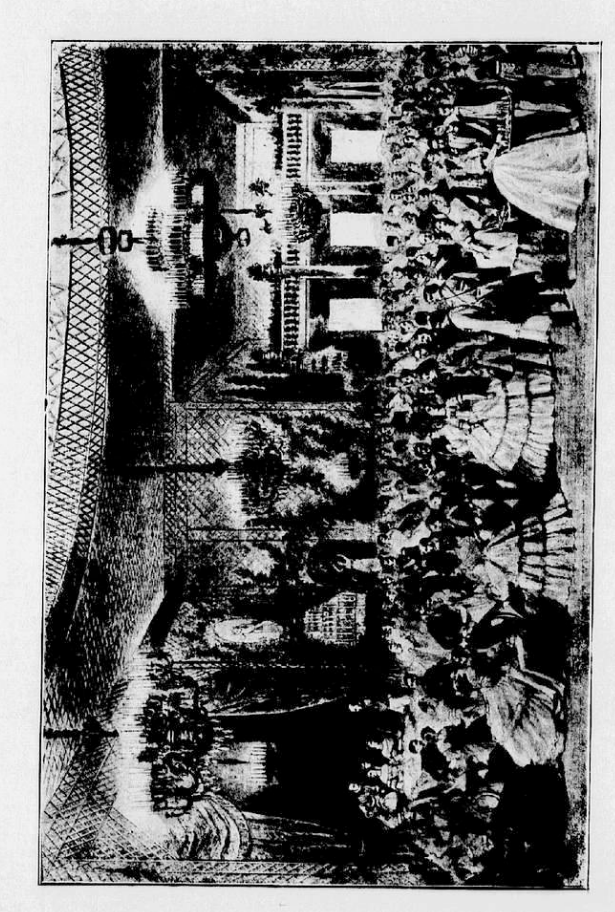
Докторъ Оверъ. Слава его началась въ Москвѣ послѣ изданнаго имъ сочиненія, разосланнаго ко всѣмъ дворамъ Европы. Отвѣтъ состоялъ въ присылкѣ орденовъ различныхъ государствъ. Оверъ былъ живой, красивый французъ, поклонникъ дамъ и ихъ любимецъ. Практика его была обширна. Часто, его привозили къ нуждающемуся въ немъ больному, безъ его воли. Для этого нужно было обратиться съ подаркомъ къ его кучеру, который распоряжался своимъ хозяиномъ, увѣряя его, что онъ обѣщалъ тутъ быть. Положенной платы у Овера за визитъ не было. Но въ большинствѣ ему платили 10 или 15 рублей. Послѣднее время, когда онъ былъ вторично женатъ на Цуриковой, то часто посѣщенія его можно было достичь, благодаря ходатайству его супруги, живой и энергичной особы. Оверъ почти ежедневно посѣщалъ домъ графа Закревскаго, гдѣ былъ своимъ человѣкомъ, такимъ же остался и по выходѣ въ отставку графа. Были лица, которыя старались жить вблизи его дома въ Москвѣ и нанимали дачи рядомъ съ нимъ, когда онъ на лѣто покидалъ Москву, такъ велика была увѣренность въ его медицинскихъ свѣдѣніяхъ и непогрѣшимости діагноза.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ подъ Новинскимъ, на внутренней его сторонѣ, въ собственномъ домѣ съ большимъ каменнымъ балкономъ на улицу, жилъ богатый помѣщикъ Иванъ Ивановичъ Барыковъ.

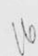
Барыковъ всю свою бурную жизнь прожилъ холостымъ и только подъ старость женился на вдовѣ своего крѣпостного крестьянина, Екатеринѣ Васильевнѣ. Во время продолжительной болѣзни Барыкова онъ такъ привыкъ къ ухаживавшей за нимъ Екатеринѣ Васильевнѣ, что когда она, вознагражденная большою суммой за свои труды, нашла себѣ жениха и объявила о томъ Барыкову, то онъ, не желая лишиться ея услугъ, объявилъ ей, что самъ женится на ней.

Свадьба эта произвела много шума въ Москвѣ. Барыковъ былъ большой хлѣбосолъ и два раза въ недѣлю устраивалъ обѣды «съ генералами». За его обѣдами можно было встрѣтить почти всѣхъ московскихъ сенаторовъ и

почетныхъ опекуновъ. На масленицѣ и пасхальной недѣлѣ званые обѣды повторялись почти ежедневно. Особенно торжественны были обѣды въ продолженіе пасхальной недѣли. По окончаніи ихъ всѣхъ присутствовавшихъ на нихъ генераловъ усаживали на балконъ любоваться катаньемъ и слушать музыку, раздававшуюся съ балконовъ балагановъ. Катающаяся и прогуливавшаяся публика могла судить про обширность знакомства богатаго барина. На масленицѣ, по случаю холода, генералы разсаживались у оконъ; это не такъ было видно, и эффектъ былъ не полонъ. Подъ Новинскимъ, гдѣ теперь засаженъ бульваръ членомъ московской городской управы Петунниковымъ по распоряженію городского головы Сер Мих. Третьякова, прежде былъ пустырь, огороженный небольшими, врытыми въ землю, столбами, соединенными деревянными между ними перекладинами. На Масленицу и Пасху весь пустырь застраивался балаганами, качелями, панорамами и временными выставками зелена-вина. Разгулъ былъ широкій. Отъ четырехъ до 8 часовъ вечера катались собственники парныхъ экипажей. Купцы показывали своихъ откормленныхъ рысаковъ, а дворянство—галунныя ливреи своихъ выѣздныхъ драбантовъ. Было много оригинальныхъ выходокъ. Извѣстный издатель журнала «Зритель» Калошинъ, у котораго домъ былъ подъ Новинскимъ, самъ прогуливался пѣшкомъ, но великолѣпный лягавый песъ его, преважно развалясь на подушкахъ коляски, катался по кругу въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Избранная московская молодежь прогуливалась пѣшкомъ или, въ видѣ воробьевъ, сидѣла на жердочкахъ, соединяющихъ врытые въ землю столбы. Несмотря на плохо содержимую мостовую, такъ что я помню довольно глубокій снѣгъ на Пасху 1859 года, катающихся подъ Новинскимъ была масса, особенно послѣдніе дни недѣли. Вся эта публика любовалась сонмомъ генераловъ, собраннымъ на балконѣ дома Барыкова. Женившись, Барыковъ взялъ гувернантку къ своей женѣ, въ числѣ обязанностей которой заключалось учить ее грамотѣ, а главное—«цыфирю», какъ выражалась почтенная Екатерина Васильевна. Знаніе ариѳметики было ей необходимо, такъ какъ картеж-

Балъ во французскомъ посольствѣ въ 1856 году.
Изъ альбома, изданнаго Министерствомъ Императорскаго Двора.

ная игра доминировала въ домѣ. Въ гостиной и залѣ играли въ преферансъ и ералашъ, а въ кабинетѣ хозяина, далеко за полночь, царствовалъ банкъ и ландскнехтъ. Барыковъ, какъ богатый человѣкъ, ссужалъ народившимся тогда строителямъ желѣзныхъ дорогъ процентныя бумаги для представленія въ залоги, и денежные тузы считали за долгъ участвовать въ его пирахъ и картахъ. Во время своей болѣзни онъ далъ слово устроить богадѣльню и дѣйствительно, по выздоровленіи, купилъ домъ въ Дурновскомъ переулкѣ, на Пречистенкѣ, устроилъ въ немъ храмъ и обезпечилъ содержаніе призрѣваемыхъ, внеся на содержаніе богадѣльни сорокъ тысячъ рублей. Когда устраивался на Прѣсненскихъ прудахъ Зоологическій садъ, то на деньги Барыкова былъ купленъ сосѣдній домъ, мѣшавшій распланировкѣ сада, за что Барыковъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Желаніе Барыкова, чтобы къ нему въ гости пріѣхалъ московскій генералъ-губернаграфъ Арсеній Андреевичъ Закревсій, а также, чтобы графъ позвалъ его къ себѣ обѣдать, — не исполнилось. Барыковъ предлагалъ всѣмъ своимъ знакомымъ пожертвовать тридцать тысячъ на благотворительныя дѣла, если кто-нибудь осуществитъ ему его завѣтную мечту. Многіе передавали это графу, который много смѣялся затѣямъ богатаго самодура, но желанія его не исполнилъ.

Супруга Барыкова, несмотря на свою необразованность, имѣла на него сильное вліяніе. Не только она лично была обезпечена въ матеріальномъ отношеніи, но даже ея племянницы были вызваны изъ деревни, получили нѣкоторый лоскъ образованія и выданы замужъ: одна—за чиновника опекунскаго совѣта, а другая за армейскаго офицера.

Многія благотворительныя дамы московскаго общества, пользуясь тщеславіемъ Барыкова, нерѣдко выпрашивали у него довольно крупныя суммы на патронируемыя ими учрежденія. Несмотря на болѣзненное состояніе, Иванъ Ивановичъ продолжалъ жить невоздержною жизнью, и постоянные гастрономическіе обѣды да картежная игра до утренней зари подкосили, наконецъ, его хилое здоровье. Большую часть своихъ родовыхъ населенныхъ имѣній онъ

распродалъ до объявленія эмансипаціи и накупилъ нѣсколько доходныхъ домовъ въ Москвѣ, управленіе которыми ввѣрилъ знаменитому переводчику римскихъ классиковъ Клеванову. По кончинѣ его половина его состоянія перешла по духовному завѣщанію къ его женѣ, а оставшіяся непроданными родовыя имѣнія—къ дальнимъ его родственникамъ, князьямъ Енгалычевымъ и Ѳедоровымъ.

Среди дамъ Московскаго общества существовалъ негласный патронатъ, подъ покровительствомъ котораго начинали свою жизненную карьеру юныя дебютанки общества. Особы, имѣвшія положеніе въ обществѣ, благодаря служебнымъ отношеніямъ своихъ мужей, или аристократичности своего рожденія, не имѣя собственныхъ дѣтей, но, желая пародировать въ общественной жизни и тѣмъ имѣть предлогъ посѣщать общественныя собранія, съ большой охотой брали на себя обязанность вывозить въ свѣтъ начинающихъ дебютантокъ. Конечно, большинство такихъ дебютантокъ состояло изъ богатыхъ пріѣзжихъ или недавно разбогатѣвшихъ семей, не успѣвшихъ составить себѣ прочный и избранный кругъ знакомыхъ.

Патронессы вывозили ихъ на балы и собранія, прикрываясь именемъ родственницъ, хотя родство часто шло чуть чуть не отъ Адама или Ноя.

Конечно, родители дебютантокъ не оставались въ долгу предъ патронатомъ, и различные подарки въ именинные и высокоторжественные дни подносились покровительницамъ дебютантокъ.

Вывозя дѣвицъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ, покровительствовали также начинающей свою карьеру молодежи, представляя ихъ въ семейные дома и протежируя имъ въ службѣ, ходатайствомъ и и похвалою, предъ начальствомъ. Принося другимъ нѣкоторую пользу они вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивали свой престижъ и пріобрѣтали популярность.

Нерѣдко, благодаря ихъ хлопотамъ устроивались браки съ коммерческой или карьерной цѣлью. Такихъ патронессъ было нѣсколько. По особо выдѣлялись своею популярностью двѣ. Жена сенатора Варвара Евграфовна Чертова и Княжна Екатерина Андреевна Гагарина.

Первая начала патронировать еще въ пятидесятыхъ годахъ во времена Графа Закревскаго, придерживаясь всегда благоволеніямъ Московскихъ Генералъ-Губернаторовъ, а для мужского патроната, пользовалась благосклоннымъ вниманіемъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, поддерживавшаго ее на почвѣ благотворительности.

Вторая дѣйствовала уже въ послѣднее время, во время второй половины Генералъ-Губернаторства князя Владиміра Андреевича Долгорукова, съ которымъ была въ дружескихъ отношеніяхъ, и кромѣ того имѣла поддержку въ родственныхъ отношеніяхъ Петербургской сферы.

Варвара Евграфовна Чертова была дочь небогатаго помѣщика Тамбовской губерніи Шацкаго уѣзда, Мосолова. Отецъ ея имѣлъ всего съ небольшимъ сто душъ, съ дохода которыхъ долженъ былъ содержать и воспитывать семью, заключающуюся изъ сына и трехъ дочерей. Варвара была младшею изъ нихъ и благодаря богатымъ родственникамъ въ домѣ которыхъ воспитывалась въ г. Саратовѣ, получила сообразно тому времени блестящее образованіе. При весьма красивой наружности, большомъ умѣ, а главное врожденной ловкости примѣняться къ обстоятельствамъ и людямъ, она вскорѣ составила себѣ положеніе, выйдя замужъ за богатаго Казанскаго помѣщика Лебедева. Замужество ея съ Лебедевымъ было непродолжительно. Мужъ ея скончался, не оставивъ потомства и Варвара Евграфовна осталась молодой вдовой, проживать въ семьѣ мужа. Вторично она вышла замужъ за коменданта Казанской крѣпости генералъ-лейтенанта Павла Апполоновича Чертова. Вскорѣ Чертовъ былъ перемѣщенъ въ Москву на должность презеуса военнаго суда, при Московскомъ Ордонансъ-Гаузѣ. Потомъ сдѣланъ сенаторомъ и скончался въ Москвѣ генераломъ отъ инфантеріи и первоприсутствующимъ сенаторомъ, девяносто шести лѣтъ.

Тотчасъ по водвореніи своемъ въ Москвѣ В. Е. завела прочныя связи въ Московскомъ обществѣ, а главное стала правою рукою супруги Московскаго Генералъ-Губернатора

княгини Софьи Степановны Щербатовой. Не было богатаго или влiятельнаго дома въ Москвѣ, причастнаго къ общественной благотворительности гдѣ бы В. Е. не числилась членомъ, патронессой, попечительницей или вицъ-предсѣдательницей. Не было богатаго или влiятельнаго дома въ Москвѣ, гдѣ бы В. Е. не была знакома. Усердно объѣзжала она своихъ знакомыхъ, когда возникало какое нибудь благотворительное учрежденiе и вездѣ умѣла возбудить интересъ къ благому начинанiю. Хотя мужъ ее имѣлъ хорошiй достатокъ, но какъ человѣкъ, составившiй большую часть своего состоянiя своимъ трудомъ, былъ весьма расчетливъ въ тратахъ и потому всѣ благотворительные сборы пополнялись В. Е. изъ кармановъ своихъ благопрiятелей. Только послѣ кончины Павла Аполоновича В. Е. показала, что считала свои средства всеобщею принадлежностью, когда почти все, что завѣщалъ ей мужъ, быстро разошлось по разнымъ рукамъ.

Еще въ началѣ своего пребыванiя въ Москвѣ она протежировала семейству богатаго откупщика Колпашникова, дочь котораго выдала весьма удачно замужъ за графа Бобринскаго. Такая удача возбудила зависть маменекъ и со всѣхъ сторонъ появились просьбы вывозить ихъ дочекъ. Варвара Евграфовна никому не отказывала. Долго вывозила она В. Бестужеву, потомъ внучку генеральши Тимофеевой и другихъ; всѣхъ она выдавала за своихъ племянницъ. Когда я появился въ 1856 году на горизонтѣ, Московской жизни, то по отношенiямъ своимъ къ моимъ роднымъ, никогда не отказывавшимъ ей въ пособiи въ благотворительности, она вывозила меня въ свѣтъ, называя своимъ племянникомъ, отчего нерѣдко я бывалъ въ затрудненiи, получая отъ только что представленной меня хозяйки вопросъ: что дѣлаетъ моя кузина В или Н? фамилiи которыхъ я едва вспоминалъ, встрѣчая ихъ у Чертовой. Мой отвѣтъ былъ обыкновенно, что это родные Чертовой съ мужской стороны, а я родня съ женской, потому не знакомъ ни съ В. ни съ Н.

Кромѣ денегъ, собираемыхъ Чертовой съ благотворительною цѣлью, она получала массу цѣнныхъ подарковъ отъ покровительствуемыхъ ею лицъ, на что завистники ея

популярности указывали въ обществѣ. Но въ оправданiе ея можно сказать, „что получала лѣвая ея рука, то тотчасъ же раздавала правая". Всѣ эти подарки тотчасъ же дарились какому-нибудь влiятельному лицу, нужному ей для поддержки ея благотворительной дѣятельности. Я помню, что, возвращаясь съ женою изъ одной изъ поѣздокъ нашихъ изъ чужихъ краевъ, жена моя привезла ей столовую скатерть обюсонъ. Черезъ два или три дня мы посѣтили Московскаго Викарнаго Архiерея Леонида, у котораго на столѣ увидѣли подаренную нами Чертовой скатерть. Чегодаевъ подарилъ В. Е. старинный кубокъ, въ днѣ котораго была вставлена большая монета, временъ Римской Имперiи. Кубокъ этотъ поднесенъ былъ ею Князю В. А. Долгорукову и находится въ числѣ пожертвованныхъ имъ вещей Румянцевскому музею. Такъ шло все въ ея жизни. При жизни своего мужа ея личныя ресурсы были весьма ограничены, Павелъ Аполлоновичъ былъ расчетливъ и не покровительствовалъ благотворительнымъ, изъ его средствъ выходящимъ, тратамъ. Но когда послѣ кончины его она получила послѣ него: домъ въ Савеловскомъ пер., болѣе ста тысячъ денегъ, подмосковное имѣнiе, массу стариннаго серебра и брилліантовъ, то благотворительная раздача пошла во всю, и по ея кончинѣ остался только небольшой капиталъ, да домъ, купленный чрезъ посредство знаменитаго ходатая по дѣламъ Буша, за десять тысячъ рублей. Хорошо, что цѣнность его, благодаря обстоятельствамъ, возрасла слишкомъ въ десять разъ. Только благодаря высокому благородству, прозорливому такту и необычайной сердечности, наслѣдники Чертовой, облагодѣтельствуемые ея замѣстителями, будутъ чтить ее память.

Доживъ до глубокой старости, въ послѣднее время она впала почти въ дѣтство, и потому попала въ руки шантажистовъ, которые, пользуясь ея невмѣняемостью, творили ея именемъ некрасивыя дѣла.

Варвара Евграфовна лѣтъ 20 до смерти плохо видѣла, но всегда старалась скрыть это отъ посѣтителей. Когда ей приносили массу бумагъ къ подписи, то, подписывая ихъ, ей казалось, что подписи нѣтъ и она обращалась къ

своей компаньонкѣ съ приказомъ обмакнуть перо въ чернила. Слово „обмакни", часто повторяемое ею, такъ врѣзалось въ ея мозгу, что однажды вмѣсто подписи В. Чертова—она написала обмакни. Конечно бумагу ей возвратили для новой подписи.

Желаніе ея не допускать въ своихъ дѣлахъ какой нибудь неблаговидной огласки, доходило до болѣзненности. Я помню, участвуя, однажды въ благотворительномъ базарѣ, гдѣ къ отведенному столу Чертовой, примыкала довольно большая ниша, въ которой устроили для нея мѣсто отдохновенія и чайный столъ. Въ этотъ укромный уголокъ пригласила она одного высокопоставленнаго генерала, которому вмѣстѣ съ чашкой чая дозволила выкурить папироску. Предательскій запахъ проникъ въ сосѣднюю палатку. Когда Чертова съ своимъ гостемъ выплыла въ залъ и уголокъ былъ свободенъ, то сосѣдній продавщикъ Графъ К. проникъ туда, желая также покурить. Но при самомъ началѣ преступнаго дѣйствія, былъ остановленъ завѣдующимъ ея столомъ, нѣкимъ землемѣромъ. Здѣсь не дозволено курить, довольно грубо сказалъ онъ Графу К. Но почему же курилъ Генералъ,—возразилъ К. То была воля Генеральши, а я не могу дозволить. Графъ удалился и при входѣ въ залъ встрѣтилъ своего сотоварища Г. Ну что хорошо Вы накурились? спросилъ послѣдній. Mais non! Ce diable de Cèrbérs de Mm. Tchertov m'a empêché. Землемѣръ слышалъ разговоръ, но за незнаніемъ французскаго діалекта не могъ понять о чемъ говорятъ, но слово „церберъ" засѣло въ мозгу землемѣра. Тогда онъ обратился къ присутствовавшей здѣсь компаньонкѣ Чертовой. Макрида Петровна, что значитъ по русски Церберъ? Церберсъ, переспросила Макрида. Да, Церберъ. Церберсъ—собака. Какъ собака?—значитъ Графъ назвалъ меня собакой. Я этого не оставлю. И землемѣръ полетѣлъ съ жалобой къ Чертовой. Спустя немного времени меня отыскала въ публикѣ одна изъ Макридъ генеральши и спѣшно потащила къ Чертовой. Я засталъ ее разстроенной. Она и Макрида разсказали мнѣ инцидентъ и просили уладить безъ шуму недоразумѣніе. Ради Бога уладь жалобно просила Чертова, а то узнаетъ

учредительница базара и мнѣ совѣстно будетъ показать ей глаза. Пошелъ я объяснить землемѣру, что происшествіе есть не болѣе, какъ плодъ плохого знанія Макридой мифологіи и французскаго языка. Церберъ—не собака, сказалъ я ему, а вѣрный хранитель ада. Изображается онъ въ видѣ собаки, какъ эмблема вѣрности, а такъ какъ Вы вѣрный хранитель интересовъ Чертовой, то это нисколько обижать Васъ не можетъ. Не совѣтовалъ я ему объясняться съ Графомъ еще по другой причинѣ. Графъ уже нѣсколько разъ побывалъ въ буфетѣ, и находится въ томъ градусѣ, когда объясненіе съ нимъ рискованно. Землемѣръ не бывши лично храбрецомъ, предпочелъ удалится въ кусты.

Напрасно многіе предполагали, что Чертова не замѣчала производимый подъ ея имнемъ шантажъ. Однажды въ моемъ присутствіи одинъ изъ ея адептовъ поднесъ ей 500 рублей, говоря, что неизвѣстный жертвователь прислалъ ей деньги на благотворительныя дѣла, употребленіе которыхъ онъ представляетъ ея личному распоряженію. Горячо благодарила Чертова передатчика пожертвованія, но когда онъ удалился, то, обратясь ко мнѣ, сказала: мнѣ принесъ 500 рублей, а себѣ за коммиссію навѣрно оставилъ вдевятеро, а награду за пожертвованіе придется отхлопатывать мнѣ и писать рекомендательныя письма.

Княжна Екатерина Андреевна Гагарина, ни въ какихъ благосворительныхъ обществахъ не участвовала, но всетаки квартира ея постоянно осаждалась различными просителями обоихъ половъ. Къ ней благоволилъ Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ.

Хлопотала она о всѣхъ и у всѣхъ лицъ, занимавшихъ какой-нибудь административный или судебный постъ. Нерѣдко начальствующія лица, совсѣмъ ей незнакомыя и только что прибывшія на вновь назначенную должность въ Москву, получали ея рекомендательныя письма и поневолѣ считали себя обязанными ѣхать къ ней съ удовлетвореніемъ или отказомъ въ ея просьбѣ. Такъ составила она себѣ популярность.

Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ не только ис-

полнялъ по возможности ея просьбы, но весьма часто самъ дѣлался просителемъ у другихъ властей, исполняя ея рекомендаціи. Во время воскресныхъ пріемовъ по окончаніи обѣдни, въ гостиной князя, если появлялась какая-нибудь неизвѣстная женская личность, то можно было безошибочно сказать, что это одна изъ протеже Екатерины Андревны, привезенная ею для представленія князю.

Въ настоящее время немало лицъ, укоренившихся на службѣ въ Москвѣ, обязанныхъ этимъ протекціи Екатерины Андреевны.

ГЛАВА XVI.

1865 г.—Слухи объ уходѣ М. Н. Муравьева.—Поѣздка въ деревню.—Отъѣздъ Государя въ Ниццу.—Кончина Цесаревича Николая.—Пріѣздъ Государя въ Москву съ В. К. Александромъ Александровичемъ. Депутація старообрядцевъ.—Пріѣздъ Императрицы Маріи Александровны въ Ильинское.—Пріемъ Голохвастова Государемъ. Поступленіе жены моей помощницей Попечительницы Пречистенскаго отдѣленія Д. П. о бѣдныхъ къ Чертовой, а меня секретаремъ Попечительства.—Александро-Маріинское Училище.—Лотерея.—Постройки въ Училищѣ.

Въ апрѣлѣ въ Москвѣ разнесся слухъ объ уходѣ Виленскаго Генералъ-Губернатора Михаила Николаевича Муравьева, вслѣдствіе обострившихся отношеній его въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Муравьевъ былъ уволенъ съ пожалованіемъ ему графскаго достоинства. Его замѣстилъ К. П. Кауфманъ.

Государь спѣшилъ отъѣздомъ своимъ въ Ниццу, гдѣ Цесаревичъ Николай Александровичъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Государь прибылъ въ Ниццу 10 числа, вмѣстѣ съ нимъ прибыли Великія Князья Владиміръ и Алексѣй, а также Высоконареченная Невѣста съ матерью Датскою Королевою Луизою. Великій Князь Александръ Александровичъ прибылъ ранѣе. Въ ночь съ 11 на 12 апрѣля Наслѣдникъ скончался. Вѣсть эта въ тотъ же день достигла Москвы и произвела въ ней большое волненіе. Манифестомъ отъ 12 апрѣля извѣщавшимъ о кончинѣ Цесаревича Николая, объявленъ

Генералъ-Адьютантъ Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, въ бытность его Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ.

Съ литографіи собранія Ровинскаго, въ Румянцевскомъ Музеѣ.

былъ наслѣдникомъ и Цесаревичемъ Великій Князь Александръ.

Весной въ началѣ мая уѣхали мы съ женой и дочерью въ Тамбовское мое имѣніе на все лѣто. Желѣзная дорога доходила только до Рязани, а далѣе мы ѣхали въ тяжеломъ четвероместномъ дормезѣ въ шесть лошадей и то въ топкихъ мѣстахъ лошади съ трудомъ вытаскивали нашъ экипажъ. Былъ полный разливъ Оки и полая вода тихо убывала. Въ деревнѣ волненіе все болѣе и болѣе утихало. Страхъ съ одной стороны, и несбыточныя мечты съ другой понемногу утихали, чему много способствовалъ бывшій въ то время Тамбовскій Губернаторъ Карлъ Карловичъ Данзасъ. Впрочемъ въ нашихъ мѣстахъ ничего особеннаго въ смыслѣ безпорядковъ и не было. Мирно мы прожили до половины сентября и 15 выѣхали въ Москву. Поселились мы на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Майковой, теперь Арбатскаго.

14 августа Императоръ Александръ II вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ прибыли въ Москву, чтобы согласно издревле установленному обычаю представить своего Наслѣдника первопрестольной столицѣ. Оба пробыли въ Москвѣ недѣлю. Москва встрѣтила ихъ обычнымъ одушевленіемъ. Въ этотъ пріѣздъ Государь принялъ Московскихъ старообрядцевъ, ходатайствовавшихъ о дозволеніи основать въ Москвѣ единовѣрческій монастырь. Государь соизволилъ разрѣшить представить проектъ, одобрилъ ихъ мысль и подалъ надежду, что дѣло это устроится.

Въ сентябрѣ Государыня Марія Александровна прибыла въ новопріобрѣтенное имѣніе свое Звенигородскаго уѣзда—село Ильинское. Царская семья провела весь сентябрь въ полномъ уединеніи, для поправленія здоровья Императрицы, потрясеннаго кончиною Цесаревича Николая. Кромѣ царскаго семейста при нихъ находилась небольшая свита приближенныхъ лицъ. Въ числѣ немногихъ лицъ, принятыхъ Государемъ въ Ильинскомъ, былъ мѣстный предводитель дворянства Дмитрій Дмитріевичъ Голохвастовъ. Голохвастовъ во время предшествовавшихъ дворянскихъ выборовъ въ Московскомъ собраніи вмѣстѣ съ Петербургскимъ ора-

торомъ Николаемъ Александровичемъ Безобразовымъ и графомъ Орловымъ-Давыдовымъ рѣзко говорилъ о Петербургскихъ чиновникахъ, настаивая подать адресъ на Высочайшее имя отъ лица всѣхъ дворянъ Московской губерніи. «Я вызвалъ тебя, какъ здѣшняго предводителя», — сказалъ ему Императоръ, — хотя я долженъ былъ бы на тебя сердиться; но я не сержусь и хочу, чтобы ты самъ былъ судьей въ своемъ дѣлѣ. Подумай! и скажи, каково мнѣ было знать, что ты публично, при всей залѣ, позоришь именемъ «опричниковъ» тѣхъ людей, которыхъ я удостоилъ довѣрія...» Голохвастовъ просилъ позволенія объяснить употребленное имъ выраженіе». «Говори правду, я всегда охотно ее слушаю», — отвѣтилъ Императоръ. Голохвостовъ увѣрялъ, что подъ словомъ «опричники» онъ разумѣлъ не дружину Іоанна Грознаго, а все то, что по своимъ цѣлямъ, понятіямъ и стремленіямъ стоитъ опричь земщины, то есть внѣ или въ сторонѣ отъ народа». «Важно не слово, — замѣтилъ Государь. — Что значила вся эта выходка? чего вы хотѣли? конституціоннаго образа правленія? — Выслушавъ утвердительный отвѣтъ Голохвастова, Императоръ продолжалъ: — «И теперь вы, конечно, увѣрены, что я изъ мелочного тщеславія не хочу поступиться своими правами. Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ я готовъ подписать какую угодно конституцію, если бы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но я знаю, что сдѣлай я это сегодня, и завтра Россія распадется на куски. А вѣдь этого и вы не хотите. Еще въ прошломъ, вы сами и прежде всѣхъ мнѣ это сказали». Слова эти относились къ адресу Московскаго дворянства по поводу польскаго возстанія. Отпуская Голохвастова, Государь сказалъ ему: «Главное, не гоняйся за аплодисментами, за успѣхами краснорѣчія, вѣдь, право, не стоитъ того....» «Аплодисменты, Государь, относились не ко мнѣ, — возразилъ Голохвастовъ, — ихъ могъ вызвать каждый въ залѣ, стоило васъ назвать — и стѣны дрожали отъ аплодисментовъ». Свѣтлая улыбка озарила лицо Государя. «Да, я знаю, — промолвилъ онъ; — ну, съ Богомъ, прощай *).

*) Рукописныя записки Д. Д. Голохвастова, напечатанныя въ жизни Царствованія Императора Александра II С. С. Татищевымъ, ст. 334. Томъ I.

Осенью 1865 года жена получила приглашеніе отъ жены генералъ-отъ-инфантеріи Варвары Евграфовны Чертовой, занять при ней должность помощницы попечительницы Пречистенскаго отдѣленія и Александро-Маріинскаго дѣвичьяго Училища.

Спустя нѣкоторое время и я согласился быть секретаремъ этого отдѣленія, чтобы помочь женѣ въ ея разнообразныхъ занятіяхъ, возлагаемыхъ на нее Чертовою.

Жили мы на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Майковой, теперь Арбатскаго. Квартира въ бель-этажѣ въ девять комнатъ съ конюшней и сараемъ стоила 650 рублей. Въ этой квартирѣ теперь пансіонъ и платятъ за нее 1800 рублей. Вотъ до какой степени поднялась цѣна въ этой мѣстности. Жена первое время занялась бѣдными Пречистенской части и еженедѣльно ѣздила въ Барыковскую богадѣльню, куда являлись къ ней бѣдные Пречистенской части. Меня же генеральша Чертова, кромѣ письменной части, командировала для осмотра и ревизіи хозяйственной части Александро-Маріинскаго Училища.

Училище помѣщалось въ домѣ Ивана Николаевича Воейкова на Пречистенкѣ. Домъ этотъ когда-то принадлежалъ князю Долгорукову, отцу бывшаго Московскаго Генералъ-Губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова. Покойный князь мнѣ лично указывалъ и комнату, гдѣ онъ родился. Въ ней устроена мною домашняя церковь Училища.

Домъ послѣ Долгорукова принадлежалъ Лаврентьеву, въ немъ помѣщалось землемѣрное училище. Къ дому были придѣланы разные постройки, сдѣланныя кое-какъ на половину каменныя, а частью деревянныя. Воейкову домъ достался по закладной. Никакихъ поправокъ и передѣлокъ онъ не дѣлалъ. Все лѣпилъ кое-какъ, даже балки надъ заломъ были составлены изъ трехъ частей, и поддерживались скрѣпами къ стропиламъ. Все это мнѣ пришлось узнать, когда домъ былъ пріобрѣтенъ въ собственность училища и мнѣ пришлось все исправлять и передѣлывать.

Когда я вступилъ секретаремъ Пречистенскаго попечительства, то домъ нанимался за 4 тысячи у Воейкова и всѣ поправки дѣлались на счетъ Училища. Воейковъ во

всемъ умывалъ руки. Капиталовъ при училищѣ не было никакихъ, а были неуплаченные счета четырехъ съ чѣмъ-то тысячъ. Около половины учащихся было даровыхъ или платящихъ 50 и 25 процентовъ слѣдуемой съ нихъ платы, да и то платили весьма неаккуратно. Надобно удивляться изворотливости и находчивости попечительницы В. Е. Чертовой, какъ могла она сводить концы съ концами. Конечно не брезговали никѣмъ и ничѣмъ. Брали и выпрашивали у всѣхъ и все, что было можно. Благодарности и обѣщанія сыпались направо и налѣво—неограниченно. Но все-таки были сильныя недохватки и постоянные долги. Когда я первый разъ присутствовалъ за обѣдомъ воспитанницъ, то меня поразило, что за столомъ, гдѣ сидѣло до 20 воспитанницъ было два стакана и одинъ графинъ, изъ которыхъ и пили воспитанницы по очереди. На другой же день я купилъ слишкомъ 300 стакановъ и около 20 графиновъ. Это былъ мой первый подарокъ училищу. Впослѣдствіи я завелъ металлическія миски и блюда, и вообще старался упорядочивать столъ и посуду училища. Пока домъ принадлежалъ Воейкову нечего было и думать исправлять помѣщеніе.

Въ виду училищнаго начальства матеріальнаго улучшенія заведенія было 40,000, которыя отказывала училищу купчиха Малютина, послѣ своей смерти. Малютина была отдана въ опеку по Высочайшему повелѣнію. Не желая, чтобы хранившійся въ какомъ-то учрежденіи капиталъ ея въ 500 тысячъ, достался ея дѣтямъ, она написала духовное завѣщаніе которое черезъ Главно-Управляющаго Вѣдомства Императрицы Маріи, Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, было представлено на Высочайшее воззрѣніе и утвержденіе. Вотъ первый капиталъ, хотя и въ туманѣ, пріобрѣтенный попечительницею въ пользу основаннаго ею училища.

Воейковъ умеръ; все огромное его состояніе досталось по духовному завѣщанію, его женѣ Юліи Адальбертовнѣ.

По дружбѣ своей къ попечительницѣ В. Е. Чертовой, Воейкова уступила доставшійся ей на Пречистенкѣ домъ въ пользу училища за 50 тысячъ рублей. Половина дѣла была сдѣлана, но денегъ опять не было; придумана была новая

комбинація: Малютину уговорили передать завѣщанный ею капиталъ училищу немедленно съ тѣмъ, что училище будетъ платить получаемые ею проценты въ количествѣ 5% по день ея кончины. Малютина на предложеніе охотно согласилась, такъ какъ не теряла въ своихъ доходахъ ничего, а выигрывала въ принципѣ. На основаніи Опеки ей запрещено было распоряжаться капиталомъ, а дозволено было пользоваться только процентами. Дозволеніемъ же выдать часть капитала, получалась лазейка просить впослѣдствіи того же для другихъ выдачъ, ссылаясь на предыдущее дозволеніе, чѣмъ она впослѣдствіи и воспользовалась. Остальныя десять тысячъ пожертвовалъ супругъ попечительницы, сенаторъ генералъ-отъ-инфантеріи Павелъ Аполлоновичъ Чертовъ. Домъ былъ купленъ.

Капитала при училищѣ все-таки не было ни копѣйки, между тѣмъ нужды увеличивались. Домъ былъ, при огромной усадьбѣ, въ полуразрушенномъ состояніи. Стѣны дали трещины и грозили паденіемъ. Лѣстницы были всѣ деревянныя. Балки всѣ полусгнившія съ эфемерными желѣзными скрѣпами. Классы безъ отдѣльнаго коридора, съ легкой перегородкой въ самомъ классѣ. Все это нужно было передѣлать. Къ тому же при училищѣ нужна была домовая церковь. Было надъ чѣмъ призадуматься.

Попечительница обратилась въ Совѣтъ Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ, прося исходатайствовать разрѣшеніе на розыгрышъ лотереи въ пользу училища. Долго длилась переписка. Наконецъ, за недѣлю до масляницы, получено было разрѣшеніе изъ Петербурга устроить лотерею въ сто тысячъ билетовъ, на сумму 25 тысячъ рублей, по 25 копѣекъ билетъ.

До Пасхи оставалось два мѣсяца, нужно было напечатать билеты, распродать ихъ до Святой недѣли и сдѣлать на Фоминой розыгрышъ. Весною всѣ разъѣзжались по деревнямъ и тогда пришлось бы откладывать лотерею до осени. Я круто повернулъ дѣло. Къ масляницѣ часть билетовъ была уже напечатана, провѣрена, подписана и пущена въ продажу въ Петербургѣ и Москвѣ. На первой недѣлѣ вышло объявленіе, что розыгрышъ будетъ непремѣнно на Фоминой недѣлѣ. Главный выигрышъ былъ 50 билетовъ

1-го съ выигрышами займа; второй 10 таковыхъ же билетовъ, затѣмъ два по три билета и 10 по одному. Мнѣ удалось купить эти билеты на собственныя средства, впередъ на срокъ, по сто съ чѣмъ-то рублей, такъ что всего затратилъ я на выигрыши около 9-ти тысячъ рублей. Мнѣ предрекали, что я не успѣю продать въ 7 недѣль такую массу билетовъ, и даже одна барыня держала со мной пари. Я такъ энергично принялся за дѣло, объѣхалъ нѣсколько вліятельныхъ и толстосумыхъ людей, что дѣло сильно пошло на ладъ.

Въ концѣ пятой недѣли поста билеты были проданы. всѣ. Деньги въ количествѣ 16 тысячъ, вручены попечительницѣ Чертовой и розыгрышъ назначенъ въ первыхъ дняхъ Фоминой недѣли, утромъ съ музыкой, а вечеромъ—театръ и балъ въ большой залѣ дворянскаго собранія. Театръ и балъ покрыли всѣ расходы по лотереѣ, печатанье билетовъ, публикацію, вознагражденіе писцу, почтовые расходы и осталось еще чистой прибыли тысяча съ чѣмъ-то рублей. Всего лотерея дала слишкомъ семнадцать тысячъ и ни копѣйки расхода на ея управленіе. Изъ нихъ В. Е. Чертова пожертвовала пять тысячъ въ неприкосновенный капиталъ Алексѣевской больницы, устроенной во флигелѣ училища. Начало основного капитала училища было сдѣлано, но не долго продержались у насъ эти деньги.

По окончаніи экзаменовъ началась передѣлка купленнаго для училища дома и устройства въ немъ домашней церкви. Всѣхъ построекъ предположено было на 15 тысячъ, но израсходовано было гораздо больше. Архитектурная и строительная часть были поручены. мнѣ. Церковный иконостасъ, Богослужебныя книги, церковныя принадлежности взялъ на себя купецъ, бывшій староверъ, Аласинъ, за сумму—мнѣ неизвѣстно, это былъ секретъ между нимъ и попечительницей. Хотя это былъ секретъ полишинеля и всякій сторонникъ передавалъ его по своему, но кто правъ, я удостовѣрить не могу. Аласинъ утверждалъ, что много добавилъ своихъ денегъ. Много?—Не думаю. Отпечатокъ его хозяйничанья и теперь замѣтенъ въ иконахъ, особенно въ одной иконѣ,—Христа, благословляющаго дѣтей. Живопись въ чисто-старовѣрческомъ духѣ. Много пришлось мнѣ повозиться съ этимъ Титъ Титычемъ. Въ одно прескверное утро, получаю я записку отъ попечительницы—немедленно пріѣхать къ ней по экстренному дѣлу. Пріѣзжаю. Генеральша въ волненіи. Оказалось, что она попросила правителя дѣлъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Серебрякова, заѣхать въ училище и посмотрѣть, что тамъ дѣлается въ Церкви и вообще на постройкахъ. Серебряковъ, по генеральски, началъ все критиковать и дѣлать перемѣны: мой Титъ Титычъ обидѣлся, разругался съ генераломъ и прислалъ своего приказчика къ попечительницѣ съ отказомъ отъ продолженія работъ въ церкви и, конечно, въ деньгахъ. Генеральша просила меня тотчасъ же ѣхать къ Аласину и утишить бурю, давъ ему обѣщанье не уполномочивать Серебрякова на ревизію, и отказывалась даже, что и прежде давала ему такое полномочіе. Отправляюсь за Москву рѣку, въ какой-то переулокъ и застаю Аласина въ саду, за кувшиномъ холоднаго квасу, въ хмѣлевой бесѣдкѣ.

Сначала мой коммерсантъ на дыбы; «не хочу, молъ, чтобы препятствовали моему нраву, я самъ генералъ отъ капитала». Долго пришлось мнѣ его уламывать, ходить съ нимъ по конюшнямъ, хвалить его рысаковъ и всячески ублажать.

Наконецъ утихъ мой Титычъ. «Хорошо, говоритъ, берусь докончить храмъ. Первое условіе, чтобы генералъ не совалъ своего носа. Второе—ѣдемъ сейчасъ на стройку, тамъ захватимъ архитектора Карнѣева, а затѣмъ завтракать на уху, въ Патрикѣевскій трактиръ, къ Тѣстову. Соглашаюсь. Въ училищѣ все приказано сдѣлать, какъ онѣ хотѣлъ. У Тѣстова застаемъ вызваннымъ пріятеля изъ Титычей. Начали съ разныхъ закусокъ. Затѣмъ стерляжья уха, а затѣмъ—шампанское. Я сильно проголодался отъ всѣхъ этихъ хожденій и поѣздокъ, не имѣя во рту ничего, кромѣ утренняго стакана кофе и потому много ѣлъ закусокъ. Послѣ ухи ожидаю чего нибудь существеннаго. Но за ухой подаютъ фрукты, виноградъ, шампанское и больше ничего. Согласитесь, на голодный желудокъ—уха, шампан-

ское и фрукты пища не совсѣмъ гигиеническая. Ночью я заболѣлъ и провалялся нѣсколько дней въ постели. Такъ я нажилъ первый катаръ съ благотворительною цѣлью.

Впослѣдствіи, въ теченіе моего 12-тилѣтняго служенія въ Пречистенскомъ отдѣленіи, мнѣ не разъ приходилось ублажать разныхъ цивилизованныхъ и не цивилизованныхъ Титъ Титычей, чтобы получить отъ нихъ мзду въ пользу училища.

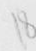
Постройки въ училищѣ продолжались во все время служенія моего. Тутъ жертвовали Губонинъ, Поляковъ и много другихъ, даже цвѣтоводъ Фоминъ перестроилъ садъ училища, получивъ за это золотую медаль.

Въ августѣ 1870 года, за безвозмездную службу училищу, за мои пожертвованія и привлеченіе другихъ лицъ къ пожертвованіямъ, я получилъ званіе Камеръ-Юнкера. Это была единственная награда, полученная мною за 12-ти лѣтнюю службу мою въ Дамскомъ Попечительствѣ о бѣдныхъ. Въ оправданіе моего начальства я считаю долгомъ прибавить, что никогда не желалъ и не просилъ себѣ наградъ, а то бы конечно получилъ ихъ много. Его Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій благоволилъ ко мнѣ и конечно не отказалъ бы мнѣ въ моей просьбѣ; но я ставилъ себя выше наградъ, считая себя исправно исполняющимъ принятую на себя обязанность, и не входилъ ни въ какіе компромиссы, за что впослѣдствіи и пострадалъ при столкновеніи съ правителемъ дѣлъ пріютовъ, знаменитымъ Е. Н. Сафоновымъ.

Впрочемъ, забылъ, получилъ я еще награду. Отъ имени всѣхъ служащихъ въ училищѣ и всѣхъ воспитанницъ я получилъ благодарственное письмо черезъ начальницу училища Виландъ, когда большая часть построекъ была окончена и инвентарь училища и платья были пополнены. Кажется это случилось когда въ прежнихъ погребахъ и кладовыхъ я устроилъ музыкальные классы, такъ что воспитанницы могли заниматься уроками музыки, не мѣшая другъ другу. Постройка эта тѣмъ болѣе меня озабочивала, что два слѣдующіе этажа были съ трещинами и прежде исправленья ихъ, я долженъ былъ связать эту постройку желѣ-

Генералъ-Адъютантъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ
Московскій Генералъ-Губернаторъ.
Съ литографіи, собранія С. П. Виноградова.

ными поясами-скрѣпами, чтобы предохранить отъ паденія. Вотъ текстъ адреса:

Многоуважаемый Дмитрій Ивановичъ!

Чувствуя глубокую признательность къ Вамъ за Ваши труды и заботы по устройству нашего заведенія и видя ежедневно на опытѣ плоды Вашей дѣятельности, доставившей намъ большія удобства, мы желаемъ выразить Вамъ нашу искреннюю благодарность за все, что Вы для насъ сдѣлали. Несмотря на Вашу кратковременную дѣятельность, Вы успѣли обставить нашу обыденную жизнь весьма многими удобствами сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ пользовались наши предшественницы. Поэтому мы пользуемся днемъ Вашего ангела, чтобы принести Вамъ нашу сердечную благодарность за то сочувствіе, съ которымъ вы относились къ нашей жизни. Хотя намъ слѣдовало принести это поздравленіе днемъ раньше, но желаніе поздравить Васъ отъ всего заведенія и необходимость собрать голоса всѣхъ классовъ, помѣшали намъ исполнить это во время тѣмъ болѣе, что мы только вчера узнали о днѣ Вашего ангела. Нашъ Инспекторъ г. Зенгбушъ проситъ присоединить свое поздравленіе къ нашему, такъ какъ наша Начальница Е. Х. Виландъ имѣла вчера удовольствіе лично выразить Вамъ свои чувства. Глубоко признательныя Вамъ воспитанницы Александро-Маріинскаго Училища. 22 сентября 1874 г.

Я забѣжалъ много впередъ. Вернемся назадъ.

ГЛАВА XVII.

1866.—Дворянскіе выборы.—Дѣло полковника Н.—Открытіе дворянскихъ и земскихъ учрежденій.—Покушеніе на жизнь Государя.—Празднованіе 25-ти лѣтія свадьбы Государя.—Пріостановка изданія Московскихъ Вѣдомостей.—Письмо Каткова Государю.—Слѣдствіе письма.

Дворянскіе выборы 1866 года были бурны. Введеніе положенія 1864 года въ 1866 году о мировыхъ судьяхъ било по нервамъ дворянское сословіе. Выбранные либеральной партіей новыя судебно-мировыя власти считали себя вос-

точными деспотами, приравнивая остальныхъ къ одному знаменателю: мастерового, крестьянина и дворянина, они употребляли все свое знаніе, все свое вліяніе, чтобы по возможности оскорблять высшее сословіе нравственными ударами по еще свѣжей ранѣ. Себя же считали чуть не богами судебнаго олимпа. Прислуга, чутко прислушиваясь къ происходившему кругомъ нихъ, пользовалась такимъ направленіемъ гг. судей и по возможности раздражая хозяевъ, обращалась къ мнимой защитѣ новоиспеченнаго правосудія, разсчитывая впослѣдствіи выговорить себѣ денежное вознагражденіе по мировой сдѣлкѣ, зная, что господа избѣгаютъ судбищъ съ прислугой. На улицѣ Варваркѣ стоялъ домъ коллежскаго асессора Чарторижскаго. Что сдѣлалъ этотъ господинъ, не помню, но рѣшеніемъ мирового судьи или Съѣзда онъ вынужденъ былъ подвергнуться аресту на нѣсколько дней при городскомъ арестномъ домѣ. Къ чему мировые судьи перваго выбора прибѣгали при всякихъ пустякахъ. Во то время почетнымъ мировымъ судьей, завѣдывавшимъ арестнымъ домомъ, состоялъ нѣкто Г. Н. отставной полковникъ. Г. Н. давно не жилъ въ Москвѣ, проживая прежде въ Казанской губерніи, въ имѣніи своей жены; но въ недавнее время, получивъ какъ-то бокомъ неожиданное наслѣдство отъ дяди, помимо прямыхъ наслѣдниковъ, по родству и по крови, основался въ Москвѣ. Онъ подделался къ Генералъ-Губернатору Долгорукову, которому впослѣдствіи отплатилъ черною неблагодарностью, и черезъ него полѣзъ по службѣ въ гору.

Г. Н. держалъ себя маленькимъ Аракчеевымъ и потому пользовался общимъ неуваженіемъ.

Съ перваго же дня открытія дворянскаго собранія шелъ сильный говоръ о жестокости Г. Н. Говорили, что Г. Н. оскорбляетъ Чарторижскаго до невозможности, дѣлая ему постоянныя придирки якобы на законномъ основаніи. Говорили, что будто бы онъ приказалъ сторожамъ силою стащить съ его руки обручальное кольцо, основываясь на томъ, что арестованный не можетъ имѣть при себѣ драгоцѣнныхъ вещей, которыми можетъ подкупить сторожей. Говорили многое другое, что за давностью я позабылъ.

Явилось предложеіе группы дворянъ исключить Г. Н. изъ сословія дворянъ Московской губерніи. Шумъ былъ большой,—негодованіе всеобщее. Но все рухнуло.

Г. Чарторижскій былъ польскій дворянинъ, и къ тому времени не успѣлъ еще доказать Департаменту Герольдіи правъ своихъ на русское потомственное дворянство, а по имѣющему чину коллежскаго асессора считался только личнымъ дворяниномъ, за котораго дворянское собраніе заступиться не имѣло права.

Это спасло Г. Н. отъ грозившей ему опасности. Скоро все было позабыто обществомъ и Г. Н. проживалъ въ свое удовольствіе, подымаясь все выше и выше, пока не былъ призванъ на судъ Высшаго Судьи міра.

Князь Левъ Николаевичъ Гагаринъ былъ вновь избранъ въ Губернскіе Предводители дворянства, но второго трехлѣтія не дожилъ. Уѣхавъ лѣтомъ за границу на воды съ женою и сыномъ, назадъ вернулась одна княгиня. Живя за границей, семья Гагариныхъ остановилась въ какомъ-то мѣстечкѣ въ Австріи. Молодой сынъ князя собиралъ цвѣтные камни въ ручьѣ Мюльбаха, верхняя часть котораго была запружена плотиной для сплава по ней горнаго лѣса. Плотина была открыта въ верхнемъ шлюзѣ, о чемъ жители предупреждены не были. Юноша былъ увлеченъ сильнымъ потокомъ воды. Отецъ, находясь на берегу и видя гибель сына, бросился спасать его, но моментально былъ убитъ несущимися съ необыкновенной быстротой бревнами. По спадѣ водъ нашли два изуродованныхъ трупа. Княгиня, на глазахъ которой случилась катастрофа, съ отчаянія нравственно заболѣла и остальную свою жизь провела въ полномъ уединеніи.

4 апрѣля 1866 года получена была телеграмма о первомъ покушеніи Каракозова на жизнь Государя при выходѣ Его изъ лѣтняго сада.

Небывалый случай, случившійся впервые въ Русскомъ Государствѣ, настолько взволновалъ общественное мнѣніе, что общее негодованіе не имѣло границъ. Въ вечеръ этого событія вся Москва (высшаго круга) перебывала въ Англійскомъ клубѣ, надо было видѣть клубныхъ ораторовъ, до

чего поразило их это событіе. Немногіе либералы клуба прижали хвосты и должны были отказаться отъ многихъ своихъ требованій.

Въ маѣ Царская семья прибыла въ Москву проѣздомъ въ с. Ильинское, гдѣ и пробыли весь май мѣсяцъ. Во время выхода въ Кремлѣ стѣны дворца дрожали отъ кликовъ радости, что судьба спасла Государя отъ грозившей ему опасности. Москва въ первый разъ видѣла Государя послѣ покушенія на его жизнь. Восторгъ былъ естественный.

Государь отпраздновалъ въ концѣ мая двадцатипятилѣтіе своей свадьбы и переѣхалъ въ с. Ильинское, гдѣ пробылъ цѣлый мѣсяцъ.

Москвичей тревожило пріостановленное изданіе «Московскихъ Вѣдомостей» и прекращеніе дѣятельности публициста М. Н. Каткова. Раскрытіе дѣятельности революціоннаго кружка подъ главенствомъ Ишутина, въ лѣсной академіи Петровскаго-Разумовскаго, побудило Министра Внутреннихъ Дѣлъ сдѣлать предостереженіе Каткову за нападки его на дѣйствія нѣкоторыхъ Правительственныхъ вѣдомствъ и особенно Министра Просвѣщенія Головнина. М. Н. Катковъ считалъ, что пропаганда, замѣченная во многихъ учебныхъ заведеніяхъ учредилась благодаря нелѣпымъ распоряженіямъ Министра Просвѣщенія. Катковъ отказался напечатать полученное имъ предостереженіе въ своей газетѣ, предпочитая вовсе прекратить ея изданіе.

Пользуясь пребываніемъ Государя въ Москвѣ, Катковъ написалъ ему письмо, въ которомъ, какъ онъ предупредилъ графа А. В. Адлерберга, взявшагося передать письмо по назначенію,—онъ «ни на что не жалуется и ни о чемъ не проситъ». Оканчивалось письмо просьбою, чтобы Государь въ издателяхъ «Московскихъ Вѣдомостей» призналъ своихъ.

Каткову дана была аудіенція 20 іюня въ Петровскомъ дворцѣ. Императоръ принялъ его наединѣ въ кабинетѣ. «Я тебя знаю,—сказалъ онъ ему,—вѣрю тебѣ, считаю тебя своимъ». Государь казался растроганнымъ; слезы текли изъ глазъ Каткова.

«Сохрани тотъ священный огонь,—продолжалъ Императоръ,—который есть въ тебѣ. Я подаю руку тѣмъ, кого знаю и уважаю. Тебѣ не о чемъ безпокоиться. Я внимательно слѣжу за «Московскими Вѣдомостями», постоянно ихъ читаю. Въ тебѣ вполнѣ увѣренъ. Понимаешь ли ты силу того, что говорю тебѣ? Нѣтъ ли у тебя на душѣ, что бы передать мнѣ?» Взволнованный Катковъ отвѣчалъ нѣсколькими несвязными словами благодарности. Перейдя къ вопросу о сепаратизмѣ, въ осужденіе котораго издатель «Московскихъ Вѣдомостей» проявлялъ крайнюю подозрительность къ нѣкоторымъ правительственнымъ лицамъ, не надо какъ бы колоть и раздражать происхожденіемъ,—замѣтилъ Государь.—Всѣ могутъ быть вѣрными подданными и хорошими гражданами. Надо говорить объ этомъ, но слѣдуетъ сохранять мѣру. Покушеніе этого рода есть, я знаю, я съ тобой согласенъ. Величіемъ и единствомъ Имперіи я, конечно, дорожу не менѣе тебя... А я на тебя посердился. Предостереженіе все-таки надо было напечатать». При прощаніи Императоръ снова крѣпко пожалъ руку Каткова, прибавивъ: «Помни: я въ тебѣ вполнѣ увѣренъ». Министру Внутреннихъ Дѣлъ сообщена Высочайшая воля, чтобы «Московскія Вѣдомости» были освобождены отъ наложеннаго па нихъ взысканія и нѣсколько дней спустя газета эта стала выходить подъ редакціей Каткова.

ГЛАВА XVIII.

1867 г.—Жизнь въ Москвѣ въ зиму 1866—1867 г.—Пріѣздъ въ Москву Цесаревича Александра Александровича и Цесаревны Маріи Ѳеодоровны.—Этнографическая выставка. Смерть Милютина.

Въ сентябрѣ 1867 года я вернулся въ Москву изъ вновь пріобрѣтеннаго мною имѣнія въ Рязанской губерніи Пронскаго уѣзда села Мосолова и поселился на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ Ломоносовой. Служба моя шла понемногу, особенныхъ занятій не было.

*) Любимовъ. М. Н. Катковъ и его историческая заслуга стр. 140.

Москва бросилась на спекуляціи; всѣ мечтали объ учрежденіи разныхъ банковъ, постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и разныхъ денежныхъ спекуляціяхъ. Всѣхъ поразило неожиданное богатство, свалившееся на двухъ желѣзнодорожниковъ: Дервиза и фонъ-Мекка. Меня также уговорилъ Дмитрій Павловичъ Шиповъ пойти съ нимъ въ долю при предполагаемой постройкѣ Московско-Смоленской желѣзной дороги, и даже заставилъ меня собрать мой капиталъ, розданный въ разныя руки, около ста тысячъ, для представленія въ залогъ казнѣ; но почему-то потомъ отъ участья моего отказался, несмотря на обоюдныя, данныя нами другъ другу подписки. Отъ этого предполагаемаго предпріятія я, кромѣ убытка, ничего не получилъ. Потомъ онъ познакомилъ меня съ Кокоревымъ, Мамонтовымъ, когда они учреждали Московскій Купеческій Банкъ и я былъ приглашенъ быть въ числѣ его учредителей, но потомъ отъ участія въ учрежденіи банка отказался.

21 апрѣля Государь вмѣстѣ съ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и Цесаревною Маріею Θеодоровною прибыли въ Москву. Царская семья пробыла въ Москвѣ двѣ недѣли. Наслѣдникъ съ супругой посѣщали Московскія святыни и историческіе памятники и совершили поѣздку въ Троицкую Лавру.

Въ Кремлевскомъ дворцѣ былъ выходъ и потомъ представленіе властей и дворянства. Въ благородномъ собраніи Московскимъ дворянствомъ данъ былъ балъ. Городомъ устроенъ былъ народный праздникъ и иллюминація. Стеченіе катающейся публики было такъ велико, что ряды экипажей тянулись даже отъ Тверской вдоль Тверского бульвара до Никитской улицы. Подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича была открыта этнографическая выставка, которую обозрѣвала вся царская семья. Нѣкоторые предметы выставки хранятся теперь въ Румянцовскомъ музеѣ въ Дашковскихъ залахъ. Выставку посѣтили Сербскій ученый Шафарикъ и представители чешской науки Палацкій и Ригеръ. Это было первое братство настоящаго времени Славянъ между собою. Особому вниманію народонаселенія подвергались даже на улицѣ наши пріѣзжіе собратья.

25 мая на улицахъ столицы появились въ продажѣ листки, извѣщавшіе о покушеніи въ Парижѣ на жизнь Государя Поляка Березовскаго, при возвращеніи коляски Государя съ военнаго смотра изъ Лонгшана. Государь сидѣлъ съ Наполеономъ и двумя Великими Князьями. Пуля ранила только лошадь шталмейстера, конвоировавшаго экипажъ. Волненіе москвичей было всеобщее.

Въ маѣ насъ постигло горе,—скончался отецъ моей жены Ксенофонтъ Павловичъ Гевличъ, ветеранъ отечественной войны, соратникъ Алексѣя Петровича Ермолова. Въ концѣ мѣсяца мы уѣхали въ новокупленное мною имѣніе село Мосолово Рязанской губерніи Пронскаго уѣзда, находившееся въ 17 верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи Сергіево.

Осенью мы вернулись въ Москву, но жена мало посѣщала балы и вечера по случаю своего траура.

Зимой Моква веселилась, было много баловъ и вечеровъ не смотря на то, что средства помѣщиковъ сильно убавились. Кромѣ того закрытіе операцій сохранной казны опекунскаго совѣта, уничтожило кредитъ дворянству. Займы въ частныхъ рукахъ были затруднительны. Всѣ бросились хлопотать о скорѣйшемъ утвержденіи выкупныхъ сдѣлокъ на землю съ крестьянами. Но и тутъ судьба преслѣдовала дворянство, кредитъ самаго государства былъ не крѣпокъ и выкупныя свидѣтельства покупались худо, были времена, когда ихъ продавали по 70 копѣекъ за рубль.

Привычка жить на барскую ногу не могла уничтожиться сразу. Доходы съ оставшейся за помѣщиками земли сильно сократились, а расходы на жизнь напротивъ увеличились; поневолѣ пришлось продавать выданныя выкупныя свидѣтельства за отобранную землю, представлявшія фондъ и обращать ихъ въ доходный купонъ. Многіе, размѣнявъ свидѣтельства, завели сельскохозяйственныя машины, но неумѣніе пользоваться ими принесло одни лишь убытки. Такъ состоялось начало разоренія дворянства.

Московское дворянское общество сильно рѣдѣло. Многіе уѣхали жить въ чужіе края, думая тѣмъ сократить расходы, живя въ дешевыхъ меблированныхъ комнатахъ; другіе

помѣстились въ губернскихъ городахъ, третьи бросились искать какой нибудь службы. Такъ всѣ оторвались отъ своихъ насиженныхъ гнѣздъ, но не имѣя руководящей нити, какъ безрульный корабль погибли въ пучинѣ общественной жизни. Вообще общественная жизнь принесла большой переломъ и при катастрофѣ много культурныхъ людей погибло, а некультурные выползли изъ образовавшихся щелей.

Въ Москвѣ на Поварской улицѣ рядомъ съ храмомъ Семіона Столбника скончался бывшій товарищъ Министра Внутреннихъ дѣлъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ.

Въ Москву былъ назначенъ новый Генералъ-Губернаторъ Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, братъ бывшаго шефа жандармовъ, Князя Василія Андреевича. Владиміръ Андреевичъ былъ женатъ на пензенской помѣщицѣ княжнѣ Долгоруковой, извѣстной своимъ колоссальнымъ богатствомъ. Москва ожидала съ пріѣздомъ ихъ большаго оживленія. Сначала пріѣхалъ князь Владиміръ Андреевичъ одинъ. Супруга его лѣчилась заграницей. Князь былъ знакомъ Москвѣ, бывая часто на празднествахъ и вечерахъ сестры своей Княгини Львовой, которая веселила Москву, имѣя пять или шесть дочерей на возрастѣ невѣстъ. Къ зимнему сезону пріѣхала и Княгиня въ Москву. Домъ княгини была поставленъ на строгую этикетную ногу; къ обѣду мужчины являлись въ полномъ парадѣ, даже Князь супругъ не смѣлъ являться къ столу безъ эполетъ. Но не долго пробыла Княгиня въ Москвѣ, она скончалась заграницей. Но послѣ нея хозяйки у Князя мѣнялись ежедневно. Въ ту же зиму были танцовальныя вечера у Хлюстиныхъ, домъ которыхъ стоялъ на Малой Дмитровкѣ, послѣ цѣлаго ряда переходовъ, отъ одного владѣлца къ другому къ Мейну, Спиридоновой, принадлежитъ теперь Маріи Владиміровнѣ Катковой.

Изъ баловъ стараго времени остался въ памяти два бала Николая Павловича Шипова. Когда онъ покончилъ съ откупными дѣлами, то, купивъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Дмитріемъ Павловичемъ Баташевскіе заводы, въ Темниковскомъ и Ардатовскомъ уѣздахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ купилъ

Московскій Комендантъ Генералъ лейтенантъ Петръ Петровичъ Корниловъ.
съ современной гравюры.

на Лубянкѣ домъ графини Орловой-Денисовой; отдѣлалъ домъ заново онъ далъ два бала, на первомъ чтобы показать роскошную отдѣлку жилыхъ комнатъ во время котильона, дѣлали променадъ танцующихъ по всѣмъ комнатамъ и коридорамъ. Хороша была гостинная съ фарфоровой саксонской мебелью.

Вскорѣ дочь его вышла замужъ за Б. С. Шереметева и танцовальныя празднества прекратились.

ГЛАВА XIX. 1868 г.

Рожденіе первенца у Наслѣдника.—Увольненіе Баранова съ поста Виленскаго Генерала-Губернатора и замѣна его Потаповымъ.—Проѣздъ Царской семьи по дорогѣ въ Крымъ.—Жизнь въ Ильинскомъ.—Алаевъ.—В. А. Шереметевъ.—Баронъ Бюллеръ.—Ф. Ф. Треповъ.—Спекуляція спиртомъ.—Тверской бульваръ.—Кн. П. И. Трубецкой.—Комендантъ Фридериксъ.

Императорская семья пробыла въ Москвѣ, а главное въ селѣ Ильинскомъ съ 11 по 25 іюня, затѣмъ выѣхала въ Крымъ.

6-го мая у Наслѣдника Цесаревича родился первый сынъ нареченный Николаемъ. По поводу рожденія первенца, въ Москвѣ были устроены различныя празднества. Прибывшему съ извѣщеніемъ Генералъ-Адъютанту поднесенъ былъ, по старинному обычаю драгоцѣнный кубокъ. Въ день крещенія Великаго Князя, Высочайшимъ Манифестомъ было облегчено положеніе ссыльныхъ по политическимъ преступленіямъ.

Увольненіе графа Баранова съ поста Виленскаго генералъ-губернатора и замѣна его генераломъ Потаповымъ не нравилась Московской партіи. Всѣ знали Потапова, бывшаго одно время Московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, какъ противника Муравьевской политики, и потому ожидали увольненія многихъ лицъ, посланныхъ авангардомъ въ Вильну изъ Москвы. Ожиданія исполнилось, всё что насадилъ русскаго въ сѣверо-западномъ краѣ Муравьевъ—безжалостно вырывалось Потаповымъ.

9

Въ концѣ зимы 1867 года познакомился я черезъ Валеріана Александровича Воейкова съ надворнымъ совѣтникомъ Алаевымъ, который купилъ у него домъ въ Денежномъ переулкѣ на Пречистенкѣ. Домъ этомъ былъ заложенъ у меня по частной закладной, съ переходомъ къ Алаеву, часть долга переходила на покупщика Алаева. Другая часть долга оставалась на домѣ, а третью часть Воейковъ просилъ меня переписать на вексель, что я и исполнилъ. Денегъ этихъ съ Воейкова я впослѣдствіи не получилъ, если не считать, что выслано мнѣ было изъ Симбирскаго Губернскаго Правленія 182 р. взамѣнъ 12 тыс. По поводу этихъ денегъ пришлось мнѣ обратиться къ С.-Петербургскому оберъ-полиціймейстеру Федору Федоровичу Трепову, считавшемуся всесильнымъ лицомъ и убѣдиться въ безпомощности его пресловутой власти.

Воейковъ, купивъ имѣніе знаменитаго Луки Ивановича Похвиснева и проигравъ довольно крупный кушъ въ карты, запутался въ своихъ денежныхъ дѣлахъ. Впослѣдствіи уѣхалъ въ Петербургъ и поселился у, адъютанта генерала Мезенцева, Мясникова, который жилъ на Надеждинской, въ собственномъ домѣ. Переписка и переговоры съ Воейковымъ не подвигали дѣла, и я рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Воейковъ многократно обѣщалъ уплатить долгъ, но слова своего не сдержалъ, такъ что я долженъ былъ протестовать векселя. Мнѣ отвѣтили, что Воейкова, по свѣдѣніямъ полиціи на жительствѣ въ Петербургѣ нѣтъ. Я долженъ былъ ѣхать къ мѣстному участковому приставу съ заявленіемъ, что Воейковъ проживаетъ въ домѣ Мясникова, въ квартирѣ домовладѣльца, гдѣ я вижу его каждый день и потому повѣстка должна быть ему доставлена, но толку не добился.

Черезъ моихъ знакомыхъ добился я письма къ Трепову, который, принявъ меня и выслушавъ мое объясненіе, тотчасъ приказалъ начальнику сыскного отдѣленія заняться этимъ дѣломъ. Мнѣ дали агента, которому я указалъ Воейкова, когда онъ выѣзжалъ изъ дома. На другой день, вслѣдствіе донесенія полиціи Ф. Ф. Треповъ пригласилъ къ себѣ Мясникова, который сознавшись, что Воейковъ

проживалъ у него, далъ честное слово, что наканунѣ вечеромъ Воейковъ выѣхалъ въ Москву, что Федоръ Федоровичъ и объявилъ мнѣ лично на слѣдующій день. Я поѣхалъ въ Москву, гдѣ узналъ,—дѣйствительно, Воейковъ пріѣзжалъ на нѣсколько часовъ въ Москву, но въ тотъ же день выѣхалъ обратно въ Петербургъ, гдѣ и поселился опять у Мясникова. Такъ я и не добился ничего и потерялъ мои 12 тысячъ.

Алаевъ заложилъ сой домъ въ Московскомъ Кредитномъ Обществѣ и вернулъ мнѣ мой капиталъ. Во время расчета онъ разсказалъ мнѣ, что занимается оптовой торговлей спирта и что въ его компаніи принимаетъ участіе Василій Алексѣевичъ Шереметевъ и баронъ Бюллеръ, предложилъ и мнѣ вступить въ ихъ компанію. По уничтоженіи откуповъ, это была какая-то модная страсть къ подобнымъ спекуляціямъ. Всѣ бросились на открытіе складовъ, думая обогатиться, какъ прежніе откупщики, но многіе сильно разочаровались, потерявъ въ незнакомомъ имъ дѣлѣ все свое состояніе. Предложеніе показалось мнѣ заманчивымъ и я рѣшился попытать счастья. Сначала я далъ ему 25 тысячъ, но потомъ, увлекшись барышами, увеличилъ вкладъ мой въ дѣло больше 120 тысячъ. Первый годъ дѣла шли отлично. Компаніонъ нашъ выдалъ намъ больше 20%. На второй годъ дѣла стали запутываться, мы не могли добиться вѣрныхъ отчетовъ и надумали прекратить дѣло.

Жили мы въ 1868 году на Малой Дмитровкѣ въ домѣ Ломоносова, и по совѣту доктора Николаева женѣ предписано было ежедневно дѣлать прогулки. Ближайшій бульваръ отъ насъ былъ Тверской, не демократизованный до степени настоящаго времени, мы ежедневно гуляя дѣлали нѣсколько концовъ бульвара. Ежедневными посѣтителями бульвара были двѣ типичныя личности: князь Петръ Ивановичъ Трубецкой и московскій Комендантъ Фридериксъ.

Князь П. И. Трубецкой, только что произведенный изъ заслуженныхъ генералъ-лейтенантовъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, прослужа всю жизнь хотя въ гражданскомъ вѣдомствѣ, но нося военный мундиръ, сохранилъ въ себѣ военную складку, не разставаясь даже съ нѣкоторыми

частями военнаго костюма, напримѣръ, съ чернымъ шелковымъ галстукомъ, намотаннымъ на волосяную ленту, что въ то время употребляли военные, поражалъ гуляющихъ своей оригинальностью. Князь рѣдко съ кѣмъ кланялся, а разговаривалъ еще менѣе; вообще выраженіе его лица и манеръ было похоже на человѣка только кѣмъ-то или чѣмъ-то возбудившаго его брезгливое отношеніе. Походка его была медленна, онъ нерѣдко присаживался отдыхать на скамейкѣ и въ то время бесѣдовалъ съ лицами ему хорошо знакомыми, другимъ же отдавалъ поклонъ по военному, прикладывая руку къ шляпѣ. Комендантъ Фридериксъ слѣдовалъ всегда съ авангардомъ. Ему предшествовала маленькая собачка, хорошо изучившая дорогу, по которой гулялъ комендантъ. Фридериксъ проходилъ только разъ по бульвару, слѣдуя по заранѣе намѣченному плану прогулки. Онъ останавливался со всѣми знакомыми, выслушивая и разсказывая городскія новости и каждому проповѣдывалъ про умъ своей собачки, которая безъ указанія знала маршрутъ прогулки. Его сухая, длинная фигура была извѣстна всей Москвѣ. Въ сущности это былъ добрый и снисходительный генералъ.

ГЛАВА XX.

1869 г.—Открытіе Коммерческаго Ссуднаго Банка.—Малая Биржа.

Чтобы удержать вкладчиковъ своихъ предпріятій и тѣмъ сохранить свой кредитъ, Алаевъ придумалъ новый выходъ. Онъ составилъ проектъ акціонернаго Банка и пригласилъ учредителями всѣхъ своихъ компаніоновъ. Проектъ былъ представленъ въ Министерство Финансовъ и послѣ разныхъ перемѣнъ былъ утвержденъ подъ именемъ Коммерческаго Ссуднаго Банка. Министерство утвердило его съ тѣмъ, чтобы къ участію въ немъ были приглашены Московскіе комерсанты. Въ общемъ составилось больше 20 учредителей. Половина акцій была оставлена учредителями за собою, а на другую половину была объявлена публичная подписка, покрывшая въ нѣсколько десятковъ разъ предложенное количество. Преобладающее число голосовъ было у Московскихъ биржевыхъ дѣятелей. Учредитель Алаевъ не былъ избранъ въ число директоровъ. Во главѣ Банка поставили Д. Д. Шумахера, а помощникомъ ему Прена, Полянскаго и Маклера Миллiоти. Банкъ помѣстился на Никольской въ домѣ Бостанджогло. Банкъ просуществовалъ недолго. Пренъ, по неспособности заниматься заграничнымъ отдѣленіемъ, былъ уволенъ. На его мѣсто выписали изъ Варшавы разорившагося банкира, жида Ландау, который сговорившись съ извѣстнымъ жидомъ Струсбергомъ, обокрали банкъ на семь милліоновъ, и тѣмъ произвели знаменитый крахъ Коммерческаго Ссуднаго Банка. Съ паденіемъ Банка на его ликвидаціи я потерялъ тридцать пять тысячъ, что сдѣлало первую брешь въ моемъ капиталѣ. Конецъ 60-хъ и начало 70-хъ годовъ былъ разгаръ биржевой игры на Петербургской и Московской Биржахъ. Не знаю, какъ въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, кромѣ официальной Биржи, на Ильинкѣ въ 4 часа, образовалась еще, такъ называемая, Малая Биржа въ 12 часовъ утра.

Малая Биржа собиралась въ домѣ Хлудова, въ ресторанѣ при гостиницѣ Дюссо. Сначала всѣ завтракали въ гостиной, а послѣ завтрака, всѣ чинно усаживались за установленными покоемъ столами. Напротивъ средины, на особомъ возвышеніи, былъ поставленъ столъ, за которымъ усаживался президентъ собранія Петръ Гавриловичъ Волковъ. Бумаги, по составленному впередъ списку, продавались съ аукціона и по окончаніи сдѣлки тотчасъ же записывались собственноручно Волковымъ въ книгу. Количество листовъ было минимумъ 25 штукъ. Случалось, что какая-нибудь бумага въ теченіе 15 минутъ подымалась или опускалась въ своей стоимости на 20 и болѣе процентовъ. Особенно играли на акціи Московско-Рязанской желѣзной дороги. Это была излюбленная бумага всѣхъ игроковъ Биржи.

Одно время акціи шли быстро въ гору и поднялись до 325 рублей. На Фоминой недѣлѣ метръ д'отель одного

высокопоставленнаго лица, явился продавцомъ 12 тысячъ штукъ и тѣмъ уронилъ акціи почти на 40 рублей. Многіе спекулянты не приняли купленныя ими акціи, хотя были за это исключены изъ членовъ малой биржи, но остальнымъ членамъ было отъ этого не легче. Я знаю лично лицъ изъ общества, потерявшихъ по 40 и болѣе тысячъ. Особенно потеряли Рихтеръ и Мусинъ-Пушкинъ. Я самъ потерялъ на этой недѣлѣ крупную сумму, потому что маклеръ Музиль не принялъ отъ меня купленныхъ имъ акцій Московско-Рязанской желѣзной дороги и я долженъ былъ заплатить довольно крупную сумму разницы. Если бы не было разныхъ подпольныхъ синдикатовъ, то конечно, это была бы самая правильная оцѣнка бумагъ, но наши жидовско-армянскія конторы и маклера употребляютъ разные неблаговидные фортели для поднятія курса нужной имъ къ сбыту бумаги, а также, стараются уронить ту, которую имъ надо купить. Всѣ эти кунштюки дошли до начальства,—маленькая биржа была закрыта. На большой биржѣ было не лучше; притомъ тамъ всѣ эти подвохи совершали на ухо, но зато не всякій рисковалъ появляться на это торжище и потому у многихъ деньги оставались въ карманѣ.

ГЛАВА XXI.

1870 г. Домъ Алаева.—Покупка дома Лопухина.—Полученіе мною званія камеръ-юнкера.—Поѣздка въ Петербургъ.—Франко-Германская война.—Избраніе новаго городского Головы кн. Черкасскаго и его неумѣстное письмо.

Въ 1870 году жили мы на Пречистенкѣ, въ Мансуровскомъ пер., въ домѣ Алаева. Квартира была большая, съ великолѣпной залой и многими парадными комнатами. Кромѣ 12 большихъ комнатъ бельэтажа и антресолей для людскихъ спаленъ, былъ еще мезонинъ въ 4 комнаты, совершенно намъ не нужный, въ которомъ мы помѣстили двоюроднаго брата моей жены. Жили мы въ этой квартирѣ второй годъ. Въ концѣ второй зимы на масляницѣ маленькая дочь моя Нина поѣхала кататься съ своей гувернанткой француженкой, а вернувшись съ гулянью, ночью захворала. Черезъ сутки у нея оказалась сильнѣйшая скарлатина. Нѣсколько дней была она между жизнью и смертью. Можно вообразить себѣ, что испытали мы съ женой во время болѣзни единственной нашей дочери. Конечно, кромѣ постояннаго нашего врача, профессора дѣтскихъ болѣзней Николаева, у насъ перебывали всѣ знаменитости дѣтскихъ болѣзней того времени и, благодаря Бога, болѣзнь миновала благополучно.

На противоположной сторонѣ улицы занимаемаго нами дома виднѣлся садъ съ оранжереями и другими барскими затѣями, а далѣе, вдоль улицы, домъ съ разными хозяйственными постройками. Проходя мимо воротъ дома, увидѣлъ я записку о продажѣ дома. Не имѣя никакого желанія купить домъ, зашелъ справиться о цѣнѣ. Встрѣтилъ меня управляющій домомъ полякъ Климашевскій и разсыпался въ похвалахъ мѣстности дома. Послѣ моего визита Климашевскій зачастилъ ко мнѣ съ предложеніемъ купить домъ. Сначала я отказывался, но такъ какъ цѣна постоянно понижалась и съ 50 тысячъ дошла до 41.500 рублей, то я рѣшился его купить. Притомъ Климашевскій выторговалъ себѣ за комиссію 300 рублей. Я далъ задатокъ 6 тысячъ, такъ какъ на домѣ былъ долгъ кредитнаго общества въ размѣрѣ 27 тысячъ. Когда купчая была написана у Нотаріуса представлена въ окружный судъ на утвержденіе къ старшему нотаріусу, то оказалось, что на немъ было столько запрещеній и недоимокъ, что не только что не хватило на покрытія ихъ оставшихся у меня 8 тысячъ,—но слѣдовало еще доплатить около десяти тысячъ. Домъ принадлежалъ Адріану Федоровичу Лопухину. Для совершенія купчей, я долженъ былъ купить у него мебелъ, бронзу и картины, а то мои задаточныя шесть тысячъ пропадали. Но тутъ Климашевскій обманулъ и меня, и Лопухина. Судьба наказала его впослѣдствіи, какъ я слышалъ за двойной обманъ. Онъ попался въ какомъ-то неблаговидномъ поступкѣ и былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Домъ этотъ я передѣлалъ заново и сдѣлалъ значительныя прист-

ройки, а впослѣдствіи по Еропкинскому переулку, выстроилъ большой трехъэтажный домъ на мѣстѣ сада и оранжерей. Домъ былъ купленъ на имя моей жены и впрослѣдствіи проданъ Василію Ивановичу Кокореву.

Въ первыхъ числахъ ноября 1870 года поѣхалъ я въ Петербургъ, желая имѣть счастіе представиться Государю Императору Александру II и благодарить его за назначеніе меня камеръ-юнкеромъ двора Его Императорскаго Величества. Назначенъ я былъ въ это званіе Высочайшимъ приказомъ отъ 30 августа 1870 года вслѣдствіе представленія Его Императорскаго Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ я явился къ графу Александру Владиміровичу Адлербергу и оберъ-гофмаршалу графу Шувалову. 12 ноября я получилъ повѣстку отъ гофмаршальской канцеляріи, что Государю Императору угодно принять меня 14 ноября въ Царскосельскомъ дворцѣ, гдѣ Государь со всѣмъ Августѣйшимъ семействомъ проводилъ осень. Рано утромъ 14 ноября я отправился на дебаркадеръ Царскосельской желѣзной дороги, гдѣ засталъ приготовленный для всѣхъ назначенныхъ въ этотъ день представляться вагонъ 1-го класса. По прибытіи въ Царское Село на дебаркадерѣ встрѣтили насъ придворные лакеи, у которыхъ были карточки лицъ, къ которымъ они были назначены. Мнѣ достался экипажъ вмѣстѣ съ моимъ старымъ знакомымъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Урусовымъ, который представлялся Государю по поводу пріѣзда своего изъ Бельгіи, гдѣ онъ состоялъ при тамошней миссіи.

По пріѣздѣ въ Царскосельскій дворецъ насъ помѣстили въ отдѣленіи дворца для пріѣзжающихъ и тотчасъ же предложили завтракъ съ такимъ количествомъ винъ, что выпить бы ихъ не могъ и богатырь. Конечно, все это оставалось въ пользу прислуживающей прислуги. Въ 12 часовъ насъ пригласили къ обѣднѣ въ дворцовую церковь. Въ церкви кромѣ лицъ, которымъ назначено было представляться, были свитскіе дамы и мужчины. Императорская фамилія стояла на хорахъ и ихъ не было видно молящимся въ церкви. По окончаніи богослуженія насъ всѣхъ повели черезъ зер-

Московскій Генералъ-Губернаторъ Генералъ отъ инфантеріи Офросимовъ.
Съ гравюры изъ собранія Ровинскаго.

кальный залъ въ пріемную и разставили въ одну шеренгу по списку, бывшему у гр. Шувалова. Государь спросилъ у меня о Севастопольской кампаніи, увидавъ у меня на груди Севастопольскую медаль. Государь обходилъ всѣхъ съ праваго фланга и передъ каждымъ графъ Шуваловъ читалъ по запискѣ фамилію и обстоятельство, по которому представлялся. Въ числѣ лицъ свиты Государя находился Царскосельскій комендантъ дворца Григорій Федоровичъ Гогель, мой бывшій начальникъ по воспитанію моему въ корпусѣ путей сообщенія. Генералъ-адъютантъ Гогель не видѣлъ меня съ 1851 года, т. е. 19 лѣтъ. Я обратилъ вниманіе, на то что онъ, разговаривая съ генералъ-адъютантомъ Казнаковымъ, что-то говорилъ ему, показывая глазами по направленію того мѣста, гдѣ я находился. Я узналъ его тотчасъ и по окончаніи обхода Государя, когда Государь изъ пріемной комнаты, удалился въ собственные покои и всѣ сошли со своихъ мѣстъ, я подошелъ къ Григорію Федоровичу и сказалъ ему: «Позвольте, ваше превосходительство, напомнить вамъ о бывшемъ вашемъ воспитанникѣ института, Никифоровѣ». Гогель тотчасъ, пожавъ мнѣ руку, обратился къ Казнакову съ восклицаніемъ «Я говорилъ вамъ, что узналъ его, несмотря на 20-ти лѣтній промежутокъ времени, моя память мнѣ не измѣняетъ». Просилъ меня, по выходѣ изъ дворца, пріѣхать къ нему поговорить о старомъ во время завтрака.

Григорій Федоровичъ потому помнилъ меня, что я находился, въ числѣ нѣсколькихъ кадетъ, выбранныхъ для подхода, во время развода на вѣсти къ Государю Императору Николаю I. Кадетъ этихъ обучали фронту отдѣльно и Гогель часто присутствовалъ на урокахъ.

Прямо изъ дворца всѣ лица, бывшіе на представленіи поѣхали въ малый Охотничій дворецъ, гдѣ жилъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ съ поздравленіемъ по случаю рожденія Цесаревны Маріи Ѳеодоровны. Пріема не было и всѣ только расписывались въ книгѣ.

Изъ дворца Цесаревича я поѣхалъ въ придворной каретѣ къ Григорію Ѳедоровичу Гогелю, гдѣ нашелъ генерала Казнакова и другихъ лицъ. Воспоминанія прошедшаго

времени лились съ той и другой стороны и мы оба помолодѣли на 20 лѣтъ.

Въ 4 часа я былъ уже въ Петербургѣ.

Во время Франко-Германской войны Государь пріѣзжалъ въ Москву на 5 дней въ августѣ съ 21 по 26-е. Во время обѣда въ Кремленскомъ дворцѣ была получена телеграмма о разгромѣ французской арміи. 19-го октября, послѣ разгрома французской арміи и плѣненіи Наполеона III подъ Седаномъ, министръ иностранныхъ дѣлъ циркулярно объявилъ державамъ, что послѣ распаденія Имперіи Бонапартовъ, Россія не считаетъ для себя обязательнымъ исполнять пунктъ Парижскаго трактата 1856 г. объ ограниченіи державныхъ правъ своихъ на Черномъ морѣ. Циркуляръ Государственнаго канцлера произвелъ взрывъ восторга въ Московскомъ обществѣ. Всѣ были рады, что кошмаръ, тяготѣвшій надъ Россіей, гдѣ посторонія державы запрещали ей распоряжаться въ принадлежащихъ ей водахъ, наконецъ разсѣянъ однимъ почеркомъ пера. Я помню, что въ чернокнижной Англійскаго клуба, тогда ораторы громили Европу и выражали буйный восторгъ отъ дѣйствій Императора Александра II и его министра князя Горчакова. Такъ ликовала Москва.

Также произвелъ много пересудовъ Высочайше учрежденный 2 ноября 1870 года докладъ военнаго министра объ устройствѣ запасныхъ частей арміи и о распространеніи прямого участія въ военной повинности на всѣ сословія государства.

Въ Москвѣ былъ выбранъ городскимъ головой Князь В. А. Черкасскій; крупный дѣятель во время крестьянской реформы, а также временный министръ внутреннихъ дѣлъ царства Польскаго послѣ его мятежа. Исполненіе реформъ, предназначенныхъ въ Польскихъ губерніяхъ были исполнены княземъ весьма удачно. Особенно быстро, точно и безшумно было выполнено имъ закрытіе лишнихъ католическихъ монастырей. Князь В. А. Черкасскій обладалъ чрезвычайнымъ самомнѣніемъ.

Результатомъ самомнѣнія князя было всеподданнѣйшее письмо Московской городской думы, въ которомъ кромѣ

сочувствія дѣятельности Государя было высказано и указаніе къ преобразовательной дѣятельности Государя.

Письмо было написано въ такихъ выраженіяхъ, что Министръ Внутренихъ дѣлъ возвратилъ думское письмо Московскому генералъ-губернатору, объявивъ, что не нашелъ возможнымъ представить письмо Государю. Министръ Императорскаго двора въ отношеніи своемъ къ президенту Московской придворной конторы отозвался о письмѣ какъ составленномъ «въ неумѣстной и неприличной формѣ». Такъ отличилась Московская городская дума и ея самонадѣянный диктаторъ

ГЛАВА XXII.

1871 г. Двухсотлѣтняя выставка въ Александровскомъ саду новыя перестройки въ Александро-Маріинскомъ училищѣ.

Начало зимы было неблагопріятно здоровью моей жены. Всю зиму мы возились съ докторами, и весной жена должна была ѣхать по предписанію врачей пить кумысъ въ Самарскихъ степяхъ, я же остался въ Москвѣ, занятый новыми постройками въ Александро-Маріинскомъ училищѣ, гдѣ для увеличенія классовъ предположено было выстроить два коридора и замѣнить деревянныя лѣстницы каменными. Все это было исполнено, хотя на постройку совѣтъ дамскаго попечительства не далъ ни гроша.

Въ началѣ іюня Государь пріѣзжалъ на три дня въ Москву, желая присутствовать на выставкѣ, устроенной въ Александровскомъ саду, близъ Кремлевской стѣны, по случаю празднованія двухсотлѣтія рожденія Императора Петра I.

Выставка была устроена преимущественно на частныя средства. Количество, но не качество концессіонныхъ предпріятій было въ зенитѣ своего могущества. Нѣсколько личностей обогатились на концессіяхъ и, какъ новые меценаты, желали показать свое покровительство нарождавшемуся русскому искусству. Выставка была задумана въ

широкомъ масштабѣ, а главное съ огромными обѣщаніями въ будущемъ. Устроители выставки испросили уступки у правительства для будущихъ научныхъ цѣлей, помѣщеніе Александровскаго сада. Правительство согласилось отдать Кремлевскій садъ въ пользованіе обществу. Садъ огородили заборомъ, много насажденій деревьевъ уничтожили, но ни чего не сдѣлавъ; спустя двадцать лѣтъ, вернули садъ дворцовому вѣдомству въ разрушенномъ видѣ, такъ что дворцовому управленію пришлось на свой счетъ исправлять чужіе грѣхи. Бульваръ вдоль рѣки Москвы, уничтоженный для возведенія различныхъ выставочныхъ построекъ такъ и остался до настоящаго времени въ печальномъ видѣ полуразрушенія.

У городской думы общество выпросило Лубянскую площадь для постройки музея прикладныхъ знаній и различныхъ къ нему филіальныхъ учрежденій. Музей былъ выстроенъ съ помощью залога въ банкѣ, но затѣмъ, часть земли, долго пустовавшая, сдана была въ аренду, а вторая половина пустуетъ до настоящаго времени. Однимъ словомъ, повторилась исторія синицы, обѣщавшей зажечь море и звавшей всѣхъ на великолѣпную уху. Въ настоящемъ году пустующее мѣсто сдано въ аренду предпринимателю подъ выстройку новаго отдѣла дома.

ГЛАВА XXIII.

1872 г.—Болѣзнь жены.—Поѣздка въ деревню лѣтомъ и осенью за границу.—Возвращеніе въ Москву и постройка дома по Еропкинскому переулку въ 1873 году.

Въ мартѣ 1872 года, здоровье жены моей, никогда не отличавшееся особенно хорошимъ состояніемъ, сильно пошатнулось. Лѣчившій ее бывшій профессоръ Московскаго Университета Николай Петровичъ Николаевъ, не могъ возстановить ея ослабѣвшихъ силъ, а ежедневная перемѣна лѣкарствъ только ухудшала ея положеніе. Я рѣшительно терялъ голову. Лѣтомъ мы поѣхали въ деревню, гдѣ здоровье ея немного поправилось, но съ возвращеніемъ въ городъ, слабость увеличилась вновь. Мы рѣшились ѣхать въ Вѣну, совѣтоваться съ профессоромъ Бамбергеромъ, который лѣчилъ ее во время пребыванія нашего въ Вюрцбургѣ, гдѣ онъ прежде читалъ лекціи. Въ концѣ сентября тронулись мы въ путь. Съ нами поѣхала двоюродная сестра моя Надя Никифорова. Путь отъ Москвы до Варшавы былъ скученъ и однообразенъ. Первая остановка была въ Варшавѣ. Мы остановились въ Европейской гостиницѣ около Саксонскаго сада. Въ Варшавѣ мы пробыли всего однѣ сутки, чтобы дать женѣ отдохнуть отъ утомительной и скучной дороги, а на другой день, отправились далѣе въ Вѣну. Въ Вѣнѣ на вопросъ мой у словака-швейцара, говорившаго по русски, гдѣ можно узнать адресъ доктора Бамбергера, я получилъ отвѣтъ, что такая Вѣнская знаменитость извѣстна всему городу. Утромъ слѣдующаго дня я нанялъ карету и велѣлъ везти себя къ нему. Въ передней была масса ожидавшаго его пріема народа, и мнѣ пришлось бы ожидать свиданья съ нимъ нѣсколько часовъ. Я послалъ ему карточку, написавъ на ней, что я здоровъ и желаю видѣть его на нѣсколько минутъ, чтобы узнать у него, когда онъ можетъ пріѣхать къ намъ въ гостиницу, видѣть мою жену. Бамбергеръ тотчасъ же принялъ меня внѣ очереди и оказалъ большую радость встрѣтить стараго знакомаго и обѣщался по старому пріѣхать вечеромъ пить чай и вспомнить наше прежнее житье въ Вюрцбургѣ. Результатомъ вечерняго пребыванія была посылка насъ въ Ментонъ на всю зиму. На слѣдующее утро мы тронулись черезъ Земмерингъ въ Венецію. Ничего не видѣлъ я восхитительнѣе этого пути. Въ Вѣнѣ была хотя теплая, но сырая погода, когда мы поднялись на Земмерингъ, то нашли лежащій на поляхъ и горахъ снѣгъ, и нѣсколько градусовъ морозу. Спустившись черезъ Тріестъ въ Венецію, мы нашли жаркое лѣто, такъ что катались въ гондолахъ безъ верхняго платья. Изъ Венеціи мы поѣхали черезъ Миланъ во Флоренцію, гдѣ прожили нѣсколько дней и направились далѣе въ Геную. Послѣ остановки на нѣсколько дней въ Генуѣ и осмотра ея галлерей и садовъ, мы проѣхали прямо въ Ментонъ.

Тутъ нашли мы полную лѣтнюю погоду. Поселились мы на бульварѣ въ отдѣльномъ флигелѣ и сначала намъ было очень удобно, но когда въ декабрѣ начались бури на Сре-

диземномъ морѣ, то волны часто хлестали черезъ весь бульваръ и брызги ихъ попадали намъ въ окна, такъ что у насъ завелась въ комнатахъ сырость, мы должны были оставить наше помѣщеніе и переселились въ Hôtel de France, который стоялъ наполугорѣ. Такъ прожили мы до половины января, дѣлая безпрестанныя экскурсіи какъ въ горы, подымаясь на ослахъ, такъ и по берегу моря въ Монте-Карло, Вантимилью, Бордигеру и далѣе. Въ Ментонѣ была масса чахоточныхъ больныхъ, что сильно отражалось на нервномъ нездоровьѣ моей жены. Часто человѣкъ, гулявшій съ вами на бульварѣ вчера, не существовалъ на слѣдующее утро. Докторъ, пользовавшій мою жену, посовѣтовалъ намъ перебраться въ Ниццу, гдѣ больные терялись въ массѣ здоровыхъ и убыль человѣчества не такъ была замѣтна. Я просилъ товарища моего графа Владиміра Моркова найти намъ квартиру, которая вскорѣ была найдена и мы въ концѣ января переселились въ Ниццу. Тамъ нашли мы массу знакомыхъ и большія приготовленія къ предстоящему карнавалу. Весна прошла благополучно и тотчасъ послѣ праздника Пасхи мы отправились въ Парижъ совѣтоваться съ тамошними знаменитостями.

Первый нашъ визитъ къ знаменитости былъ неудаченъ, мы попали на шарлатана, который передалъ лѣченіе жены моей какому-то своему ассистенту, лѣчившему вдыханіемъ смолистыхъ газовъ, отъ которыхъ больной стало хуже.

По совѣту моихъ знакомыхъ мы обратились къ Профессору Академіи Жако, который осматрѣвъ больную, приказалъ ей тотчасъ же покинуть Парижъ и ѣхать въ Швейцарію, въ Монтрё, пить молоко. Вотъ мы снова въ вагонѣ. Горный воздухъ и молоко поправили ее. Въ началѣ мая я долженъ былъ ѣхать въ Россію, мой отпускъ окончился, а жена немного спустя поѣхала въ Эмсъ—пить воды.

Въ іюлѣ возвратилась изъ заграницы жена моя по окончаніи курса водъ въ Эмсѣ, что, повидимому принесло ей большую пользу.

При Пречистенскомъ домѣ жены былъ обширный садъ съ оранжереями, который мы рѣшили уничтожить и выстроить на занимаемомъ имъ мѣстѣ трехъэтажный домъ.

Составленіе плановъ городскимъ архитекторомъ Карнѣевымъ задержало начало постройки, но все таки къ октябрю домъ былъ вчернѣ сложенъ, и выходилъ своимъ фасадомъ на Еропкинскій переулокъ.

Начало зимы было благопріятно здоровью жены, такъ что она могла выѣзжать на вечера и въ театръ, и даже у насъ былъ дѣтскій вечеръ для моей малютки-дочери. Послѣ Рождества болѣзнь ея приняла дурное теченіе, такъ что вторую половину зимы мы провели въ грустномъ настроеніи. Созывъ консиліумовъ съ московскими знаменитостями не принесъ ей никакой пользы. По обыкновенію знаменитости пѣли различныя оперы. Кто въ лѣсъ, кто по дрова.

ГЛАВА XXIV.

1873 г. Пріѣздъ Персидскаго Шаха.—Учрежденіе Московскаго Земельнаго банка.—Поѣздка въ Петербургъ.—Коммиссіонный Банкъ.

Въ маѣ я вернулся въ Москву, гдѣ тотчасъ, по прибытіи отправился на Никольскую, свѣрить мои заграничные счета съ Коммерческимъ ссуднымъ банкомъ, по тратамъ и переводамъ, полученнымъ мною заграницей. Никольскую я нашелъ запруженною народомъ. Вся мостовая была болѣе, чѣмъ на вершокъ усыпана пескомъ. Съ большимъ трудомъ я могъ протискаться къ подъѣзду коммерческаго ссуднаго банка, гдѣ я узналъ причину скопленія народа. Съ минуты на минуту ожидали проѣзда Персидскаго Шаха, прибывшаго въ первый разъ въ Россію и Москву. Изъ оконъ банка я отлично видѣлъ торжественный проѣздъ Шаха по Никольской. Предшествуемый и конвоируемый огромной свитой, Шахъ ѣхалъ въ открытой коляскѣ à la Daumont въ золотомъ мундирѣ, осыпанномъ алмазами и драгоцѣнными камнями. Свита его также блестѣла золотомъ. Шахъ помѣстился въ большомъ Кремлевскомъ дворцѣ; въ парадныхъ гостинныхъ бель-этажа дворца. Шахъ привезъ съ собою трехъ женъ, которыя помѣстились съ нимъ. Разсказывали много анекдотовъ про жизнь его свиты и безпо-

рядкахъ дѣлаемыхъ ими въ комнатахъ. Такъ евнухъ едва не убилъ ламповщика, пришедшаго зажигать лампы на женской половинѣ. Сидѣніе и даже трапезованіе ими на коврахъ пола, гдѣ, благодаря ихъ нечистоплотности, по отъѣздѣ Шаха должны были мѣнять ковры. Вообще неудобство совмѣстнаго путешествія Шаха съ его женской половиной, было столь ярко, что вскорѣ женскій персоналъ былъ отправленъ на жительство въ Петровскій дворецъ, а потомъ, возвращенъ обратно въ Персію. Шаха убѣдили, что по Европѣ весьма возможно путешествовать безъ особаго женскаго баласта. Для Шаха устраивались разныя празднества. Былъ парадный спектакль въ Большомъ театрѣ, смотръ пожарной команды и другія развлеченія.

У Шаха была многочисленная свита, всегда одѣтая въ золотые мундиры. Многихъ занимало одно должностное лицо. Когда Шахъ сморкался или утиралъ лицо или руки, то назадъ платка въ карманѣ клалъ, а послѣ операціи свертывая его въ комокъ, бросалъ назадъ черезъ голову. Обязанность этого чиновника была поймать платокъ на воздуѣ и не дать ему упасть на полъ, что онъ и исполнялъ весьма ловко. Когда Шахъ пріѣзжалъ на слѣдующій разъ, то должность эта и обычай были уничтожены.

Еще зимой прошедшаго года я получилъ предложеніе отъ полковника генеральнаго штаба Кисловскаго участвовать въ составленіи Устава Московскаго Земельнаго Банка.

Насъ учредителей было пять: Кисловскій, Коноплинъ, Никифоровъ, представитель конторы Волкова, старшій братъ ихъ Петръ Гавриловичъ и банкиръ Марецкій. За основаніе Устава мы взяли уставъ Харьковскаго Поземельнаго Банка, уже дѣйствовавшаго и, сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, представили министру финансовъ Рейтерну. Марецкій и Волковъ гарантировали намъ, что первые два выпуска облигацій они берутся помѣстить у себя въ конторахъ. Половину акцій учредители брали себѣ, а другая половина была предназначена по подпискѣ для публики.

Я и Кисловскій отправились уполномоченными въ Петер-

Московскій Генералъ-Губернаторъ Генералъ-Адъютантъ Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ.
Съ фотографіи.

21

бургъ. Принялъ насъ въ министерствѣ Павелъ Ивановичъ Шамшинъ очень любезно и обѣщалъ полное содѣйствіе нашему проекту. Проектъ былъ отпечатанъ, внесенъ въ Государственный Совѣтъ, въ Департаментъ экономіи. Министерство обнадежило насъ въ полномъ успѣхѣ и отпустило въ Москву. Прошло довольно долгое время, а объ утвержденіи нашего проекта ничего не слышно. Наконецъ изъ Петербурга пришло извѣстіе, что въ министерствѣ полученъ другой проектъ, тоже Московскихъ капиталистовъ и помѣщиковъ, во главѣ съ княземъ Черкаскимъ и известнымъ желѣзнодорожникомъ Лазаремъ Соломоновичемъ Поляковымъ. Проектъ былъ точная копія съ нашего проекта. Проектъ былъ напечатанъ также въ министерствѣ и пущенъ въ ходъ, а нашъ задержанъ въ канцеляріи. Волковъ и Марецкій получили приглашеніе вступить съ ними въ товарищество съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ нашего прежде заявленнаго проекта. Съ этимъ извѣстіемъ пріѣхалъ къ намъ полковникъ Кисловскій, говоря, что Волковъ колеблется и что совѣтуетъ намъ бросить дѣло и не бороться съ такими силами, какъ князь Черкасскій и желѣзнодорожникъ Поляковъ.

Подобные поступки меня возмутили. Я окончательно отказался слушать совѣтовъ Волкова и началъ дѣйствовать самостоятельно, единолично. Во первыхъ, вмѣсто Волкова, въ случаѣ его отказа, я сговорился въ Петербургской конторой Лампе, который обязался вступить къ намъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ Волковъ, въ случаѣ его отказа. Затѣмъ, на другой же день я поѣхалъ въ Петербургъ и черезъ хорошаго знакомаго моего товарища Государственнаго секретаря Рамбелинскаго, довелъ до свѣдѣнія Чевкина, что кромѣ представленнаго въ Государственный совѣтъ проекта князя Владиміра Черкасскаго и Полякова, въ министерствѣ есть другой проектъ, представленный ранѣе нами. Результатъ моего сообщенія былъ тотъ, что черезъ нѣсколько дней я получилъ письмо отъ Петра Гавриловича Волкова, въ которомъ онъ просилъ меня пожаловать въ его контору для совѣщанія, по поводу полученной бумаги министра финансовъ. Въ назначенный часъ я былъ у него, гдѣ кромѣ хозяина засталъ князя Черкасскаго и Льва Николаевича Вол-

кова. Въ бумагѣ министерства значилось, что: такъ какъ въ канцелярію министерства представлены два проекта одного и того же банка и въ каждомъ изъ нихъ учредители просятъ оставить за собой половину акцій, а другую половину подвергнуть публичной подпискѣ, то министерство спрашиваетъ: не найдутъ ли возможнымъ оба общества учредителей слиться въ одно, тогда министерство предоставитъ учредителямъ всѣ акціи и публичной подписки не будетъ.

Хотя подобное сліяніе не представляло намъ никакихъ выгодъ, такъ какъ насъ учредителей было всего пять человѣкъ, а у нашихъ опонентовъ—двадцать и мы, по числу голосовъ, теряли всякое значеніе въ собраніи учредителей, но въ виду шаткости нѣкоторыхъ моихъ сотоварищей, я рѣшился пойти на предлагаемую министерствомъ сдѣлку.

Впослѣдствіи оказалось, что Чевкинъ обратилъ вниманіе министра финансовъ Рейтерна на задержаніе нашего проекта въ канцеляріи министерства и министръ приказалъ найти выходъ къ нашему соглашенію.

Проектъ былъ утвержденъ Государственнымъ совѣтомъ и задаточныя деньги внесены нами въ Государственный банкъ.

Въ первое же частное общее собраніе оказалось полное безсиліе нашей партіи. Князь В. А. Черкасскій забралъ все въ свои руки, самовольно утверждалъ постановленія, инструкціи и служебныхъ лицъ. При разсмотрѣніи оцѣнки земель по губерніямъ и уѣздамъ, я сдѣлалъ заявленіе въ неправильности разцѣнки по Рязанской губерніи, имѣя въ ней недвижимое имѣніе. Черкасскій обидѣлся, но когда полковникъ Кисловскій, тоже помѣщикъ Рязанской губерніи, доказалъ ему сдѣланную имъ ошибку въ постановкѣ Спасскаго уѣзда выше Пронскаго, то Черкасскій, видя свое безсиліе, съ желчью обратясь къ намъ, сказалъ: «Конечно, противъ такихъ спеціалистовъ я спорить не могу, но въ оправданіе свое могу сказать, что въ Рязанской губерніи я пользовался указаніями Александра Ивановича Кошелева. Кисловскій возразилъ ему, что у Кошелева въ Спасскомъ уѣздѣ есть зеркальный заводъ съ хорошей песчаной землей,

что очень цѣнно для зеркальнаго производства, но мало доходно для земледѣлія.

Конечно, послѣ такого инцидента отношенія обострились когда начали распредѣлять акціи, то Кисловскій отказался получить полностью слѣдуемыя ему 400 акцій, а взялъ кажется 50 или 100. Остальныя акціи мы раздѣлили между собой. Въ тотъ же день, напуганный Коноплинъ, видя безцеремонность Черкасскаго, уступилъ свои акціи Лазарю Соломоновичу Полякову, который сразу удвоилъ количество своихъ акцій. Конечно послѣ того всѣ дѣла вершались Черкасскимъ совмѣстно съ Поляковымъ, и намъ ничего не оставалось, какъ продать свои акціи, такъ какъ мы не имѣли никакого вліянія на ходъ дѣла, что мы въ большинствѣ и сдѣлали.

Въ одно утро 1874 года явился ко мнѣ прежній мой компаньонъ по коммерческо-ссудному банку, Алаевъ съ предложеніемъ вступить съ нимъ въ учредительство новаго комиссіонаго банка, на манеръ страхового общества. Банкъ самъ не производилъ никакихъ операцій, но страховалъ ихъ отъ риска, ставя свой бланкъ. Подобныя общества существуютъ за границей. Въ числѣ учредителей былъ Василій Алексѣевичъ Шереметевъ, баронъ Бюллеръ, Лазарь Соломоновичъ Поляковъ. Алаевъ былъ уже разоренъ и кредита не имѣлъ. Мы собирались поочереди у меня и у Полякова. Уставъ былъ выработанъ и представленъ въ кредитную канцелярію министерства финансовъ. Я былъ въ числѣ депутатовъ, ѣздившихъ хлопотать въ Петербургъ. Сначала дѣло пошло было на ладъ, но потомъ Алаевъ объявленъ былъ несостоятельнымъ, учредители разошлись и дѣло разстроилось.

ГЛАВА XXV.

1874 г. Манифестъ 1 января о всеобщей воинской повинности.—Пріѣздъ въ Москву новобрачныхъ Великой Княгини Маріи Александровны съ супругомъ.—Поздравленіе и цѣлованіе руки въ Екатерининской залѣ.—Покупка дома Леве въ Столешниковомъ переулкѣ.

1 января 1874 года послѣдовалъ манифестъ о всеобщей воинской повинности. Манифестъ взбудоражилъ купеческое общество. Въ прежнее время купцы, платившіе гильдейскія повинности, были избавлены отъ службы въ войскахъ. Между служащими въ войскахъ, купеческій элементъ представлялся въ минимальной пропорціи. Богатые коммерсанты бросились покупать зачетныя рекрутскія квитанціи, находившіяся въ крестьянскихъ рукахъ, оставшіяся отъ прежнихъ наборовъ, а главное зачтенныя за ратниковъ Севастопольской компаніи не вернувшихся домой. Впослѣдствіи боязнь купеческихъ семей къ службѣ въ войскахъ уничтожилась, и побудила ихъ только добывать научные аттестаты, сокращающіе срокъ службы.

11 января совершилось бракосочетаніе великой княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ. Вскорѣ по совершеніи обряда Государь съ новобрачными прибыли въ Москву, гдѣ пробыли три дня. Въ Екатерининской залѣ Кремлевскаго дворца, представлялись имъ дворяне и старшія чины, при чемъ всѣ допускались къ цѣлованію руки новобрачной герцогини.

Въ одинъ вечеръ занятъ я былъ съ подрядчикомъ Ситниковымъ, который при прощаніи сказалъ мнѣ, что въ Столешниковомъ переулкѣ продается домъ Леве и совѣтовалъ купить его, находя просимую за него сумму, 125 тысячъ выгодною. Не имѣя въ то время свободной такой суммы, я отказался.

Придя въ гостиную къ женѣ, я нашелъ у нея ея двоюроднаго брата Ребиндера съ женою и при нихъ разсказалъ про сдѣланное мнѣ предложеніе. Жена Ребиндера начала уговаривать меня купить этотъ домъ пополамъ съ ними. Сначала я отказался, но потомъ ко мнѣ такъ при-

стали всѣ съ убѣжденіями и настояніями, что я долженъ былъ уступить. На другой день мы съ Александромъ Ребиндеръ поѣхали осматривать домъ и въ тотъ же день купили его. То было время покупной горячки домовъ. Квартиры поднялись сразу чуть не вдвое. Всѣ бросились на покупку домовъ, особенно съ пустопорожними мѣстами. Строительная горячка подняла цѣну на строительные матеріалы, особенно кирпичъ, который поднялся съ 20 до 34 руб., но и по этой цѣнѣ не всегда было возможно его имѣть, такъ что часто работы прерывались за неимѣніемъ строительнаго матеріала. Кредитное Общество открыло широкій кредитъ строителямъ и благодаря этому Москва украсилась многими зданіями. Но впослѣдствіи многіе разочаровались. Вначалѣ Восточная война, а потомъ изгнаніе евреевъ заставили пустовать много квартиръ и тѣмъ разорили новыхъ домовладѣльцевъ.

ГЛАВА XXVI.

1875 г.—Постройка дома въ Столешниковомъ пер.—Комическій бунтъ.—Отставка отъ должности Предсѣдательницы Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ Княгини С. С. Щербатовой.—Г-жа Нейдгартъ.—Поступленіе мое въ должность директора Торлецкаго Пріюта.

Въ 1875 году во время завѣдыванія полицейской властью Москвы оберъ-полиціймейстеромъ Араповымъ, я строилъ на купленномъ мною мѣстѣ въ Столешниковомъ переулкѣ, большой четырехъэтажный каменный домъ. Рабочихъ каменщиковъ было до 400 человѣкъ. Я жилъ съ семьей въ Петровскомъ Паркѣ, но пріѣзжалъ на стройку каждое утро, исключая праздничныхъ дней.

Въ одинъ изъ понедѣльниковъ, по пріѣздѣ моемъ на работы, старшій десятникъ доложилъ мнѣ, что вчера наши каменщики затѣяли ссору съ каменщиками строящагося дома Чуксина, въ томъ же переулкѣ. Полиція желала арестовать буяновъ, но рабочіе не дозволили и прогнали блюстителей порядка. Сегодня, докончилъ докладъ десятникъ, квартальный Свистуновъ обѣщался придти къ Вамъ съ

жалобой на каменщиковъ. Съ рабочими я жилъ въ ладахъ, каждую субботу, кромѣ условленной платы, выдавалъ имъ чаевые, всѣмъ безъ исключенія. Кромѣ того не утруждалъ ихъ излишней работой потому и пользовался между ними нѣкоторой популярностью.

Обходя по лѣсамъ строящагося дома (воздвигался четвертый этажъ) я замѣтилъ усиленное стараніе рабочихъ. Каждый старался показать свое рвеніе въ исполненіи обязанностей. Не показывая вида, что я что нибудь знаю о вчерашнемъ происшествіи, обходя работы я говорилъ только о правильномъ производствѣ ихъ или о домашнихъ и юридическихъ дѣлахъ, касающихся лично ихъ и ихъ семей. Когда, по окончаніи обхода, я спустился на землю и въ ожиданіи обѣденнаго перерыва работъ, сидѣлъ на крыльцѣ сосѣдняго дома Леве, явился квартальный Свистуновъ съ помощникомъ и двумя будочниками.—«Я къ Вамъ съ жалобой»— началъ онъ свою рѣчь. Ваши рабочіе учинили вчера драку на улицѣ и ослушались полиціи, оказавъ ей сопротивленіе, говорилъ мнѣ Свистуновъ, прикладывая руку къ козырьку. Во первыхъ, у меня лично никакихъ рабочихъ нѣтъ, отвѣтилъ я, рабочіе наняты подрядчикомъ и я, какъ и вся Россія послѣ объявленія положенія 1861 года никакихъ правъ на личность людей не имѣю, во-вторыхъ, городская улица принадлежитъ завѣдыванію полиціи, а никакъ не лицу, имѣющему на ней домъ; а третье, меня даже не было вчера въ городѣ, такъ что я не могу быть вамъ полезенъ даже какъ свидѣтель. Но что же вамъ отъ меня угодно?—Я желалъ бы арестовать виновныхъ.—Но кто же вамъ мѣшаетъ? Рабочіе объявили мнѣ, что безъ васъ не дозволяетъ этого сдѣлать. Мнѣ оставалось только пожать плечами. Я буду ждать окончанія вашего обхода на этомъ крыльцѣ. Вся полицейская компанія поднялась на лѣса, и по указанію будочниковъ и помощника квартальнаго, начался арестъ указанныхъ ими лицъ. Всего свели они съ лѣсовъ шесть человѣкъ. Все было покойно. Но вдругъ раздался возгласъ. Да что мы, ребята, выдаемъ своихъ? Бросай работу. Выручай! и вся эта масса въ 800 ногъ затопотала по лѣсамъ, устремясь внизъ по лѣстни-

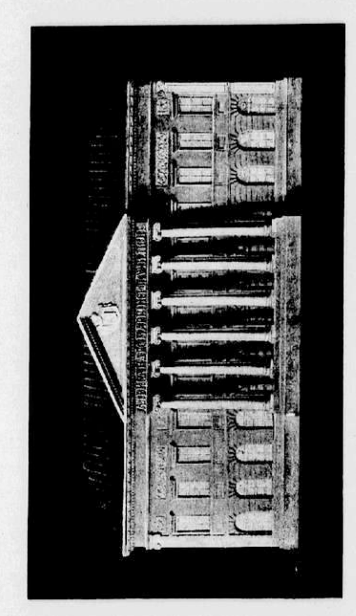
цамъ, квартальный, помощникъ, будочники съ арестованными, всѣ бросились на крыльцо и спрятались за моей спиной. Положеніе мое было критическое—даже до смѣшного. Я видѣлъ, что эта необузданная толпа, изъ-за глупости и трусости полицейскаго агента, несется себѣ на пагубу, желая совершить необузданный актъ насилія надъ властью.

Я выступилъ на нѣсколько шаговъ впередъ, держа въ правой рукѣ единственное мое оружіе—дождевой зонтикъ. Когда передніе спустились на землю—то я громко крикнулъ. Стой! что вы дѣлаете, безумцы? Сами себѣ роете яму, развѣ можно сопротивляться власти? Прочь, по мѣстамъ и первый, кто тронется впередъ будетъ имѣть дѣло со мной, а не съ полиціей. Я вамъ порука, что ничего противозаконнаго не будетъ учинено съ вашими товарищами. Не знаю что? Громкій ли мой голосъ, комически ли грозная моя фигура или нѣкоторый авторитетъ, которымъ я пользовался между рабочими сдѣлали то, что толпа стихла, остановилась и тихо поплелась опять по лѣсамъ на работы. Свистуновъ быстро скрылся съ арестованными. Я тотчасъ поѣхалъ къ мѣстному полиціймейстеру Огареву и разсказалъ ему трагикомическое происшествіе. Никакого хода рапорту Свистунова не дали. 6 каменщиковъ выслали изъ Москвы, но они черезъ три дня вернулись обратно и работали у того же подрядчика только на другихъ стройкахъ

Правителемъ дѣлъ Совѣта Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Дмитріевичъ Серебряковъ. Онъ же былъ и Правителемъ дѣлъ Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. Предсѣдательница перваго была княгиня Четвертинская, а Вицъ-предсѣдательница кавалерственная дама Варвара Евграфовна Чертова. Предсѣдательницей Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ, а также его учредительницей была княгиня Софія Степановна Щербатова. Повидимому все шло гладко въ обоихъ обществахъ. Въ одно утро, когда я пріѣхалъ съ какимъ-то дѣломъ къ Варварѣ Евграфовнѣ Чертовой, услыхалъ новость, что Софія Степановна Щербатова взяла себѣ въ Правители дѣлъ вмѣсто Серебрякова,

сына своего, бывшаго Московскимъ городскимъ головой, князя Александра Алексѣевича Щербатова, найдя какія-то неисправности по канцеляріи. Двоевластіе Серебрякова окончилось и часть канцеляріи съ дѣлами перебралась на Никитскую, въ домъ князя Щербатова.

На одномъ изъ общихъ собраній въ домѣ и квартирѣ княгини Софіи Степановны, гдѣ обязательно присутствовали всѣ попечительницы со своими секретарями, намъ объявили, что Серебряковъ отказался отъ исполненія обязанностей правителя дѣлъ попечительства, но князя Александра Алексѣевича не было, его замѣнялъ какой-то чиновникъ, которымъ руководила сама княгиня Щербатова. Говорили, что князь А. А., узнавъ стороной, что дѣла канцеляріи идутъ не совсѣмъ правильно, уговаривалъ свою мать отстранить Серебрякова, и когда старая княгиня возразила, что трудно найти человѣка, который бы съ пользою замѣнилъ Серебрякова, пробывшаго болѣе 30-ти лѣтъ правителемъ дѣлъ, то князь, въ пылу разговора, предложилъ свои услуги. Никто не сомнѣвался въ истинно рыцарски-честныхъ побужденіяхъ князя, но всеобщій голосъ былъ, что князь пробудетъ правителемъ дѣлъ недолго. Князь—истый баринъ, не могъ быть приказной строкой и возиться съ разными личностями, жаждущими за пожертвованные ими гроши—наградъ. Надобно было имѣть много терпѣнья и уклончивости, чтобы ладить со всѣмъ этимъ людомъ. Канцелярія была сдана князю Александру Алексѣевичу и бумаги перевезены въ домъ его на Никитской, во флигель на дворѣ. Вотъ все, что мы знали объ этомъ инцидентѣ. Серебряковъ остался правителемъ дѣлъ только Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ. По желанію вицъ-предсѣдательницы совѣта я поступилъ почетнымъ членомъ Совѣта Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ и вотъ канцелярія совѣта потребовала мой формулярный списокъ изъ Дамскаго Попечительства, но несмотря на нѣсколько повтореній—отвѣта никакого. Наскучивъ ожиданіемъ, я отправляюсь на Никитскую гдѣ мнѣ говорятъ, что князь въ деревнѣ, а канцелярія на дворѣ, во флигелѣ. Отправляюсь туда. Передъ флигелемъ протянута веревка и по ней бѣгаетъ на цѣпи огромный мохнатый песъ, съ лаемъ бросающійся на всѣхъ дерзавшихъ подходить близко къ

Домъ, гдѣ родился Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ.

флигелю. Долго соображалъ я о способѣ попасть въ канцелярію, крѣпко охраняемую мохнатымъ стражемъ и наконецъ былъ выведенъ изъ затрудненія дворникомъ, объявившимъ, что въ канцеляріи никого нѣтъ и даже письмоводитель уѣхалъ въ деревню. Я долженъ былъ отправиться въ мѣсто прежняго моего служенія, комендантское управленіе, гдѣ и досталъ копію моего формулярнаго списка, по которому и былъ утвержденъ на службѣ Дѣтскихъ Пріютовъ. Конечно, по такому способу веденія дѣлъ, ничего дурного въ канцеляріи происходить не могло.

Не прошло и года по увольненіи отъ завѣдыванія дѣлами Дамскаго Попечительства Серебрякова и принятіи его обязанностей на себя княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Щербатовымъ, какъ распространился слухъ, что князь уговариваетъ свою мать отказаться отъ должности Предсѣдательницы Совѣта. Вицъ-Предсѣдательницей совѣта была Варвара Евграфовна Чертова, покровительствовавшая бывшаго правителя дѣлъ Серебрякова; слѣдовательно, въ случаѣ назначенія ея на мѣсто княгини Щербатовой, возобновился бы прежній режимъ, чего князь Александръ Алексѣевичъ допустить не желалъ. Придумана была такая комбинація. Княгиня Софія Степановна письмомъ къ Государынѣ Императрицѣ просила, чтобы ей, какъ учредительницѣ общества, дозволено было вопреки устава, предложить членамъ совѣта избрать самимъ предсѣдательницу. (По уставу предсѣдательница назначалась Высочайшею властью). Государыня, снисходя къ просьбѣ княгини Щербатовой, дозволила избраніе предсѣдательницы на этотъ разъ, оставивъ назначеніе въ будущемъ себѣ. Вотъ тутъ-то и началась подпольная работа. Большинство дамъ попечительницъ, уважая достойную Софію Степановну соглашались предоставить рѣшеніе выбора ей, которая и выбрала Марію Александровну Нейдгартъ, попечительницу Маріинскаго женскаго училища. Меньшая же часть попечительницъ стояла за выборъ вицъ-предсѣдательницы Чертовой. Была одна попечительница, подавшая голосъ за дочь княгини Щербатовой, княгиню Голицыну. Марія Александровна Нейдгартъ была утверждена предсѣдательницей совѣта. Но тутъ-то и началась война. Чертова отказалась отъ званія Вицъ-предсѣдательницы и вмѣстѣ съ

тѣмъ подала прошеніе на Высочайшее Имя, объ отдѣленіи завѣдываемаго ею Александро-Маріинскаго училища отъ Дамскаго Попечительства на томъ основаніи, что Училище это учреждено и содержимо ею безъ всякаго пособія совѣта. Все это до того ее разстроило, что она заболѣла нервной горячкой и жизнь и здоровье ея было въ опасномъ положеніи.

Не только Московское общество, но даже Петербургскій административный міръ заговорилъ объ этомъ инцидентѣ и пошла писать губернія. Результатъ вышелъ мышиный. В. Е. Чертовой дозволено было дѣлать представленія помимо Совѣта, прямо въ Канцелярію Вѣдомства Императрицы Маріи, но Училище осталось въ Дамскомъ Попечительствѣ о бѣдныхъ. Княгиня Софія Степановна старалась всячески затушить поднявшуюся бурю и безпрестанно навѣщала В. Е. Чертову, но ничего сдѣлать не могла. Пріѣзжалъ въ Москву по тому же поводу и Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, но все это уладилось только наружно, а скрытое недовольство осталось до настоящаго времени. Поѣздка В. Е. Чертовой въ Петербургъ и представленіе ея покойной Императрицѣ Маріи Александровнѣ тоже не измѣнило и не подвинуло ея завѣтныхъ желаній, хотя и оказано было ей много вниманія отъ Высочайшихъ Особъ и высокопоставленныхъ лицъ. Только въ 1899 году Училище передано было Военному Вѣдомству съ переименованіемъ въ «Институтъ Кавалерственной Дамы Чертовой».

ГЛАВА XXVII.

1876 г. Болѣзнь жены. Поѣздка за границу. Порученіе Принца П. Г. Ольденбургскаго.

Весной 1875 года здоровье жены моей опять ухудшилось и я окончательно потерялъ голову. Профессоръ Николаевъ былъ большой любитель уженья рыбы и часто уѣзжалъ для этого изъ Москвы. Въ одну изъ его поѣздокъ на нѣсколько дней, жена моя сильно расхворалась. Не желая оставлять ее безъ серьезной помощи, я пригласилъ доктора Мамонова, который впослѣдствіи былъ главнымъ инспекторомъ Медицинскаго Департамента. Лѣченіе шло малоуспѣшно, несмотря на то, что мы поочередно приглашали всѣхъ Московскихъ знаменитостей на консиліумы. Въ маѣ переѣхали мы въ Петровскій Паркъ, нанявъ дачу рядомъ съ докторомъ Мамоновымъ, чтобы имѣть его всегда подъ руками. Осенью 1875 года здоровье жены моей несмотря на разнообразіе и количество докторовъ, было настолько плохо, что ей необходимо было ѣхать за границу совѣтоваться къ тамошнимъ знаменитостямъ. Я былъ занятъ постройкой моего Столешниковскаго дома, а жена въ концѣ сентября поѣхала въ Берлинъ къ тогдашней знаменитости, доктору Траубе. Послѣднее время лѣчилъ ее докторъ Мамоновъ и въ ея напутствіе, для показанія своей дѣятельности заграничнымъ свѣтиламъ, написалъ цѣлую тетрадь, исторію ея болѣзни и способы лѣченья, принимаемыя Московскими знаменитостями. Я проводилъ жену до Смоленска, а далѣе она поѣхала съ моей сестрой и гувернанткой дочери. По пріѣздѣ въ Берлинъ она тотчасъ же поѣхала къ Траубе и вотъ что произошло на этомъ свиданіи. Траубе долго читалъ представленный фоліантъ и изрѣдка поглядывалъ на утомленную, болѣзненную фигуру жены моей. Наконецъ фоліантъ прочитанъ. Траубе отложилъ его въ сторону и, обернувшись къ женѣ моей, сказалъ: «Какое у Васъ крѣпкое здоровье». Жена была изумлена рѣчью знаменитаго профессора и приняла это за шутку. «Какое же мое здоровье— сказала она—если я едва имѣю силы сидѣть передъ Вами, профессоръ. «А я повторяю Вамъ—какое у Васъ крѣпкое здоровье. А знаете почему?»—Нѣтъ, отвѣтила жена. «Московскіе эскулапы употребили всё, чтобы разстроить Ваше здоровье и уморить Васъ, а Вы на зло имъ, остались живы и сидите передо мной. Бросьте всѣ лѣкарства, поѣзжайте въ Монтрё, пейте молоко, а за обѣдомъ и завтракомъ стаканъ краснаго вина и будете здоровы. Теперь я дамъ Вамъ пилюли для исправленія Вашего разстроеннаго желудка отъ Московскихъ лѣкарствъ, а послѣ поправки, бросьте и ихъ. Затѣмъ на зиму поѣзжайте въ Римъ, гдѣ не такъ жарко, какъ въ другихъ курортахъ и менѣе вѣтра». Всѣ прика-

занія Траубе были исполнены и весной жена вернулась настолько окрѣпшей, что мы больше для лѣченія за границу не ѣздили. Изъ Берлина жена моя поѣхала въ Монтрё, куда я пріѣхалъ къ пей въ началѣ ноября нашего стиля. Въ концѣ ноября новаго стиля въ Монтрё выпалъ небольшой снѣгъ и мы тронулись въ Римъ, куда послѣ многихъ остановокъ и прибыли 1-го декабря новаго стиля. Въ Римѣ мы остановились на площади Пополи, въ гостиницѣ Россія; но сырая мѣстность, а главное сумрачныя комнаты, не выходящія на солнечную сторону, заставили насъ искать другого помѣщенія для жительства. Я обратился въ справочную контору для указанія квартиры, гдѣ съ меня конечно, прежде всего взяли деньги за рекомендацію, потомъ дали чичероне, которому я тоже долженъ былъ уплатить субсидію и я въ наемномъ фіакрѣ отправился съ нимъ па поиски. Проѣздивши нѣсколько часовъ, я ничего не нашелъ подходящаго, грустно возвращался домой, въ душѣ бранія контору и плохого чичероне. Не доѣзжая площади Барберини я замѣтилъ только что отстроенный отель «du Louvre», на правой солнечной сторонѣ улицы. Приказавъ остановиться экипажу, я взошелъ въ отель. Гостиница только что была отдѣлана, но жильцовъ въ ней никого не было. Я былъ первый наниматель. Мы скоро сошлись съ содержателемъ, и въ бель-этажѣ двѣ спальни и салонъ я нанялъ на полномъ пансіонѣ за 50 франковъ въ день. Къ вечеру мы переѣхали на новое жительство.

На другой день мы начали съ осмотра достопримѣчательностей Рима. Первое, что мы посѣтили, былъ дворецъ Барберини на площади того же названія, гдѣ находится знаменитый портретъ Беатричи-Чинчи, портретъ ея матери и сцена свиданія ея съ матерью въ тюрьмѣ, наканунѣ казни. Я не стану описывать всего видѣннаго нами въ теченіе всей зимы въ дворцахъ Рима,—на это нужны цѣлые томы. Мы ежедневно что-нибудь осматривали, но любопытнаго было такое громадное количество, что осмотрѣть все подробно не хватило бы и двухъ лѣтъ.

Погода въ Римѣ была не жаркая, приблизительно держалась 10°, но устойчивая. Хотя ночью нерѣдко бывало нѣ-

сколько градусовъ мороза, но съ восходомъ солнца ледъ таялъ. Очень хороши были фонтаны, у которыхъ не солнечная сторона покрыта кусками льда, когда противоположная блещетъ свѣжими струями воды. Вѣтра въ городѣ почти не было, только на Монте Пинчіо и окружающихъ холмахъ Рима былъ онъ замѣтенъ, во время загородныхъ нашихъ экскурсій. Въ одно время съ нами проживалъ въ Римѣ нашъ хорошій знакомый Николай Дмитріевичъ Селезневъ, съ которымъ мы часто совершали осмотры музеевъ и окрестностей Рима. За нѣсколько дней до Рождества случилось въ Римѣ маленькое землетрясеніе. Я помню, мы приказали затопить каминъ, но черезъ нѣсколько минутъ наши комнаты наполнились дымомъ, такъ что мы вынуждены были залить огонь. Мы отнесли это къ неисправности трубъ, но на слѣдующій день узнали изъ газетъ о случившемся землетрясеніи, бывшемъ даже причиной паденія статуй и скульптурныхъ украшеній съ домовъ.

Гостиница, въ которой мы заняли комнаты, была только что отстроена и мы были первые жильцы, въ ней поселившіеся. Содержатель очень за нами ухаживалъ. Вскорѣ, по примѣру, нашему, жильцы стали прибывать и, къ концу сезона, весь Hôtel былъ занятъ. Черезъ улицу отъ нашей гостиницы былъ небольшой двухъ-этажный домъ. Онъ сдавался въ наемъ, но не былъ покамѣстъ никѣмъ занятъ. Въ Римѣ разнеслась вѣсть, что скоро долженъ пріѣхать Джузепе Гарибальди. Пошли приготовленія для его встрѣчи. Находящійся противъ насъ домъ былъ нанятъ для его пребыванія.

Въ день его пріѣзда въ Римъ, толпы народа, съ утра стремились на дебаркадеръ. Шли корпораціи съ флагами, съ вѣнками, а также съ хорами музыки. Мы смотрѣли на все это изъ оконъ нашего дома. По его прибытіи на дебаркадеръ Рима, мимо нашего дома, по направленію къ площади Барберини прокатилась коляска, запряженная вмѣсто лошадей—людьми. Народъ выпрягъ лошадей изъ коляски и пожелалъ везти его на своихъ раменахъ, но національный герой, не желая ѣздить на себѣ подобныхъ, вышелъ изъ экипажа и, опираясь одною рукой на кого-то изъ своихъ

пріятелей, а другой — на костыль, тихо шелъ къ приготовленному ему дому, сопровождаемый несмѣтною толпою народа. Долго стояла толпа на дворѣ дома и кричала «evviva Гарибальди». Гарибальди показался на балконѣ въ своей традиціонной шапочкѣ и курткѣ и обратился съ рѣчью къ народу. Я отправился на дворъ его дома, но онъ говорилъ такъ слабо, что ничего невозможно было услышать и понять. Кромѣ того, толпа такъ шумѣла, что и протодіаконскій голосъ не могъ бы быть слышенъ. Черезъ нѣсколько дней Гарибальди перешелъ куда то на другую квартиру.

Осматривали мы галереи, сады, дворцы и загородныя виллы. Помѣщеніе короля показывалось всѣмъ безъ всякихъ хлопотъ и стараній. Когда мы пріѣхали во дворецъ и осматривали парадныя комнаты, залы и капеллу квиринала, въ которой Божественной службы не производилось, по случаю отлученія Короля Виктора Эммануила эдиктомъ Папы Пія IX, то я пожелалъ видѣть и столовую залу Короля, гдѣ въ тотъ день долженъ былъ быть парадный обѣдъ. Насъ тотчасъ повели. Зала весьма небольшая. Столъ былъ накрытъ покоемъ. Бронза и канделябры самые ординарные, въ родѣ тѣхъ, которые употребляютъ у насъ нанятые кондитера, однимъ словомъ, какъ у помѣщика средней руки. Пошли мы также въ садъ. Параллелограмъ съ прямыми ординарными дорожками, кучи неубранной земли и разбитыхъ цвѣточныхъ горшковъ. Полная простота и безпорядокъ Однимъ словомъ, жилище частнаго человѣка, а не Короля объединенной Италіи.

Любили же короля ужасно: я помню одинъ эпизодъ, въ которомъ я участвовалъ лично.

Во время карнавала наняли мы съ Николаемъ Дмитріевичемъ Селезневымъ комнату съ балкономъ на площади, противъ почты на Корсо. Балконъ убрали коврами и пріѣжали на нѣсколько часовъ любоваться масками, процессіями и толпами гуляющихъ.

На Корсо было полное оживленіе, — бросали другъ въ друга цвѣтами и особенно мучными конфети. Кромѣ насъ съ Н. Д. Селезневымъ и его секретаря Новикова, на балконѣ была моя маленькая дочь Нина со своей гувернанткой. Утомившись всѣмъ этимъ уличнымъ гамомъ, мы удалились въ комнату къ чайному столу. На балконѣ осталась дочь моя со своей гувернанткой, а около нихъ стояла корзина съ мучными конфети и со всѣмъ приборомъ для бросанія ихъ. Дѣвочку занимала эта забава и она безпрестанно перебрасывалась съ проѣзжими. Мы заняты были чаепитіемъ въ комнатѣ. На улицѣ послышалось шиканье всей площади наполняющаго ее народа. Невольно мы бросились на балконъ и увидѣли взоры всѣхъ устремленные къ нашему балкону, а Короля Виктора Эммануила удаляющимся въ коляскѣ, внизъ по Корсо, осыпаннаго конфети и мукой. Ребенокъ, бросая конфети въ проѣзжающіе экипажи, осыпалъ ими и Короля, гувернантка засмотрѣлась и не предупредила ее. Король, увидя, что получилъ подарокъ отъ ребенка наклоненіемъ головы благодарилъ дѣвочку, а публика, возмущенная безтактностью гувернантки, ошикала ее.

Постомъ, общество художниковъ сыграло премилую штуку съ римскими фланерами. По случаю проведенія новой національной улицы отъ дебаркадера желѣзной дороги къ Корсо, ломали много старинныхъ домовъ и планировали мѣстность для предполагаемой улицы. Въ землѣ нерѣдко находили старинныя скульптурныя и бронзовыя вещи. Это породило спортивный характеръ на находки, и покупки ихъ собирателями древностей. Въ недостроенномъ новомъ домѣ, гдѣ едва былъ постланъ временный полъ, общество художниковъ устроило выставку древностей и панорамъ Рима. Цѣна за входъ была объявлена одна лира (нашихъ 25 коп.). Передъ входомъ навѣсили флаговъ, убрали антре деревьями, стѣны были затянуты коленкоромъ. Однимъ словомъ—все было сдѣлано, что дѣлается на обыкновенныхъ выставкахъ. Публика повалила. На полкахъ, обтянутыхъ коленкоромъ, разложены были гвозди, разбитыя бутылки и горшки и другой хламъ. Надписи гласили: гвоздь изъ дома Юлія Цезаря, вбитый имъ лично въ стѣну, изломанная шпора перваго крестоносца; горшокъ матери Гракховъ и тому подобное. Въ проходѣ играла шарманка допотопные марши, а въ отдѣльной комнатѣ показывались уличныя панорамы разныхъ Римскихъ развалинъ. Всякій чувствовалъ себя одураченнымъ, но, не желая быть въ одиночествѣ и при-

держиваясь пословицы: «на міру и смерть красна», выходя увѣрялъ публику, что выставка очень интересна. Въ теченіи трехъ дней всѣ любители выставокъ, перебывали и бѣдные получили порядочное пособіе отъ дохода съ любопытныхъ.

Въ концѣ февраля мы цѣлой компаніей отправились въ Неаполь, гдѣ нашли чудесную погоду. Начались осмотры Неапола и его окрестностей. Осмотрѣли національный музей, дворцы городской и загородной. На воротахъ перваго увидѣлъ я двухъ старыхъ знакомыхъ — бронзовыхъ коней съ Аничкина моста въ Петербургѣ, подаренныхъ Императоромъ Николаемъ I Неаполитанскому Королю, во время пребыванія Императрицы Александры Феодоровны въ Палермо. Передъ дворцомъ миніатюрную колонаду, копію съ колонады св. Петра въ Римѣ. Потомъ осматривали окрестности Неаполя, направо черезъ тунель къ храму Минервы. Заѣзжали, конечно, въ сѣрные гроты—бани, гдѣ мальчишка, пробѣгая кругомъ горячаго сѣрнаго источника испекалъ въ рукахъ сырыя яйца. Были въ Помпеѣ, Кастеламарѣ, Соренто и другихъ окрестностяхъ.

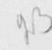
Нигдѣ не видѣлъ я народа болѣе развращеннаго и лѣниваго, какъ въ южной Италіи. Нищихъ масса. Проституція почти поголовная. Я былъ страшно пораженъ видомъ, когда на улицѣ молодой малый, прося милостыну, увѣрялъ, что онъ не имѣетъ даже рубашки, причемъ не стѣсняясь тѣмъ, что съ нами были дамы, распахнулъ свой балахонъ и показался намъ въ костюмѣ Адама. Можно также удивляться развитію легкихъ у дѣтей. Мы цѣлой компаніей поѣхали осматривать окрестности. Толпа дѣтей окружила насъ, прося у насъ сольди. Мы бросили имъ нѣсколько монетъ. Конечно произошла свалка. Между ними была прехорошенькая дѣвочка лѣтъ 9-ти-10-ти, на которую обратили вниманіе и желая разсмотрѣть ее поближе бросили ей 2 су, потомъ, показывая мѣдныя деньги, постоянно бросали ей; она не отставала отъ нашего экипажа цѣлый часъ и провожала насъ, несмотря на крупную рысь нашихъ лошадей.

Въ мартѣ мы покинула Неаполь и черезъ Римъ, Кар-

Московскій комендантъ Генералъ отъ инфантеріи Фридериксъ.

Съ современной гравюры.

рару, Геную отправились въ Ниццу. Останавливались въ Пизѣ на одинъ день осматривать ея достопримѣчательности; соборъ и падающую башню.

Подъѣзжая вечеромъ къ Ниццѣ во время слѣдованія черезъ Ментону, я обратилъ вниманіе на особенно тепличную температуру Ментоны, такого теплаго воздуха не было и въ Неаполѣ. Устроивъ жену въ Ниццѣ, я долженъ былъ ѣхать въ Россію по случаю окончанія моего отпуска. Жена въ концѣ апрѣля поѣхала въ Гейдельбергъ, совѣтоваться съ тамошней знаменитостью, профессоромъ Фредериксомъ, по совѣту котораго поѣхала пить воды въ Эмсъ, гдѣ также лѣчился Государь Императоръ Александръ II и Германскій Императоръ Вильгельмъ I. Я же возвратился въ Москву и занялся окончаніемъ постройки новаго дома моего въ Столешниковомъ переулкѣ.

Въ 1875 году, по желанію вицъ-предсѣдательницы В. Е. Чертовой, кромѣ моей службы въ Дамскомъ Попечительствѣ о бѣдныхъ, я зачислился почетнымъ членомъ Московскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ, съ платою несколькихъ сотъ рублей. Сдѣлалъ я это по двумъ причинамъ: 1) я занималъ должность ниже моего чина, и не могъ быть произведенъ въ слѣдующіе чины за выслугу лѣтъ; 2) предсѣдательницей пріютовъ значилась княгиня Четвертинская, но фактически должность исправляла Чертова, и потому могла дѣлать всякія представленія, какія ей заблагоразсудится и наобѣщала мнѣ съ три короба, за дѣятельность и работу мою по Александро-Маріинскому училищу. По обыкновенію, обѣщаній своихъ не исполнила и я кромѣ сладкихъ словъ и милыхъ писемъ, ничего не получилъ за всю 12-ти лѣтнюю работу въ училищѣ, и за потраченныя на него собственныя средства.

Не прошло и полугода, какъ я получилъ предложеніе отъ предсѣдательницы Совѣта Дѣтскихъ Пріютовъ принять должность директора Торлецкаго Дѣтскаго пріюта, вслѣдствіе отказа отъ этой должности директора Зырева. Кромѣ того, попечителиница Торлецкая отказала въ помѣщеніи пріюту, занимавшему квартиру въ домѣ ея мужа, на Моховой противъ Манежа. Въ кассѣ пріюта денегъ не оказалось, кромѣ того за старшиной Торлецкимъ числился

текущій долгъ въ суммѣ 8,200 руб. Вотъ въ какомъ положеніи принялъ я пріютъ. Принявъ на себя обязанность директора Торлецкаго Дѣтскаго Пріюта, я перевелъ заведеніе въ домъ жены моей на Пречистенкѣ. Кромѣ ста приходящихъ дѣтей было еще 15 живущихъ. На содержаніе пріюта тратилось болѣе 5 тысячъ. Совѣтъ долженъ былъ ежегодно приплачивать слишкомъ три тысячи, такъ какъ Торлецкій обязался вносить въ кассу Совѣта только 2 тысячи, но послѣдніе четыре года не вносилъ ничего. Залоговое свидѣтельство, выданное имъ Совѣту въ обезпеченіе исправной уплаты возвращено ему было въ 1873 году подъ расписку для замѣны его новымъ. Прежній взносъ обезпечивался домомъ Торлецкаго въ городской части. Домъ былъ проданъ Торлецкимъ Россійско-Американской компаніи. Торлецкій, несмотря на обѣщаніе, новаго свидѣтельства не представилъ, и денегъ не платилъ. Все это породило неудовольствіе между попечительницей Еленой Григорьевной Торлецкой и директоромъ Зыревымъ, который и счелъ за лучшее удалиться.

По вступленіи моемъ въ должность, Совѣтъ, вслѣдствіе приказанія Главноуправляющаго Вѣдомствомъ Императрицы Маріи Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго отъ 12 ноября 1876 года за № 622, выдалъ мнѣ предписаніе, какъ о взысканіи слѣдующихъ за прошедшее время 8200 рублей процентовъ, такъ и на взысканія капитальной суммы— 40 тысячъ, пожертвованныхъ имъ, въ обезпеченіе содержанія живущихъ призрѣваемыхъ дѣтей, или потребовать представленія залоговаго свидѣтельства на недвижимое его имущество. Положеніе мое было крайне затруднительно. Я долженъ былъ вести дѣло съ мужемъ моей попечительницы, нѣкоторымъ образомъ моей начальницы и съ нимъ—моимъ помощникомъ, по званію его старшиной пріюта. Конечно, о началѣ судебнаго дѣла я и не думалъ, надѣясь уладить его мирнымъ путемъ. Но даже и мирные разговоры съ обоими, были весьма щекотливаго свойства. Конечно мнѣ было обѣщано пополнить всѣ недоимки, но на дѣлѣ ничего не выходило.

Въ слѣдующій пріѣздъ Его Высочества въ Москву я

былъ потребованъ къ нему. Когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ, то первое, что онъ спросилъ: взысканы ли 48 тысячъ съ Торлецкаго? На мой отвѣтъ, что взыскана только часть суммы изъ числа слѣдующихъ съ Торлецкаго за прежніе годы процентовъ, Его Высочество объявилъ мнѣ, что слѣдуетъ энергичнѣе требовать какъ проценты, такъ и капиталъ, и объявить Торлецкому, что если онъ не внесетъ денегъ или залоговаго свидѣтельства, то съ пріюта снимутъ названіе «Торлецкій». Я просилъ дозволенія не начинать дѣла судомъ, хотя Торлецкій не исполнилъ своего обѣщанія воспользовался тѣмъ, что получилъ изъ канцеляріи залоговое свидѣтельсто для перемѣны продалъ домъ, а другого свидѣтельства не представилъ. Но въ виду того, что это пожертвованныя деньги, просилъ дать мнѣ время заставить ихъ уплатить добровольно всю сумму сполна, какъ капитала, такъ и процентовъ. Я началъ съ того, что расходъ по пріюту уменьшилъ съ 5500 р. на 3500 р. Потомъ, по немногу получилъ съ Торлецкаго всѣ 8 тысячъ рублей долга и ежегодно плату 2000 руб. Совѣтъ приплачивалъ къ нимъ всего съ небольшимъ тысячу руб. Впослѣдствіи попечительница Торлецкая перевела пріютъ опять въ свой домъ, и взяла всѣ расходы на себя. Когда мужъ ея продалъ домъ на Кузнецкомъ мосту доктору Захарьину за милліонъ руб., то и капиталъ въ 40 тысячъ былъ внесенъ въ кассу Совѣта.

Исполнивъ предписаніе Его Высочества, я перешелъ директоромъ въ Ольгинскій пріютъ, и всѣ мои расчеты съ Торлецкимъ пріютомъ были окончены.

ГЛАВА XXVIII.

1876—1877 г.—Покупка второй половины Столешниковскаго дома.—Статьи Аксакова.—Движеніе въ Московскомъ обществѣ.—Сербская война.—Рѣчь Государя въ Кремлѣ.—Крахъ Коммерческаго Ссуднаго Банка.

Весной 1876 года сотоварищъ мой по владѣнію домомъ въ Столешниковомъ переулкѣ, Александръ Ребиндеръ, пожелалъ продать кому нибудь свою часть, и начать постройку новаго дома. Я предложилъ ему возвратить ему

затраченную имъ сумму вдвое, т.-е. за полтора года дать ему сто процентовъ на капиталъ, но онъ не согласился, находя, что это мало. Начались поиски покупателя. Никто не давалъ больше, несмотря на массу разныхъ коммиссіонеровъ. Наши отношенія изъ пріятельскихъ стали весьма натянуты. Ребиндеръ не платилъ слѣдуемыхъ съ него процентовъ въ Кредитное Общество, такъ что домъ могъ быть назначенъ въ продажу съ публичныхъ торговъ.

Въ виду подобныхъ обстоятельствъ я прибавилъ ему кромѣ двойной затраты имъ капитальной суммы еще 2 или 3 тысячи и купилъ его половину, взявъ кромѣ того совершеніе купчей на свой счетъ. Сдѣлка эта, конечно, не улучшила моихъ финансовыхъ обстоятельствъ. Была пора завѣтныхъ мечтаній! Квартиры поднялись на 30 и больше процентовъ и всѣ мечтали составить себѣ капиталы на спекуляція домами, тѣмъ болѣе, что неурядицы съ рабочими заставили многихъ продавать свои насиженныя гнѣзда, а «Московское Кредитное общество» широко выдавало ссуды и процентъ его былъ гораздо снисходительнѣе пресловутаго Золотого Банка.

Мечты эти скоро разрушились. Сначала Сербская и Восточная войны, а потомъ изгнаніе евреевъ изъ Москвы, заставили пустовать много квартиръ и цѣнность ихъ упала до первоначальной стоимости. Процентовъ, не изъ чего было уплачивать въ Кредитку, и начались перезалоги и дополнительныя ссуды, совсѣмъ разорившіе многихъ домовладѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что драконовскія распоряженія Городского Головы Алексѣева и исполняющаго должность Оберъ-Полиціймейстера Власовскаго окончательно подорвало ихъ финансовое положеніе. Теперь начинается та же комедія и можетъ быть будетъ длиться до пришествія новыхъ Алексѣева и Власовскаго. Но что будетъ далѣе, увидятъ потомки.

Весной 1876 года славянское благотворительное общество, во главѣ съ И. С. Аксаковымъ пропагандировало защиту славянскихъ народовъ отъ звѣрства турокъ. Московское общество всецѣло высказалось въ пользу возставшихъ славянъ. Московскій благотворительный Комитетъ собиралъ обильныя денежныя средства для веденія освободительной

войны. Въ теченіе весны было собрано болѣе семисотъ тысячъ рублей, кромѣ различныхъ пожертвованій матеріалами. Кромѣ денежной помощи въ Москвѣ были снаряжены походные госпитали для раненыхъ и отправлены въ Сербію и Черногорію. Масса отставныхъ военныхъ солдатъ и офицеровъ отбыли въ Сербію и Черногорію, чтобы встать въ ряды защитниковъ угнетеннаго славянства, всѣхъ этихъ лицъ снабжалъ одеждой, вооруженіемъ и деньгами на путешествіе, Московскій комитетъ славянскаго общества. Количество отъѣзжающихъ было настолько велико (благодаря дамскому увлеченію москвичекъ, посылавшихъ на освободительную войну своихъ вздыхателей), что одинъ членъ судебной корпораціи, по прибытіи въ Бѣлградъ, не могъ найти себѣ другой дѣятельности, какъ сдѣлаться разносчикомъ пакетовъ и офиціальныхъ писемъ, чего легко могъ бы достигнуть и въ Москвѣ. Много было толковъ про пожертвованіе Тульскихъ дворянъ и внесеніе въ благотворительную кассу трехсотъ тысячъ рублей Петромъ Федоровичемъ Самаринымъ, но послѣдніе оказались пуфомъ. При отправленіи сестеръ милосердія и врачей на войну, служили торжественные молебны и желали имъ побѣду надъ врагомъ славянства.

Кромѣ словесныхъ громовъ, газеты, журналы и отдѣльныя изданія громили варварство турокъ и тѣмъ увеличивали стремленіе народонаселенія стать въ защиту угнетеннымъ. Принятіе на себя званія Главнокомандующаго генераломъ Черняевымъ, до того воспламенило защитниковъ славянства, что даже генералы отправились къ возставшимъ. Количество протестующихъ было ничтожно и какъ капля не могло утишить пожара. Князь Вяземскій писалъ. Ужели думаютъ, что Россія окрѣпнетъ силою возстановленныхъ славянскихъ племенъ? Нисколь, а напротивъ—мы этимъ только обезпечимъ и утвердимъ недоброжелательство и неблагодарность сосѣда, котораго мы воскресили и поставили на ноги «Il est grand, il est beau de faire des ingrats!» Это говоритъ поэзія, а политика не то говоритъ. Лучше имѣть для насъ сбоку слабую Турцію, старую, дряхлую, нежели молодую, сильную, демократическую Сла-

ванію, которая будетъ насъ опасаться, но любить насъ не будетъ. И когда были намъ въ пользу Славяне? Россія для нихъ дойная корова и только. А всѣ сочувствія ихъ уклоняются къ Западу. А мы даемъ доить себя до крови...

Несмотря на то, что повстанцы терпѣли пораженіе за пораженіемъ, такъ что только по требованію Императора Александра II, поддерживаемому другими державами, заключено было перемиріе. Общественное возбужденіе въ Россіи возрастало съ каждымъ днемъ. Добровольцы отправлялись въ Сербію партіями. На обмундированіе ихъ отпускалось сукно и холстъ изъ казенныхъ складовъ, офицерамъ давались долговременные отпуска, и они отправлялись добровольцами въ Сербію.

Особенно кипучую дѣятельность проявлялъ И. С. Аксаковъ, отправивъ въ Ливадію посланцемъ А. А. Пороховщикова, желая довести до свѣдѣнія Государя о настроеніи умовъ въ Москвѣ. 21 сентября Государь милостиво принялъ А. А. Пороховщикова, выслушалъ докладъ его о всеобщемъ сочувствіи народа, растрогавшій добросердечнаго Государя до слезъ. Отпуская Государь обнялъ и поцѣловалъ его.

По возвращеніи А. А. Пороховщикова въ Москву, онъ разсказывалъ въ англійскомъ клубѣ подробности своего пріема Императоромъ, всецѣло доказывавшаго доброе и отзывчивое сердце Государя.

19 октября получено было извѣстіе о разгромѣ сербовъ и взятіе турками Джюниша и Алексинца и только благодаря требованію Императора Александра II движеніе турокъ было пріостановлено.

Телеграмма опалила крылья воинственнымъ ораторамъ Славянскаго Комитета, но зато наполнила гордостью другихъ русскихъ, видѣвшихъ въ покорности турокъ силу земли русской и могущество ея Царя.

Конечно, если бы не интриги нашей недоброжелательницы Англіи, то восточный вопросъ былъ бы улаженъ безъ кровопролитной войны.

28 октября вся Царская семья прибыла въ Москву. 30 октября, принимая въ Кремлевскомъ Дворцѣ Московское дворянство и представителей городской думы, поднесшихъ всеподданнѣйшіе адресы, Императоръ сказалъ имъ слѣдующее: «Благодарю Васъ, господа, за чувства, которыя Вы желаете мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ событій. Они теперь болѣе разъяснились и потому я готовъ принять Вашъ адресъ съ удовольствіемъ. Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда истинными героями. Къ сожалѣнію нельзя того же сказать про Сербовъ, несмотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за славянское дѣло. Я знаю, что вся Россія, вмѣстѣ со мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію, но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь. Вотъ почему я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ для опредѣленія мирныхъ условій. Желаю весьма, чтобы мы могли придти къ общему соглашенію. Если же этого не состоится, и я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя бы обезпечивали исполненіе того, что мы въ правѣ требовать отъ порты, то я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ, вся Россія отзовется на мой призывъ, когда я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе».

Рѣчь Государя въ Кремлевскомъ дворцѣ, разнеслась съ быстротою молніи не только по Москвѣ, но и по всей Россіи и вызвала сочувственный откликъ во всѣхъ слояхъ.

И. С. Аксаковъ, въ восторженной рѣчи, произнесенной въ засѣданіи Московскаго Славянскаго Комитета сказалъ: «Въ Кремлѣ, среди святыни и древности Московской, рус-

скій Царь вступилъ въ общеніе со своимъ народомъ, въ общеніе духа съ его прошлыми и грядущими судьбами, и держалъ къ нему рѣчь, навѣки врѣзавшуюся въ народную память. Самодержавный Царь явилъ себя причастнымъ сердцемъ тому великому движенію, которымъ ознаменовалъ себя прошлымъ лѣтомъ его народъ, выславъ своихъ сыновъ на борьбу съ врагами славянства и вѣры. Нѣтъ мгновеній, возвышеннѣе тѣхъ, когда внезапнымъ подъемомъ всенароднаго духа вся многовѣковая исторія страны вдругъ затрепещетъ въ нею живою движущею силой и весь народъ послышитъ себя единымъ цѣльнымъ въ вѣкахъ и пространствѣ, живымъ историческимъ организмомъ. Такую именно минуту пережили мы съ Вами въ завѣтный день 30 октября, когда вся Русь, въ лицѣ Москвы, принимала отъ Царя его мысль и слово и устами Москвы же въ ея отвѣтномъ адресѣ на благую вѣсть выражала свою вѣру и страстное желаніе: «Да прейдетъ слава Царя-Освободителя далеко за русскій рубежъ во благо нашимъ страждущимъ братьямъ, во благо человѣчеству, во славу истины Божіей». Вторя Москвѣ, возликовала и заговорила вся русская область и до сихъ поръ еще не перестаютъ доноситься изъ дальнихъ концовъ нашей земли запоздалые въ своей радости отголоски. Эти слова Государя не были дѣломъ случайнымъ, личнаго державнаго произволенія. Это было наитіе историческаго духа. Онъ говорилъ какъ преемникъ Царей, какъ преемникъ Ивана III, принявшаго отъ Палеологовъ гербъ Византіи и сочетавшаго его съ гербомъ Московскимъ,—какъ преемникъ Петра и Екатерины какъ вѣнчанный блюститель древнихъ преданій и непрерывавшагося историческаго завѣта.

Надежда на миръ исчезла какъ дымъ. Хотя конференція въ Константинополѣ и старалась уладить, но было ясно, что вскорѣ война должна была разразиться. Всѣ приготовленія къ ней велись усиленно, и дѣйствительно русскія войска перешли Прутъ 12 апрѣля 1877 года.

Весной 1877 года выдалъ я подрядчику малярныхъ работъ чекъ на Коммерческій Ссудный Банкъ для полученія съ текущаго моего счета, за исполненныя имъ работы слѣ-

дуемыя ему деньги. Спустя часа полтора послѣ его ухода, докладываютъ мнѣ, что подрядчикъ вернулся и принесъ чекъ обратно, такъ какъ по немъ въ Банкѣ уплаты не произвели. Меня крайне удивило такое обстоятельство. На текущемъ счетѣ Банка у меня лежало нѣсколько тысячъ, и я предположилъ, что чекъ былъ неправильно выписанъ, или случилась бухгалтерская ошибка. Приказавъ подрядчику идти обратно въ Банкъ, я тотчасъ же поѣхалъ туда самъ. Въ Банкѣ хотя операціи производились, но видно было всеобщее смущеніе и какая-то сутолока между всѣми служащими въ Банкѣ. На вопросъ мой у кассира о причинѣ невыдачи денегъ по моему счету; мнѣ отвѣтили, что это было недоразумѣніе служащихъ и тотчасъ же я получилъ слѣдуемую мнѣ сумму. Распорядителя Банка Полянскаго не было въ Москвѣ, онъ уѣхалъ на отдыхъ въ Ялту. Миліоти и другой директоръ ничего положительнаго мнѣ не сказали. Отъ служащихъ въ Банкѣ я узналъ, что сейчасъ же будетъ собранъ совѣтъ Комитета по поводу ревизіи иностраннаго отдѣленія, въ которомъ вкрались какіе-то безпорядки. Директоръ иностраннаго отдѣленія былъ еврей Ландау, прогорѣвшій Варшавскій банкиръ. Я уѣхалъ изъ банка, не подозрѣвая, что случилось что-нибудь особенно важное. На утро Банкъ былъ опечатанъ, у кассы стояла полиція. Купецъ Алексѣевъ (бывшій впослѣдствіи Городскимъ Головою), не получивъ слѣдуемыхъ ему изъ Банка денегъ, заявилъ Прокурору о растратѣ въ Коммерческомъ Ссудномъ Банкѣ, и по его заявленію были положены печати на кассу Банка.

Члены Совѣта хотѣли одновременно внести растраченный капиталъ, считая его около 2-хъ милліоновъ, но ни Министръ Финансовъ, ни Министръ Юстиціи не согласились на это. Впослѣдствіи оказалось фальшивыхъ квитанцій знаменитаго Струсберга почти на семь милліоновъ рублей. Началось дѣло. Много было толковъ по поводу грандіознаго процесса краха Коммерческаго Ссуднаго Банка, оправданіемъ присяжными части членовъ Совѣта Банка, а остальныхъ Сенатомъ; обвинили толь-

---

*) Рѣчь И. С. Аксакова въ Моск. Слав. Комитетѣ 6 марта 1877 г.

ко директоровъ Полянскаго и еврея Ландау. Послѣдній хотя былъ главный и истинный виновникъ краха, но благодаря украденнымъ имъ милліонамъ, несмотря на полное обвиненіе, счастливо уѣхалъ за границу, гдѣ и проживаетъ на благопріобрѣтенный капиталъ. Рѣшеніемъ суда онъ былъ лишенъ всѣхъ правъ съ ссылкой въ Сибирь, но, какъ подавшій просьбу о кассаціи приговора въ Сенатъ, былъ отданъ на поруки полиціи. При немъ постоянно находился квартальный и два полицейскихъ служителя, жившихъ въ его квартирѣ. Въ одно утро квартальный донесъ, что Ландау бѣжалъ и съ тѣхъ поръ извѣстій о немъ не имѣется. Квартальный былъ преданъ суду, но отдѣлался только увольненіемъ отъ службы. Слухи ходили, что въ ней онъ не нуждался, бывъ хорошо вознагражденъ Ландау за способствованіе къ побѣгу. Были лица, про которыхъ говорили, что они даже слышали, какъ полицейскіе желали уѣзжавшему Ландау, во время его бѣгства, счастливаго пути. Громкаго же дѣла о побѣгѣ Ландау и наказанія его пособниковъ мы не слышали. Недаромъ онъ укралъ семь милліоновъ. Публика расплатилась за свою довѣрчивость. Крахъ Банка стоилъ мнѣ болѣе тридцати тысячъ.

Пострадалъ только Полянскій. Струсбергъ былъ высланъ какъ иностранецъ за границу. Пострадали вкладчики, и особенно акціонеры, потерявшіе весь свой капиталъ, потеря эта стоила мнѣ 35 тысячъ. Полянскій былъ сосланъ въ Сибирь, впослѣдствіи прощенный вернулся въ Москву, но въ Москвѣ ему не удалось пристроиться на мѣсто, и онъ взялъ мѣсто у желѣзнодорожника Лазаря Соломоновича Полякова въ Сибири, гдѣ вскорѣ и скончался.

ГЛАВА XXIV.

1877 г.— Объявленіе Восточной войны.—Пріѣздъ Государя въ Москву.—Рѣчь Государя въ Кремлѣ.—Устройство больницъ въ Москвѣ.—Сборъ пожертвованій.—Санитарные поѣзда.—Пріѣздъ Государя въ декабрѣ.—Празднество столѣтія рожденія Императора Александра I.—Пожалованіе званія Александровскаго Комитету о раненыхъ.

Ожиданіе начала военныхъ дѣйствій на берегахъ Дуная и на окраинахъ Азіатской границы въ Закавказьи были всеобщи. Всѣ ждали и готовились къ войнѣ. Наконецъ 12 апрѣля манифестъ былъ подписанъ и война объявлена.

Государь изъ Кишинева выѣхалъ въ Одессу, откуда черезъ Кіевъ прибылъ 22 апрѣля вечеромъ въ Москву.

На Курскомъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ его встрѣтила Государыня Императрица Марія Александровна и Цесаревна Марія Ѳеодоровна, только что прибывшія изъ Петербурга. Улицы Москвы были ярко иллюминованы, такъ какъ въѣздъ въ Москву имѣлъ торжественную обстановку. У часовни Иверской Божіей Матери все царское семейство вышло изъ экипажей и прикладывалось къ иконѣ.

23 апрѣля утромъ Государь принималъ въ Кремлевскомъ дворцѣ депутаціи отъ Московскаго дворянства и городской думы, поднесшихъ адресы.

Выслушавъ ихъ, Императоръ дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ: «Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, въ этихъ самыхъ стѣнахъ посреди нашего древняго родного Кремля, я выразилъ Вамъ мои надежды на мирный исходъ политическихъ дѣлъ на Востокѣ. Я желалъ донельзя щадить дорогую русскую кровь, но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ. Богу угодно было рѣшить дѣло иначе. Манифестъ мой, подписанный 12 апрѣля въ Кишиневѣ, возвѣстилъ Россіи, что минута, которую я предвидѣлъ, для насъ настала и вся Россія, какъ я ожидалъ, откликнулась на мой призывъ. Москва первая подала въ этомъ примѣръ и вполнѣ оправдала мои надежды. Сегодня я счастливъ, что могу вмѣстѣ съ Государыней Императрицей благодарить

всѣ сословія Москвы отъ глубины души за ихъ истинно патріотическія чувства, которыя они доказали уже не одними словами, но и дѣломъ. Могу сказать по совѣсти, что ихъ пожертвованія превзошли мои ожиданія. Да поможетъ намъ Богъ исполнить нашъ долгъ, и да будетъ Его благословеніе на нашихъ славныхъ войскахъ, идущихъ въ бой за Вѣру, Царя и Отечество».

Вслѣдъ за пріемомъ депутацій состоялся Высочайшій выходъ съ Краснаго Крыльца въ Успенскій Соборъ. При выходѣ на ·Красное Крыльцо Государь былъ восторженно привѣтствуемъ народомъ, наполнившимъ соборную площадь. До 1877 года Москва не имѣла не только ни копѣйки общественныхъ долговъ, но обладала запаснымъ капиталомъ въ милліонъ рублей. Этотъ капиталъ городъ предложилъ Государю на нужды войны. Государь впослѣдствіи вознаградилъ Москву. Когда по представленію ходатайства Городской думы о недостаткѣ городской пригородной земли, приказалъ уступить городскому обществу Сокольничью рощу за 350 тысячъ рублей, когда она, въ сущности стоила нѣсколько милліоновъ. Изъ-за этой рощи впослѣдствіи въ 1879 году возникнулъ печальный инцидентъ.

Восточная война прибавившая столько славы русскому оружію, сильно потрясла ея финансовую жизнь и особенно повліяла на торговлю Москвы. Многіе магазины закрылись и торговыя фирмы обанкротились. Магазины и квартиры пустовали годами и нерѣдко цѣлые этажи и дома были обклеены бѣлыми билетиками съ надписью: «отдается внаймы». Цѣнность квартиръ сразу упала на тридцать процентовъ.

Въ началѣ недоразумѣній нашихъ съ турецкимъ правительствомъ войска двинулись на южную границу Россіи. Квартировавшая въ Москвѣ 1-я Гренадерская дивизія направилась въ Азіатскую Турцію подъ начальствомъ своего командира генерала Роопа. Выходъ войскъ не былъ замѣтенъ въ Москвѣ. За ихъ удаленіемъ, начали формироваться резервы въ такомъ же, если еще не въ большемъ количествѣ. Дѣятельность благотворительныхъ обществъ усилилась, начались сборы, разныя пожертвованія и приготовленія больничныхъ теплыхъ и походныхъ вещей, для будущихъ больныхъ и раненыхъ. Устроилось нѣсколько временныхъ больницъ и лазаретовъ на частныя средства. На Поварской, въ домѣ Государственнаго Коннозаводства учредился комитетъ изъ дамъ общества, для сбора пожертвованій деньгами и вещами на помощь ушедшимъ войскамъ. Газеты были полны разсказами звѣрствъ турецкихъ башибузуковъ надъ жителями Болгаріи. Художественныя выставки пестрѣли изображеніемъ погрома, совершеннаго турками по ту сторону Дуная. Общество сильно взволновалось и ожидало объявленія войны. Аксаковъ и К° громили въ газетныхъ листкахъ варварскую Турцію, и призывали всѣхъ на брань для защиты меньшихъ братій. Наконецъ 12 апрѣля 1877 года Манифестомъ Государя была объявлена война и войска наши перешли границу Имперіи. Я не буду описывать ходъ военныхъ событій, а разскажу только то, что дѣлала Москва. Пожертвованія, стекавшіяся со всей Россіи по Главному Московскому Комитету дѣлились надвое: часть посылалась за Дунай, а другая въ Азіатскую Турцію. Въ Москвѣ постепенно нанимались квартиры для помѣщенія больныхъ, заводились въ нихъ кровати, посуда и устраивались временные госпитали на нѣсколько десятковъ кроватей. Персоналъ докторовъ и сестеръ милосердія находился всегда въ полномъ комплектѣ.

Маленькія больнички были очень симпатичны и предпочитались больными большимъ госпиталямъ и лазаретамъ. Оно не удивительно. Квартира съ простой обстановкой напоминала частную квартиру, въ какой въ прежнее время привыкъ видѣть себя больной. Не было той казенщины, что царитъ въ госпиталяхъ. Персоналъ служащихъ былъ въ большинствѣ женскій и притомъ женщинъ, добровольно принявшихъ на себя многотрудную и утомительную обязанность. Мягкость отношеній совсѣмъ противоположная нашимъ мундирнымъ комиссарамъ. Все это заставляло забывать больного, что онъ лежитъ въ госпиталѣ, а не въ квартирѣ своихъ родыхъ и знакомыхъ. На Поварской въ домѣ Коннозаводства былъ главный складъ всѣмъ жертвуе-

мымъ вещамъ и также былъ прiемъ жертвуемыхъ денегъ. Городъ Москва пожертвовалъ почти весь свой запасный капиталъ—миллiонъ рублей. Телеграммы съ театра войны ожидались съ лихорадочнымъ нетерпѣнiемъ. Было устроено нѣсколько санитарныхъ поѣздовъ съ различными приспособленiями въ вагонахъ. Прибытiе первыхъ раненыхъ въ Москву было событiемъ дня. Многiя московскiя барыни выѣхали встрѣчать ихъ на дебаркадеръ желѣзной дороги и какъ милости просили помѣстить ихъ въ завѣдываемый ими лазаретъ. Отступленiе нашихъ войскъ изъ-за Балканъ и долговременная осада Плевны сильно волновала всѣхъ москвичей. Всѣ, кто могъ, рвались за Дунай. Военные просили перевода, другiе командировки, а гражданскiе чины желали попасть хотя въ санитарный поѣздъ. Наша Московская благотворительница А. Н. Стрекалова воспользовалась настроенiемъ общества и устроила въ Всѣхсвятской рощѣ городокъ для раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ. Было выстроено нѣсколько отдѣльныхъ домовъ и близъ нихъ каменная прелестной архитектуры церковь. Этимъ инвалиднымъ городкомъ завѣдывалъ полковникъ (теперь генералъ-лейтенантъ) Дмитрiй Васильевичъ Мерчанскiй, въ то время чиновникъ особыхъ порученiй Генералъ-Губернатора. Балы, вечера, аллегри и сборы разныхъ видовъ устраивались безпрестанно. Дамы общества искали случая попасть въ завѣдующiя и даже въ сестры милосердiя временныхъ лазаретовъ. Помѣщенiй для лазаретовъ была масса. Москва сразу опустѣла и билетики объ отдачѣ квартиръ виднѣлись на каждой улицѣ. Взятiе Плевны въ концѣ ноября наполнили радостью Москвичей. Затѣмъ событiя перехода нашихъ войскъ черезъ Балканы, несмотря на суровое зимнее время, пошли такъ быстро, что въ половинѣ января было видно, что окончанiе военныхъ дѣйствiй должно совершиться въ скоромъ времени. Мѣстъ въ Московскихъ лазаретахъ было такъ много, что недостатка въ помѣщенiи раненыхъ никогда не ощущалось. Въ концѣ поста начали возвращаться нѣкоторые изъ Московскихъ добровольцевъ. Возвращались они въ такомъ испитомъ видѣ, благодаря Дунайскимъ лихорадкамъ, что жалко было на нихъ смотрѣть.

Родной климатъ скоро возстановлялъ утраченныя ими силы. Проѣздъ Государя Императора изъ армiи черезъ Вильно въ Петербургъ обрадовалъ всѣхъ, показавъ, что скоро будетъ конецъ нашимъ невзгодамъ. И, дѣйствительно, 19 февраля былъ заключенъ миръ. Либеральная партiя была опечалена, получивъ извѣстiе въ одно время съ вѣстью заключенiи мира, печальную вѣсть о кончинѣ гражданскаго правителя Болгарiи, бывшаго городского головы г. Москвы князя Черкасскаго. Много разочарованiй принесъ намъ Берлинскiй конгрессъ. Хотя мы ожидали много непрiятностей отъ зависти къ намъ англичанъ, но iезуитское поведенiе канцлера Германской Имперiи князя Бисмарка озадачило всѣхъ. Благодаря содѣйствiю Россiи, маленькая Пруссiя обратилась въ обширную Германскую Имперiю и въ благодарность за то, въ первый же удобный моментъ предала ее созванному ареопагу, какъ Iуда не за тридцать сребренниковъ, а за эфемерную славу быть маклеромъ Европы.

Въ декабрѣ 1877 года отъ московскаго дворянства, г. Москвы и Земства Московской губернiи посланы были депутацiи съ адресами по случаю возвращенiя Государя изъ армiи въ Петербургъ. Депутацiи желали поздравить Государя съ паденiемъ Плевны и плѣненiемъ Османа-паши со всей его армiей. Государь вернулся въ столицу 10 декабря, 12-го праздновалъ рожденiе Императора Александра I и Комитету о раненыхъ присвоилъ названiе Александровскаго.

Московскiя депутацiи дворянъ и земства были приняты Государемъ 25 декабря, на привѣтствiе ихъ Государь отвѣчалъ: «Благодарю Васъ, господа за выраженiе чувствъ Вашихъ. Чувства эти я давно знаю, въ искренности ихъ никогда не сомнѣвался и твердо увѣренъ, что они вовѣкъ останутся неизмѣнными. Да поможетъ намъ Господь со славою и честью довести до конца свято дѣло наше. Жалѣю, что Васъ нѣсколько задержалъ. Думская депутацiя представлялась нѣсколько дней ранѣе.

Въ концѣ 1877 года всѣ газеты были наполнены дѣломъ, поднятымъ присяжнымъ повѣреннымъ Плевако отъ имени Общества крестьянъ Тульской губернiи, имѣнiя графа Боб-

ринскаго, противъ ихъ владѣльца. Крестьяне отыскивали какія-то права свои на земли графа Алексѣя Васильевича. Либеральныя газеты зашумѣли, посыпались разныя были и небылицы отъ разныхъ корреспондентовъ, такъ что если бы ихъ послушать, можно было бы вообразить себя живущимъ въ средневѣковыя времена. Впослѣдствіи все это оказалось неправдою, изобрѣтенной знаменитымъ Плевако, особый адвокатскій фортель и реклама своему самовосхваленію; но не въ томъ дѣло.

Шумъ, поднятый Плевако и К°, былъ разсчитанъ на то, что въ январѣ 1878 года графъ Алексѣй Васильевичъ Бобринскій, бывшій въ то время Московскимъ Губернскимъ Предводителемъ дворянства долженъ былъ баллотироваться на слѣдующее трехлѣтіе. Компанія эта думала, что графъ, боясь выборовъ, пойдетъ на ихъ удочку. Большинство дворянъ были возмущены такимъ неблаговиднымъ подвохомъ либеральствующаго меньшинства и конечно, совѣтовали графу не обращать вниманія на либеральную шумиху и предоставить дѣло суду. Выборы открылись и сразу показали ясно—на чьей сторонѣ большинство. Къ несчастью небольшая кучка либераловъ все-таки пропагандировала идею Плевако. Когда мы не сошлись во взглядахъ на кандидатуру въ Губернскіе Предводители Дворянства, то я предложилъ моему оппоненту во время выборовъ придерживаться англійскаго порядка, гдѣ Виги смѣняютъ Торіевъ, а Торіи—Виговъ. Мы—Торіи предложимъ графа Бобринскаго, какъ нашего представителя, а вы Виги, предложите вашего принципала знаменитаго Плевако. Всеобщій хохотъ былъ отвѣтомъ собравшихся слушателей. Спору былъ конецъ. Когда приступили къ чтенію параграфовъ порядка выборовъ въ Губернскіе Предводители, гдѣ говорится, что лицо, занимавшее мѣсто Губернскаго Предводителя баллотируется первымъ»,—Графъ Алексѣй Васильевичъ сказалъ: «Пользуясь моимъ правомъ, я прошу баллотировать меня» и удалился изъ залы. Громъ рукоплесканій покрылъ послѣднія слова графа. Конечно онъ былъ выбранъ блистательно,—почти единогласно, а г. Плевако проигралъ въ судѣ и въ общественномъ мнѣніи.

Черезъ нѣсколько дней по окончаніи выборовъ, когда графъ Алексѣй Васильевичъ обѣдалъ у меня въ кругу своихъ близкихъ друзей В. А. Шереметева, Д. А. Столыпина, графа Гудовича и др., то во время тоста, предложеннаго мною за его избраніе, отвѣчая мнѣ, сказалъ: «Благодарю Васъ за пожеланія, въ искренности которыхъ я не сомнѣваюсь, хотя мнѣ извѣстно, что кромѣ моей кандидатуры, вами былъ предложенъ мой оппонентъ». Дружный хохотъ былъ отвѣтомъ на юмористическую шутку, въ прибавленіе его отвѣтнаго тоста.

ГЛАВА XXX.

Возвращеніе войскъ въ Москву.—Дворянскій выборъ графа Бобринскаго.—Покупка дома для военнаго вѣдомства на Пречистенкѣ.—Губернаторы: Дурново, Перфильевъ.

Понемногу стали возвращаться въ Москву войска изъ Азіатской Турціи и лица, чѣмъ нибудь связанныя съ военнымъ бытомъ. Въ Москву былъ назначенъ новый начальникъ Военнаго округа графъ Бреверпъ-де-Лагарди, а начальникъ штаба Сергѣй Михайловичъ Духовской (впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Туркестана), теперь покойникъ. Прежній начальникъ Московскихъ войскъ генералъ Гильденштубе былъ переведенъ въ Петербургъ. Въ продолженіе лѣта, многіе лазареты еще функціонировали, но къ осени все вошло въ свою колею, только въ военномъ городкѣ въ Всехсвятской рощѣ прибавилось обитателей. Осенью Москва начала свои веселья, ожидалось нѣсколько свадебъ, по возвращеніи войскъ съ похода, а зимой должны были состояться выборы дворянства, подогрѣтыя еще либеральной шумихой, пропагандирующей дѣло крестьянъ графа А. В. Бобринскаго. Когда графа выбрали блистательно, то почти все дворянство прямо изъ зала собранія поѣхало къ нему поздравить его съ наступленіемъ новаго трехлѣтія его дѣятельности на пользу Московскаго дворянства. Конечно графъ былъ утвержденъ въ должности. Графъ недолго оста-

вался Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, бывъ вскорѣ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. На экстренныхъ выборахъ губернскимъ предводителемъ былъ выбранъ Василій Алексѣевичъ Шереметевъ, прежній кандидатъ графа Бобринскаго. Понемногу все начало приходить въ свою обычную колею. Возвращеніе войскъ и вступленіе въ новую должность командующаго войсками графа Бревернъ-де-Лагарди началось съ того, что военнымъ Министерствомъ былъ купленъ одинъ изъ домовъ, оставшихся не проданными на рукахъ кредитнаго общества. Домъ занималъ почти цѣлый кварталъ, выходя фасадомъ на Пречистенку, бокомъ простираясь по всему Всеволожскому переулку и выходя снова отдѣльнымъ домомъ по улицѣ Остоженкѣ. Домъ этотъ остался за кредитнымъ обществомъ за четыреста тысячъ и правленіе не находило покупателя. Военное министерство взяло его за долгъ общества. Теперь домъ этотъ цѣнится въ полтора милліона. Странная судьба этого дома. Принадлежалъ онъ въ старину богатымъ помѣщикамъ Всеволожскимъ, владѣльцамъ извѣстныхъ желѣзныхъ заводовъ. Во время нашествія Наполеона въ 1812 году. Большой домъ, выходящій фасадомъ на улицу Пречистенку сгорѣлъ. Остались однѣ фундаментальныя стѣны. Окна и двери были заколочены досками и домъ стоялъ необитаемъ. Такъ засталъ я его въ 1841 году. Флигеля по Всеволожскому переулку и домъ по улицѣ Остоженкѣ, были заняты мелкими квартирантами, но имѣли всегда видъ полуразрушеннаго дома, въ немъ болѣе ютились мастеровые. Большой домъ по Пречистенкѣ поражалъ проѣзжающихъ, какъ слѣпецъ, своими заколоченными окнами, а зимой вой вѣтра въ его опустѣлыхъ, безъ половъ и потолка, залахъ, производилъ такую музыку, особенно въ ночное время, что легенда приписывала ему быть обиталищемъ безплотныхъ духовъ разныхъ наименованій. Въ началѣ 70-хъ годовъ уполномоченный купца Ананова, армянинъ Степановъ, удалившись отъ дѣлъ, купилъ у Администраціи Всеволожскихъ эту руину и началъ ея отдѣлку. Большой домъ по Пречистенкѣ былъ сданъ и приспособленъ для вновь учредившагося яхтъ-клуба. Но клубъ, несмотря на поддержку своего командора Мейна

и другихъ желѣзнодорожныхъ строителей, просуществовалъ недолго, и за неимѣніемъ средствъ, закрылся. Я только разъ обѣдалъ тамъ по случаю какого-то празднества. Отдѣлка клуба была роскошная, но имѣла видъ Московскаго купеческаго пошиба. Дѣла Степанова пошатнулись, квартиры пустовали и наконецъ домъ за неплатежъ остался за кредитнымъ обществомъ во время домовладѣльческаго кризиса. Военное Министерство приспособило квартиры для разныхъ учрежденій своего вѣдомства и заняло ими весь кварталъ домовъ.

Москва заживала опять своею, ею одною выработанною оригинальною жизнью. У генералъ-губернатора князя Долгорукова также повторялись его четыре бала: одинъ большой для всѣхъ и три малыхъ для избраннаго общества, всѣ увеселенія кончались въ воскресенье на масляницѣ folle journée. Въ 12 часовъ подавался ужинъ a la fourchette и всѣ расходились по домамъ. Болѣе любезнаго и внимательнаго хозяина трудно было найти. Князь, несмотря на свои преклонные года, встрѣчалъ всѣхъ и провожалъ всѣхъ въ пріемной комнатѣ, а всѣмъ его адъютантамъ и чиновникамъ особыхъ порученій, вмѣнено, было въ обязанность наблюдать, чтобы приглашенныя барышни не оставались безъ танцующихъ кавалеровъ.

14-го Апрѣля 1879 года Москва праздновала пятидесятилѣтіе въ офицерскихъ чинахъ своего генерала-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова.

Празднество это отличалось общимъ единодушіемъ. Князя любили въ Москвѣ за его доступность всякому нуждающему въ его власти. Не было часа дня, когда бы, въ случаѣ крайней необходимости, князь отказался принять просителя.

Съ ранняго утра 14-го Апрѣля домъ генералъ-губернатора кишѣлъ народомъ подобно улью.

Я былъ въ числѣ депутаціи отъ Александро-Маріинскаго женскаго училища, поднесшаго князю изображенное изъ серебра подобіе дома, гдѣ родился князь. Домъ подносился отъ имени Варвары Евграфовны Чертовой, Юліи Альбертовны Воейковой и меня. Я съ двумя чиновниками канце-

ляріи, несшими этотъ тяжелый подарокъ, помѣстились въ желтой гостиной, но вскорѣ мы были потребованы въ нижній этажъ дома въ жилыя комнаты князя, гдѣ онъ желалъ прежде выхода своего въ парадныя залы принять В. Е. Чертову. Домъ этотъ былъ первымъ подношеніемъ князю за этотъ достопамятный для него день. Идея этого подношенія была моя, большинство же капитала Юліи Адальбертовны Воейковой.

По окончаніи литургіи въ домовой церкви генералъ-губернаторскаго дома, князь началъ пріемъ въ желтой гостиной, спервоначала дамъ общества, затѣмъ духовенство и потомъ прочія депутаціи. Пріемъ длился до 6 часовъ вечера. Многочисленныя депутаціи принесли многочисленныя подношенія, которыя князь по своей кончинѣ пожертвовалъ въ Румянцовскій музей, гдѣ они и хранятся теперь.

Вечеромъ гражданскій губернаторъ В. С. Перфильевъ давалъ въ честь князя обѣдъ, на которомъ присутствовали депутаты, прибывшіе изъ С.-Петербурга. Затѣмъ 17 апрѣля давалъ обѣдъ Московскій губернскій предводитель графъ А. В. Бобринскій. Чрезъ нѣсколько дней давалъ обѣдъ въ честь князя Московскій Городской Голова С. М. Третьяковъ. Московскій Англійскій клубъ тоже чествовалъ князя обѣдомъ.

Вообще популярность князя въ Москвѣ была всеобщая. Конечно этому много способствовало благоволеніе къ князю Императора Александра II, который во время пріѣздовъ своихъ въ Москву, явно выказывалъ свое къ нему расположеніе и постоянно утверждалъ всѣ награды, которыя князь испрашивалъ для жителей Москвы.

Но награды эти создали массу благотворительныхъ учрежденій, существующихъ и прогрессирующихъ до сихъ поръ, тогда какъ большинство получившихъ награды спятъ вѣчнымъ и спокойнымъ сномъ. Списки же полученныхъ ими отличій хранятся только въ различныхъ архивахъ ихъ служебной дѣятельности.

Перемѣна въ обществѣ на пріемахъ и балахъ Московскаго генералъ-губернатора отразилась въ послѣдніе годы его жизни. Въ прежнее время попасть на балъ къ генералъ-губернатору женѣ какого нибудь мелкаго чиновника, или женѣ купца считалось почти недоступнымъ событіемъ, но въ послѣдніе годы своего генералъ-губернаторства князь Владиміръ Андреевичъ измѣнилъ свою тактику, на его балахъ не рѣдко появлялись богатыя купчихи, жены мелкихъ чиновниковъ и однажды видѣли на балѣ еврейку жену адвоката.

На поздравленіяхъ съ новымъ годомъ и праздникомъ Св. Пасхи, кромѣ служащихъ лицъ, принимались всѣ гласные городской думы. Гласные въ то время были многочисленны, была между ними такъ называемая черная сотня, у которой былъ свой предводитель мѣщанинъ Жадаевъ. Жадаевъ въ роли либеральнаго предводителя черной сотни являлся на поздравленіе въ длиннополомъ сюртукѣ, а при выходѣ на улицу накидывалъ синюю, засаленную потертую чуйку. При одномъ разъѣздѣ, когда мы на парадномъ крыльцѣ ждали своихъ экипажей, вышелъ на него Жадаевъ въ своей чуйкѣ. Часовой жандармъ не замѣтилъ выхода Жадаева изъ дома, и предполагая, что онъ пробрался на крыльцо, изъ числа глазѣющихъ на разъѣздъ площадной публики, грубо дернулъ его за рукавъ и сказалъ: «зачѣмъ толкаешься на господскомъ мѣстѣ, ступай на ту сторону въ народъ». Я гласный, крикнулъ Жадаевъ. Ступай, ступай, твердилъ жандармъ, препровождая его между плечъ, тамъ околоточный разберетъ какого ты согласія. Брань и крикъ Жадаева привлекли вниманіе полиціи, и сцена была прекращена.

Нечаянное паденіе моей дочери со стула во время урока англійскаго языка, причинившее ей разстройство нервной системы было причиною, что мы съ женою мало выѣзжали въ эту зиму. Кромѣ того, вслѣдствіе продажи дома жены моей на Пречистенкѣ,—мы устроивали для себя квартиру въ домѣ моемъ въ Столешниковомъ переулкѣ, что также отвлекло насъ отъ посѣщенія вечеровъ и баловъ.

Московскій-губернаторъ Петръ Павловичъ Дурново былъ переведенъ въ Петербургъ и на мѣсто его былъ назначенъ Московскій вицъ-губернаторъ Василій Степановичъ Перфильевъ, мой сосѣдъ по Тамбовскому имѣнію. Перфильевъ

былъ у насъ въ Тамбовѣ, Членомъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, гдѣ его очень любили. Дѣйствительно, это былъ душа-человѣкъ, весь въ отца Степана Васильевича, бывшаго начальника Московскаго жандармскаго управленія, во время царствованія Императора Николая I; смѣло можно сказать, что отецъ и сынъ лично отъ себя не сдѣлали никому вреда, а всякому старались помочь по возможности, въ чемъ это отъ нихъ зависѣло. Англійскій клубъ перешелъ опять въ свое прежнее помѣщеніе и страсти, возбужденныя прошедшей войной и неудачной наемкой дома Малкіеля, понемногу утихли.

ГЛАВА XXXI.

1879 г. Броженіе въ студенческихъ кругахъ.—Скандалъ въ Городской Думѣ.—Выходъ въ отставку: Головы, помощника и членовъ управы.—Выборъ Чичерина.—Покушеніе Соловьева.—Взрывъ на пассажирской станціи Курской дороги.

Зима 1878—1879 года прошла въ Москвѣ тихо, только изъ Петербурга постоянно было слышно о разныхъ заговорахъ, устройствахъ взрывчатыхъ аппаратовъ и подпольномъ броженіи въ средѣ нашей учащейся молодежи. Вообще въ воздухѣ много было электричества, на время было затихшаго, во время кампаніи, а теперь съ новою силою работающаго въ подпольномъ нигилистическомъ царствѣ.

Между студентами университета были постоянныя волненія. Неоднократно начальство университета, не бывъ въ состояніи утишать волненіе, прибѣгало къ помощи администраціи и только благодаря принятымъ ею мѣрамъ волненіе утихало.

Слухи изъ Петербурга волновали Москву. Смерть шефа жандермовъ Мезенцева, убитаго среди бѣлаго дня на людной улицѣ столицы, возбуждало всеобщее негодованіе, на бездѣятельность и близорукость полицейской власти. Всеобщій голосъ утверждалъ, что это было слѣдствіемъ оправданія Вѣры Засуличъ, покушавшейся на жизнь Ѳ. Ѳ. Тре-

пова. Петербургъ конечно не обратилъ вниманія на негодованіе Москвичей. При назначеніи Лорисъ-Меликова Ѳ. Ѳ. Треповъ ушелъ съ поста С.-Петербургскаго Градоначальника—его замѣстилъ генералъ-маіоръ Федоровъ.

Вѣсть о покушеніи уволеннаго сельскаго учителя Соловьева на жизнь Государя 2 апрѣля, когда Государь возвращался съ прогулки близъ Зимняго дворца, сильно волновала Москвичей. Государь раненъ не былъ, хотя Соловьевъ стрѣлялъ на весьма близкомъ разстояніи и плащъ Государя былъ прострѣленъ, въ чемъ видѣли особое счастіе.

Когда Государь вскорѣ проѣзжалъ черезъ Москву, то безчисленная толпа явилась на желѣзнодорожную станцію привѣтствовать Государя и поздравить его съ счастливымъ избавленіемъ отъ грозившей ему опасности. Государь ѣхалъ въ томъ плащѣ, который былъ на немъ въ день катастрофы и показывалъ плащъ обступившимъ его дамамъ Московскаго общества, говоря: «По мнѣ стрѣляли, какъ по зайцу».

Государь прослѣдовалъ въ Ливадію, гдѣ по случаю, болѣзни Императрицы пробылъ вторую половину апрѣля и май и только 28 вернулся въ Петербургъ.

Въ Московской городской думѣ тоже произошла революція. Большинство гласныхъ возстали на Городскую Управу, а особенно на городского голову Третьякова, товарища его Леонида Николаевича Сумбула и члена Управы Петунникова. Причина была выставлена — плохое хозяйничаніе во вновь пріобрѣтенной городомъ Сокольничей рощѣ, но подъ рукой говорили, что умыселъ другой тутъ была. Послѣ рѣзкихъ думскихъ дебатовъ, бывшихъ въ засѣданіи думы, Городской голова Третьяковъ съ составомъ всей управы рѣшились подать аъ отставку; но въ дѣйствительности подали кромѣ головы и его помощника только часть членовъ, да и то въ послѣдствіи нѣкоторые вернулись въ Управу. Болѣе всѣхъ пострадалъ Петунниковъ, насадитель и украшатель бульваровъ. Петунниковъ учредилъ Новинскій бульваръ, садъ на Лубянской площади и бульваръ на Трубной площади. Вообще Петунниковъ, какъ магистръ ботаники старался развить древесную растительность въ пыльной Москвѣ.

Обида, нанесеная Третьякову была ему чувствительна потому, что по его ходатайству, правительство уступило городу Сокольники за триста тысячъ, когда они стоили болѣе милліона. Городъ нуждался въ пригородной землѣ, потому ходатайство его было уважено и правительствомъ принято было во вниманіе, что Москва первая пожертвовала, при началѣ послѣдней войны на нужды государства, весь свой запасный капиталъ, заключающійся въ милліонѣ рублей серебромъ.

Москва обезголовилась окончательно, такъ какъ товарищъ головы тоже подалъ въ отставку. Начались поиски кого бы посадить на вакантное мѣсто. Предлагали бывшему Головѣ князю Александру Алексѣевичу Щербатову, но тотъ помня обиду, нанесенную ему во время баллотировки его и Лямина, отказался отъ предлагаемой чести. Начались шушуканья по угламъ нашихъ воротилъ, и вскорѣ разнеслась вѣсть, что Московскимъ головой будетъ бывшій профессоръ Московскаго Университета Б. Н. Чичеринъ, Тамбовскій помѣщикъ. Чичеринъ былъ рекомендованъ гласными: княземъ Щербатовымъ, Аксаковымъ и Дмитріемъ Федоровичемъ Самаринымъ. У Чичерина не было никакой собственности въ Москвѣ. Нашли какую-то продающуюся хибарку на окраинахъ столицы, заложенную въ знаменитой кредиткѣ, которую тотчасъ же купили на имя Б. Н. Чичерина и утвердили во владѣніи новаго собственника и въ первое же засѣданіе Думы выбрали новаго голову. Но недолго управлялъ Москвою Б. Н. Чичеринъ. Вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія, во время коронаціи Императора Александра III, Чичеринъ подалъ въ отставку и былъ замѣненъ Д. С. С. Тарасовымъ, вскорѣ сошедшимъ съ ума, за нимъ наступила Алексѣевщина, но я зашелъ далеко, объ этомъ впослѣдствіи.

19 ноября ожидали прибытія въ Москву проѣздомъ изъ Ливадіи Государя Императора, гдѣ онъ пребывалъ по случаю болѣзни Императрицы Маріи Александровны, уѣхавшей 16 числа для лѣченія за границу.

Государь прибылъ въ назначенное время въ Москву благополучно, помолившись по обычаю у чудотворной Иконы

Иверской Божіей Матери, прослѣдовалъ въ Кремлевскій дворецъ. На утро былъ назначенъ выходъ въ Успенскій Соборъ.

Но послѣ пріѣзда Государя близъ станціи случилась невѣроятная катастрофа, которую власти незнали и непредвидѣли.

На слѣдующее утро въ обычный часъ мы начали собираться въ залы дворца, гдѣ уже шли обсужденія вчерашняго происшествія. Въ Екатерининской залѣ ораторствовалъ Князь Д. Д. Оболенскій, который слѣдовалъ во второмъ свитскомъ поѣздѣ. Князь говорилъ, что когда на третей верстѣ, не доѣзжая станціи Москва, поѣздъ былъ остановленъ вслѣдствіе взрыва полотна въ Рогожской части, то онъ тотчасъ же, на извозчикѣ, поѣхалъ въ Кремль, гдѣ всѣ уже спали. Приказавъ разбудить графа А. В. Адлерберга, онъ разсказалъ ему про происшедшую катастрофу въ 10 час. 25 мин. ночи. Подкопъ былъ сдѣланъ изъ одного изъ домовъ, находящихся близъ полотна дороги. Заговорщики перемѣшали поѣзда свитскій и Императорскій, принявъ одинъ за другой и потому покушеніе вышло неудачно и главное безцѣльно.

Когда Государь на утро слѣдующаго дня вышелъ въ Георгіевскую залу, то взрывъ восторга и громкое неумолкаемое ура встрѣтило Государя отъ собравшейся публики.

По окончаніи выхода Государь принималъ представителей сословій, которымъ сказалъ: «Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на которомъ люди неблагонамѣренные стараются ее завлечь. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ Онъ намъ утѣшеніе видѣть дорогое наше Отечество постепенно развивающееся мирнымъ и законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое какъ вамъ, такъ и Мнѣ.

Государь пробылъ въ Москвѣ два дня. Это былъ предпослѣдній пріѣздъ Государя въ Москву.

Затѣмъ въ слѣдующемъ году въ февралѣ разнесся слухъ

о взрывѣ 5 числа въ Зимнемъ дворцѣ, но мѣры къ искорененію крамолы принимались только паліативныя и привели, наконецъ, къ злодѣйству 1 марта.

ГЛАВА XXXII.

1880 г.—Возвращеніе Государыни въ Россію.—Кончина Ея.—Постройка выставочнаго зданія на Ходынскомъ полѣ.—Приготовленіе къ освященію Храма Христа Спасителя.—Взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ.—Празднованіе 25-ти лѣтія вступленія на престолъ Императора Александра II.

23 января Государыня Императрица, чувствуя упадокъ силъ, пожелала вернуться въ отечество и прибыла въ Петербургъ. Силы ея быстро падали и она уже не вставала съ постели и 22-го мая мирно опочила.

Весной 1880 года началась постройка на Ходынскомъ полѣ Всероссійской выставки. Толки и разговоры по приготовленію къ ней занимали Москву. Освященіе такъ долго строющагося Храма Христа Спасителя хотѣли также пріурочить къ этому времени. Но все это разстроилось кончиною Государя Александра II.

Постройкой выставки завѣдывалъ профессоръ С.-Петербургскаго Технологическаго Института Вышнеградскій, бывшій впослѣдствіи нашимъ министромъ финансовъ, послѣ отставки Бунге. На мѣстѣ, распланированномъ для нея въ свободныхъ мѣстахъ былъ разбитъ паркъ, остатки котораго мы видимъ теперь на Ходынскомъ полѣ. Въ первый разъ Москва увидала на практикѣ электрическую дорогу, устроенную по выставкѣ какою-то компаніею. Городская управа разработала бывшій на Ходынскомъ полѣ колодезь и провела изъ него воду въ будущее зданіе выставки. Ожиданій и выгодъ отъ предстоящей Всероссійской выставки было много, но послѣдствія показали, что не всѣ ожиданія исполняются.

19 августа Государь былъ проѣздомъ въ Ливадію въ Москвѣ. Государь пробылъ всю осень въ Крыму и вернулся въ Петербургъ 28 ноября.

Взрывъ 5-го февраля въ подвальномъ помѣщеніи Зимняго дворца наполнилъ ужасомъ сердца всѣхъ истинно русскихъ людей. Недостаточность мѣръ, принятыхъ Петербургской администраціей, была очевидна. Но петербургскіе либералы думали болѣе о томъ, что скажетъ о нихъ заграничная либеральная пресса, чѣмъ что скажетъ о нихъ православная Россія, преданная порядку и любви къ отечеству. Диктатура сердца надѣла трауръ на всю Россію.

19 февраля въ Петербургѣ праздновалось двадцатипятилѣтіе царствованіе Государя. Въ Москвѣ все было тихо; кромѣ оффиціальныхъ торжествъ время это прошло безъ выдающихся событій. Московскій Генералъ-Губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ уѣхалъ въ Петербургъ для присутствія въ Комитетѣ, въ числѣ созванныхъ туда всѣхъ Генералъ-Губернаторовъ.

ГЛАВА XXXIII.

1881 г.—Кончина Государя.—Похороны Государя.

Осенью, послѣ покушенія на жизнь покойнаго Государя Александра II Соловьевымъ, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, съ огромными полномочіями, былъ назначенъ Кавказскій генералъ новоиспеченный графъ Лорисъ-Меликовъ. Либералы торжествовали, увѣряя, что, несмотря на предоставленную ему диктатуру, онъ будетъ укрощать бунты и заговоры диктатурой сердца. Первымъ отвѣтомъ на его программу было покушеніе на его жизнь какимъ то евреемъ, котораго кротко повѣсили. Но диктатура кротости не удалась, а завершилась неслыханнымъ злодѣяніемъ 1 марта 1881 года. Царь, давшій свободу милліонамъ крѣпостныхъ, давшій свободу слова и свободу печати, былъ звѣрски убитъ людьми, выведенными Имъ изъ мрака неволи. 1 марта вечеромъ жена моя, возвратясь съ панихиды по матери своей, разсказала мнѣ, что сестра ея княгиня Шахеева, отъ пріѣзжихъ на Петербургскомъ вокзалѣ, слышала, что на Государя было сдѣлано покушеніе и что Государь

смертельно раненъ. Сначала я принялъ это за утку, но утреннія газеты подтвердили дѣйствительность этого грустнаго происшествія. Я собрался было тотчасъ же ѣхать въ Петербургъ, но семейное горе остановило мою поѣздку въ столицу. 27 февраля вечеромъ скончалась мать моей жены Анна Павловна Гевличъ. Похороны и горе моей жены задержали отъѣздъ мой въ Петербургъ. Устроившись въ Москвѣ, я 7-го марта выѣхалъ въ Петербургъ, желая поклониться праху покойнаго Государя и если возможно присутствовать на его похоронахъ. Судьба устроила такъ, что я по придворному званію назначенъ былъ дежурнымъ при гробѣ и регаліяхъ въ день похоронъ Государя. Въ $9\frac{1}{2}$ часовъ утра я былъ уже въ Петропавловскомъ соборѣ, что въ крѣпости; начало послѣдней заупокойной обѣдни было назначено въ 10 часовъ утра. Въ соборъ допускались только дежурные придворные кавалеры и чины первыхъ трехъ классовъ, такъ какъ мѣстъ по необширности собора не хватало. Всѣмъ остальнымъ лицамъ входъ былъ недозволенъ. Я помню какъ нѣкій камеръ-юнкеръ С., когда дежурный церемоніймейстеръ просилъ его удалиться изъ собора, спрятался за колонну, но оттуда былъ извлеченъ и удаленъ изъ собора. Во время служенія обѣдни и панихиды, я стоялъ въ ногахъ гроба, у лѣвой подушки отъ головы, наискось противъ Государя Александра III и всей Царской Фамиліи. По другую сторону, у ногъ почившаго Императора, стояла группа всѣхъ министровъ. Заупокойная обѣдня съ панихидой окончилась во второмъ часу. Послѣ послѣдняго прощанія царскаго семейства съ покойнымъ Императоромъ, гробъ былъ закрытъ и Императорское семейство удалилось, а за ними ушли и всѣ присутствовавшіе. Соборъ былъ запертъ, въ немъ оставались только дежурныя части изъ свиты придворныхъ особъ. Гробъ сняли съ катафалка, отнесли къ приготовленному склепу, уставили въ мѣдный гробъ, запертый двумя ключами при внутреннемъ замкѣ и опустили въ склепъ. Одинъ ключъ взялъ Министръ Двора Графъ Адлербергъ, а другой вручили коменданту крѣпости. Затѣмъ сводъ склепа былъ задѣланъ, плиты уложены на мѣсто. Протоколъ былъ подписанъ де-

журствомъ и мы вмѣстѣ съ Императорскими регаліями удалились изъ собора. Разсадили насъ въ придворные экипажи, изъ которыхъ каждый былъ окруженъ конвоемъ конногвардейцевъ, и траурнымъ торжественнымъ маршемъ тронулись мы черезъ замерзшую Неву къ Зимнему дворцу. На льду Невы, по всей дорогѣ стояли шпалерами казаки, охраняя нашъ поѣздъ. Императорскую корону везъ генералъ-адмиралъ графъ Логинъ Логиновичъ Гейденъ съ ассистентами, а державу Московскій Генералъ-Губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ. Всѣхъ экипажей было болѣе десяти. Въ Зимнемъ дворцѣ регаліи встрѣтили дежурныя части. Мы торжественно понесли ихъ въ брилліантовую комнату и въ 4 часа разъѣхались по домамъ. Пробывъ съ 9 часовъ до 4-хъ на ногахъ, я очень очень усталъ и радъ былъ добраться до дому. Петербургъ былъ мраченъ, разнородныхъ толковъ была масса; всѣ ждали новыхъ катастрофъ, но, благодаря Бога, понемногу все успокоилось и вошло въ свою колею. Лорисъ-Меликовъ вскорѣ былъ уволенъ и уѣхалъ за границу. Оберъ-полицеймейстеръ отчисленъ отъ службы по неспособности, и долженъ былъ искать ее въ частныхъ занятіяхъ. Я пробылъ въ Петербургѣ нѣсколько дней. Всеобщее недоумѣніе царило въ обществѣ. Разнородные толки бродили между жителями. Всякій предсказывалъ будущее направленіе согласно своему желанію и той партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Государь молчалъ и самые близкіе къ нему люди не знали, что будетъ на завтра. Я уѣхалъ въ Москву спустя три дня послѣ похоронъ.

Москва болѣе предугадывала грядущія событія, чѣмъ либеральный Петербургъ. Тогда какъ послѣдній мечталъ о конституціяхъ и еще большей распущенности въ администраціи и юриспруденціи, первая подъ главенствомъ Каткова взывала объ обузданіи расходившихся либераловъ и болѣе строгому правленію Державной власти, указывая тѣмъ, что только тогда крамола исчезнетъ въ подпольѣ, когда власти не будутъ дремать, а зорко слѣдить за исполненіемъ ввѣреннаго имъ управленія.

Смѣна графа Лорисъ-Меликова съ поста Министра Внут-

ренних Дѣлъ ясно показала Россіи, что Государь не сочувствуетъ распущенности администраціи подъ либеральной окраской. Замѣнившій его графъ Игнатьевъ не долго удержался на мѣстѣ. Затѣмъ твердая воля Государ Императора, оставившаго скользкій путь, избранный шей либеральной партіею, въ сторонѣ, скоро показал большинство русскихъ не сочувствуетъ либерально михъ, совсѣмъ не сродной русскимъ. Перемѣна полити скихъ взглядовъ успокоила общество и заставила реакціо неровъ попрятаться въ свои клопиныя щели. Понемногу и Москва приняла свой обычный и спокойный видъ. Предполагавшаяся къ открытію Всероссійская выставка вслѣдствіе траура была отложена на неопредѣленное время. Храмъ Христа Спасителя тоже не былъ освященъ. Оба торжества отложены были до окончанія траурнаго срока.

ГЛАВА XXXIV.

Кончина Принца П. Г. Ольденбургскаго.—Отставка Серебрякова и выборъ новаго правителя дѣлъ пріютовъ.

Въ іюнѣ 1881 года получилось горестное извѣстіе о кончинѣ Главноуправляющаго Собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи Вѣдомства Императрицы Маріи. Его Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Его Высочество долго состоялъ во главѣ благодѣтельнаго учрежденія, своей добротой и отзывчивостью къ помощи ближняго пріобрѣлъ такую массу истыхъ поклонниковъ въ завѣдываемыхъ имъ учрежденіяхъ, что кончина его удручающе подѣйствовала на весь персоналъ служащихъ. Всякій зналъ, что всегда могъ разсчитывать на полное сочувствіе и немедленную помощь нуждающемуся, а тутъ почти внезапная смерть, сразу закрыла настежь открытыя для нужды и помощи двери. Было отъ чего задуматься многимъ.

По кончинѣ Его Высочества Принца Ольденбургскаго на его мѣсто былъ назначенъ статсъ-секретарь Гротъ. Ждали мы пріѣзда новаго начальства въ Москву. По слу-

хамъ новое начальство хотѣло перемѣнить способъ благотворенія по другому режиму. Пріѣздъ Грота показалъ намъ, что Петербургъ косо смотрѣлъ на Московскихъ заправилъ благотворительныхъ обществъ, и всѣми способами хотѣлъ удалить нѣкоторыхъ изъ насиженныхъ ими мѣстъ. Я въ то время занималъ должность директора Торлецкаго Пріюта, почти независимо отъ Совѣта, какъ содержимаго на пожертвованные Торлецкимъ капиталы, сборомъ съ воспитанниковъ за ученіе, а остальные недобранные гроши уплачивала попечительница Елена Григорьевна Торлецкая. По пріѣздѣ Грота въ Москву для обозрѣнія всѣхъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій, всѣ служащіе въ вѣдомствѣ являлись къ нему, въ числѣ прочихъ, конечно, и я. Въ субботу Гротъ обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ, послѣ обѣда онъ подошелъ ко мнѣ и началъ разговоръ о правителѣ дѣлъ канцеляріи пріютовъ тайномъ совѣтникѣ Алексѣѣ Дмитріевичѣ Серебряковѣ. Видимо было, что Гротъ по слухамъ былъ недоволенъ Серебряковымъ и желалъ выпытать отъ меня справедливость дошедшихъ до него слуховъ. Но я уклонился отъ того, заявивъ, что занимаюсь только ввѣренной мнѣ частью, а не принадлежу къ группы пріятелей Серебрякова и помощника его Сафонова, и не знаю подробностей канцеляріи. Вскорѣ былъ назначенъ ревизіонный совѣтъ по дѣламъ канцеляріи изъ всѣхъ директоровъ пріютовъ, попечительницъ и чиновника для особыхъ порученій Грота, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Барановскаго, съ братомъ котораго Гротъ былъ одно время губернаторомъ въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ, и находился въ большой дружбѣ. Бывшій губернаторъ былъ сдѣланъ почетнымъ опекуномъ въ Москвѣ, а братъ чиновникомъ особыхъ порученій. Выборъ послѣдняго былъ неудаченъ. Барановскій, получивъ предписаніе отъ Грота уничтожить Серебрякова началъ безтактно проводить свои нападки къ мелочамъ канцелярской переписки. Помощникъ Серебрякова Сафоновъ, тотчасъ подалъ въ оставку il a reculér pour mieux sottée. Совѣтъ пріютовъ постоянно собирался въ квартирѣ предсѣдательницы Чертовой. Я хотя постоянно бывалъ на Совѣтахъ, но мало принималъ участія въ дебатахъ, а болѣе

слушалъ безсодержательную болтовню. Барановскій придирался къ мелочамъ, а Серебряковъ и компанія слабо отвѣчала ему, какъ будто бы боясь затронуть глубже вопросъ, и навесть Барановскаго на истинный путь. Можетъ быть страхъ ихъ былъ не разсердить Грота своими рѣзкими отвѣтами, Рѣчи Барановскаго были день-ото-дня рѣзче и смѣлѣе, что обижало старуху Чертову. Лично до управляемаго мною пріюта, не произнесено было ни одного звука неодобренія, а напротивъ, Барановскій всячески искалъ моей поддержки въ своихъ нападкахъ на канцелярію Совѣта; я молчалъ или слабо старался примирить враждующія стороны. Бывъ однажды у князя Владиміра Андреевича Долгорукова, я былъ спрошенъ имъ, что дѣлается въ нашихъ совѣщаніяхъ у Чертовой. Я разсказалъ ему суть дѣла. Князь спросилъ меня,—отчего не дадутъ отпора Барановскому? Я пояснилъ князю, что дѣлами канцеляріи я никогда не интересовался, а занимался только ввѣреннымъ мнѣ пріютомъ, а такъ какъ лично мое заведеніе и мою дѣятельность не критикуютъ, то я и держусь въ сторонѣ. Тогда князь обратился ко мнѣ, сказавъ: Чертова пріѣзжала ко мнѣ жаловаться на безцеремонное обращеніе Барановскаго и просила меня помочь ей. Вотъ бы вы защитили ее на совѣщаніяхъ. Князь, отвѣтилъ я, защищая Чертову и Серебрякова, я дѣлаюсь врагомъ Грота, моего прямого начальника, что не совсѣмъ удобно, тѣмъ болѣе, что въ бытность его въ Москвѣ, онъ былъ любезенъ со мной, и не смотря на всю сдержанную натуру, наговорилъ мнѣ много лестнаго. Я имѣю свѣдѣнія изъ Петербурга, сказалъ князь, что Гротъ на-дняхъ будитъ удаленъ, а въ случаѣ какихъ нибудь осложненій, я беру все на себя и вы ничего не потеряете, я вамъ въ томъ порука. Въ слѣдующее засѣданіе послѣ горячаго вступленія Барановскаго, когда онъ потребовалъ отвѣта у Серебрякова, я всталъ и просилъ слова. Барановскій, думая, что я всталъ, желая говорить для его поддержки, былъ полное вниманіе. Началъ свою рѣчь тѣмъ, что, соглашаясь съ мнѣніемъ почтеннаго Александра Ивановича Барановскаго въ непорядкахъ канцеляріи пріютовъ, я счелъ себя обязаннымъ заявить,

что не это тормозитъ развитіе заведеній, а другія обстоятельства, въ совѣщаніяхъ, совсѣмъ не затронутыя; что же касается до замѣчаній А. И., то это такая мелочь, основанная на бабьихъ сплетняхъ, что и собираться для выслушиванія ихъ совѣту не подобаетъ. Потомъ перешелъ къ деталямъ: вначалѣ Барановскій, хотя былъ ошеломленъ оборотомъ моей рѣчи, возражалъ, но разбитый на всѣхъ пунктахъ, бѣжалъ изъ засѣданія Совѣта, забывъ даже накинуть свою шубу; такъ что швейцаръ догналъ его на половинѣ двора близъ воротъ дома Чертовой. Черезъ день Барановскій уѣхалъ въ Петербургъ жаловаться Гроту на постановленіе Совѣта, оправдавшаго Серебрякова и признавшаго всѣ навѣты Барановскаго вздорными и незаслуживавшими вниманія. Оправданный Серебряковъ обидѣлся сдѣланнымъ на него навѣтомъ и подалъ въ отставку, отъ званія правителя дѣлъ Совѣта Дѣтскихъ пріютовъ, оставшись членомъ совѣта Попечительства при Московскомъ генералъ-губернаторѣ. Барановскій даромъ съѣздилъ въ Петербургъ. Гротъ былъ уволенъ и ревизія окончила свое существованіе. Въ Москвѣ началась новая іеремиада. Пресловутая Анна Степановна Воейкова, при посредствѣ Варвары Евграфовны Чертовой, начала хлопоты, желая помѣстить землемѣра Евгенія Николаевича Сафонова, бывшаго прежде помощникомъ Серебрякова, и бѣжавшаго отъ своего принципала, какъ только началась надъ нимъ гроза. Мало того, что Анна Степановна желала помѣстить Е. Н. Сафонова правителемъ дѣлъ пріютовъ, но и желала дать ему жалованіе 2400 руб. въ годъ. Собрали совѣтъ въ залѣ Чертовой. За Сафонова составился ареопагъ изъ Чертовой, Воейковой, Кохъ и Торлецкой, которыя прежде предложенія къ избранію лица, могущаго замѣстить должность правителя дѣлъ совѣта, предложили назначить ему жалованіе 2400 р. Противъ предложенія были Давыдовъ, Никифоровъ и другіе, говоря, что никогда правитель дѣлъ въ благотворительномъ обществѣ жалованья не получалъ. Второе, что 2400 р. жалованіе намъ не по силамъ. За такую сумму мы можемъ содержать пріютъ для приходящихъ дѣтей на сто человѣкъ. Но вслѣдствіе просьбы Чертовой

пошли на компромисъ. Положили жалованіе правителю дѣлъ 1200 рублей, оставивъ тѣ же 1200 р. на разъѣзды, что и составило тѣ же 2400 рублей. Выбрали, конечно, Сафонова, тѣмъ болѣе, что никого другого, болѣе предложено не было. Со дня избранія Сафоновъ считалъ своими врагами меня и Давыдова, и при всякой возможности старался дѣлать намъ непріятности. Въ первое время онъ велъ свои дѣла осторожно, но, взявъ въ члены совѣта своихъ пріятелей, и забравъ понемногу въ руки Чертову, онъ развернулся во всю. Тѣмъ болѣе, что пріобрѣлъ себѣ дружбу директора пріютовъ Канцеляріи Императрицы Маріи Князева. По прежнему Уставу всѣ совѣщанія для разсмотрѣнія дѣлъ, назначенныхъ къ рѣшенію въ Совѣтѣ, разбирались директорами пріютовъ. Сафоновъ это самовольно уничтожилъ. За подписью Чертовой посылались бумаги въ Петербургъ не только нерасмотрѣнныя директорами, но и не доложенныя Совѣту, прямо въ канцелярію Вѣдомства. Даже къ подписанію всеподданнѣйшихъ годовыхъ отчетовъ многіе директора и попечительницы не приглашались, а для увеличенія подписей Сафоновъ набралъ своихъ пріятелей изъ почетныхъ членовъ, которыхъ состояли сотни при Совѣтѣ. Конечно, въ этихъ отчетахъ писались не то, что было, а что нужно было показать Сафонову. Задумалъ Сафоновъ устроить себѣ квартиру и вотъ пошло предложеніе купить домъ, нанимаемой канцеляріей. Домъ ветхій, никуда негодный. Но Сафоновъ настоялъ на своемъ, несмотря на сопротивленіе членовъ Совѣта домъ былъ купленъ за награды, хотя эфемерныя. Затѣмъ явился жертвователь, пожелавшій перестроить домъ и учредить въ немъ храмъ Но тутъ пошла распря между Сафоновымъ и Чертовой. Благотворитель желавшій устроитъ храмъ былъ переманенъ ею въ Александро-Маріинское училище и проектъ не состоялся. Но Сафоновъ не унывалъ, и началъ строить на купленномъ мѣстѣ новый домъ, сломавъ старыя гнилушки. Планъ постройки онъ скрывалъ отъ большинства членовъ Совѣта, показывая его только своимъ пріятелямъ, которыхъ и заставлялъ подписывать журналы, посылаемые въ Петербургъ отъ имени всего Совѣта. Особенно все это пряталось отъ Давыдова и отъ

меня, такъ какъ я былъ противъ покупки дома за 37 тысячъ, зная его ветхость и плохую постройку, что впослѣдствіи и оказалось. Домъ признанъ негоднымъ и уничтоженъ до основанія. Когда домъ былъ готовъ, то оказалось— въ двухъ этажахъ расположена квартира Сафонова и канцелярія, въ третьемъ предполагался пріютъ, а въ четвертомъ въ мансардѣ спальни воспитанниковъ. Сафоновъ поселился тотчасъ, а пріютъ гораздо позднѣе. Все что-то было неготово. Сюрпризъ былъ всѣмъ неожиданный. Я громко протестовалъ противъ такого самоуправства, но кромѣ вражды Сафонова ко мнѣ, ничего не вышло. Его сильно поддерживалъ директоръ пріютовъ Князевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ:

Стр.

Портреты:

Виды:

ОПЕЧАТКА.

На страницѣ 62 съ низу 12 строка напечатано Милютинъ Николай Александровичъ, слѣдуетъ читать Николай Алексѣевичъ.